

A close-up, high-contrast photograph of a woman's mouth. She is wearing bright red lipstick. The image is cropped to focus on the lips and the surrounding skin, with dark hair visible on the left side. The background is dark and out of focus.

КРИСТИНА
СТАРК

СТИГМАЛИОН

«ЧУЖОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ
МОЖЕТ МЕНЯ УБИТЬ»

Annotation

Меня зовут Долорес Макбрайд, и я с рождения страдаю от очень редкой формы аллергии: прикосновения к другим людям вызывают у меня сильнейшие ожоги. Я не могу поцеловать парня, обнять родителей, выйти из дому, не надев перчатки. Я неприкасаемая. Я словно живу в заколдованном замке, который держит меня в плену и наказывает ожогами и шрамами за каждую попытку «побега». Даже придумала имя для своей тюрьмы: Стигмалион. Меня уже не приводит в отчаяние мысль, что я всю жизнь буду пленницей своего диагноза – и пленницей умру. Я не тешу себя мечтами, что от моей болезни изобретут лекарство, и не рассчитываю, что встречу человека, не оставляющего на мне ожогов... Но до чего же это живучее чувство – надежда. А вдруг я все-таки совершу побег из Стигмалиона? Вдруг и я смогу однажды познать все это: прикосновения, объятия, поцелуи, безумство, свободу, любовь?..

- [Кристина Старк](#)

- [Долорес](#)

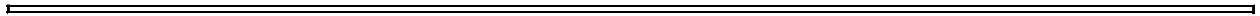
- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [Вильям](#)

- [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [Долорес](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [Вильям](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [Долорес](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [Письма, без которых эта книга не была бы полной](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

Кристина Старк
Стигмалион

Долорес

*How if, when I am laid into the tomb,
I wake before the time that Romeo
Come to redeem me? there's a fearful point!
Shall I not, then, be stifled in the vault,
To whose foul mouth no healthsome air breathes in,
And there die strangled ere my Romeo comes?*

– W. Shakespeare, “Romeo and Juliet” [\[1\]](#)

2005 год, мне семь лет

В игровой было так тихо, что было слышно, как хомячок Лимонад жуёт капусту. И как бьются о стекло падающие за окном листья. И как ударяется о зубы и звенит карамелька у меня за щекой. Я замерла посреди комнаты, внезапно заметив предмет, которого здесь не было вчера. Коробка. Большая, картонная, перевязанная желтым бантом, какие появляются в доме только на Рождество. И на мой день рождения. И когда приезжает бабушка. И в них всегда есть подарки!

Я подбежала к коробке и заглянула в нее...

Сколько себя помню, всегда любила животных. У меня жил хомячок. И два зайчика в клетке во дворе. Рыбка-петушок ярко-синего цвета в круглом аквариуме, который стоял в спальне. И гигантская улитка, которую называли Лолли-Леденец и поселили на кухне в большом прозрачном контейнере.

Но маленького медведя у меня еще не было!

Пушистый, толстолапый, с бурой шерсткой, белой грудкой и маленькими ушками – ведь это же он! Сидел в коробке, обнюхивал картонные стенки и смотрел на меня большими карими глазами.

Мне запрещено покидать игровую комнату, но волна восторга внутри поднималась все выше и выше, пока не затопила окончательно. Ноги сами распрямились в коленках и понесли к двери, руки схватились за ручку и распахнули дверь, рот раскрылся и закричал:

– Мама! Папа!

Я бросилась по ступенькам вверх, в родительскую спальню. Так шустро, что даже моя няня не смогла бы меня поймать. А бегают мисс Розой как быстро!

– Долорес! Долорес! Остановись! – закричала няня и побежала за мной. Ступеньки задрожали под тяжестью ее шагов.

Я вбежала в спальню родителей и бросилась к кровати. Мне хотелось обнять маму и отца так сильно, как только смогли бы руки. Хотелось выплеснуть на них весь восторг и благодарность. Ведь это они подарили мне мишутку! Это они нашли его в лесу и принесли домой! Я улыбалась, я смеялась звонко, как колокольчик, но на лице только-только проснувшейся мамы не было ответного веселья.

– Долорес, стой! Нельзя! – закричала она, вытянув вперед руки.

Спящий рядом с ней отец резко сел на кровати, но и он проснулся слишком поздно, чтобы остановить меня. На целое мгновение позже.

Я и раньше слышала подобные окрики: «Стой! Остановись! Не трогай!» – и всегда замирала на месте, потому что меня так приучили. Это стало почти рефлексом. Но только не в этот раз. Мое счастье было слишком велико, и оно наполнило меня такой быстротой и силой! Я взлетела на кровать, обхватила маму за шею – крепко-крепко – и прижалась губами к ее щеке.

Мама не хотела целоваться, она отпрянула, я потеряла равновесие, и мы обе рухнули на кровать, в простыни, пропахшие лавандой. Матрас прогнулся под нами, а потом подбросил в воздух.

– Там мишутка! В коробке! Внизу! – закричала я. – Настоящий!

Но мама словно не услышала, она вывернулась из моих объятий и резко поставила меня на пол – белая от ужаса.

– Эми, вызывай скорую, – скомандовал мой отец, накрывая меня одеялом и поднимая в воздух. Я брыкалась и радостно визжала, все происходящее казалось мне какой-то новой веселой игрой. Если бы не плачущая в дверях мисс Розы и совсем не веселые голоса родителей.

Отец так резко распахнул дверь в ванную, что я испугалась. Кафель был такой холодный! Пахло мылом и влагой.

– Я не хочу мыться! – возмутилась я. – Я хочу играть с медвежонком!

– Ох, Долорес, – застонал отец, разворачивая одеяло. Ему помогла подросевшая няня. Ее руки тряслись, когда она расстегнула мою пижаму.

Вода не успела нагреться, но взрослые не желали ждать. В меня ударил сноп ледяных струй, и я завизжала от ужаса.

В ванную влетела мама: волосы растрепаны, лицо серое, бескровное, в руках чемоданчик с лекарствами. Она посмотрела на мое перекошенное от испуга лицо и сама начала плакать.

– Мне холодно! – плакала я.

– Потерпи, Лори, сейчас вода станет теплее...

Меня тщательно намылили и вымыли, потом начали поливать руки и лицо какими-то спреями, которые отвратительно пахли. Глаза начали слезиться от обиды и резкого химического запаха, но... что-то в моем теле стало тревожить гораздо сильнее, чем ледяная вода и запах лекарств. Руки – они начали гореть. Щека – ей словно вlepили пощечину. Губы – онемели и начали кровоточить: я почувствовала привкус крови во рту.

– Ральф, выгляни, кажется, скорая приехала! Лори, малышка, мы едем в больницу.

– Но я хочу играть с мишуткой! – воскликнула я, чувствуя, как по

подбородку течет что-то теплое.

– Скоро, очень скоро ты поиграешь с ним...

– Завтра? Обещай! – выпалила я, задыхаясь.

Воздуха вокруг вдруг стало совсем мало, в груди так потяжелело, как будто в легкие насыпали песка...

– Завтра, – сказала мама, глядя на меня широко распахнутыми глазами со слившимися от слез ресницами.

Она сказала неправду. Медвежонка я увидела снова только через месяц. Когда затянулись сильные ожоги на руках и лице. Губы заживали хуже всего. Потребовалась операция, чтобы восстановить кожу, – цена, заплаченная за поцелуй.

* * *

Моя любимая няня уволилась. Родители уговаривали ее остаться, но потрясение было слишком велико. Кажется, это пятая няня, которая не выдержала бремени сложного ухода за столь необычным ребенком. Вместо нее пришла какая-то другая дама, полная, круглая и розовощекая. Она была похожа на большую надувную игрушку – казалось, если ткнуть ее иголкой, то она сдуется и улетит. Мама без конца инструктировала новую тетю насчет того, как ухаживать за мной. Как будто я была волшебным зверем, за которым нужен особый магический уход.

– Мелисса, мы очень надеемся, что вы справитесь. Следующая ошибка может стоить слишком дорого. Это вопрос жизни и смерти. Прикосновение к другим людям – хуже, чем позволить ребенку прикоснуться к раскаленной каминной решетке.

– Миссис Макбрайд, я подойду к делу со всей ответственностью, – сказала дама, перелистывая страницы большой папки, которую разложила перед ней мама.

– В прошлый раз Долорес просто убежала из игровой и направилась в нашу спальню, а я не заперла дверь. Не предполагала, что она может вот так взять и ворваться. Раньше такого никогда не случалось. Я была неодета, а Долорес обнаружила утром подарок от бабушки и была так возбуждена, что забыла о правилах. Конечно, она знает, что ей нельзя прикасаться к другим людям. Разве что на них несколько слоев одежды, перчатки и нет обнаженных участков кожи.

– Мы уже поставили замки на всех внутренних дверях в доме, запирайте те комнаты, где она играет, – сказал отец, который стоял тут же,

хмуро глядя в окно.

Я слушала краем уха разговоры взрослых, но мне было не слишком интересно. Медвежонок завладел моим вниманием. Вообще-то это был не медведь, потому что он лаял! И у него обнаружился хвост колечком – в прошлый раз я просто не успела рассмотреть.

– Мама, это щенок! – закричала я.

– Здорово, милая. Иди сюда.

Я прибежала к маме вместе со щенком – он был огромный, тяжелый и смешно побряхтывал на каждом шагу. Мама крепко обняла меня, прижимая к груди. На этот раз на ней был жакет с высоким воротником, и пуговицы были застегнуты до самого подбородка. И она, как обычно, надела латексные перчатки, отчего руки казались пластмассовыми, гладкими, как у моих кукол.

– Ты придумала ему имя?

– Да! Я назову ее Хэйзелнат^[2]! Папа сказал, что это девочка!

– Почему Хэйзелнат?

– У нее глаза как лесные орешки, и она сладкая, как ореховое печенье, и пахнет «Нутеллой»!

– И еще в коридоре кто-то наложил целую кучу «Нутеллы»! Пахнет не очень, – заметил кто-то.

– Сейдж!

Я еще не успела повидаться с ним, после того как вернулась из больницы. Он был в школе, а теперь наконец приехал.

– Сейдж! – Я бросилась к мальчишке с соломенно-русыми волосами и серыми глазами. Он раскрыл руки для объятий. На его ладонях не было перчаток, рубашка была расстегнута на груди. Полосатый школьный галстук повис через плечо змейкой.

– Лори! – улыбнулся он, подхватил меня и закружил в воздухе. – Ты дома!

Сейдж поцеловал меня, его губы прижались к моему носу, и я засмеялась от переполняющих чувств – самых светлых и нежных, какие только может испытывать ребенок. Ему было уже двенадцать, и он был самым красивым мальчиком на земле, хотя, признаться, я не слишком много видела мальчиков. И он никогда-никогда не отшатывался, если мне вдруг хотелось обнять его. И целовал меня, когда хотел, чего мама и папа никогда не делали. Он – единственный человек на Земле, чьи прикосновения не оставляли на мне ожогов и не причиняли боль.

– Все в порядке, это Сейдж – брат Долорес. Они совместимы, – объяснила мама новой няне. – Он здесь единственный, на кого у нее нет

аллергии.

* * *

Я была лишена всего того, что даровано обычным детям: школа, общение со сверстниками, экскурсии, путешествия, игры, объятия, ладошка в ладошке, одно печенье на двоих.

Дети имеют привычку прикасаться друг к другу, обниматься, драться, меняться одеждой и делить еду. Все это могло стоить мне жизни. Поэтому образование я получала дома, под присмотром родителей. С репетиторами, облаченными в свежие халаты и перчатки. И общалась только с родителями, Сейджем, няней и взрослыми людьми, которым не придет в голову предложить мне доесть свой сэндвич или поменяться одеждой.

Меня окружали идеально чистые вещи. Все, к чему я прикасалась, не должно было контактировать с потом и жиром других людей. Я постоянно носила перчатки и закрытую одежду. А о технологии приготовления еды для меня можно было бы написать целый трактат. Посуда должна была быть идеально чистой, повар работал в маске, и ела я всегда одна. Чтобы случайно не перепутать и не взять со стола то, что мне не предназначалось. Иногда еду мне готовил Сейдж, и потом мы ели ее вместе за одним столом – о, трапезы с ним были моими самыми любимыми! Только благодаря брату моя жизнь не превратилась в жизнь Рапунцель. Мы общались, смотрели кино, вместе играли с Хэйзел, принадлежали друг другу.

А какая жуткая ревность переполняла меня, когда к нам в гости приходили его друзья-мальчишки. Или хуже того – девчонки. Я не испытывала никакого интереса к другим детям, а если во мне и просыпались крохи любопытства, то их тут же сметал на своем пути ураган зависти и злости. Они претендовали на моего Сейджа! Они трогали его, хлопали по плечу, толкали в бок, обменивались игрушками, ели картошку с одной тарелки!

«Лори, иди к нам! – не раз предлагал мне Сейдж. – Тебя никто не будет трогать, я предупредил их, что нельзя».

Но присоединиться к ним означало примириться с их посягательствами на то, что было моим. А мириться я не собиралась. Я хмурилась, громко стучала пятками по лестницам, запиралась в комнате и ломала игрушки: выдергивала волосы у Барби и рушила построенные из «Лего» замки.

Родители думали, что мое деструктивное поведение – результат

недостатка общения со сверстниками. Соблюдая все меры предосторожности, они начали приводить в дом детей близких друзей. Но я не хотела играть ни с кем, кроме Сейджа. Чужие дети пугали меня, они тянули руки к моим игрушкам, занимали много места, говорили слишком громко, странно пахли. А невозможность наброситься на них с кулаками и прогнать вселяла в меня гадкое чувство бессилия. Все равно, что в ваш дом привели бы чужака, а вас привязали к батарее и сказали: «Терпи, пока он не уйдет».

Дошло до того, что появление в доме других детей стало вызывать у меня ужасные истерики и приступы паники, и родителям ничего не оставалось, как приостановить план моей социализации.

– Наверное, стоит подождать, пока она не станет чуть старше, – предложил отец. – В конце концов, нам некуда торопиться.

– Или отказаться от социализации вообще, – всхлипнула мама. – Ральф, кого мы обманываем? Что мы пытаемся ей навязать? Интерес к другим людям, с которыми она не сможет толком общаться? Которым она будет смертельно завидовать, когда поймет, как много дано им и как мало – ей?! Я с ужасом думаю о том дне, когда она осознает, что не сможет жить полной жизнью, выйти замуж, завести семью...

Я слушала все это под дверью. Пришла на кухню среди ночи попить и стянуть что-нибудь вкусное из холодильника. Но на кухне были родители, снова говорили о чем-то, чего я не понимала, спорили, плакали... Как же все это мне надоело!

Я вошла на кухню с беззаботным видом, шаркая по полу тапочками-зайцами, и направилась прямо к холодильнику. Мама тут же замолчала, а папа наигранно воскликнул:

– Это кто у нас не спит?! Маленькая зайка?

Я открыла холодильник, отщипнула себе пару больших кусков марципана, вернулась к столу и забралась к папе на колени.

– Почему это я не выйду замуж? Выйду, – сказала я очень серьезно. – За Сейджа.

Мама отвернулась к окну, ее плечи тряслись. Мне казалось, что она смеется. Только через много лет, вспоминая этот вечер, я поняла, что она беззвучно плакала.

2008 год, мне десять лет

После трех лет тишины и покоя попытки наладить процесс социализации возобновились. Однажды я вернулась с мамой от врача и обнаружила в доме гостей. Незнакомый мужчина – высокий, пугающе-серьезный. Рядом с ним женщина – русоволосая, красивая и важно разодета. И подростки лет четырнадцати-пятнадцати – мальчик и девочка – очень похожие, с большими оленьими глазами и русыми кудрями. Оба выше меня на голову.

Девочка рассматривала кубок, который Сейдж получил за победу в Чемпионате по хёрлингу среди школ города, и ее заинтересованность кубком Сейджа тут же привела меня в негодование.

А мальчик напряженно застыл посреди комнаты и, прищурившись, озирался по сторонам. Ему здесь явно не нравилось.

«Что ж, а мне не нравиться все вы», – решила я, приготовившись к побегу. Но тут отец поднялся из кресла и обратился ко мне:

– Долорес, проходи, дорогая. Познакомься, это мистер Веланд, его жена Ингрид, это Вибекке и Вильям.

– Здравствуйте. – Я приподняла концы воображаемой юбки и изобразила комический реверанс. Вообще-то на мне были брюки, куртка и заляпанные грязью сапоги, и я надеялась, что мое позерство оскорбит незваных гостей и они поскорее уедут, но никто не оскорбился. Женщина тепло улыбнулась, девочка склонила набок голову, с интересом изучая меня. А мальчик оглядел меня с ног до головы и тут же отвел глаза.

– Дорогая, нам нужно обсудить с мистером и миссис Веланд кое-какие дела, не могла бы ты показать Вибекке и Вильяму дом и сад? А чуть позже соберемся все за ужином, окей?

– А где Сейдж? – шепотом спросила я, одеревенев под взглядами всех этих незнакомцев.

Пусть его не будет дома, пусть он не видит эту чужую девочку с кругленьким лицом и малюсенькими веснушками на носу. А не то она уцепится за его рукав и попросит показать ей все спортивные трофеи! А их у него много!

– Сейдж скоро вернется с тренировки и составит вам компанию!

Черт.

Папа попросил Мелиссу подать им кофе в гостиную. Я развернулась и, не оглядываясь, направилась в сад. Только у самых дверей я заметила, что чужие дети следуют за мной – молчаливо, с опаской, как лесные звери. Чуют, наверное, что мне хочется отлупить их клюшкой для хёрлинга. Жаль, что Сейдж забрал ее с собой на тренировку...

– Тебя зовут Долорес, так? – спросила Вибек. Голос – низкий, бархатный, как будто мороженого переела, и еще я уловила акцент. Точно не из нашего города.

Я ничего не ответила, не слишком хотелось говорить с ней.

– Можно называть тебя Долли?

– Нет!

«Долли» – почти то же самое, что и «лолли» – «леденец». Напоминает сладости и овечек. А я не похожа ни на леденец, ни на овцу!

– У тебя испанские корни? Это же не слишком обычное имя для Ирландии? – снова спросила девочка.

– Обычное. Долорес О’Риордан – певица из группы «Кренберриз», – начала загибать пальцы я. – Долорес Макнамара – тетя из Лимерика, которая сорвала самый большой джекпот в истории Ирландии – сто двенадцать миллионов евро! Долорес Кин – еще одна певица, бабушке нравится. А мне не очень. Долорес – медсестра, которая сегодня брала у меня кровь в больнице. «Долорес» было написано у нее на бейджике. Поэтому я думаю, что так ее и зовут. Иначе зачем бы она прицепила его себе спереди, прямо вот тут? – И я ткнула себя в левую грудь – вернее, туда, где она однажды должна была вырасти.

– Ладно, верю, – рассмеялась Вибек. – Получается, это распространенное имя. А что оно значит?

Я прекрасно знала, что означает мое имя. И его значение мне не нравилось. Иногда я даже думала, что имя виновато во всех моих бедах. Потому что оно означало кое-что не слишком приятное. Вот имя моей мамы означает «любимая». А имя брата – «мудрец». А мое...

– Давай лучше про тебя поговорим, – сказала я, раздражаясь. – Тебя зовут Бибика?

Я помнила, как ее зовут. Просто мне хотелось ее подразнить.

– Вибек, – исправила девочка, останавливаясь рядом со мной у двери, ведущей в сад.

– А его – Вальтер? – кивнула я в сторону ее молчаливого брата, который со скужающим видом разглядывал сад. Поздняя осень, смотреть и правда было не на что.

– Вильям, – терпеливо исправила Вибек. – Ты легко запомнишь. Ведь

у вас это имя так же популярно, как и у нас.

– Где это «у вас»?

– В Норвегии.

– Вы из Норвегии?

– Да, сегодня прилетели. У твоего папы с нашим какие-то дела.

– Ты хорошо говоришь по-английски, – заметила я, и Вибекке тут же поблагодарила меня. Странная. Наверное, подумала, что я сделала ей комплимент. А я просто сказала вслух то, что подумала. – А Вальтер говорит?

Девочка оглянулась на брата и неловко улыбнулась.

– Нет, он не говорит. Вильям, а не Вальтер. У них в школе... французский учат.

– Значит, он не понимает, о чем мы говорим? Вот круто!

– Не-а, – протянула Вибекке, снова оглядываясь на брата.

– Хорошо, потому что он мне не нравится, – сказала я. – Похож на девчонку. Разве мальчики носят длинные волосы? И лицо у него – как будто его от всего тут тошнит. Зачем приезжать с таким лицом? А я сегодня полдня провела в больнице, где меня всю иголками истыкали. Не вовремя вы как-то приехали. И еще у него что, руки к карманам приросли? – кивнула я на Вильяма, который как ни в чем не бывало стоял рядом и разглядывал бесцветное небо над головой.

Вибекке точно не ждала ничего подобного. Ее глаза расширились, теперь она смотрела на меня уже не так радостно, как минуту назад.

– Прости, мне жаль. По поводу больницы...

Вы гляньте, какая вежливая. Разве люди так отвечают на грубости? Сейдж бы мне точно подзатыльник дал. Наверное, что-то задумала. Вибекке была старше меня года на четыре, а может, даже на пять, но я не пасовала. Считала, что разница в возрасте легко компенсируется особыми умениями. Например, умением драться.

– А по поводу Вильяма зря ты так. Он самый лучший брат на свете. А волосы у него только на макушке длинные, – добавила Вибекке. – А ниже сбриты. Когда он собирает их в хвост – выглядит очень круто.

– Что-то не верится, – с сомнением заявила я, и тут мое сердце упало и закатилось в самую пятку. В самый дальний уголок пятки.

У дома остановилась наша машина, и с пассажирского сиденья соскочил Сейдж. Открыл багажник, набросил на плечо рюкзак, взял клюшку и шлем. До чего же он хорош! Вот как должен выглядеть мальчик! Вернее, парень – ему уже пятнадцать. Светлые волосы коротко подстрижены, на лице улыбка, в глазах – огоньки. Я любовалась им. И

было совершенно ясно, что залюбовалась и Вибеке.

– Привет, – сказал Сейдж, разглядывая новых гостей.

Я открыла рот, чтобы объяснить, кто это тут у нас, но Вибеке опередила меня:

– Привет! Я Вибеке, а это Вильям. Мы приехали с родителями к вам в гости на несколько дней...

– На несколько дней?! – поперхнулась я.

Вибеке даже ухом не повела, она уже утонула в дымчатой бездне глаз моего брата.

– Я Сейдж, – сказал он девчонке. Протянул руку Вильяму, но тот не пожал ее (ну и невежа!), просто кивнул.

– Мы хотим прогуляться, ты с нами? – хлопнула ресничками Вибеке.

Ну и выскочка! Я открыла рот, чтобы поставить ее на место, но не успела ничего сказать.

– Только переоденусь, – ответил Сейдж.

А? Что? Когда?! Когда это я перестала быть главной в этом доме?!

Сейдж поцеловал меня в висок и отправился в дом. Вибеке смотрела ему вслед, сложив руки на груди.

На груди! У нее уже была грудь – и очень заметная, свитер из ангоры так ее и обтягивал. Я толком не понимала, что чувствую. Ревность? Зависть? Моя грудь была такой же плоской, как у брата, и я почему-то решила, что это ужасно.

Вибеке вдруг вознеслась в моих глазах куда-то на недостижимую высоту – где мне ее было не одолеть. Даже если бы толкнула на землю и начала бить кулаками... Сейдж не позволил бы мне бить ее – и не только потому, что после драки с Вибеке меня наверняка увезли бы в больницу с ожогами. Но и потому, что Бекки была красивая, высокая, взрослая и с грудью!

Сейдж вернулся быстрее, чем я ожидала. В своей любимой футболке, намазал волосы гелем, на руку нацепил фенечку, и кроссовки эти он надевал только по особым случаям...

Я перевела взгляд на Вибеке – вот он, особый случай. И внезапно брат начал бесить меня не меньше этих чужих подростков. Придурок, влюбленный баран, пятнадцать лет, а как маленький! Вырядился! Надухарился! Идет, лыбится! И все ради кого? Ради какой-то дурочки с сиськами...

– Тили-тили тесто, жених и невеста! Тесто упало – невеста пропала! – запела я, сердито сунув руки в карманы.

– Лори! – строго одернул меня Сейдж.

– Вдруг невеста под кровать, а жених ее искать!
– Давайте погуляем? – предложила Вибекке, даже внимания на меня не обращая. – У вас здесь есть что-нибудь интересное?

– У нас есть огромный батут. Ты когда-нибудь на таких прыгала? Умеешь делать сальто? – заворковал Сейдж, ослепительно улыбаясь.

– Тили-тили тесто, жених и невеста! Тесто засохло – невеста сдохла! – выкрикнула я, развернулась и быстро пошла прочь, со злостью пиная камни, которыми была посыпана площадка перед домом.

– Долорес! Долорес! – закричал мне вслед Сейдж. – Ну что ты как маленькая?!

– Отвали! – огрызнулась я и прибавила шаг, почти побежала. Меня душили обида и разочарование. Я рванула туда, где для меня точно найдется утешение – к небольшому домику на заднем дворе, окруженному невысоким забором. Туда родители отправляли мою собаку, когда у нас в доме были гости. Она, как и я, не любила чужих и начинала нервничать в их присутствии.

Хэйзел выросла. Вымахала. Она весила в два раза больше меня – почти шестьдесят килограммов! Коричнево-бурая, с черной мордочкой, белой грудью и закругленными ушами – иногда она больше напоминала мне гигантскую кошку, чем собаку.

Хэйзел заметила меня и прыгнула на невысокую ограду, поставив на нее огромные лапы. Я вошла, обняла собаку, мы с ней упали в душистое сено и начали брыкаться и барахтаться.

– Хэйз, – вздохнула я и прижалась лицом к белой груди. Слезы потекли ручьями. – Пришла эта Бибика, а Сейдж к ней сразу прилип. А она – ничего особенного, ты б видела. А брат ее – совсем отстой! С волосами, как у девчонки... На черта они сюда приперлись?! За что?!

Хэйзел наострила уши и посмотрела куда-то поверх забора. Я подняла голову и проследила за ее взглядом. Неподалеку стоял Вальтер, или как там его, и озирался по сторонам. Совсем один. Вибекке и Сейдж, видимо, решили, что им вдвоем будет лучше. Без свидетелей. Мои щеки запылали, а горло сжали невидимые тиски.

– Эй! – закричала я ему. – Проваливай отсюда! Сестра твоя – дура! И ты дурак!

Но мальчик и не думал проваливать. Я схватила палку, которую Хэйз грызла пару минут назад, и бросила в него изо всех сил. Палка приземлилась у ног Вильяма. Он посмотрел на нее с полным равнодушием, потом развернулся и пошел прочь.

– Да-да, вали! И побыстрее!

Я подняла ком сухой земли – твердый, как камень, и бросила ему вслед. И почти попала в него: ком пролетел прямо у него над головой.

Мальчишка развернулся, поднял другой ком земли и запустил обратно – так точно, что тот врезался в решетку ограды, за которой я стояла, и рассыпался в облако пыли. Я взвизгнула и закашляла. Хэйзел припала на передние лапы и угрожающе зарычала.

– С ума сошел?! – заорала я. – Ты знаешь, кто это, у моих ног? Это настоящая акита! Она просто разорвет тебя на кусочки! Придурок!

И тут молчун Вильям послал мне насмешливую улыбку и показал средний палец.

– Жить надоело?! – повторила я.

Он что-то ответил мне на непонятном языке. Наверное, это тот самый норвежский. Я ничегошеньки не поняла, но, судя по голосу и интонациям, мне не сказали ничего хорошего.

И тогда я нашла камень и вышла за ограду. Хэйзел нервничала, она тяжело дышала и глухо лаяла. Я замахнулась и запустила камнем в Вильяма. На этот раз он не успел увернуться, и мой подарочек врезался прямо ему в лицо. Не ожидал от меня такой точности! Получи!

Кровь потекла у него из носа, заливая губы и подбородок. Мальчишка сплюнул и быстрым шагом направился ко мне. Бравада и наглость стали быстро покидать меня. Он налетел, схватил за воротник куртки и повалил на землю. Я начала вырываться и визжать. Попыталась расцарапать ему лицо, но он был куда больше и гораздо сильнее.

– Чтоб ты сдох! Чтоб ты сдох! – заверещала я.

Вильям схватил меня за запястья, прижал к земле и приблизил лицо к моему – его широко раскрытые серые глаза показались просто огромными на фоне бледного лица.

– Тупое. Мелкое. Чудовище, – сказал он на идеальном чистом английском. – Отлупил бы тебя, но стыдно лупить ребенка.

– Тогда отлупи-ка мою собаку, – завопила я. – Хэйз, ату его! АТУ!

Я миллион раз возвращалась к тому моменту. Ведь всё могло сложиться совсем иначе. Я могла просто прикусить язык и гордо принять поражение. Разобраться с ним сама, без собаки. Или просто разреветься, и Вильям ушел бы сам. Но я не смогла справиться с ураганом своих эмоций.

Хэйзел, повинаясь моей команде, перемахнула через забор, и в следующую секунду в Вильяма врезались шестьдесят килограммов звериной ярости. Его тело просто отлетело в сторону. Он не кричал, но его рот беззвучно хватал воздух, пока моя собака терзала его грудь, лицо, руки, которыми он пытался закрыться. А потом я увидела кровь – ярко-алые

брызги. Белый кардиган Вильяма стал грязно-бордовым.

– Хэйзел! Хэйзел, стой!

Собака мотала тело мальчика из стороны в сторону и отказывалась мне подчиниться.

– Хэйз! Стоп!

Зверь словно не слышал меня. Я попыталась оттащить ее в сторону, но куда мне. Каждая лапа была толще моей руки.

Выход был только один... Я упала сверху на тело Вильяма и крепко обхватила его руками. Подмяла под себя его руки, чтобы Хэйзел больше не смогла терзать их. Обняла голову и прижалась лицом к его лицу, чтобы собака не могла притронуться к нему. Хэйз переключилась на ногу Вильяма, но я отпихнула ее морду своей ногой.

– Фу, Хэйз! Фу! – заорала я так громко, что сорвала связки. Я еще никогда в жизни так не кричала. – Уходи!

Вильям застонал. Кажется, потерял сознание от боли. Его лицо было все в крови, на щеке – рваная рана. Он поднял руку, слабо оттолкнул меня – и я вскрикнула, когда увидела два болтающихся пальца. Я зарыдала и стала звать на помощь.

– Мама! Папа! Сейдж! Потерпи, сейчас кто-нибудь придет! Мне жаль, мне так жаль, ты прав... Я чудовище...

Я чудовище, а мое имя переводится как «страдания»! Вот что оно означает! «Долорес» – это страдания и боль!

Кровь Вильяма пропитала мою одежду. Мои руки, мое лицо – все было в его крови. Я знала, что дорого заплачу за то, что прикоснулась к нему. Прикосновение к другим людям оставляет на мне ожоги, а чужая кровь просто разъедает кожу, как кислота. Но разве у меня был выбор? Разве я могла остаться в стороне и позволить ему умереть?

Первым появился наш сосед, мистер Робин, – одинокий седовласый старик, который увидел все через забор. В его руках был шланг, и ему удалось отогнать Хэйзел, поливая ее водой. Потом он стащил меня с тела Вильяма, и на его крики прибежали родители... Не очень помню, что было потом. Кажется, с меня сорвали одежду и поливали из шланга, чтобы смыть чужую кровь. Вода была ледяной, но жгла, как пламя...

А потом были звуки сирен – громкие, страшные...

А после – темнота.

В шесть лет я была просто диковатой.

В восемь впадала в истерику, когда видела чужих детей в своем доме.

А в десять лет натравила собаку на другого ребенка. Ожогов на мне тогда оказалось не слишком много – одежда защитила. Я провела всего неделю в больнице и еще несколько в реабилитационном центре. И все это время постоянно думала о Вильяме: о разодранной щеке и двух поврежденных пальцах на руке. Думала о том, как страшно и больно ему было. О том, как, наверное, плакала его мама, которая привезла к нам в гости чистого, красивого, здорового мальчика, а увезла...

Калеку?

Нет, нет, я даже мысленно не хотела произносить это слово. Оно звучало слишком страшно, слишком больно и было таким колючим, что застревало в горле, если я пробовала его произнести. Вильям не будет калекой, ведь я не могла напортачить *так сильно!*

Мои родители после этого случая зареклись приглашать в дом других людей. Слухи разлетелись жуткие: девчонка Макбрайдов – исчадие ада, а может, и вовсе не в себе. А еще у них есть собака, у которой явные проблемы с психикой. А мать и отец куда смотрели? Ну и семейка!

Сейдж пару раз приходил из школы с синяками – затевал драки в ответ на оскорбления. Я воображала, как он кричит: «Она не сумасшедшая! И собака тоже! Она просто защищала ее!» – и тут же набрасывается с кулаками на обидчика...

Бедный Сейдж, бедная моя семья, бедная Хэйзел.

Скоро к нам явились люди из службы по контролю за домашними животными. Вошли в дом, начали с родителями разговор, хотели забрать мою акиту, но я бы скорее позволила себя четвертовать, чем отдала бы ее. Я не знала, что делают такие люди с собаками и куда увозят их в своем фургоне, но что-то подсказывало мне, что собаки больше никогда не возвращаются домой.

Я выбежала из дома и помчалась к дереву у дальней ограды сада, под которым Хэйзел любила вздремнуть после обеда. Вцепилась руками в ее ошейник и потащила за собой в дыру в заборе, через которую иногда убегала на улицу, а оттуда – в городской парк. Собака беспрекословно послушалась меня, словно тоже почуяла неладное. Помню, как мы бежали с ней к зарослям дикой ежевики, в которой вили гнезда черные дрозды. Помню, как приказала ей лезть под густые ветви, а сама поползла следом, всхлипывая от боли: острые шипы расцарапали мне руки и шею. Хэйзел принялась лизать мое распухшее от слез лицо. Я обняла ее руками, и там мы пролежали целую вечность, пока кто-то не поднял ветви и не

обнаружил нас.

Это был мой отец, и впервые в жизни я испугалась его. Была готова драться с ним, как Хэйзел дралась за меня. Потому что он был на чужой стороне – на стороне взрослых, а не на моей с Хэйзел. Я видела строгость в его глазах, холод, гнев.

Он стоял и смотрел на меня сверху вниз, пока я лежала среди колючих ветвей, вцепившись обеими руками в Хэйзел и стойко преодолевая боль, вся в кровотокающих ссадинах и грязи. И, должно быть, он увидел что-то, чего раньше никогда не замечал. Что-то, что кольнуло его в самое сердце.

И заставило перейти на мою сторону.

– Лежи, пока я не вернусь, – сказал он, погладил меня по плечу и ушел. Колючки впивались в лопатки, но мысль о том, что у меня появился сообщник, придала сил. Вскоре отец вернулся в сопровождении нашего соседа и сказал, что Хэйзел должна немедленно уехать с мистером Робинсом в Донегал^[3] к моей бабушке. И больше никаких вариантов нет. И если я хочу спасти ее, то должна согласиться.

– Я согласна, – закивала я, вылезая из-под кустов и громко всхлипывая. Папа склонился к аките, но так и не смог вытащить ее из-под ветвей, пока я не позвала и не сказала:

– Выходи, Хэйзел. Все в порядке. Тебя не тронут.

Я обняла собаку, сжала так, что она захрипела. Потом мистер Робинс прицепил поводок к ошейнику и повел ее к машине, припаркованной у выхода из парка. А мы с папой остались у ежевичного куста, глядя им вслед. Он осторожно обнял меня и вытащил из плеча ежевичный шип. Я даже не заплакала: внутри все болело сильнее.

Отец знал, что собака просто защищала меня. Я все ему рассказала. Воспитанности и вежливости у меня, может, и не много было, но зато смелости признать свою вину – достаточно. Я рассказала ему, как дразнила Вильяма и бросала в него палки, как он кинулся на меня, как мне захотелось проучить его...

Я умолчала только об одном: как я легла на Вильяма и закрыла его своим телом. Боялась, что мне все равно не поверят и сочтут, что я все выдумываю, лишь бы выкрутиться.

Мистер Робинс сказал родителям, что пока Хэйзел грызла мальчика за руку, я сидела на нем верхом и била кулаками. На самом деле я била собаку. Старик не рассмотрел, что происходило на самом деле, а я не стала выгораживать себя. Пусть думают, что хотят. Все равно ничего не вернуть и не исправить.

Мы просидели в парке до темноты. Отец долго говорил со мной,

объяснял, как ужасно я поступила и какие последствия могут быть у этого поступка. Раны затягиваются, шрамы бледнеют, тело выздоравливает, а душа – нет. Может так случиться, что тот мальчик больше никогда не оправится от страха перед животными и перестанет верить другим людям.

Но больше всего мне запомнилось то, что папа сказал в самом конце:

– Надеюсь, однажды он сможет простить тебя, Долорес.

Отец был очень, очень грустным.

– Ты хрупкая, как бабочка. Чужое прикосновение может убить тебя, ты знаешь это. Но ты можешь ранить других людей так же сильно. Одним движением можешь перевернуть Землю вверх ногами. Одним словом сломать чью-то жизнь. Помни об этом.

Я поклялась себе, что буду помнить.

– Рука Вильяма – ее вылечили?

– Я не знаю, милая, – вздохнул отец. – Мистер и миссис Веланд отказываются говорить со мной. Кажется, они вернулись в Норвегию, и Вильяма будут долечивать там...

– Папа, а тело чинить легко?

– Нет, это очень тяжело.

– Но врачи умеют?

– Хорошие врачи – умеют.

– А в Норвегии хорошие врачи?

– Надеюсь, хорошие.

– И я надеюсь, что там самые лучшие врачи на свете! – воскликнула я, размазывая руками слезы по лицу, и с жаром добавила: – Папа, я сделала это не специально! Ты же веришь мне? Я не хотела, чтобы все так получилось. Я не злая. Я не хочу думать, что я злая...

– Один очень умный человек когда-то сказал: «Никогда не ищи злой умысел там, где, скорее всего, имела место обыкновенная глупость». Эта мудрость всем так понравилась, что ей даже дали особенное название: «Бритва Хэнлона». Я тоже часто достаю эту «бритву», чтобы отсеять ненужные подозрения и не искать коварное зло там, где его не было... Так что давай мы достанем ее и в этот раз и решим, что ты не злая, а просто немного...

– Глупая, – закончила я, горестно вздыхая.

Папа грустно улыбнулся и дал мне руку, обтянутую перчаткой.

– Сглупила, – поправил он меня. – Что случается со всеми. Главное – понять это и постараться не повторять.

– Я больше не буду злиться на мальчиков... И кричать на них. И бросать в них палки... Хотя они мне и не очень нравятся. Но пусть живут,

да? Как комары – они ведь тоже не очень, но если их не замечать...

Папа то ли засмеялся, то ли застонал, я так и не поняла: уже стемнело, и я не видела его лица. Мы шли домой по мокрой от вечерней росы траве, и он держал меня за руку. И совсем-совсем не злился. А дома нас ждал теплый камин, и ужин, и мама с добрыми глазами. И Сейдж. И если они и дальше будут любить меня, то я постараюсь быть самой лучшей девочкой на свете.

2011 год, мне тринадцать лет

У Сейджа в гостях девушка. Они вдвоем заперлись в его комнате. Я забралась в соседнюю и сидела тихо, как мышь. Приложила к стенке стакан, прижалась ухом к доньшку и слушала. Они говорили о чем-то, хихикали, слушали музыку и листали учебники. Оба готовились к поступлению в университет. Сейдж решил изучать право, а она – что-то там еще. Ее звали Тэйла. У нее были кудрявые волосы и пронзительный смех. Казалось, будто дикая птица кричит.

Я бы с удовольствием свернула этой птице голову.

Сейдж вырос так, что стал больше папы. Ему уже восемнадцать, а на вид все двадцать пять: огромный детина, которому я едва достаю до плеча. Голос у него громкий и низкий, на лице растет щетина, а руки такие сильные, что он смог бы переломить, как спичку, свою клюшку для хёрлинга. Если бы клюшка его чем-то разозлила...

Мама сказала мне, что я тоже почти совсем взрослая, что я меняюсь, расту. Мои волосы стали длинные-длинные. Мелисса часто заплетает их в косы. В моей груди набухли какие-то шарики – ужасно болючие. Я думала, что это рак, но мама сказала, что это грудь растет. И еще пару месяцев назад у меня началась менструация. Господи, хорошо, что мне заранее объяснили, что это, иначе тем утром я бы перебудила весь дом воплями «я умираю!»

В общем, я уже не ребенок. Но мое детское обожание и щенячья верность Сейджу почему-то никуда не ушли. Я по-прежнему хотела, чтобы он не встречался с девчонками. Чтобы не заглядывался на них. Чтобы принадлежал только мне, играл только со мной, любил только меня...

Звуки в его комнате затихли, и от этой тишины у меня все внутренности сжались в ком. Я приросла ухом к стене и наконец разобрала слова:

– Сейдж, а вдруг кто-то войдет?

– Двери заперты... Все уехали играть в гольф... Никого нет...

Шепоток. Шелест. Движение.

– Тебе нравится? – проворковала Тэйла.

– Я с ума по тебе схожу... Ты такая красивая... Тэйла... Ты самое прекрасное...

Мне в ухо влетел звук глубоких поцелуев, осторожное поскрипывание кровати. Я закрыла глаза и сжала кулаки. В общих чертах я представляла, что там происходит: родители покупали мне книги обо всем на свете, включая «это». Конечно, они были написаны простым языком для подростков и подробности не описывались, но и прочитанного мне было достаточно: «Сначала мужчина и женщина уединяются в каком-то месте, раздеваются и ласкают друг друга, произнося приятные слова. В такой момент у мужчины происходит эрекция, а у женщины увлажняется влагалище. Мужчина вводит пенис во влагалище женщины, что сопровождается приятными ощущениями для обоих...».

Звучало все это, конечно, серьезно, но я не представляла, как можно получать удовольствие, когда в тебя что-то *вводят*. Можно потерпеть, когда тебе вводят катетеры, иглы, ректальные свечи, зонды, суют в уши ватные палочки, засовывают в рот градусник или отсасывающий слюну шланг на приеме у стоматолога... Приятного мало, так? А когда в тебя вводят не инструмент, а часть чужого тела – это как вообще? Кому это может нравиться? Неужели многим, если об этом даже книги пишут?

Меня передернуло от отвращения.

Я ушла вниз, в гостиную, громко топая ногами, врубила телек, выкрутила громкость на максимум и начала танцевать под Леди Гагу и ее «Bad Romance».

Так-то!

Мужчина не сможет *вводить пенис женщине во влагалище* под все эти безумные звуки, громяющие на весь дом. Только это мне и нужно!

– Рам-ма! Рам-ма-ма-а! Га-га-у-ля-ля! Хочу плохой роман!

А вот и Сейдж. В одних штанах спустился вниз: волосы всклокочены, губы порозовели, соски съежились в два сердитых бугорка. Тэйла спустилась следом – щеки алые и футболка шиворот-навыворот.

И пока она шнуровала свои беленькие «аидасы», Сейдж хмуро поглядывал в мою сторону.

– Хочу тебя уродливого! Хочу тебя больного! Хочу тебя всего, пока это бесплатно! – начала петь я и прыгать чокнутой лошадью по комнате.

Сейдж вышел с Тэйлой на улицу, смачно грохнув дверь.

– Хочу твоей любви! Хочу твоей мести! Давай вместе напишем этот порочный роман!

Вернулся. У-у-у, неужто мы разозлились?

– Хочу твои психи и твою вертикаль! Хочу видеть тебя в зеркале заднего вида! Малыш, какой же ты чумовой!

– Долорес, что ты творишь?! – Сейдж выхватил у меня пульт, в

который я артистично орала, как в микрофон, и выключил телек.

– J’adore l’amour! Et je veux ton revenge!^[4] J’adore l’amour! Не хочу быть друзьями! – продолжала петь я уже без музыки.

И тогда Сейдж схватил меня за руку и больно сжал запястье.

– Лори!

Я резко остановилась, и рваная челка косо упала мне на глаза.

– Что ты здесь устроила?! – заорал Сейдж. Он был взбешен, на волосок от ярости.

– Я знаю, чем ты занимался там с ней.

– И чем же?!

– Засовывал свой пенис ей во влагалище! – сказала я с отвращением.

Сейдж пару секунд смотрел на меня в полном замешательстве, потом застонал, закатил глаза и запустил пальцы в волосы.

– И это гадко! – закричала я ему в лицо. – Помнишь тот день, когда ты написал на ежика в саду за сараем? Так вот – это еще хуже, чем писать на ежика!

– Долорес, – Сейдж тяжело вздохнул и упал в кресло, закинув ногу на ногу, – совсем как отец. Повязать галстук и надеть очки – и будет почти он. – Мне стыдно за того ежика, сколько раз повторять? Пожалуйста, давай об этом забудем. Что касается всего остального: ты не можешь называть гадким то, о чем не имеешь ни малейшего представления.

– Мне уже противно тебя слушать!

– Что ты вообще знаешь о сексе?

– Все, что надо! Я прочитала книгу «Детям про «Это», и «Энциклопедию для подростков», и «Ваша девочка вырастет», и еще нашла у родителей одну книгу... «для взрослых». Там какая-то акробатика цирковая, только блевотная.

– А теперь забудь все то, что там написано, – сказал мне Сейдж. – Секс – это не акробатика. Не анатомия и не физиология. И неважно, кто, что и куда сует. Неважно. Самое главное не увидишь глазами, этого нет на картинках.

– Что, еще и кино про это бывает? – вытаращилась я.

– Бывает, но речь не о том. Самое главное происходит в голове: твои мысли все улечиваются. Ты не можешь думать ни о чем – только о человеке, который рядом. И о том, что с ним можно сделать... В хорошем смысле слова. И с его согласия, конечно. Время исчезает, пространство исчезает. И внутри у тебя такой ураган, что кажется: еще чуть-чуть – и голову снесет... И для всего этого достаточно просто поцелуя. Или даже прикосновения руки. Все. Вот это секс. А то, что ты в тех книжках

читала, – это все... ерунда.

Я замерла посреди комнаты, загипнотизированная голосом Сейджа и тем, как серьезно он все объяснял. И мне так понравилось то, что он сказал, что весь мой гнев, и стыд, и отвращение вдруг куда-то исчезли. А что, если он единственный, кто прав?

«А ведь мне не суждено испытать то, о чем он говорит», – подумала я. Я никогда раньше не задумывалась об этом, но сейчас вдруг осознала: все то, что происходит с Сейджем, о чем пишут в книгах, все это запретное, и странное, и тайное, что случается между людьми, когда они остаются наедине, – все это никогда со мной не произойдет.

Никогда.

Я села в другое кресло, обняла свои колени и опустила на них лоб.

– Все это пройдет мимо меня, так?

Сейдж молчал. Тут ему нечего было сказать. Все было понятно без слов.

– Тогда зачем они покупают мне все эти книги?!

– Ты должна быть образованным человеком. Должна все знать и понимать. Никто из нас не полетит в космос, но почему бы не прочитать о космосе в книгах? – философски рассудил Сейдж.

– И как там на Марсе, господин астронавт? – фыркнула я.

– Жарко, – улыбнулся он. Его щеки слегка покраснели, глаза засияли. Он был очень красив в разгаре своей маленькой болезни по имени Тэйла.

– Смотри не сгори, Сейдж. Ожоги – это больно.

Я вскочила на ноги, убежала в свою комнату, свернулась калачиком под одеялом и беззвучно заплакала.

Я наконец начала осознавать, что за шутку сыграл со мной Господь. Что зрение, слух и обоняние – это величайшие сокровища, но я бы точно променяла какое-то из них на чудо прикосновения. Попрощалась бы с благоуханием цветов и ароматом свежеприготовленной пищи, но зато смогла бы жить среди других людей. Не смогла видеть, но зато могла бы целовать. Променяла бы все звуки на тепло чужой кожи под пальцами.

Лучше бы я этого не видела

2014 год, мне шестнадцать лет

Сейдж учился в колледже на третьем курсе. С Тэйлой недавно разошелся и стал встречаться с какой-то другой девицей. На этот раз блондинка с мелкими детскими зубками и острым носиком.

Мама с отцом улетели в Рейкьявик на две недели. Нормальные люди летают отдыхать на Канары и Мальдивы, в Грецию и Таиланд. А мои родители любят север: Исландию и Гренландию, Данию и Канаду, горы и снежинки, лыжи и какао, пледы и вареники, оленей и северное сияние. Даже представить не могу, чтобы они отправились куда-то в сторону экватора. По-моему, у мамы даже купальника нет.

А я на все каникулы уехала к бабушке в Донегал. Бегать по пляжу. Греть ноги у камина. Примерять винтажные бабушкины платья с перламутровыми пуговицами и хрупкими кружевами. Обнимать Хэйзел.

Бабушкин дом больше похож на замок – он огромный, трехэтажный, сложен из черного блестящего кирпича. В нем окна от пола до потолка и винтовые лестницы. А вокруг – сады с фонтанами, старинные скамейки и сортовые розы всех цветов радуги: белые и алые, желтые и бордово-черные. Ну разве что синих нет.

Бабушка у меня очень знатная: она единственная внучка богатого лорда Генри Стэнфорда, который когда-то приехал из Англии в Ирландию и, ослепленный красотой местной рыжеволосой нимфы, не захотел уезжать.

И моя знатная бабушка не обрадовалась, когда ее единственная дочь собралась замуж за юного нищего выпускника юридического колледжа, с которым познакомилась в картинной галерее. Она восприняла это как бунт, как личное оскорбление, вроде плевок в лицо.

А потом и вовсе от дочери отреклась, когда та вышла за моего отца и уехала к нему в Атлон – крохотный городок, что на реке Шеннон, в самом сердце Ирландии. Отреклась и сказала моей маме накануне ее свадьбы, что умрет (от сердечного приступа, конечно же) и ни гроша ей не оставит. Завещает все местному церковному приходу, а дочке даже болтик от дверной ручки не пожалует.

Мама страшно обиделась, уехала и перестала бабушке даже открытки на Рождество присылать. (Лично я считаю, что это было чересчур жестоко).

Бабушка и мама не разговаривали друг с другом целых два года и даже в Фейсбуке друг к другу не заглядывали. А потом случилось нечто чудесное: родился маленький, пухленький, весь такой розовенький малыш Сейдж. Мама отправила бабушке его фотографию и отпечаток ладошки на глиняной дощечке – и бабушкино сердце растаяло. А потом родилась я, и бабушка растаяла вся целиком. Такой милоты, как мы с братом, ни одна ледяная глыба не выдержит.

Папа тем временем покинул юридическую фирму, в которой работал, и завел собственную адвокатскую практику. Он был трудоголиком, умел быстро вникнуть в суть дела и не робел перед опытными обвинителями и судьями. Отец быстро завоевал репутацию бесстрашного, может быть, даже жесткого защитника, который до последнего борется за своего клиента. А репутация как хороший костюм: многого стоит и всегда привлекает клиентов.

Деньги в нашу семью не то чтобы рекой потекли, но их на все хватало. На большой дом, пару хороших машин, няню, домработницу и домашних учителей.

Папа выстроил свое собственное королевство и посадил маму на трон. А бабушка поняла, что зря была такой мегерой, и начала приглашать всех нас в гости, писать письма и присылать маме деньги на счет.

Деньги мама всегда отправляла обратно – ни гроша не взяла, и, не знаю, возьмет ли, – но вот нашему с бабушкой общению мешать не стала. И хорошо, потому что я и Сейдж обрели ту особенную, щедрую, удивительную любовь, которую детям может дать только бабушка.

К Сейджу бабуля относится как к фамильной драгоценности – сдувает пылинки и горделиво показывает подружкам. А от меня она вообще без ума, потому что страшно балует. Взять хотя бы... Нет, здесь лучше рассказать по порядку.

Когда я приехала к ней этим летом, она сначала тискала меня полчаса (надев перчатки, конечно, и застегнув все пуговицы доверху), потом закатила для меня обед, а после повела в гараж. А там – ни черта себе – стояла новая машина, повязанная огромным бантом! Я перевела взгляд с машины на бабушку, не понимая, в чем суть розыгрыша и где тут скрытая камера.

– С днем рождения, Лори! – воскликнула бабушка, сжимая меня в крепких руках и целуя воздух по обеим сторонам от моих щек.

– Ба... – медленно заморгала я. – У меня он в феврале. А сейчас июль.

– Какие пустяки!

– И у меня нет прав, и мама не разрешит, и вообще... Я, наверное,

сплю.

Я начала разглядывать машину, и чем дольше разглядывала, тем сильнее у меня тряслись руки и ноги. От изумления. От восторга. От переполняющего меня счастья.

– Как для первой машины, может, чутка великовата, но я верю, ты справишься. Водить можно с семнадцати. За полгода как раз разберешься, где газ, а где тормоз, сдашь тест на теорию, получишь ученические права!.. – начала безумствовать бабушка.

Я подбежала к машине, стала разглядывать диски, заглядывать в окна. Нереально красивая машина. Прямо-таки топ-модель среди машин. Железная Жизель Бюндхен, черт побери!

– Залезай! – скомандовала бабушка. – Послушаешь, какая у нее стереосистема, а встроенное меню, а кожаный салон, а кресла с поясничной поддержкой!

Мама потом будет звонить бабушке и истерить по поводу «безумных подарков от безумной бабки». Будет кричать: «Ма, ты совсем из ума выжила?! «Ауди S7» в шестнадцать лет?! Серьезно?!»

А бабушка ей скажет: «Ну извини, дочь, скаковые лошади – это прошлый век».

А мама ей: «Ты поняла, что я имею в виду! Я не позволю сесть ей в этого металлического монстра».

А бабушка ей: «Чтоб ты знала: внутри этого монстра безопасней, чем снаружи».

И так далее, и тому подобное.

На повышенных тонах и с не предназначенной для детских ушей лексикой.

Потом вмешается папа и попытается уговорить бабушку вернуть машину в салон: «Аманда... Вы же понимаете... Давайте представим... Возможно, не стоит торопиться... Все-таки это серьезный шаг...»

А бабушка ему скажет: «Если Лори не будет ездить на этой машине, то я вам наследство не оставляю!»

Так она любой спор заканчивает. Характер, что поделать...

Но сейчас, пока родители не узнали, – счастье есть! Мы с бабушкой залезли в салон и стали слушать Джастина Бибера, и почему-то было дико смешно, что я слушаю его вместе с собственной бабушкой. А бабушка качала головой в такт, как прожженная фанатка, и блаженно улыбалась...

Есть люди, которые отказываются стареть. Которые показывают старости средний палец и продолжают жить на полную, как будто время потеряло над ними власть. Они слушают современную музыку, они

кайфуют от достижений прогресса (будь то навороченные мобильные телефоны, Интернет или всего лишь наращивание ресниц!), они с удовольствием общаются с молодежью и веселиться умеют так, что обзавидуешься в свои шестнадцать! Все это относится в моей бабушке. Вот такая она удивительная.

– Знаешь, что, – сказала ей, – теперь я знаю, на кого похожа. На тебя. Ты – самая сумасшедшая бабушка на свете!

– Спасибо, моя драгоценная, – улыбнулась она и поджала губы. Как будто вот-вот расплечется.

– Жаль, что я не смогу родить тебе правнучку, – вырвалось у меня. – Я буду последней безумицей в твоём роду.

– Тс-с, – прошептала бабушка. – Лучше послушай, что мальчонка поет.

Мальчонка тем временем запел песню «Believe»: *«Все начинается с маленькой искорки, которая угасла бы, если твое сердце не мечтало со мной. Где бы я был, если бы ты не верила в меня?..»*^[5]

– Так вот, я мечтаю вместе с тобой, – продолжила бабушка и сжала мою ладонь. – Ты не одна, милая.

– Спасибо, ба. Хотя я не до конца понимаю, во что конкретно верить. В то, что мою болезнь научатся лечить? В то, что Сейдж окажется не моим братом, и я смогу выйти за него замуж? – нервно рассмеялась я. – Или есть другой способ почувствовать себя полноценной? Другой способ позволить себе касаться кого-то и не умереть?

«Если бы ты не верила в меня, разве узнал бы я, каково это – прикоснуться к небесам?!» – воскликнул Джастин из динамиков, словно слышал наш разговор и участвовал в нём.

– К небесам! – простонала я. – Тут бы человека простого потрогать.

Бабушка рассмеялась, лучики морщинок окружили медово-карие глаза, и я рассмеялась вместе с ней.

– Просто помни, я рядом и мечтаю вместе с тобой, – повторила она. – А когда двое мечтают – это уже совсем не то что мечты одного. Запомнила?

– Запомнила.

– А теперь пересаживайся на пассажирское сиденье, моя ненаглядная. Поддадим газку! Мне сказали, что эта тележка разгоняется до ста километров в час за пять секунд! Старушке не терпится проверить!

Я переползла на пассажирское, клацнула пряжкой ремня безопасности и посмотрела на бабушку с немым восторгом.

– Я буду твоим солдатом! Каждую секунду буду сражаться за твои мечты, малышка!^[6] – начала громко подпевать бабушка. Голос у нее

сильный и красивый, такой только у потомственных аристократок и бывает. Заурчал мотор, мы выехали из гаража и направились к автостраде. – Поэтому не волнуйся, не плачь, нам не нужны крылья, чтобы лететь! Просто держи меня за руку!

* * *

Тем летом мне начали сниться сны.

Сны о прикосновениях.

В них я ходила без перчаток, ела ту же еду, что и другие люди за столом, обнималась с друзьями, целовала парня. А он целовал меня – и мои губы не покрывались ожогами.

Мое подсознание пыталось обрести во сне то, чего ему так не хватало в реальности. Я просыпалась вся взмокшая, разгоряченная, с пылающим лицом и липкими ладонями.

Однажды мне приснилось, что я танцую с незнакомым парнем. Его рука гладит меня по лицу, потом движется вниз, обрисовывая линию ключицы, сжимает грудь, соскальзывает все ниже и ниже, пока не касается пояса моих шорт.

Но вот и пояс не останавливает ее. Рука упорно движется к тому месту, где соединяются мои ноги. А потом парень заглядывает мне в лицо, и я немею: это Сейдж. «Я люблю тебя, Тэйла», – говорит мне он, и я вскакиваю на кровати, мокрая от пота.

Той ночью я так и не смогла уснуть, завернувшись в одеяло и отправившись гулять по бабушкиному «замку». Люблю темноту, она гораздо интересней света. Возможно, потому, что таит в себе неведомое: чудовищ и волшебников, монстров и фей. А в том мире, где есть волшебство, есть шанс, что меня сделают нормальной, здоровой, такой, как все. Легко, с помощью магии.

В гостиной мерцали ночные светильники, догорали поленья в камине, на овечьей шкуре спала Хэйзел. Я стянула из холодильника кусок марципанового теста и вышла в сад. Побродила среди деревьев, посмотрела на звезды, замерзла – холодные ночи не редкость для этих краев. Даже в июле температура может опуститься ниже пятнадцати. Потом отправилась обратно. Под ногами пружинил мокрый от вечерней росы газон, дул слабый ветер, и от аромата жимолости кружилась голова.

Я остановилась, чтобы отцепить от розового куста уголок одеяла, и в глубокой тишине расслышала странные звуки. То ли плач, то ли стон. Звуки

доносились из западной спальни с бархатной занавеской и приоткрытым окном. Я подошла ближе и медленно, миллиметр за миллиметром, заглянула внутрь, за занавеску.

В комнате горел ночник, на развороченной кровати сплелись в одно целое два человеческих тела. Я узнала Мэри – бабушкину экономку, молодую женщину с белой, как молоко, кожей. А над ней, как инкуб, наконец нашедший себе добычу, навис Себастьян – бабушкин охранник и шофер, который обычно сопровождал бабушку там и сям, занимался ее машинами и следил за порядком. Треугольник его спины был обвит женскими руками и ногами, как стены замков бывают обвиты стеблями плюща. Он накрыл ее собою как гранитной плитой, а она прорастала сквозь него, текла через него рекой...

Я впервые увидела обнаженное мужское тело во всей его, так скажем, оригинальности. Массивное, загорелое, слепленное совершенно по-другому, нежели тело женщины. Спина с косыми широкими лентами мышц по бокам, руки и грудь в темных волосах и, наконец, – тот самый орган, который Себастьян раз за разом погружал в тело Мэри. Оказывается, пенис не просто «вводят», о чем в моих книгах, конечно же, умалчивалось. Им водят туда и обратно, им пронзают, им колют, как кинжалом... Мэри застонала. Неужели ей больно? Неужели то, что он с ней делает – это плохо?

Я была готова бросить камень в окно, закричать птицей или залаять собакой, чтобы испугнуть его, чтобы остановить, но тут Мэри выгнула спину и попросила: «Сильнее!»

Мои ладони потеплели, я не могла пошевелиться. Вся кровь покинула руки, ноги, мозг и стекла в низ живота. Я сжала ноги так сильно, что онемели мышцы.

Мэри почти плакала: Себастьян ее, похоже, убить решил своей штуковиной, и она была не против. А потом она резко замолкла, ее руки соскользнули с его плеч и раскинулись в стороны. Себастьян еще пару раз вошел в нее, а потом опустился рядом, поцеловал ее и укрыл одеялом. Они о чем-то пошептались, обнялись и наконец погасили свет.

А я все стояла у окна, не чувствуя ни ног, ни рук – только болезненное онемение в животе, кишках и голове. И почему-то грусть.

* * *

Следующим утром к бабушке приехал Сейдж. Я не видела его целый

месяц, но приезд меня не обрадовал. Я толком смотреть на него не могла, краснела и пыталась избегать. Теперь я знала, что именно он делает со своими девушками. И это знание больше не позволит мне прыгать к нему в кровать с утра пораньше с воплями «Доброе утро, дурачина!», не позволит разгуливать по дому в коротеньких пижамных шортиках и полупрозрачной майке, едва прикрывающей грудь, или прыгать на спину дикой кошкой, когда он совсем не ждет. Я даже не уверена, смогу ли теперь просто обнять его, зная, на что способно это тело, когда он наедине со своей подругой...

Сейдж не мог не заметить всех этих перемен.

– Ну а сейчас-то чего дуешься, мелюзга? – спросил он, когда встретил меня рано утром в гостиной. Зола в камине уже успела остыть, и Сейдж собирался вычистить его перед вечерней топкой.

– Я уже не мелюзга, Сейдж.

– О-о-о, мелюзга злится! Осталось выяснить, на кого.

– На жизнь.

Сейдж чуть со смеху не покатылся. Он редко принимал меня всерьез. Для него я была глупенькой, маленькой младшей сестрой, которая особенно комична, когда пытается рассуждать *о жизни*. И его хихиканье не на шутку разозлило. Секунду назад я собиралась сбежать из гостиной, но теперь решила остаться и выплеснуть все из себя, как выплескивают на газон ведро грязной воды после уборки:

– Я видела, как мужчина и женщина занимались любовью.

Сейдж тут же прекратил хихикать и вздохнул.

Таким ты мне нравишься больше, болван.

– И? – спросил он, закатывая рукава и начиная выгребать пепел из камина.

– И лучше бы я этого не видела.

– Что, все было так ужасно? – попытался пошутить он, чтобы избежать очередного философского разговора.

– Нет, все было прекрасно, – процедила я сквозь зубы. – И в этом заключается проблема.

Сейдж не придумал, что сказать. Стряхнул с рук серый пепел, подошел ко мне и просто обнял.

– Попытайся не думать об этом.

– Легко сказать, – покачала головой я. – Я сплю и вижу сны... Стыдно рассказывать, какие. Я хочу того же, чем занимаются все люди. Может, не сейчас, но попозже. И мысль, что я никогда не смогу, – она просто невыносима...

Сейдж потрепал меня по волосам и попытался успокоить, но чем

больше я старалась взять себя в руки, тем хуже получалось.

– Лори, на самом деле в сексе нет ничего такого, из-за чего стоило бы так... сходить с ума. Это просто... да ничего особенного. Господи, сколько тут золы... Что тут вчера сожгли? Библиотеку Тринити?

– Ты что, думаешь, я за столько лет не научилась видеть, когда ты врешь? – рассвирепела я. – Совсем за дуру меня держишь? Вот ты, скажи мне честно, если бы пришлось выбирать между пенисом и рукой, ты бы отдал руку, так?

– Ну вот, снова начинаешь беситься! – воскликнул Сейдж, сжав в одной руке кочергу, а в другой – веник для золы.

– Значит, отдал бы. А как насчет ноги? Ты бы больше никогда не смог ходить, бегать, играть, но все равно, думаю, отдал бы ногу. Так?

– Лори!

– Ответь на простой вопрос! Отдал бы пенис или ногу?!

– Проклятье, ногу! – Сейдж отвернулся с бордовым лицом и снова с усердием Золушки принялся ковыряться в камине.

– Вот видишь! И все ради чего? Чтобы не лишиться самого прекрасного, что может дать тебе жизнь: ласки и прикосновений!

Сейдж фыркнул и поднял глаза к небу, изображая крайнюю степень несогласия, но мне не задумишь голову. Я знала, что права.

– Ты готов отдать ногу, а может, даже обе ноги. А знаешь, что я могла бы отдать за шанс хоть однажды испытать все это? Я бы, наверно, могла отдать жизнь! Чужие руки обожгли бы, чужие поцелуи опалили всю кожу на лице, мужская... жидкость разъела бы изнутри, но зато я бы перед этим была желанной, любимой! – как заколдованная, заговорила я, наворачивая круги по гостиной и не видя ничего вокруг.

– Какая же ты дура, Долорес! – вскочил на ноги Сейдж, бросил кочергу с веником и встряхнул меня так, что клацнули зубы. И продолжил быстро, яростно: – Твоя жизнь бесценна и никакие потрапушки с кем бы то ни было не стоят ее!

А потом развернулся и вылетел из комнаты – так быстро, что аж пепел в воздухе закружился.

Ко мне подошла Хэйзел и ткнулась мокрым носом в бедро. Она всегда знала, когда я расстроена.

Просто перепутали бутылки

В самом конце лета, буквально за неделю до отъезда домой, я познакомилась с Джесси – сыном Себастьяна. Ему было восемнадцать или около того. Он заехал к отцу в гости, они вместе чинили винтажный бабушкин кабриолет.

Джесси ходил туда-сюда в промасленной майке, подавал отцу инструменты и курил «Силк Кат» у дверей гаража. Мэри приносила сэндвичи с тунцом и кофе с «Бейлисом». Я сидела неподалеку и дурачилась с Хэйзел. Акита была совсем старой и ленивой и отказывалась носить мне мячи, но поваляться со мной на траве по-прежнему любила.

– Мисс Макбрайд! Хотите сэндвич? – крикнула Мэри и помахала рукой.

Я встала и направилась к гаражу, на ходу приглаживая волосы. Есть не слишком хотелось, но это была возможность поближе рассмотреть незнакомого парня. Я редко встречала новых людей, и они всегда вызывали интерес.

Парень выпустил изо рта густой сизый дым и протянул мне ладонь:

– Привет. Я Джесси.

Я выставила руку в латексной перчатке.

– Долорес.

Тот озадаченно посмотрел на нее и неловко пожал пальцы.

– Готовлюсь к поступлению в медицинский, привыкаю к перчаткам, – поторопилась соврать я, пока он не успел подумать, что у меня какая-нибудь кожная болезнь. Надеюсь, Мэри и Себастьян не слишком много знают. Мэри в курсе, что мне можно есть только из стерилизованной посуды, но, кажется, думает, что у меня просто слабый желудок.

– Я видел твою машину, роскошная, – Джесси кивнул на «S7», стоящую там же, в гараже.

– Спасибо, – растаяла я.

– Прокатишь меня как-нибудь?

– У меня еще нет прав. Бабушка слегка... поторопилась.

– Хочешь, поучу тебя?

Его отец закатил глаза и вытер руки о промасленную тряпку. Мэри протянула мне аппетитный бутерброд, завернутый в целлофан.

– Не буду против, – кивнула я. – Надеюсь, ты... опытный водитель.

– Пока никто не жаловался.

Все это звучало двусмысленно и ужасно мне нравилось. Хотелось взять его сигарету и сделать затяжку. Да, я знала, что это будет то же самое, что обхватить губами раскаленный гвоздь – потом вся кожа слезет. Но эти мысли все равно вертелись в голове снова и снова.

* * *

Джесси и я сидели в салоне моей машины. Мне было и страшно, и радостно одновременно. Казалось, это первый раз, когда я нахожусь так близко к постороннему человеку. Да еще и привлекательному парню. Джесси положил мою руку на рычаг переключения скоростей.

– Только «ручка», только хардкор? – подмигнул он.

– Бабушка выбирала.

– Я слышал, она женщина хоть куда.

– О да. Называется «пощады не проси».

– А как насчет тебя?

Моя рука все еще лежала на рычаге передач, а рука Джесси – на моей.

– Что насчет меня? – хлопнула ресницами я.

– У тебя можно просить пощады?

Он шутил, может быть, слегка флиртовал, но у меня перед глазами тут же возник Вильям, закрывающий голову и лицо руками, пока я натравливала на него собаку.

– Я хорошая девочка, сама доброта, – ответила я.

Джесси рассмеялся, не слыша в моем голосе иронии. Улыбка – просто роскошная. Я подумала, он недолго будет помогать своему отцу чинить машины. Какое-нибудь модельное агентство обязательно наложит на него лапу, разоденет в шипованую кожу, научит смотреть так, что от одного взгляда будут плавиться стены, – что уж говорить о сердцах...

– Жаль, что несовершеннолетняя, – ответил он и убрал ладонь с моей руки.

Я посмотрела на его губы, и на меня снова накатило то самое ощущение, которое я испытала в саду, глядя в чужое окно. Низ живота налился теплом, пульсирующим и тяжелым. А в голове завертелась одна мысль: за поцелуй придется всего-то месяцок полежать в больнице.

Всего-то месяцок.

Мы с Джесси обменялись номерами телефонов, и тем же вечером я получила от него первое СМС. «Сладких снов. Надеюсь, до завтрашнего дня ты не забудешь, где газ, а где тормоз:))»

Меня аж из постели выбросило. Я закружила по комнате, перебирая в уме слова, и тут же настрочила ответ: «Надеюсь, ты до завтрашнего дня не забудешь мое имя?»

Тишина, но совсем короткая. Трель входящего сообщения: «Не смогу забыть его, даже если захочу. Оно вертится у меня в голове».

Я забралась в постель и тут же выпрыгнула обратно. Почему все это так возбуждает? Ведь это всего лишь переписка, слова, отображающиеся на экране моего телефона.

«А сам тем временем сидишь в баре и кадришь девчонок. Угадала?» – написала я.

«Даже близко нет. Вокруг темнота, и я думаю о тебе».

«Так я и поверила. Передавай привет бармену. И много не пей. Тебе завтра меня учить», – подколола я его.

«Бармена здесь и близко нет. Здесь только деревья, ночь, тишина и твое окно».

Что?!

Я вскочила с постели и отодвинула занавеску. В саду стоял Джесси и махал рукой.

Я не видела лица в полумраке, но рассмотрела, что он подносит телефон к уху. Мой тут же взорвался рингтоном. Я подскочила от неожиданности и мгновенно приняла вызов.

– Ты что, с ума сошел?! Что ты тут делаешь?! – хихикнула я в трубку.

– Остался у отца, твоя бабушка была не против.

– А что, думаешь, она скажет, если узнает, что я тусовалась с тобой среди ночи?

– Думаю, голову мне открутит.

– Тогда мы ей не скажем. Мне нравится твоя голова.

Я набросила на плечи куртку, натянула перчатки и двинулась к выходу на цыпочках, тихо-тихо, чтоб ни одна душа не услышала.

Вышла за дверь и чуть ли не врезалась в Джесси, стоящего на пороге.

– Ну что, садимся в машину и сбегает, ты и я? – хрипло прошептал он.

Я резко выдохнула.

– Я пошутил, – рассмеялся он. – Но ты успела просчитать в уме все

варианты и уже решила, что положишь в чемодан. Так?

Джесси сел на ступеньку и протянул мне бутылку «Хоп-Хауса-Тринадцать».

– Будешь?

Я знала, что это хорошее пиво, Сейдж любит его. Я тоже уже пробовала и с удовольствием выпью снова в компании Джесси.

– Оки-доки, только подожди минутку. – Я забежала в дом, отыскала на кухне стерилизующие салфетки и хорошенько обтерла бутылку от отпечатков пальцев Джесси. Заодно вскрыла ее чистым ножом, прихватила одну из диванных подушек и направилась к двери.

Внезапно мне преградила дорогу Хэйзел. Смущенно завиляла хвостом, ткнулась носом в бедро.

– Иди спать, завтра весь день проведем вместе, обещаю. – Я потрепала ее по голове и открыла было дверь, но акита вцепилась зубами в кончик моей пижамы и уперлась лапами в пол.

– Хэйзел, место, – сказала я строго. Я хотела, чтобы собака осталась внутри. Она очень любила охранять меня, а Джесси – не тот человек, от которого нужна была защита.

Хэйз послушно легла у камина, положив голову на лапы и глядя на меня с немым упреком.

– Ну не дуйся, завтра я вся твоя! – пообещала и вышла за дверь.

Джесси ждал меня. Улыбнулся, когда увидел, как я подкладываю под попу подушку и устраиваюсь сверху, как птица на гнезде. Он поднес к губам бутылку и сделал глоток. Я тоже отпила. По языку потек сладковатый лагер с легким фруктовым ароматом и привкусом абрикосов.

– Так что привело вас сюда, благородный рыцарь, в такой час?

– Прекрасная принцесса, заточенная в замке. Огромные глаза, дерзкая улыбка, латексные перчатки...

Я хихикнула. Джесси отставил бутылку и взял меня за руку, разглядывая ладонь.

– Я принес принцессе волшебный нектар, и она прилетела вниз, учуяв его запах. Как винная бабочка.

– Жаль, что к нектару соленых орешков нет, – рассмеялась я, тоже отставляя бутылку. – Ладно, продолжай. Как думаешь, что будет дальше?

– Дальше рыцарь скажет, что он небогат, но бабушка завещала ему дом в графстве Донегал, а еще он играет за «Шемрок Роверс»^[7] и у него есть письмо о приеме в Тринити-колледж.

– Вау. Очень даже неплохо, господин рыцарь.

– А что ответит принцесса? – подмигнул он. Вздых вырвался из моей

груди:

– А принцесса скажет, что живет в заколдованном замке, имя которому Стигмалион. И замок не отпустит ее ни к какому рыцарю. А за каждую попытку сбежать будет мстить – оставлять на ее теле стигму. Знаешь, что такое стигма? Это ожог, клеймо, которым древние греки помечали рабов и преступников. Так и Стигмалион будет клеймить пленницу. Раз за разом, пока боль не победит. Боль всегда побеждает.

Джесси пристально посмотрел на меня, должно быть, пытаясь понять, что за бред я несу и не пора ли забрать бутылку.

Бутылку, которую я подозрительно быстро опустошила. Еще пять минут назад она была почти полной. Я подняла ее и стала рассматривать: сквозь желтое стекло просвечивало ночное небо и медь луны, – она почти пуста. Потом глянула на бутылку Джесси: та была почти полная.

– Постой... кажется, мы перепутали бутылки.

– Кажется, да.

Волна адреналина поднялась внутри и растеклась по венам. Значит, молекулы его слюны уже у меня во рту! Еще примерно тринадцать минут – и рот наполнится жжением. На коже слизистой начнут появляться пузырьки, наполненные прозрачной сукровицей. Их будет становиться все больше и больше, они начнут сливаться в большие волдыри. А волдыри быстро начнут лопаться, обнажая кровоточащие раны.

Потом я, скорее всего, начну задыхаться и потеряю сознание от боли. Очнусь уже в палате реанимации с бинтами на лице... Будет больно, очень больно...

– А что? Ты категорически против обмена микробами? – задорно улыбнулся Джесси.

И тут до меня дошло, что бояться – уже поздно. Что в реанимации уже приготовлена для меня палата. Что судьба уже бросила кости, и мне не остается ничего другого, как...

Потратить оставшиеся тринадцать минут с пользой.

Время пошло.

Я стащила перчатки, обняла Джесси за шею, придвинулась ближе.

– Я только за, – выдохнула я и прижалась губами к его.

Он удивился моей решительности, но не стал задавать вопросов, а молча принял все мои подарки. Стянул меня с подушки и усадил к себе на колени. Я начала целовать его, как умела, как подсказывала мне природа. А Джесси – целовал меня. Какое блаженство. Страх ушел. Джесси начал посасывать мою нижнюю губу, я – его верхнюю. Он закрыл глаза от наслаждения, и я погладила его лицо: кожа на ощупь такая мягкая, только

щетина на подбородке слегка колется...

Теперь я была почти рада, что перепутала бутылки. Все это стоило каждого дня, что мне предстояло провести в больнице.

– Долорес, – застонал Джесси, теперь голос был совсем другой, охрипший. Его рука нырнула под мою майку и ласково сжала грудь. Я позволила ему и это. Одним ожогом больше, одним меньше – разницы нет.

– Будешь помнить меня, когда все закончится? – прошептала я, уже чувствуя едва заметное жжение на губах.

– Закончится? Ты уже собралась бежать? – возразил он.

– Я не хочу бежать, ты сам убежишь, когда узнаешь...

– Тебе не шестнадцать? – пробормотал он. – Еще меньше?

– Прощай, Джесси, я буду помнить тебя.

Губы жгло так, что невозможно было терпеть. В легких тоже разливалось пламя, мешающее говорить и дышать. Я поцеловала парня в лоб и встала с его колен. Он удержал меня за руку.

– Долорес... Останься...

– Не могу. Уходи. Но прошу тебя: что бы ни случилось, – ты ничего не знаешь!

Я вбежала в дом и захлопнула дверь. Прижала руку к губам – боже, как больно! – и рванула по лестнице вверх, перескакивая по две ступеньки за раз. Хэйзел вскочила с коврика и побежала за мной. Я ворвалась в чужую спальню и коснулась плеча спящего брата.

– Сейдж, Сейдж! Проснись! Я перепутала в темноте стаканы и, видимо, попила из чужого... Ужасная боль... Вызывай скорую...

Мой Стигмалион уже начал мстить.

Здравствуй, мир. Меня зовут Долорес

Мама постарела. Я вдруг заметила это. Вокруг рта тонкие морщины. На лбу несколько горизонтальных линий. Глаза уставшие, заплаканные. Никаких слов не хватит, чтобы вымолить прощение...

Рядом сидел, обняв ее за плечи, Сейдж. Мрачный, как грозовое облако, на подбородке щетина – пару дней не брился, глаза красные.

Только папы не было. Хорошо бы, он тоже пришел... И бабушка. А может, и не нужно им сюда приходить. Я все равно не смогу смотреть им в глаза...

– Ничего не говори, будет больно, очень сильные ожоги, – всхлипнула мама.

Я не смогла бы ничего сказать, даже если бы попыталась: у меня полголовы было забинтовано, и бинты тянулись поперек рта, а рот был забит горькой от лекарств ватой.

– Помнишь что-нибудь?

Я покачала головой.

– Зато Джесси помнит, – процедил сквозь зубы брат.

– Сейдж, не сейчас, – попросила его мама.

– А почему не сейчас? В следующий раз ее могут не спасти, ты знаешь! Она же намеренно это сделала, черт побери!

Я подняла руку – она тоже была перебинтована, только пальцы торчали – и жестом попросила бумагу и ручку. Мама порылась в сумочке и вынула блокнот и карандаш.

«Сколько я здесь?» – написала я так коряво, что сама бы не смогла прочесть. Но мама легко понимала мою писанину:

– Третий день.

«Как Джесси? Он знает, где я и почему?»

– Знает, – кивнула мама.

«Черт», – так и написала. Мама прочла, и горькая улыбка тронула ее губы.

«Он придет?»

– Ты хочешь этого?

«Да».

– Тогда мы попросим его, – заверила мама.

– Да не придет он! – перебил Сейдж и запустил руки в спутанные

волосы.

«Почему?» – написала я, рука стала дрожать.

Мама вздохнула и переглянулась с Сейджем.

– Он не спрашивал о тебе с того самого вечера, когда тебя забрала скорая, – выпалил Сейдж. – Ему пофиг!

– Сынок, ты слишком резок...

– Мам, не нужно ее обнадеживать. Джесси не из тех, кто будет сидеть у ее постели, и лучше сказать об этом сразу.

Я хотела задать еще миллион вопросов и получить на все ответы, но рука утомилась и уронила карандаш.

Ничего, все заживет. И тогда я спрошу все, что хочу. Зато я трогала этой рукой Джесси. Его лицо. И волосы. И плечи.

– Поспи, хорошо? – попросила мама. – Завтра будет лучше, чем сегодня.

Спать я не могла. Мама оставила блокнот и карандаш, и я начала рисовать. Сначала появилась решетка, а потом пленница. Она вцепилась руками в стальные прутья и смотрела на меня огромным испуганным глазом с широким зрачком.

«Стигмалион» – вывела я сверху неровными буквами. И дописала ниже четыре корявые строки:

«Принцесса была прекрасная, была смелая.

Ожоги были красные, а шрамы белые.

Принцесса лбом стучала в железные прутья,

Принцесса сбежать мечтала... Но больше не будет».

* * *

Прошла еще одна неделя в больнице.

Каждый день мне промывали лекарствами рот, покрывали губы свежими полосками заживляющей ткани, перебинтовывали ожоги на лице. Хорошо, что Джесси не целовал мои глаза – наверное, я бы ослепла...

Больше всего на свете мне хотелось поговорить с Джесси. И меньше всего на свете хотелось, чтобы он увидел мое лицо. Я видела себя в зеркале, которое выпросила у медсестры. Все не так страшно: просто новая кожа на месте ожогов – не бледно-розовая, а ярко-красная. Нужно время, чтобы она восстановилась и побледнела. Возможно, понадобится пластика

губ, но еще точно неизвестно. Слизистая во рту заживала быстрее всего: я уже могла двигать языком, чувствовала вкус лекарств. Супа. И слез, когда они стекали по щекам и попадали в рот: соленые.

Я не знала, сколько еще смогу ждать, прежде чем не сдержусь, выпрошу у медсестры телефон и позвоню Джесси.

Родные приходили каждый день. Чаще всего Сейдж. Был зол на меня страшно.

– Ты – бессовестная, эгоистичная дура, – повторял он каждый день, вливая жидкую еду мне в рот.

– Знаю, – бормотала я еле-еле. Если раздвину губы шире, то лопнет новая кожа, поэтому приходилось говорить, почти не раскрывая рта.

– Бессовестная, безответственная, сумасшедшая, бестолковая. Родители этого не скажут, а от меня – получай.

– Ты знаешь, что такое «бритва Хэнлона»? – пробубнила я.

– Самое время поумничать.

– Я не умничаю. Я пытаюсь объяснить. «Бритва Хэнлона» – методологический принцип, который гласит: «Не приписывайте злomu умыслу то, что можно объяснить обыкновенной глупостью». Вот и здесь не было никакого злого умысла...

– Даже не пытайся сбить меня с толку, – хмуро предупредил Сейдж.

– Сейдж, я не планировала все это! Клянусь! Мы просто перепутали бутылки. Случайно. Я потеряла бдительность. А потом подумала, что раз уж все равно валяться в реанимации...

– Если бы ты просто отпила из его бутылки, то все было бы не так плохо! Господи, поверить не могу, что ума в твоей тупой башке так мало.

– Наверно, пиво в голову ударило...

«И его поцелуй».

– Пиво, пиво... Отделалась бы ожогом на губах, а так посмотри на себя – все лицо, вся шея, все руки... Еще и на груди отпечаток ладони! Да не смотри на меня так. Увидел, когда срывал с тебя одежду и поливал водой, чтобы смыть следы! Ты этого уже не помнишь, потеряла сознание.

– Прости...

– Не прощу. Не прощу, Долорес. Скажи, что дальше? Ты и дальше будешь калечить себя, кидаясь парням в объятия?

– Я уже испытала все, что хотела испытать, Сейдж. Теперь я знаю, как это... Так что... Принцесса снова в Стигмалионе. В платье нарядном, на троне, в короне. Перчатки, вуаль, меховое манто. Только бы шрамы не видел никто.

– Что это еще за стишочки?

– Сама придумываю. Поэма о Принцессе Долорес и заколдованном замке. Где ее жестоко наказывают за малейшие провинности и откуда она, бедная, не может убежать...

Сейдж придвинул стул к моей кровати и медленно сказал, очевидно, пытаюсь донести до меня нечто очень важное:

– Каждый из нас живет в замке, из которого не может убежать, если тебя это утешит, Лори. Никто из нас не выбирает свое тело. Какое дали – в таком и живем. И, поверь, многим повезло куда меньше, чем тебе. Слепые, глухие, безногие, изувеченные, страдающие от всяческих заболеваний, генетических нарушений, всевозможных форм неполноценности... Никто из нас не может убежать из своего замка! Всем приходится чем-то жертвовать. Безногие не могут ощутить мягкую траву под ногами. Глухие не могут слышать шум океана. Карлики не играют в баскетбол, а колясочники не танцуют танго! А люди вроде тебя не могут ни к кому прикасаться! Собери всю волю в кулак и прими же это, наконец, со всей ответственностью!.. Вкусно?

Сейдж влил мне в рот очередную ложку жидкой овсянки.

– Вкусно.

– И еще. Если я впредь увижу возле тебя хоть одного парня, расскажу ему, что будет, если он притронется к тебе. Не поверит – подарю ему историю твоей болезни. С фотографиями.

– Не посмеешь, – возразила я так энергично, что каша потекла по подбородку.

– Я больше не союзник тебе, Лори. Я – твой надзиратель.

* * *

Мне таки удалось разжалобить медсестру и выпросить телефон. Джесси ответил не сразу. Гудка с седьмого: я считала, пока шел вызов.

– Алло? – сказал он.

– Джесси?

– Кто это?

– Долорес.

Он замолчал, выдохнул, потом вдохнул и только тогда спросил:

– Как ты?

– Более-менее... Хочу увидеть тебя.

Еще один выдох.

– Не думаю, что это возможно.

Я вжала голову в плечи. Меня словно морозным воздухом обдало.

– Ты... занят?

– Послушай... Твой брат все рассказал.

– Что именно?

– Что ты... не такая, как все.

– И тебя это отталкивает?

Джесси издал нечто, похожее на смешок, а потом сказал:

– Той ночью, когда ты убежала, испуганная до чертиков, – думаешь, я ушел? Остался. И не зря. Ты кричала так громко, что перебудила весь дом. Потом кричал твой брат. Орал как чокнутый: «Только посмей уйти! Только посмей уйти!» Потом я начал барабанить в дверь, думая, что он избивает тебя. Мне никто не открыл. Зато через пару минут приехала скорая. Врачам открыли. А потом тебя вывезли из дома с окровавленным лицом. Я был уверен, что это дело рук твоего Сейджа. Налетел на него, был готов убить, уложить лицом в землю, дать любые показания! А потом он схватил меня в охапку и заставил слушать то, что говорит. И тогда я почувствовал себя просто... Ты хоть представляешь, что я чувствовал, Долорес? Ты хоть представляешь?

Я не смогла ничего ответить. Если нужно было отвечать.

– Ты должна была все рассказать, черт возьми!

– И ты бы все равно поцеловал меня? – спросила я с сарказмом.

– Конечно, – съязвил Джесси. – Я же, блин, обожаю укладывать девушек в реанимацию! Ты с таким же успехом могла бы попросить избить тебя до полусмерти. Мясником – вот кем я себя чувствовал! Господи, а если бы ты умерла?

– Я и так умираю, Джесси. Каждый день. Каждые сутки – шажочек к могиле. Просто с поцелуями умирать веселей.

– Это здорово, если твоя своеобразная философия помогает жить, Долорес, но... она неправильная. Извращенная. Она угробит тебя раньше времени.

Мне показалось, что он вот-вот бросит трубку, и попыталась поскорее объясниться:

– Джесси, возможно, я делаю ошибки. Ужасные. И не беру в расчет чувства других людей... Я так долго жила вне социума, что, скорее всего, вовсе не умею этого делать. Но я хочу учиться. Хочу меняться. Хочу иметь друзей. У нас, ясное дело, ничего не выгорит, но... ты можешь приехать просто как друг? Поговорить о чем-нибудь. Мне было хорошо с тобой.

– Прости, думаю, это плохая идея... Надеюсь, ты идешь на поправку, – и он прервал звонок.

Я не сразу поверила, что он все-таки бросил трубку. Бог телефонных гудков смеялся мне в ухо. Я уронила мобильный в складки одеяла и, наверное, стала белее простыней, потому что медсестра подошла и заглянула мне в глаза.

– Деточка, если парень отказывается приехать, когда ты в больнице и просишь об этом, то... он не стоит того, чтобы о нем вообще думать.

– Он очень злится... И имеет право...

– И уж тем более не стоит искать этому засранцу оправдание!

* * *

«Эгоистичная, бессовестная, безответственная, сумасшедшая, бестолковая...» – они как сговорились. Считали меня чуть ли не самоубийцей. А мне всего лишь захотелось поцеловать парня. Захотелось того, чего хотят все девчонки в моем возрасте. Впрочем, в моем случае поцелуй и попытка самоубийства – это одно и то же.

Наверное, все ужаснейшие ошибки начинаются с маленького невинного желания. Тебе хочется красивое селфи – и вот ты уже лезешь на крышу. Хочется внимания – и ты бежишь на встречу с незнакомцем из интернета. Хочется путешествий и адреналина – цепляешься за последний вагон поезда. Хочется незнакомых ощущений – и ты суешь странную таблетку в рот.

Но кому охота думать о последствиях? Ведь это скучно.

Вскоре меня выписали и отправили долечиваться домой, в Атлон. Я вернулась в родительский дом, и мы устроили большой праздник: папа, мама, я, Сейдж, Мелисса и приехавшая из Донегаля бабушка.

Передо мной поставили тарелку обалденно вкусной еды, прошедшей мыслимую и немислимую обработку. Мама украсила дом и зажгла свечи. Бабушка включила Джастина Бибера и весь вечер мурлыкала себе под нос: «Если бы я мог умере-е-е-е в твоих рука-а-а-ах, я был бы не против...», – пока мама на нее не шикнула. Папа открыл бутылку шампанского и налил всем (кроме меня) по бокалу. Сейдж весь вечер обнимал меня от имени всех членов семьи: «Это от бабушки, это от папы, это от мамы. А вот от меня не дождеешься, я все еще зол, очень зол».

– Здесь только Хэйзел не хватает, – заметила я. – Бабуль, нужно было ее тоже привезти!

– Хэйзел слишком стара для таких поездок, пусть отдыхает, – ответил за бабушку Сейдж, за что получил от бабушки испепеляющий взгляд. Кто-

кто, а Аманда Стэнфорд не нуждается в секретарях.

– Я обещала ей, что поиграю с ней, и вот как получилось... Когда я смогу снова поехать в Донегал?

Домочадцы неловко переглянулись. Это все из-за Джесси. Если и позволят теперь снова поехать в Донегал, то глаз с меня не спустят...

– Я не буду искать с ним встреч, клянусь! Просто хочу к своей собаке. И сделать то, что обещала.

– Лори, время не самое... – сказал Сейдж.

– Даже не знаю, – сказала мама.

– Долорес, давай обсудим это позже? – сказал папа.

– Да скажите же ей, наконец! – психанула бабушка и допила залпом весь виски в стакане.

– Сказать что? – насторожилась я.

Сейдж подошел ко мне и крепко обнял, а потом сказал то, что я должна была однажды услышать, но в ту минуту оказалась совсем не готова...

– Хэйзел умерла. Мэри нашла ее утром мертвой у камина. Мы уже похоронили ее... Прости, что не сказали раньше. Время было неподходящее...

И на этом праздник закончился.

Я ушла в свою комнату оплакать потерю. Ближе к ночи пришла бабушка, и я потребовала подробностей. Лучше бы не требовала... Она рассказала, что Сейджу пришлось посадить акиту на привязь, пока врачи забирали меня. Собака безумствовала, не хотела отпускать, собиралась защищать до последнего. От всех сразу. Хэйзел видела мое тело, слышала крики, чувствовала запах моей крови. Думаю, все произошедшее стало шоком для нее и остановило ее сердце.

Если бы я знала, что подобное возможно, что животное способно так глубоко переживать болезнь своего хозяина, я бы никогда, никогда, никогда не прикоснулась к Джесси.

– Я виновата в ее смерти...

– Нельзя сказать наверняка, но об одном ты должна помнить: твои поступки влияют не только на твою жизнь, но и на жизнь твоих близких. Ты рушишь свой потолок, а балки падают и на их головы тоже. Бросаешь вазы на пол, а осколки ранят тех, кто рядом... Долорес, прежде чем сделать что-либо... настолько рискованное... представь убитого горем Сейджа, рыдающего отца, впавшую в шок маму, меня, пьющую сердечные капли. Договорились?

– Звучит так, будто я вовсе не принадлежу себе...

– Не принадлежишь.

- А когда я начну принадлежать?
- Когда чужая боль начнет волновать тебя больше, чем собственная.

* * *

Смерть Хэйзел оставила на мне неизгладимый отпечаток. На следующий день я просто не смогла заставить себя подняться с постели. Словно вырубило какой-то внутренний генератор, я отключилась от мироздания – и энергия покинула меня. Не хотелось двигаться, есть, говорить. Я просто лежала в кровати, изредка впадая в похожее на сон состояние. Но этот сон длился недолго и совсем не приносил облегчения.

Меня вывели из этого состояния медикаментозно, когда заметили, что я начала стремительно терять вес. Родители и врачи начали буквально вливать в меня какие-то лекарства, которые заставили умерший «генератор» снова работать. Впервые за долгое время мне стало интересно, что происходит за окном и что будет на ужин.

Я понемногу пришла в себя, но поняла, что еще раз подобный удар не переживу. Моя психика не слишком приспособлена для одиночных сражений. И мне нельзя оставаться одной, если какая-то беда вдруг схватит за шкуру и швырнет лицом об землю. Я просто не выживу, не переживу еще одну потерю.

* * *

Пластика губ все-таки потребовалась: меня уже записали на прием к пластическому хирургу. Также пришлось удалять лазером шрамы на лице – а вот это было все равно что с роем пчел целоваться. Еще пару недель в бинтах, с обожженными кусками кожи. Теперь я знала, что чувствуют жертвы косметической хирургии: твоего лица у тебя не будет. Будет другое, и тебе с ним жить.

– Каково это, мистер Лайонс, возвращать женщинам утраченную красоту? – спросила у своего пластического хирурга. Он совсем молодой, тридцати нет. На губах у него играла улыбка, и в глазах тоже. Наверное, смешно было видеть шестнадцатилетнюю, задающую подобные вопросы.

- Пожалуй, мне это нравится, Долорес, – ответил он, щуря карие глаза.
- Чувствуете себя богом?
- Разве что самую капельку, – хмыкнул он, поворачивая мое лицо из

стороны в сторону.

– Кстати, не старайтесь особо. Мне все равно, как я буду выглядеть. Мне некого будет кадрить красивым личиком.

– Господи, что я вижу?! Девушку, которой все равно, что будет с ее лицом! – шутливо воскликнул он.

– Я серьезно. У меня редкая форма врожденной аллергии на молекулы жира, пота и прочих биологических жидкостей других людей. Все это, – я указала на свое лицо, – результат обычных поцелуев. Парень просто поцеловал меня...

– Я заглядывал в твою историю болезни... Очень жаль, Долорес, очень жаль. Но знаешь что? От меня ты все-таки уйдешь красавицей. Станешь лучше, чем была.

– Зря стараться будете.

– А вдруг не зря? Прогресс не стоит на месте. Сегодня мы умеем лечить болезни, от которых вчера умирали. А вдруг завтра найдется лекарство и от твоей аллергии?

– Большинство лекарств изобретают только затем, чтобы потом их продавать. Чем более редка и уникальна болезнь, тем меньше вероятность, что какой-то чудака захочет изобрести от нее лекарство, выкинув миллионы долларов на исследования и изобретение препарата... Люди с редкими синдромами и болезнями никогда не дождутся лекарства. Любой препарат – это бизнес-проект в первую очередь и должен хотя бы окупить затраты на его создание. Но в случае с редкими болезнями – это все равно что устраивать пышный банкет с лобстерами и шампанским, на который сможет прийти лишь пара бродяг.

Мистер Лайонс отложил карандаш, которым делал пометки в истории моей болезни, и терпеливо сказал:

– Ты очень умная, Долорес. В том, что ты говоришь, конечно, есть своя правда, но лично я верю в то, что не все в мире решают потенциальные прибыли. Есть благотворительные организации, которые могут спонсировать исследования твоей болезни, есть ученые-энтузиасты, есть чудеса, в конце концов...

– Я не верю в чудеса.

– Но они случаются! Вчера я выиграл пятьсот евро в лотерею! – хихикнул доктор Лайонс. И уже серьезно добавил: – Слушай, а ты не хотела бы начать вести свой блог, Долорес? В Инстаграме, например, или в Фейсбуке. Рассказать всему миру о своей болезни, о том, как живешь, с какими трудностями сталкиваешься. Ты очень умная, забавная, дерзкая. Ты смогла бы не только привлечь внимание общественности к людям с

редкими генетическими нарушениями, но и, возможно, найти себе подобных.

Мой внутренний зверек насторожился, поднял нос и зашевелил усами.

– Ты поняла меня, да? Я постараюсь, чтобы отсюда ты ушла такой же красивой, какой была до... того самого парня. А ты постарайся не отчаиваться. Кстати, по поводу ожога на груди: моя ассистентка назначит тебе новый прием на...

– Оставьте. Я не хочу его убирать...

– Уверена?

– На все сто.

Обычно люди избавляются от шрамов, потому что со шрамами связаны плохие воспоминания. Но что, если шрам – напоминание о чем-то прекрасном?

* * *

В тот же вечер я завела себе аккаунт в Инстаграме и выложила туда свою первую фотографию и первое сообщение:

«Здравствуй, мир. Меня зовут Долорес, и у меня редкое аутоиммунное нарушение, которое заставляет клетки моего иммунитета работать не так, как они в норме должны работать.

Обычно иммунная система защищает нас от опасных и чужеродных элементов. Да-да, приходит иммунная «полиция» и стреляет разрывными пулями по «преступникам».

Но иногда иммунитет принимает за врагов вполне безобидные вещества, да еще и реагирует на них так бурно, что превышает все пределы «допустимой самообороны». «Полиция» достает не пистолет, а гранатомет и начинает стрелять из него во все стороны. Организм повреждает собственные ткани, вызывает отеки, сыпь и проблемы с дыханием. Он так сильно стремится уничтожить аллерген, что готов вместе с ним уничтожить и себя. Это уже не полицейский, а натуральный террорист-смертник! Именно этот агрессивный ответ на элементы окружающей среды и называется аллергией.

Люди могут испытывать аллергию на все что угодно, кроме дистиллированной воды: на орехи и яйца, на пыльцу и клещей, на рыбу и пух. Но мой организм принимает за «врагов» биологические жидкости других людей: пот, кровь, слюну. Распознает малейшие отличия в молекулах – и начинает атаку. Причем жестокую.

Проще говоря: я покрываюсь отеками, ранами и могу умереть от болевого шока, если кто-нибудь тронет меня.

Весело, да? Я не могу поцеловать парня, обнять родителей, есть попкорн из одной миски с подружкой. Я неприкасаемая. Сложно ли быть мной? Очень. Иногда хочется умереть. Тем более что это легко – нужно просто броситься кому-нибудь в объятия.

Но потом я вспоминаю о людях, которые любят меня, и о том, что если совсем уж прижмет, – то умереть я всегда успею. И еще я думаю, что в мире столько вещей, чудес и возможностей, которые так жалко упускать.

Я хочу, чтобы Господь Бог на том свете спросил меня: «Что ты успела сделать за свою жизнь, Долорес?» и тогда я начну перечислять – и этот список будет таким сумасшедшим, что Бог будет хлопать себя по коленям и хохотать.

«Я путешествовала, вела блог, радовалась и любила, побывала там, там и даже там! Я встретила его, ее и даже их! Я делала это, это и вот это! И даже, – добавлю шепотом, – успела поцеловать парня!».

И на этих словах Бог тут же подпрыгнет на своем троне и воскликнет:

– Даже это, Долорес Макбрайд?!

– Да! – рассмеюсь я.

– Ну ты даешь! – скажет Он.

– Ага! – скажу я.

– Вот уж кто не зря жизнь прожил!

Примерно так все и будет! Мне будет чем повеселить старика. Я не из тех, кто скажет Ему, потупив глаза: «Сорян, батя, я только и делала, что грустила, распускала нюни и в пятнадцать швырнула себя под поезд». Какая скука. А скука – это не про меня».

Охотники за правдой

В мой Инстаграм никто не заглядывал. Мир был слишком огромен, чтобы обратить внимание на историю одного человека. Все равно что заставить джунгли слушать трепетание крыльев одной маленькой бабочки. Я потихоньку цедила свою скромную историю среди котят, светских сплетен и фотографий салатиков, а в подписчиках у меня были только Сейдж, бабушка и мама.

А потом, примерно полгода спустя, случилось нечто удивительное. Кто-то с ником Craig_007 написал мне в Инстаграме: «Долорес, ты классная! Знаю, что тебя нельзя обнимать, поэтому шлю тебе виртуальные объятия!»

Я и моя семья были первыми в мире чудаками, которые отметили комментарий в Инстаграме ужином в ресторане.

С людьми, мне подобными, дело обстояло еще хуже, чем просто с читателями. Честно говоря, я и не думала найти кого-то. Ведь все эти годы я считала себя уникальной.

Однако в один прекрасный день я увидела письмо в своем электронном ящике:

«Долорес, я с трудом в это верю, но, кажется, мы нашли друг друга. У меня такой же диагноз, как у тебя [далее автор письма сделал три ошибки в диагнозе]. Может быть, встретимся где-нибудь и выпьем кофе? [Кофе? В кафе? Из нестерилизованных чашек? Приятель, ты уверен?] Я живу недалеко от Атлона, могу приехать. Буду ждать ответа! Никаких объятий, обещаю! [Смущенный смайлик]. Аарон».

Кажется, еще никогда в жизни я не прыгала так высоко. Мы договорились, что встретимся в кафе «Costa», и помешать мне прийти туда смог бы только перелом ноги. Или Сейдж. Он глаз с меня не спускал после того случая.

Но Сейджу я говорить не собиралась.

* * *

Аарон – невысокий щуплый парнишка в низко надвинутой кепке и вытертой джинсовой куртке – не только опоздал, но и еще явился не один, а

в компании двух других парней. Они быстро нашли мой столик и, заказав себе по кружке кофе, шумно расселись вокруг.

– Привет, Лори! – Аарон протянул руку – руку без перчатки! – и я уставилась на него в немом изумлении. Он что, с головой не дружит?

Руки я не дала.

– Это Зак и Дик, – представил он своих приятелей, и те по очереди кивнули.

– Привет, – пробормотала я.

– Честно говоря, я не думал, что ты придешь...

– Почему?

– Ну знаешь, люди, такие, как ты... как мы... обычно избегают общения.

Один из друзей Аарона не сдержал улыбки, но тут же ее спрятал.

– Угу, – кивнула я, глядя, как Аарон отхлебывает кофе из нестерилизованной кружки. – У тебя, наверно, более легкая форма?

– Да нет, такая же, как у тебя, – пожал плечами он. – Все симптомы те же: ожоги... И тэ дэ.

Я снова заметила улыбки, затаившиеся в уголках ртов этих мальчишек, и наконец заподозрила неладное.

– Если бы у тебя была такая же аллергия, как у меня, Аарон, то ты сейчас уже лежал бы на полу с окровавленным ртом, корчась от боли: если официантка прикасалась к кружке, то ее след сорвал бы твой аллергический механизм, как индеец чероки срывает скальп со своей добычи.

Аарон переглянулся с приятелями, а потом неловко захихикал, совсем как девчонка:

– Ну... да, возможно, у меня чуть более легкая форма, чем у тебя. Не до такой степени... Мне повезло, что я подхватил не очень серьезный штамм.

– Эту болезнь не *подхватывают*, – процедила сквозь зубы я. – Это аутоиммунная болезнь. Нарушение работы *твоего* иммунитета. Она обуславливается генетическими факторами: например, врожденными мутациями.

Аарон прыснул со смеху и хлопнул Зака по плечу.

– Это все розыгрыш, так? – Я наконец потеряла терпение. – Ты не болен... ничем таким.

– Как и ты, – заявил мне Аарон. – Видишь ли...

Он придвинул стул ко мне поближе:

– У нас с Заком и Диком есть свой канал на Ютьюбе – «Охотники за

правдой», может, слышала? – где мы выводим на чистую воду всякий... сброд. Разыскиваем какую-нибудь красавицу, которая заявляет, что питается энергией солнца, выжидаем подходящий момент и фоткаем, как она заталкивается гамбургерами в Макдональдсе. А фотки выкладываем у себя. Отыскиваем какого-нибудь мудилу, который собирает деньги на операцию ребенку, и... доказываем, что никакого ребенка нет.

– Мы – очень скандальный проект, – добавил Дик, тараща глаза.

– Люди должны отвечать не только за действия в оффлайне, но и за вранье в Сети, – закончил Зак.

– Я не отношусь к ним.

– Ты тоже собираешь деньги.

– Добровольные пожертвования на исследования.

– О да... Угу... Ну конечно, – заявили все трое.

И тут Зак включил камеру на телефоне и навел ее на меня, а Аарон резво придвинул свой стул ко мне, чтобы тоже попасть в кадр.

– Эта девушка заявляет, что любые прикосновения к ее коже вызывают сильнейшие ожоги. Настало время проверить, правда ли это...

Паника, истерика, мои вены сейчас лопнут от адреналина! Я вскочила со стула и отшатнулась в сторону, но Аарон оказался проворнее и схватил меня за руку. В одно мгновение он вздернул рукав моей куртки, обхватил предплечье и рванул к себе.

– Подонок! – закричала я.

– Как видите, – заговорил Аарон в видеокамеру, которая все это время снимала происходящее. – Еще одна мошенница, выдающая себя за человека с уникальной болезнью. Лишь бы вы только несли свои денежки...

– Помогите! – закричала я, выдергивая руку из его лап, но Дик тут же схватил меня за край куртки.

Мне на помощь пришел какой-то мужчина, сидевший за соседним столиком со своей спутницей.

– В чем тут дело? – Он подошел к Аарону и положил руку ему на плечо.

– Всего лишь делаем мир лучше, – ответил тот, гадко улыбаясь.

– Вызовите скорую, – пробормотала я, схватившись за руку. – И мне нужна вода...

– Эй, воды! – гаркнул мужчина кассиру за стойкой и вытащил телефон, чтобы позвонить в больницу.

– Не торопись, приятель, зря будешь машину гонять. А эта негодяйка сейчас пятками засверкает, – хмыкнул Аарон.

– Все нормально? – наклонился ко мне незнакомец: я даже лица его не запомнила, настолько была потрясена. Рядом возникло еще несколько озабоченных посетителей.

– Нет, – пробормотала я, закусывая губу.

Боль от прикосновения придет только через тринадцать минут, но душа уже болела. Охотники за правдой расселись вокруг, мерзко улыбаясь. Посетители недоумевали, почему я продолжаю сидеть на месте, если компания этих типов мне явно неприятна. А я не могла пошевелиться от отчаяния. Какой смысл бежать? Теперь нужно только ждать скорую и постараться не доставить этим вырождакам удовольствия видеть мои слезы. У меня что-то спрашивали, что-то говорили, сунули в руки стакан воды. А потом время вышло...

Руку обьяло невидимое пламя. Частицы чужого пота и жира уже разбудили демонов Стигмалиона.

– Эй, что ты тут снимаешь? – накинулся на Зака один из посетителей. – Выключай телефон.

– Пусть снимает, поздно, – сказала я, аккуратно избавляясь от куртки.

Надо успеть снять ее, потому что врачи с одеждой на раненом теле не церемонятся: разрежут ее по шву и выбросят. А мне нравилась моя куртка. Ее подарил мне Сейдж. Светло-голубая, джинсовая, с нарисованными крыльями на спине. Мой талисман, который уже бессилен меня спасти...

– Смотри, что ты наделал, придурок, – сказала я, задыхаясь. – Нравится?

Аарон побелел, как полотно, глядя на мою руку, которая уже начала покрываться волдырями в местах прикосновений. Зак и Дик вскочили на ноги. Волдыри начали лопаться и кровоточить. Я зажмурилась и закричала от боли...

* * *

Хуже человека, творящего зло, только человек, который творит зло, но при этом думает, что творит добро. Парни убежали с места происшествия, но позже их все-таки нашли. Свидетелей набралось предостаточно. Также в руки полицейских попала видеозапись, на которой «охотники за правдой» не давали мне уйти и хватали за руки.

Однако всего этого оказалось недостаточно, чтобы Аарон со своей компанией понес наказание. Ибо в соответствии с законом схватить девушку за руку – недостаточный повод, чтобы сесть в тюрьму. Законы

написаны для тех, чья кожа не слезает от прикосновения. Вот если бы Аарон кислотой меня облил – тогда да...

Я провела неделю в больнице на антигистаминных и противовоспалительных препаратах, потом вернулась домой, где пролежала в депрессии еще несколько недель. Через месяц после происшествия мир снаружи наконец начал меня немного интересовать: я проверила почту и зашла в свой Инстаграм.

А там творилось что-то невообразимое.

Аарон выложил видео на Ютьюб вместе с извинениями в мой адрес и пожеланиями скорейшего выздоровления, и это видео просмотрело несколько сотен тысяч человек. В комментариях кто-то бросил ссылку на мой Инстаграм, и многие зашли, чтобы написать несколько слов поддержки.

Слезы текли по щекам, когда я читала добрые сообщения от незнакомых людей. Несколько статей появилось в газетах и новостных порталах. В Инстаграме на меня подписалось почти пятьдесят тысяч человек.

Мне был дан шанс быть наконец услышанной.

Вернее, куплен мною ценой еще одного ожога.

Случилось то, о чем я грезил: внимание общества, его интерес к моей жизни и даже кое-какие пожертвования на исследование моей болезни.

Но после покушения Аарона – иначе, чем покушением, я его действия назвать не могла – во мне что-то сломалось. Я – та, что всегда была бунтаркой и сорвиголовой, – впервые осознала, насколько хрупко мое тело. Как легко меня поймать, сжать в руках и уничтожить. И что сделать это сможет любой дурак. Даже не обязательно вонзать нож или набрасывать веревку на шею – достаточно простых прикосновений: я истеку кровью, и моя жизнь закончится.

Мне больше не страшно

2015 год, мне семнадцать лет

Год прошел в затворничестве. Я продолжала выкладывать фотки с длинными подписями в Инстаграм, общалась с читателями и даже ответила на вопросы интервью, которые журналист местной газеты прислал мне в почту. Он хотел встретиться, но я так и не смогла побороть страх. После встречи с «охотниками» я старалась избегать незнакомцев.

Большую часть дня я проводила дома. Занималась с учителями, чтобы получить выпускной сертификат. Ездила к бабушке в Донегал, где часами гуляла по берегу моря в полном одиночестве или гоняла по дорогам на своей машине. Или помогала Сейджу с переездом.

Он перешел на последний курс универа, выписался из общаги и тут же решил съехаться с какой-то девицей, которую ни разу нам не показывал. Кажется, на этот раз у него назревало что-то серьезное: Сейдж светился, сверкал и словно порхал по воздуху. Разве что радугой не блевал. Никогда его таким не видела.

– Как ее хоть зовут? – однажды не вытерпела я. – Когда приведешь ее на ужин? Я скоро стану тетушкой? Она такая же старая, как ты, или помоложе?

– Але, мне двадцать два, а не девяносто два, – фыркнул Сейдж. – На ужин пока не приведу. Тетушкой пока не станешь. Как зовут ее, не скажу.

– Блондинка, брюнетка?

– Меняет цвет под настроение.

– Как хамелеон?

– Лучше расскажи, что будешь делать, когда придет время поступить в универ? – резко поменял тему Сейдж.

– Буду получать образование дома заочно. А что?

– Не глупи, университет – это лучшее время в жизни.

– Если кожа не облезает от дуновения ветра...

– Мы что-нибудь придумаем, – заверил меня Сейдж, укладывая мне на плечо руку. – Будешь носить перчатки – такие тонкие, что никто даже не заметит. Будешь жить не в общежитии, а на съемной квартире, где никто не будет прикасаться к твоим вещам. Я буду неподалеку, всегда смогу приехать. Твоя болезнь не должна становиться помехой. Университет – это и правда здорово.

– Сейдж, я очень хочу получить высшее образование, но не очно. Я боюсь людей. Не понимаю их и не чувствую потребности общаться...

– Аппетит приходит во время еды, – возразил он.

Тогда я задрала рукав и ткнула ему в лицо предплечье со шрамами, которые оставила рука Аарона. И отказалась впредь говорить на эту тему.

Однако брат решил не сдаваться и уламывал меня целый год. Именно *уламывал* — упрямо и настойчиво. Пока я однажды не выдержала и не пожаловалась родителям. А те, к моему изумлению, приняли его сторону! «Лори, а ведь неплохая идея! Лори, а почему бы и нет? Лори, если принять все меры предосторожности, то все получится!»

Я чуть на задницу не села. Ничего себе. То шагу сделать не давали, ограждали от любого чужого чиха, а теперь вдруг из дома родного выпихивают.

Но я приняла твердое решение не влезать в этот щиток с высоким напряжением.

– Не будет никакого универа, успокойтесь, – объявила я и поставила на обсуждении жирный крест. – Вы смерти моей хотите, что ли? Я буду учиться дома заочно.

А потом я встретила Мишель.

* * *

Как-то мне написала незнакомая девушка, рассказала, что следит за моим Инстаграмом и предложила встретиться: «У меня другой недуг, Лори, но я все равно очень хочу познакомиться с тобой. И, может быть, кое-что рассказать, если ты не против. Напиши, возможно ли это. Я вообще живу в Америке, но буду в Ирландии через месяц с родителями. Я знаю об истории, когда тебя схватили за руку и снимали все на камеру. Поэтому не возражаю, если ты возьмешь с собой кого-то из близких. Например, брата – он такой милашка:) Мишель».

«Милашка? Видела бы она, как этот милашка поет песни Ники Минаж в туалете, держа в руках освежитель воздуха, как микрофон, – зрелище не для слабонервных».

Я рассмеялась собственным мыслям. В сообщении этой Мишель было что-то очень подкупающее и искреннее. «Давай встретимся, я не против», – наконец ответила я, печатая вспотевшими пальцами.

Через месяц мы встретились в Дублине, куда Сейдж подкинул меня на машине, предварительно набив багажник личным хламом для перевозки в

новое жилье.

Мишель оказалась симпатичной белой американкой с каштановыми волосами и робкой улыбкой. Лет двадцати на вид. Она заказала себе латте, я открыла бутылку минералки, которую принесла с собой, и мы минут десять болтали обо всякой ерунде вроде погоды и цен на проезд, словно приглядываясь друг к другу.

А потом Мишель вдруг смахнула слезу и сказала, что ужасно рада видеть меня.

– Я читаю тебя уже где-то полгода и просто боготворю. Ты такая смелая! Болезнь не сломала тебя, не вогнала в депрессию, ты относишься к ней с насмешкой и подшучиваешь над собой. Помнишь пост, где ты написала, что почти смирилась с тем, что парней тебе не видать, и поэтому вот-вот начнешь собирать коллекцию фаллоимитаторов, но у тебя одна проблема: как лишить себя девственности самостоятельно? Я хохотала, как ненормальная. Или пост, где ты решила-таки сходить в кафе и выпить там кофе, взяв с собой переносной стерилизатор. Ты еще спрашивала, насколько дико будет смотреться со стороны, если ты вдруг поставишь эту штукуну на столик и станешь стерилизовать кофейную чашку! Ох, Долорес! Глядя на тебя, мне впервые захотелось расслабиться, принять себя и прожить с радостью то, что отмерено... Моя болезнь пока не дала о себе знать, но терпеливо ждет своего часа...

Мишель сжала в руке салфетку и выпалила следующее (словно боялась, что смелость вдруг оставит ее, и она больше никогда об этом не заговорит):

– У меня фатальная семейная бессонница. Наверно, ты о таком даже не слышала. Наша семья узнала относительно недавно – врачи диагностировали все это уже после смерти отца, он был носителем... Меня уже проверили – у меня, как и у него, мутации в двадцатой хромосоме, из-за чего в мозге накапливаются вредные белки, которые уничтожают отдел, отвечающий за сон...

– Продолжай, – подбодрила я, видя, что чем дальше, тем тяжелее ей говорить.

– В общем, сначала у меня будет просто сильная бессонница, сопровождающаяся паническими атаками. Потом к паническим атакам присоединятся галлюцинации. Затем возникнет полная неспособность спать, сопровождаемая быстрой потерей веса. А дальше я перестану говорить и не буду реагировать на окружающее. Это последняя стадия болезни, после которой я умру. Все займет примерно полгода-год. Лечения нет. Снотворные не помогут...

Окружающий мир исчез. Исчезли стены кафе, столики и посетители, стучащие вилками по своим тарелкам. Осталась только я, сидящая напротив девушка и история, от которой у меня зашевелились волосы на голове. Мишель отхлебнула кофе и подняла на меня влажные глаза, пока я собирала воедино осколки своего прежнего «я».

– Но мне больше не страшно. Я устала бояться. У меня еще лет десять в запасе, а то и больше, когда я могу крепко спать и видеть чудесные сны. Тискать храпящего рядом парня. Выбирать постельное белье в магазине и шелковые пижамы. И наслаждаться всем этим. Сложнее всего с мамой. Я уговариваю ее родить второго ребенка. Если у нее появится еще один, то с ней все будет в порядке... И еще с парнями сложно...

Мишель сдула челку с носа и, робко улыбнувшись, продолжила:

– Знаешь, у тебя бывало так, что ты встречаешь человека один раз, второй, а потом понимаешь: если встретишь его в третий раз, то втрескаешься по уши? Вот и у меня такое было совсем недавно. Ах, что это был за парень – мечта! Я чуть глазами его не съела на первом свидании, отдалась на втором, а встречаться в третий раз не стала. Написала ему, что все, адьос-досвидос. Он не понял, что произошло. Носился за мной пару месяцев, а я отшивала его. Ходила с задраннным носом, а сама прихожу домой из универа и рыдаю в подушку остаток дня. Как ему объяснишь, что я умру в муках через десять лет? Я не настолько эгоистична...

«Господи, да как я смею вообще жаловаться на свою жизнь?» – внезапно подумала я.

– Долорес, это такое облегчение – рассказать обо всем кому-то. Никто не знает, кроме мамы. Все друзья думают, что я переборчивая дура, ха-ха. Иногда все так и просится наружу, но я не хочу сочувствия или чтобы они потакали мне во всем. У меня и так характер дерьмовый, а если меня жалеть начнут – это будет катастрофа... Послушай, ты писала в Инстаграме, что семья уговаривает тебя пойти в университет. Иди! Если есть хоть малейший интерес в душе – следуй ему. Бери все, что на блюдечке протягивают. И на то, что не протягивают, позарься тоже! – хохотала Мишель. – Я учусь в колледже, это кайф. Только там и забываешь об этом дерьмишке вроде смерти в муках. Там словно параллельная реальность, в которой не существует боли и болезни. Там жизнь, драйв, каждый день что-то новое. Горячие парни на спортивных машинах, милые ботаники со сладкими улыбками, бунтари на мотоциклах... Прости, я увлеклась, знаю, что для тебя это болезненная тема...

– Все нормально, продолжай, кто мне еще об этом расскажет? – улыбнулась я, приходя в полный восторг от того, как круто она справляется

со своими эмоциями и переключается на позитив.

– Богатенькие стервы с фигурами Джиджи Хадид: красивые, но пустые, как церкви в пятницу вечером. Серые мышки, о которых все вспоминают только через десять лет после окончания универа, когда мышка внезапно становится женой мэра, – хихикает Мишель. – Прекрасные неформалки с болтиками в языках и проколотыми сосками.

Она высовывает язык, и я вижу серебристый шарик, лежащий в розовой ложбинке. Мы хохочем, как двинутые.

– Ты должна увидеть все это. И многое другое. И попробовать все, что можешь попробовать. Ну, кроме секса втроем и наркотиков – я считаю, оно того не стоит, – краснеет Мишель и вешает на лицо выражение «опаньки». – И чтобы Господь Бог на том свете воскликнул: «Долорес Макбрайд! Ну ты отожгла!» Да-да, я читала и этот пост тоже, про Бога и твои с ним разговоры... я после тебя тоже с Богом разговаривать начала. И представлять его по-своему. Теперь это не нудный старик, загибающий пальцы на каждой моей ошибке, а любимый папаша с бородой, как у Чарли Ханнэма и татуировкой «Всех люблю» на мускулистом плече.

Мишель отсалютовала чашкой. Я подняла минералку в ответ.

– Выпьем за нас, молодых и бесстрашных, – сказала она, и мы выпили, глядя друг другу в глаза. – И пусть твой Стигмалион однажды перестанет быть тюрьмой. Жаль, что я не могу тебя обнять, Долорес Макбрайд... Наверно, ты такая же теплая, как твой Инстаграм.

* * *

Я молчала всю дорогу от Дублина до Атлона. Пару раз горько всплакнула.

– Все прошло нормально? – нахмурился Сейдж.

– Все было прекрасно, – кивнула я.

Он не стал больше допытываться, просто положил руку на мое плечо. Правой придерживал руль, а левой обнимал.

– Я хочу в университет, – тихо сказала я.

– Боже правый, у меня слуховые галлюцинации!

– Нет, я действительно сказала это.

– Опять они! Господи, я, наверно, переутомился...

– Сейдж, ну прекрати, – шлепнула я его. – Кое-что изменилось, и теперь я считаю, что мне стоит... открыть этот щиток с высоковольтным напряжением.

– Где этот волшебник? Я хочу его расцеловать!
– Целуй своего хамелеона. Этот волшебник слишком волшебен для тебя.

Я показала средний палец, Сейдж дал мне щелчок по носу.

– Если серьезно, то я очень рад, что ты решилась на это, Лори. Очень-очень рад! И какие доводы, позволь узнать, изменили твое мнение?

– Сегодня мне показалось, что новые люди и новые знакомства, – это... может быть интересно.

– А я тебе что все это время талдычил?!

– И еще я поняла, что только среди чужих людей смогу преодолеть свой страх и наконец начать... жить.

– Да, детка! – заорал Сейдж, как будто мы с ним только что выиграли финальный бой в компьютерной игре.

– И еще университет поможет мне стать кое-кем. Я все думаю об этом, и с каждым днем идея влечет меня все больше...

– И кем же?

– Мне интересно лечить и заботиться о ком-то. Наверное, я бы могла быть врачом, если бы не моя боязнь людей и если бы мне не грозила смерть от чужой крови... Или слюны... Или мочи, или желудочного сока, или околоплодных вод, или рвоты...

– Все-все! Я понял! Профессия врача тебе не подходит.

– И я подумала, что могла бы лечить того, на кого у меня нет аллергии.

– Меня?

– Сейдж, ты невыносим! Животных! Собак и кошек, лошадей и голубей, хомячков и зайчиков! Мне можно к ним прикасаться! И мне нравится к ним прикасаться. Я хочу быть ветеринаром. Что думаешь?

– Я думаю, что мне ужасно повезло с сестрой, – приобнял меня Сейдж. – Она такая добрая, умная и красивая. И любит зайчиков! Мой детектор милоты сейчас сломается к чертовой матери...

Я рассмеялась, а Сейдж продолжил:

– На самом деле я всегда знал, что ты захочешь быть ветеринаром.

– Да ладно...

– Да! Помнишь, мне было десять, а тебе пять, и ты увидела, как я с друзьями нашел в саду ежика и...

– Помню ли я, как ты помочился на бедного ежа? Да у меня до сих пор психическая травма, болван, – буркнула я.

– А потом ты зарядила мне кулаком в живот, схватила ежа голыми руками и побежала на кухню, чтобы помыть его в раковине.

– И, между прочим, исколола руки до крови...

– Но все-таки отмыла его! И потом неделю со мной не разговаривала. Я уже тогда подумал, что из тебя вышел бы отличный звериный доктор. Ну или полицейский.

– А я вот осознала это только сейчас. Удивительно, да? Родные часто знают нас лучше, чем мы сами... Что ты еще знаешь обо мне, чего не знаю я? – спросила я, толкая Сейджа в бок.

Но Сейдж ничего не ответил. Он смотрел на дорогу и улыбался ну очень странной улыбкой. Как будто действительно знал *что-то еще*. Но сколько я ни упорствовала, ни упрашивала его и ни дулась, он так и не признался в том, что было у него на уме.

2016 год, мне восемнадцать лет

Мне снились объятия. Чьи-то руки обнимали меня, гуляли по спине, опускались ниже, сжимали ягодицы... Я целовала чей-то подбородок. Он был и твердый, и мягкий одновременно, и был покрыт короткими колючими волосками. Мои губы двинулись выше и нашли другие губы. И они пахли леденцами. И морем. И свободой. И чем-то недозволенным...

– Ты опоздаешь, – прошептал он. Я подняла глаза, но не увидела обращенного ко мне лица. То ли глаза заволокло слезами, то ли между мной и целующим повисла завеса густого тумана.

– Ты опоздаешь...

– Еще один поцелуй, – начала выпрашивать я.

– Что-что-что? – расхохотался кто-то третий. – Поцелуй? Долорес Макбрайд, что тебе там снится?

Я приоткрыла один глаз и увидела перед собой умиленную физиономию Сейджа.

– О боже, тебе снился эротический сон. Тысяча извинений!

Я молча вытащила из-под себя подушку и запустила в брата. Он увернулся и заржал, как бешеный конь. Двадцать три года мальчику, а все никак не повзрослеет.

– Одевайся, опоздаешь. Завтрак уже на столе.

Я выползла из кровати, приспустила ниже пижамные штаны – пока я спала, они подскочили на мне чуть ли не до подмышек, и шов врезался в мое самое мягкое место. Неудивительно, что мозг отреагировал на это такими непристойными снами. Ох, лучше бы я не просыпалась...

– Тебе что сделать, чай или кофе? – снова сунулся ко мне Сейдж.

– Кофе, – скомандовала я и еще раз запустила в него подушкой. И на этот раз попала. – Свежемолотый, со сливками, сахаром и щепоткой корицы на пенке.

– А задница не слипнется? – проворчал Сейдж, потирая физиономию.

– Сказал мальчик, каждое утро уминающий овсяночку со сливками, сахаром, бананами, клубничкой и изюмом.

– Ладно, ладно, уделала.

Мы спустились вниз, все уже встали. Через занавески в гостиную лился радостный солнечный свет. Мама порхала на кухне, ей помогала

Мелисса. Жужжала кофеварка, и гудела конвекционная плита. Сейдж был уже одет, умыт, побрит и готов отнести в машину мои чемоданы. Папа сидел в кресле с журналом и чашкой...

Мой последний завтрак дома. Сегодня я уезжаю в Дублин учиться. Родители уже подыскали там жилье. Десять минут до университета, если идти пешком. Или пятнадцать, если ехать в объезд по дороге. По-моему, идеально: в хорошую погоду можно прогуляться, а в плохую – ехать на машине, в тепле и уюте...

– Долорес, – окликнул папа, когда я уселась за стол. – У нас для тебя есть небольшой подарок и... мы понятия не имеем, понравится он тебе или нет.

Папа вручил мне картонную коробку, перевязанную бантиком. Я вытерла о полотенце руку, которой уже успела ухватить блинчик, развязала бантик и сняла крышку. Внутри на бархатной подушке лежали электронные часики. Папа и мама – любители «механики» из драгоценных металлов, поэтому электронные часы с пластиковым ремешком – это было, признаюсь, необычно.

– Вау! Часы! Я поняла, что это подарок со смыслом! Типа... не прожигай время понапрасну. Или... всегда возвращайся с вечеринок вовремя! Или...

– Это не часы, – сказал папа. – Это *болеметр*.

И пока я смотрела на эти «часики», выкатив глаза, папа начал объяснять:

– Они будут фиксировать твое состояние и передавать сигнал на микрокомпьютер. Прибор считывает показатели твоего пульса, давления, температуры кожи, ее влажности, а также фиксирует громкость окружающих звуков и движение в пространстве.

– Если прибор посчитает, что ты испытываешь сильную боль, то начнет вибрировать и пошлет нам сигнал. А мы позвоним узнать, все ли о'кей, – добавила мама.

– Что думаешь? Я нашел эту штуковину на сайте одной инновационной медицинской компании, – не без гордости сказал Сейдж.

– Я в восторге, – кивнула я. – Отличная вещь. Мне с ней будет куда спокойнее. Если я буду кричать от боли, махать руками, трястись и потеть – вы об этом узнаете?

– Да, и сможем вызвать скорую. Где бы ты ни была.

Забота моих родных меня всегда очень и очень трогала. Это то, от чего я никогда не устану. Разворачивание подарка закончилось всеобщими объятиями. Мама зашмыгала носом, папа начал смотреть в потолок –

видать, чтоб слезы не пролились. Сейдж застегнул на моем запястье самое невероятное изобретение из тех, что мне доводилось носить.

После завтрака я села в свою машину, брат – в свою, и мы друг за другом отправились в неизвестность. Мама, папа и Мелисса махали вслед. Я смотрела в зеркало заднего вида и мысленно возводила над ними волшебный защитный купол.

Пока с ними все в порядке и пока мне есть куда возвращаться, я буду счастлива.

* * *

За прошлую неделю мы с Сейджем успели перевезти все мои пожитки в новую квартиру, так что сегодня приехали, можно сказать, налегке. Ну, не считая целой горы контейнеров с домашней едой, которой мне должно было хватить на неделю, – а потом мама пообещала доставить новую партию. Она была категорически против того, чтобы я питалась в столовой или кафе.

Сейдж храбро взвалил на себя большую часть упаковок, положив их одну на другую башенкой. Я подхватила оставшиеся, и мы пошли к входу в здание, на четвертом этаже которого находилась моя съемная квартира.

– Только не надорвись, Сейдж. Будет стыдно получить травму от вареной рыбы.

– Еще позорней будет получить травму от тушеной моркови!

Я достала магнитный ключ от кодового замка подъезда, но дверь внезапно раскрылась сама, и наружу шагнула какая-то девушка, а за ней еще одна.

Сейдж отпрянул в сторону, но вареная рыба и тушеная морковь были не столь проворны – «башенка» сильно накренилась, и контейнеры рухнули на одну из девочек.

А верхний контейнер оказался недостаточно плотно закрыт! Мгновение – и моя тушеная рыба с имбирно-чесночной подливкой – ярко-желтой и пахнущей так, что можно мертвого разбудить, – пролилась на девушку. И не куда-нибудь, а прямо на блестящие светлые волосы с эффектом выгоревших прядей.

Вам стоило бы увидеть ее, чтобы представить масштаб катастрофы. Она выглядела, как фотомодель: высокая, стройная и одета так, словно собралась ехать на съемки для очередного каталога. Белая майка, через которую просвечивал черный лифчик, кожаная куртка, обтягивающие

леггинсы. А еще алые губы и длиннющие ресницы.

Секунду блондинка стояла молча, а потом заверещала. Мертвые, которые не проснулись от аромата подливки, теперь точно проснулись бы от ее вопля. Ее подружка – круглолицая милашка с ярко-голубыми глазами и розовыми волосами – бросилась на помощь.

– Айви, ты в порядке?!

– Ка-а-а-а-апе-е-ец!!!

Сейдж набрал в рот воздуха, аж щеки раздулись, и испуганно таращился на девчонку. Я выхватила из сумки упаковку бумажных салфеток и протянула девушке.

– Прости! – извинилась я, пока Сейдж стоял рядом и глазами хлопал.

– Прости?! Ты думаешь, мою одежду и волосы спасет твое сраное «прости»?! – накинулась она на меня, как будто это я перевернула на нее пол-литра имбирно-чесночной подливки, а не мой криворукий брат.

– Айви, она-то тут при чем? – засуетилась ее розоволосая подружка, выхватывая у меня салфетки и пытаясь вытереть желтую жижу с волос Айви.

– Ну вообще-то это моя еда, так что частично...

Сейдж наступил мне на ногу с выражением лица «ты что, самоубийца? Позволь мне взвалить всю ответственность исключительно на себя!».

– Боже, какой я растяпа! Прости! Я возмещу стоимость одежды и все такое, – миролюбиво заверил Сейдж.

– Не думаю, что ты хотя бы отдаленно представляешь, сколько она стоит, идиот!

– Футболка от «Diesel», куртка от «All Saints», белье... прости, не могу рассмотреть, но, думаю, примерно полтинник за лифчик. Итого, включая химчистку куртки, будет порядка полутора сотен евро.

Девчонки уставились на Сейджа в немом изумлении. Что поделать, мальчик всегда любил производить впечатление (и в свои двадцать три неплохо разбирался во всем, что касалось женской одежды и белья). Розоволосая Милашка одарила моего брата ослепительной улыбкой, но блондинка его, похоже, с удовольствием задушила бы.

– Кстати, если хочешь спасти волосы, то эту подливку лучше смыть и побыстрей. Иначе потом уже ничто не спасет. А еще там было много перца чили. Еще не печет? – спросил Сейдж.

– По-моему, ты слишком разговорчивый. – Взбешенная блонди шагнула вперед, сжимая кулаки.

Между ней и моим братом резво влезла Милашка, а я поняла, что ситуацию пора спасать.

– Где ты живешь? Я зайду вечером, занесу деньги, – предложила я пострадавшей красотке.

– Купи на них немножко координации для своего дружка! – рявкнула блондинка, развернулась и понеслась обратно в дом.

– Простите, – повернулась к нам Милашка. – Ее можно понять... Мы собирались в гости и теперь точно опоздаем. Вы тоже здесь живете?

– Не я. Моя сестра. Я Сейдж. А это Лори, – представил нас Сейдж, оценивающе глядя на Милашку.

– Бекки, – представилась девушка. – А то была Айви... Ладно, тогда пока! Думаю, еще увидимся. Я живу на последнем, пятом этаже.

– А Лори на четвертом!

– Чудно! Кстати, у меня вечеринка сегодня вечером, заходите!

– Не думаем, что твоя подруга будет рада, – ответил Сейдж.

– Это моя вечеринка, а не ее! – подмигнула нам Бекки и убежала вслед за подругой.

Я в изумлении повернулась к Сейджу. Умение брата молниеносно заводить новые знакомства вселяло в меня священный трепет.

– Ты испортил одежду ее подруге, а она приглашает тебя в гости. Невероятно.

– Что поделать. Я чертовски обаятельный. И кстати, она пригласила нас. Надо бы захватить выпивку.

– Я не собираюсь идти.

– Не пойти на первую вечеринку, на которую тебя приглашает первый встречный в первый же день? Ну, это совсем дикость! Хуже только носовые платки вышивать...

– Только не говори, что ты собрался пойти! – воскликнула я. – Кстати. Я видела, как ты смотрел на эту Бекки, и, смею тебя уверить, имея девушку, смотреть *так* на кого-то – просто подлость.

– Да не смотрел я на нее! – воскликнул Сейдж. – А у тебя слишком много глаз. Надо бы что-то с этим сделать...

– Придурок, – улыбнулась я.

– И я тебя тоже, – хохотнул Сейдж и стал собирать рассыпавшиеся контейнеры, напевая себе под нос.

Сейдж помог сложить всю еду в морозилку, исполнил очередной хит Ники Минаж в туалете, поворковал со своей девушкой по телефону и отчалил.

Хорошо иметь брата. Никогда не бывает скучно. Каждый день – праздник. Жаль, что мы выросли и теперь какая-то другая девушка забрала мою корону. Надеюсь, на этот раз все будет серьезно: свадьба, дом и маленький племянничек, которого я буду носить на руках, даже рискуя получить смертельные ожоги от отрыжки.

Я разобрала чемоданы и приготовилась провести вечер в компании Джона Сноу и парочки ходячих мертвецов, но не тут-то было. Около девяти вечера в дверь нетерпеливо забарабанили. Я открыла и обнаружила Бекки, раздетую в яркую блузку со стразами и отчаянно короткую юбку.

– Лори! Только тебя не хватает!

Я прислушалась к звукам мелодичного рока, доносящимся с верхнего лестничного проема, и поежилась.

– Ты знаешь, где я живу?

– Встретила твоего брата на лестнице, когда он уходил, и выпытала номер квартиры. Ты не злишься?

Я не злюсь. У меня всего лишь паническая атака...

– Идем! У меня весело! Виски рекой! Парни гурьбой!

– Я не пью. Вернее, пью, но только то, что приношу с собой.

– Без проблем! Приноси! И приходи! И переоденься во что-то более...

Ну ты поняла. Квартира пятьдесят один. Заходи без стука! Если не придешь, обижусь!

Я прикрыла дверь и испуганно уставилась прямо перед собой. Цепи Стигмалиона едва слышно зазвенели. Стоило только подумать о том, чтобы войти в гущу чужих тел – и кожа тут же покрылась мурашками. Я вынула телефон и позвонила Сейджу. Тот ответил только после шестого гудка:

– Але?

– Ты придешь на вечеринку? – тут же спросила без всяких «здрасьте».

– Какую еще вечеринку? – зевнул Сейдж.

– На которую нас сегодня пригласила та девчонка с розовыми волосами... Бекки.

– Ой, нет, прости, мы с моей девушкой решили... лечь пораньше. Но

ты обязательно сходи.

– Не думаю, что у меня хватит смелости... У меня паническая атака... Руки трясутся... Я не готова.

– Долорес, ты готова. Просто надень закрытую одежду, перчатки и не засовывай свой язык парням в рот, – заявил Сейдж. – Все просто.

– Спасибо за бесценные советы. Не засовывать язык парням в рот – ни за что бы не догадалась!

Сейдж громко расхохотался мне в ухо и продолжил:

– Если серьезно – все будет хорошо. Эта Бекки присмотрит за тобой. Я сегодня встретил ее на лестничной площадке, когда уходил, и она показалась мне... довольно серьезной девушкой. Ну, насколько серьезным может быть человек с розовыми волосами.

Теперь засмеялась я.

– Иди и хорошо проведи время, – благодушно сказал Сейдж. – Я уверен, ты не пожалеешь.

Брату удалось вселить в меня уверенность в том, что все будет хорошо. Просто нужно соблюсти предосторожности. Я распрощалась с ним, потрогала болеметр на руке, убедилась, что он работает.

Итак, теперь нужно надеть что-нибудь... А что подразумевала Бекки под словом «более»? Более открытое? Нарядное? Яркое? Смелое? Я нырнула в шкаф, придирчиво оглядывая скромный ряд вешалок. Блузка для универа, блузка для универа, рубашка для универа, рубашка для универа, водолазка с закрытым горлом... Катастрофа.

У меня было несколько открытых платьев, которые я надевала на праздники дома, но ведь на семейном празднике на меня не могло свалиться пьяное тело.

В подтверждение моих слов на верхнем этаже что-то загрохотало. Надеюсь, не чья-то голова встретилась с паркетом.

В конце концов, я выбрала обтягивающую белую кофточку с длинными рукавами, натянула любимые джинсы с прорезями на коленях и решила, что выгляжу очень даже «более».

Потом достала из холодильника бутылку охлажденного безалкогольного сидра, надела перчатки и на всякий случай намазала лицо толстым слоем защитного крема.

У дверей Бекки я оказалась не такой смелой, как в своей квартире. Сказать по правде, просто колени затряслись от страха. Люди не казались такими... потенциально опасными, когда рядом был Сейдж. Или когда я находилась на своей территории. Но что ждет меня за дверью? Готова ли я гипотетически проснуться завтра не в своей постели, а в реанимации?

Грохот цепей Стигмалиона стал еще громче...

Я набрала в легкие воздуха и нажала на дверную ручку.

* * *

За дверью ожидало совсем не то, что я приготовилась увидеть. Никаких пьяных тел, луж алкоголя на полу – ничего такого, что показывают в молодежном кино. Обстановка была довольно располагающей. Незнакомые парни и девчонки расселись тут и там, болтая и чокаясь стаканами. В углу брэнчал на гитаре парень в надвинутой на глаза шапке, хотя его игру слышал только он, – слишком уж громко грохотали басы из динамиков. На пороге кухни возникла Бекки с подносом в руках и завопила, перекрикивая музыку: «Кому спринг-роллы?!» Поднос быстро опустел...

Я пристроилась в кресле, поджала ноги и стала разглядывать людей. По-видимому, старшекурсники. Выглядят совсем взросло. Парни – крупные, высокие, многие с густой щетиной. Девушки – ярко накрашенные, шумные, в откровенных одежках, со стаканами крепкого алкоголя...

Днем Бекки показалась мне одногодкой, но здесь, среди друзей, выглядела иначе. Я наблюдала за ней, пока она раздавала спринг-роллы направо и налево, разливала напитки и ухитрялась быть везде и всюду одновременно.

– Лори! Привет! – Она махнула мне, проворно налила в бокал мартини и побежала ко мне со всех ног. Но, не дойдя ровно два шага, споткнулась – и все содержимое бокала выплеснулось мне прямо на грудь!

На обтягивающую белую кофточку, которая в одно мгновение стала почти прозрачной.

Мне вдруг пришло в голову, что это расплата за то, что мы облили чесночной подливкой ее подругу. Но Бекки так страшно смутилась и так быстро увела меня из гостиной в спальню (никто даже заметить не успел!), что мои мысли о расплате тут же улетучились.

– Кажется, я уже опьянела, – пробормотала она, закрывая лицо ладонью и глядя на меня сквозь растопыренные пальцы. – Seriously. Я же никогда ничего не опрокидываю, не роняю и не разбиваю. Честное слово... Так, что у нас тут?..

Бекки подошла к шкафу и достала черную футболку с большим красным логотипом «Under Armour» на груди.

– Держи. Она чистая. Аж хрустит... Оставь кофточку, я отстираю, клянусь. Хорошо, что это было не красное вино! Красное вино выведет только магия, – говорила Бекки, пока я разглядывала комнату.

Комната была большая, и все в ней тоже было большое: большое окно, большая кровать, большой мягкий ковер на полу. Оформлена была мрачновато: серый, черный, темно-синий. Только постельное белье сверкало слепяще-яркой белизной.

– Переодевайся и выходи к нам, – велела Бекки. – И тысяча извинений за то, что испортила твой наряд...

– Прекрати, все нормально, – сказала я и взяла футболку.

Бекки вышла и оставила меня в комнате одну. Звуки из шумной гостиной хлынули в комнату, когда она открыла дверь, и тут же стихли, стоило ее закрыть. Я еще раз осмотрелась, разглядывая интерьер. Пожалуй, мне нравилось здесь больше, чем там, среди людей. Тишина, уют и потрясающий вид из окна – весь город как на ладони.

Я заметила на стене фотографию и подошла ближе, чтобы разглядеть ее: на фото была сама Бекки, только с волосами фиолетового цвета – смеющаяся, яркая, счастливая. А рядом с ней стоял какой-то парень, приобняв ее за плечи.

Очень привлекательный парень.

У Сейджа, если ему взбредет в голову приударить за Бекки, нет никаких шансов. Да, мой брат ужасно симпатичный, но этот, на фото, – просто...

Завораживающий?

В точку. Совсем не похож на гламурных сахарных мальчиков из модных журналов, рекламирующих гель для волос и трусы «Кэлвин Кляйн»... Совсем другой. Таких можно увидеть в фильмах про спасателей: они вытаскивают из волн утопленников, делают искусственное дыхание, потом подключают к их груди электроды и кричат всем вокруг: «Всем отойти от тела! Убрать руки! Сейчас будет разряд!» А потом, когда утопленник оживает, хрипя и кашляя, они бьют его по щекам и спрашивают, помнит ли бедняга свое имя.

А еще у таких парней непроницаемые лица, пристальные глаза, и, когда они говорят, все замирает и готовится ловить каждое слово...

А еще они умеют утешать. И выходить живыми из бушующего океана. И наверняка целуются так, что все мозги растерять можно.

Интересно было бы увидеть его своими глазами. А вдруг это фотограф умудрился сделать его таким впечатляющим, а на самом деле...

И тут дверь в комнату распахнулась, и я автоматически прижала руки к

грудь, только сейчас осознав, что все еще не надела футболку Бекки и стояла посреди ее спальни в одном лифчике.

– Как насчет того, чтобы научиться стучать?! – рявкнула я тому, кто так бесцеремонно вломился в комнату, и запнулась...

Скажите, что мне это снится. Что я не стою полуголая перед парнем Бекки, фотку которого так пристально разглядывала еще три секунды назад. И не прокручиваю в голове мысль, что в реальности он выглядит еще круче, чем на фото. И я сейчас не покраснею до корней волос от его пристального взгляда...

Несколько секунд мы таращились друг на друга. Наши взгляды, как два лазерных луча, столкнулись в одной точке и теперь выжигали друг друга: кто кого. Потом он перевел взгляд на футболку, которой я прикрывалась, и, словно очнувшись, переспросил:

– Стучать? В дверь своей комнаты? – И он резко развернулся и вышел, оставив меня наедине с разбегающимися в разные стороны мыслями.

«Дверь его комнаты?!»

«Они с Бекки живут вместе!»

«Одевайся быстрее, мисс Розовый Лифчик, и выметайся отсюда!»

«Ну и угораздило меня!»

Я нырнула в футболку, в спешке чуть не надев ее шиворот-навыворот, пригладила торчащие в разные стороны волосы и бросилась вон, надеясь, что бойфренд Бекки не бродит где-то рядом...

Не тут-то было. Он стоял в коридоре прямо напротив двери, прислонившись спиной к стене, и вертел телефон. Его массивная фигура отбрасывала на пол длинную тень, и вообще он словно занял собой весь коридор – плечистый, высокий, выше Сейджа, а Сейдж всегда казался мне просто великаном...

– Прости, – поспешила я объясниться. – Не знала, что это твоя комната, мне просто нужно было переодеться, и Бекки предложила...

– Одну из моих футболок, – закончил он, скользя глазами по логотипу «Under Armour» на моей груди.

– В смысле, одну из твоих? Я думала, что она дала свою...

Если бы люди умирали от смущения, то я бы уже стояла одной ногой в могиле.

– Черт. Тогда я схожу домой, надену что-то свое и принесу ее обратно...

Мне даже в голову не пришло, что Бекки может дать мне чужую одежду!

Я заметила, что футболка висит мешком, но мало ли! Носить вещи на

пару размеров больше – разве это сейчас не писк моды?

– Оставь себе, – бросил он и, взглядываясь в мое лицо, добавил: – Мы нигде раньше не встречались?

– Не думаю, – ответила я. – Я редко бывала в Дублине...

– Ты не отдыхала на Филиппинах в прошлом году?

– Нет...

– В Исландии прошлой весной?

– Нет. Всю весну готовилась к поступлению...

– Первокурсница? – выгнул бровь он.

– Да.

Теперь я знаю, как мозг превращается в тающий воск и стекает куда-то в низ живота. Как от напряжения начинает покалывать ладони, и что-то очень странное творится с голосом: он становится ниже, как будто ты всю ночь горланила песни и охрипла. Вот еще бы мысли перестали кружиться в голове вихрем, и неплохо бы сейчас сказать что-то умное, интересное, веселое... Чтобы не ударить лицом в грязь...

– Ясно, – кивнул парень. – Веселись.

– Нет, я все-таки схожу переоденусь...

– Да никто даже не обратит внимания, во что ты одета, – пожал он плечами, а затем прошел мимо меня в комнату и громко хлопнул дверью.

«В смысле – не обратит внимания?» – поперхнулась я, замерев посреди коридора. Я не считала себя непривлекательной, но что, если рядом со старшекурсницами выгляжу и правда никчемно? Так никчемно, что на меня никто даже не обратит внимания? Ведь я не пользуюсь яркой косметикой и не прокалываю себе лицо в разных местах, и не наряжаюсь так, что родители упали бы в обморок...

Удивительно, как всего пара слов может пробить дыру в самооценке, которая годами стояла, как неприступная стена.

Дверь снова распахнулась, и бойфренд Бекки вышел из комнаты, чуть не врезавшись в меня. Он переоделся, и теперь на нем была белая стрейчевая футболка, обтягивающая торс.

– Ты еще здесь?

– В смысле – никто не обратит внимания? – переспросила я, не в силах поверить, что незнакомого человека можно вот так просто взять и унижить на ровном месте.

Парень Бекки секунду пытался сообразить, что я имею в виду, а потом... улыбнулся. Улыбнулся так, что в животе потеплело.

– Я имел в виду, что там все пьяные в дрова. Вот и все. Поэтому наряд – это последнее, о чем стоит беспокоиться.

– А-а, – протянула я, чувствуя себя полной идиоткой.
– С кем ты пришла сюда? – внезапно спросил он.
– Бекки пригласила меня...
– Ты одна, без друзей?
– Да, а что?
– Тогда держись поближе к Бекки.
– Зачем? – непонимающе хлопнула ресницами я.
– Затем, что там, – он кивнул в сторону гостиной, – не встреча любителей аудиокниг.

– В смысле? – снова моргнула я.

Не знаю, что думал он, глядя на меня в упор, но я чувствовала себя полнейшей дурой, которая только вчера начала изучать английский и сейчас не понимала ни слова.

– В том смысле, что куча пьяных парней – не лучшая компания. Так что не пей много и найди Бекки, – посоветовал он и зашагал в гостиную, откуда доносился рев музыки и громкий смех.

А я смотрела ему вслед, красная от стыда и смущения, и впервые в жизни жалела о том, что так мало общалась с лицами противоположного пола. Ведь тогда бы я не выставила себя заикающейся, перепуганной, дрожащей идиоткой перед самым впечатляющим парнем из всех, кого до сих пор встречала.

– Ну наконец-то! – воскликнула Бекки, как только я вернулась в гостиную. – я уж было подумала, что ты тайно сбежала через окно, чтобы никогда не возвращаться.

– Я была близка к этому, – призналась я.

– Но потом что-то заставило тебя остаться, да? – рассмеялась Бекки. – Дай угадаю. Ты не захотела ломать ноги, прыгая из окна?

– И руки, – буркнула я, внезапно заметив, что дверь, ведущая из гостиной на балкон, широко распахнута, и за ней виднеется спина парня Бекки, обтянутая белой футболкой, его опущенная рука с дымящейся сигаретой и...

– Хорошо, что ты поборолла свои страхи и не сбежала, я хочу, чтобы ты осталась. Надеюсь, тебе здесь нравится, – продолжала говорить Бекки, пока я проклинала свое слишком острое зрение.

Парень Бекки был на балконе вовсе не один. Рядом с ним, чуть ли не прижимаясь к нему, стояла какая-то блондинка, и... водила рукой по его спине.

Боже, кто-то клеит парня Бекки – и это совсем не то, что мне нужно видеть!

– Конечно, мне нравится здесь. Спасибо за футболку. Правда, она мне велика... – заговорила я, уже обрисовав в голове план: сначала я переведу тему на ее парня, потом невзначай брошу, что вижу его на балконе, потом Бекки обернется и увидит все своими глазами.

– Ты выглядишь великолепно. Тебе идет черный, – сказала она.

– Хм, а мне больше нравится белый, – ответила я, испытывая прилив находчивости и вдохновения. – Вон как у того парня на балконе. Кстати, кто он? Еще какая-то блондинка лапает его за... сзади.

Бессовестная девица и правда начала делать это, запустив руку в задний карман джинсов парня.

Бекки резко обернулась. Я набрала воздуха в легкие, готовясь к скандалу, но ничего не случилось. Бекки снова повернулась ко мне и ответила:

– Я тоже люблю белые обтягивающие футболки на парнях. Их плечи тогда выглядят такими широкими, правда? А особенно если они так широки, как у моего брата...

– То есть он...

– Мой брат. Хочешь познакомлю? Правда, не уверена, что Айви это понравится. Да, та, что рядом с ним, – его девушка. Это на нее вы сегодня уронили еду, – с улыбкой закончила Бекки.

Я замолчала, не в силах выдать ни слова и в который раз за вечер чувствуя себя полной дурой.

– Мы с ним уже познакомились, – зачем-то сказала я.

– Когда успели? – удивилась Бекки.

– Он вошел в ту комнату, в которой ты меня оставила...

– О-о-о, прости, что не сказала, что это его комната... В моем шкафу не осталось ни одной чистой вещи, я вчера отнесла все в чистку, а у него всегда полно чистой одежды... Надеюсь, футболка не слишком велика, – смущенно закончила Бекки.

В этот момент девушка на балконе что-то зашептала на ухо брату Бекки, и тот улыбнулся в ответ. Потом она забрала сигарету из его пальцев, сделала пару затяжек и бросила окурочек вниз.

Одна сигарета на двоих – почему-то это показалось мне ужасно романтичным, хотя я всегда была против курения. И даже заставила папу бросить курить. И почти смогла заставить бабушку...

– Значит, у твоего брата всегда полно чистой одежды, – вслух подумала я. – Удивительно. Обычно у парней не складывается со стиркой. Сужу по своему брату.

– Дело не в стирке, – возразила Бекки. – Просто ему новые бесплатно

пачками присылают. Он с прошлого октября лицо бренда «Андер Армор» и по контракту должен только их одежду носить...

Я перестала таращиться на сладкую парочку на балконе и перевела взгляд на Бекки.

– А можно с этого места поподробней? – моргнула я. Внезапно мне захотелось узнать все. От и до. Ведь «Under Armour» – довольно-таки известный бренд спортивной одежды. Недостаточно быть моделью, чтобы стать его лицом. Нужно быть спортсменом и, скорее всего, известным.

– Бро занимается экстремальным дайвингом, – пояснила Бекки, словно читая мои мысли. – Несколько лет назад он с друзьями снял серию фильмов о затонувшем лайнере и умудрился сделать неплохие деньги. Может, ты даже видела их: «Объятия стихии», «Глаза бездны» и «Поцелуй тишины». Посмотри, очень классные фильмы. Потом его заметило одно модельное агентство и затащило на съемки. Там он познакомился с Айви...

– Она – тоже модель? – предположила я. Это было очевидно.

– О нет, – покачала головой Бекки. – Айви – фотограф. Двадцать три года девчонке, но за ее фото уже дерутся глянцевые журналы... Она хотела сделать серию подводных фото, он не смог отказать, потом на эту серию наткнулся кто-то в «Андер Армор», а бренд как раз выводил на рынок коллекцию одежды и аксессуаров для плавания, и нужно было свежее, не затасканное лицо, и – вот мы здесь...

Брат Бекки вместе с Айви вышел с балкона и вернулся в гостиную. Я провожала их глазами и, похоже, то же самое делали все остальные девушки на этой вечеринке. Он просто притягивал все взгляды, как магнит. Да и на нее невозможно было насмотреться.

– Я всегда думала, что лицом бренда становятся только суперизвестные люди, – заметила я.

– Как видишь, вовсе нет, – возразила Бекки. – Люди устают смотреть на суперизвестных. Все любят дерзких новичков, которые возникают из ниоткуда, улыбаются всем самой наглой улыбкой и не успели примелькаться... Пойду принесу толпе еще каких-нибудь закусок, присаживайся.

И я присела, глядя в дальний угол гостиной. Отсюда его волосы казались темнее – возможно, из-за освещения. Черты лица – резче. Белая футболка плотно обтягивала торс, и бицепсы, и пресс...

Ладно, ладно, признаюсь, я таращилась на него. На его грудь, на бугорки сосков, проступившие через ткань, на то место, где заканчивался треугольный вырез футболки и начиналась кожа. А потом по его груди заскользила рука с ярко-накрашенными ногтями, и я отвела взгляд.

Всего на секунду, не дольше. Мои глаза без разрешения снова уставились на грудь парня. Айви полулежала рядом, глядя на него с пылким обожанием. Потом ее рука заскользила вниз по его груди, животу, остановилась у ремня и... двинулась ниже.

Черт. Она лапала его у всех на глазах!

Теперь я отвернулась по-настоящему. Уставилась на горлышко своей бутылки. Просидела так целую минуту, но любопытство все равно взяло верх. Я снова подняла голову...

Брат Бекки смотрел прямо на меня. В упор. Не моргая. И что-то в выражении его глаз мне не слишком понравилось. Или безалкогольный сидр каким-то образом смог ударить в голову – или в его глазах в самом деле была неприязнь. Готова поспорить, после того, как я вломила в его комнату и стащила одну из футболок, нет мне прощения...

Я сделала еще глоточек сидра, и тут вдруг кто-то резко приглушил музыку и объявил:

– Правда или действие! Кто будет играть?!

– Все будут играть! – откликнулась Бекки, внося в гостиную горячий поднос с аппетитно дымящимися закусками.

– Я первая, я первая! – воскликнула Айви, расправляя многослойную юбку из черного шифона.

– Дженни, правда или действие?

– Правда, – ответила одна из девиц, тискающаяся с каким-то парнем в соседнем кресле. У нее были ярко-рыжие волосы, серьги-кольца и явный перебор с автозагаром.

– Во сколько лет у тебя был первый секс?

– В пятнадцать.

Я резко кашлянула: сидр попал не в то горло. Дженни обернулась и послала мне не очень трезвую улыбку. Господи, вот это вопросы! А ответы и того кошмарней.

– Моя очередь. Ричи, правда или действие?

– Действие, – откликнулся парень с гитарой. Его пальцы продолжали гулять по струнам.

– Представь, что гитара – это твоя женщина, и покажи всем, как сильно ты ее любишь.

– Она и так женщина. Посмотри, какие у нее выпуклости, – ответил Ричи, потом положил гитару на пол, перекинул через нее ногу и начал совершать бедрами движения, от которых у меня начало гореть лицо. Взрыв смеха был такой, что дрогнули стекла.

Потом Ричи отложил гитару в сторону и задал следующий вопрос:

– Новенькая. Правда или действие?

Я все еще видела перед собой жуткую сцену с гитарой, как вдруг заметила, что все смотрят на меня.

– Да-да, ты.

– П-правда, – пискнула я, натянуто улыбаясь.

– Ты девственница?

Паника. Паника. Паника.

Мой голос пропал, а лицо залила краска. Я почувствовала, как оно пылает. Зачем я выбрала правду? Зачем вообще пришла сюда?

И тут вмешалась Бекки.

– Ричи, она первокурсница. И первый раз здесь. Давай твои вопросы будут чуть-чуть...

– А что, первокурсниц нынче делают из сахара? – влезла Айви, пристально разглядывая мою футболку. Такая же ядовитая, как и ее имя^[8]. – Если вопрос ей не нравится, она может сказать об этом сама.

– Нет, – ответила я, наконец взяв себя в руки. Нужно было соврать сразу же. Мгновенно. А теперь я похожа на белую ворону...

– Нет, ты не из сахара, или нет, ты не девственница? – уточнила Айви с акульей улыбкой.

– Имеется в виду второе, – ответила за меня Бекки и тут же добавила, улыбаясь: – Твоя очередь, Лори.

– Бекки, правда или действие?

– Действие.

– Дотронься до потолка, не используя никакие предметы.

Единственный способ сделать это – влезть кому-нибудь на плечи. В последний раз, когда мы играли в «правду или действие» дома, бабушка дала такое задание нашей домработнице Мелиссе. Вот смеху было, когда она пыталась вскарабкаться на спину нашему соседу, мистеру Робину, который тогда тоже заглянул в гости...

Бекки быстро сообразила, что к чему, и выдернула с дивана брата. Он обхватил ее за талию и поднял в воздух, к потолку... Парень в обтягивающей футболке, дающий рукам нагрузку в шестьдесят килограмм. Представили? В ту же секунду я поняла, как мало нужно человеку, чтобы испытать к кому-то острый интерес. Тем более восемнадцатилетней девственнице, ха-ха...

Бекки взлетела до потолка и прикоснулась ладонью к штукатурке. А ее брат вернулся на диван в объятия Айви. Печалька.

– Теперь я! – запрыгала Бекки. – Айви, правда или действие?!

– Действие.

– Тогда станцуй тверк!

Тверк не слишком удался, на мой взгляд. Для тверка нужна попа. А ее у Айви не было. Девушка была очень стройной. Как печенье-соломка, которое переламывается двумя пальцами... Вот Бекки смогла бы! Бекки была кругленькой и аппетитной, как маршмеллоу. Айви, уже изрядно опьяневшая, оттопырила ягодицы и зашлась в эпилептических судорогах. Иначе это нельзя было назвать.

– Так! Моя очередь! – хохотнула Айви и вытянула палец в мою сторону. – Ты! Да! Поцелуй того, кто первым поднимет руку!

В воздух взлетели три руки. Ричи, какой-то сильно подвыпивший и без конца хихикающий блондинчик и паренек азиатской внешности в красных очках.

– Первым был Адам!

– Нет, первым был я, – заспорил Ричи.

– Адам хочет! – захохотала Айви.

– И Ричи тоже! – возразил Ричи. Парни начали спорить.

– Кто п-первый добеж-жит до нее, тот и целует, – Айви была пьянее, чем мне казалось. И сейчас ненароком могла меня убить. Парни рванули в мою сторону наперегонки...

– Нет, не надо! – закричала я и отпрянула. Споткнулась, шлепнулась на пол, попыталась встать... Моя бутылка упала и разбилась. Такой реакции точно никто не ожидал. Ричи остановился как вкопанный, а парень-азиат посмотрел, как на придурочную.

– Я не могу, я не могу, – заговорила я. – Простите...

Не имело смысла пытаться исправить ситуацию. Рассказать о своей болезни во всеуслышание я не была готова, а других убедительных заготовок придумать не успела. Так что теперь точно стану посмешищем. Уж Айви постарается разнести всему универу, что я...

– Девочка-целочка-недотрога? – вслух закончила за меня Айви. Словно мысли умела читать.

Катастрофа.

Я встала на ноги и приготовилась к позорному побегу, но тут случилось что-то очень странное. Брат Бекки кивнул в мою сторону и сказал:

– Просто она встречается кое с кем с третьего курса. Эй! – обратился он ко мне. – Ты встречаешься с тем регбистом, которого на днях замели за драку?

Парень посмотрел на меня в упор и... подмигнул. Господи боже, он в самом деле делает это? Пытается спасти мою без пяти секунд

уничтоженную репутацию?

– Ага... – пискнула я, потея, бледнея и охрипнув.

– Удачи, но, по-моему, у него с психикой не все в порядке, – заботливо посоветовал мой спаситель.

– Ну что ты, – вошла в роль я. – Он просто... такой ревнивый.

Айви слушала нас с открытым ртом. Известие о том, что я, зеленая первокурсница, могу встречаться с регбистом с плохой репутацией, которого «на днях замели за драку», точно не пришлось ей по вкусу.

– Не знаю, с кем ты т-там встречаешься, подруга, но если ты играешь, т-то выполняй задания, а не жмись по углам. В смелости в-вообще-то вся суть игры, – раздраженно сказала мне Айви. – На чем мы остановились? Чья очередь?

– Моя, – объявил брат Бекки и (господи, поверить не могу!) повернулся ко мне. – Правда или действие?

Сегодня я точно гвоздь программы.

– Правда.

– Твои полные имя и фамилия?

– Долорес Макбрайд, – сказала я, глядя ему в глаза. Нет, он точно станет героем моих грез, особенно после того, как спас меня. Ведь он в самом деле только что спас меня, превратив из презренной «девочки-целочки» в ту, что встречается с психованным регбистом!

– А что? – спросила я.

– Да ничего, – ответил брат Бекки, встал, снял с себя хохочущую без причины Айви и вышел из комнаты.

– Рекламная пауза. Кому понравились мои спринг-роллы?! – встрепелась Бекки.

– Всем! – гаркнули все.

– Ну раз так, Лори, не принесешь ли ты поднос? Я только что услышала звонок духовки!

Желание быть полезной выдернуло меня из кресла, и я быстро зашагала на кухню за спринг-роллами, которые наполнили божественным ароматом всю квартиру, и... остановилась как вкопанная в дверном проеме. Мои глаза уперлись в спину, обтянутую белой футболкой. Ткань вдоль позвоночника влажно потемнела, как будто он только что вернулся с пробежки. Брат Бекки стоял у кухонного стола, наливая в стакан выпивку. Потом стукнул бутылкой об стол и залпом опустошил стакан.

Непонятно почему, но у меня возникло сильное желание развернуться и сбежать. Потом я собрала всю волю в кулак, бодро зашла на кухню и огляделась в поисках полотенца или кухонных рукавиц...

– Я за спринг-роллами, – пояснила я парню, который уже заметил меня и теперь не сводил глаз. – Кстати... Спасибо, что выручил... Мне не хотелось никого целовать...

– Я заметил.

– Хочешь спринг-ролл? – поинтересовалась я. – Тут много...

– Тебе нужно уйти.

– Ладно, только роллы заберу...

– Уйти с этой вечеринки.

– Почему? – заморгала я, замерев у духовки.

– Ты сейчас выйдешь из этой квартиры и больше никогда сюда не придешь, – сказал он не слишком ласково.

– П-почему? Если это из-за того, что зашла в твою комнату и...

– Нет, по совсем другой причине.

– По какой?

Парень отвернулся и принялся наливать еще один стакан. Потом снова повернулся ко мне и поднес его к губам. Он пил неразбавленный джин и даже не морщился.

– Я поняла. Я не нравлюсь Айви, и поэтому ты решил...

– Ты не нравишься *мне*, – сообщил он и снова поднес к губам стакан.

Не знаю, что там происходит с климатом Земли, но внутри меня началось глобальное похолодание. Оледенение. Антарктический мороз. Кровь застыла в жилах. Меня еще никогда не гнали прочь. Да еще так безжалостно и враждебно.

– Твое здоровье, Долорес Макбрайд, – саркастически заметил мой собеседник и приподнял стакан в наигранном приветствующем жесте. И тут я наконец заметила то, что он давно выставлял напоказ. Теперь и мое сердце заледенело: аж заскрипело в груди. Полотенце выпало из рук...

На левой руке парня не было двух пальцев: безымянного и мизинца...

– Вильям! Ты там?! – послышался голос Айви, а потом и сама она заглянула на кухню. – Ах, вот ты где! Слушай... Мы можем выгнать всех? – И громким шепотом добавила: – Хочу остаться с тобой наедине...

«Вильям! Вильям Веланд! – завопила я про себя. – Мальчик, на которого я натравила свою собаку... Верней, уже не мальчик... Совсем не мальчик».

– Да, мы можем выгнать всех, – ответил он, прижимая к себе шатающуюся Айви. – А начнем, например, с нее.

Айви захохотала пьяно и зло. Я подняла упавшее полотенце. Сложила квадратиком на столе. Развернулась и быстро вышла. Сначала из кухни. Потом из квартиры. Спустилась вниз по лестнице и вернулась к себе.

После квартиры Веландов моя казалась очень пустой и тихой.

Идеальное место, чтобы грустить и плакать. И мечтать исправить ошибку, которую исправить уже нельзя.

Знать тебя не хочу

– Вильям Веланд был вчера на вечеринке! Верней, он там живет! Это точно он! – истерила я в трубку следующим утром, в семь часов, роняя яйца, разливая молоко и сморкаясь в бумажное полотенце. Я едва сомкнула глаза ночью.

– Кто «он»? – зевнул Сейдж так громко, что пришлось отодвинуть телефон от уха.

– Это тот парень, которого... наша собака...

– Да быть этого не может. Ты что-то напутала.

– Клянусь! Я просто его не узнала. Немудрено, он так... изменился! А та девчонка с розовыми волосами, Бекки – его сестра! Бекки – это сокращенно от Вибекке! Уж ты-то должен был ее запомнить! Вы тогда так и пялились друг на друга...

– Не помню. Слегка что-то припоминаю, но не очень... Долорес, слушай, я перезвоню.

И тут я отчетливо услышала на том конце девичий голос.

– Ой, ты там не один... Ах, ну да...

Я совсем забыла, что Сейдж съехался со своей девушкой, с которой, само собой, еще лежит в кровати. Кровь прилила к щекам.

– Прости, позвони мне потом. Я в шоке и, наверное, должна начать искать новое жилье.

– С чего это вдруг?

– Вильям выставил меня вчера с вечеринки, на которую нас пригласила Бекки. Узнал меня и выставил. Господи, хорошо хоть сделал это не при всех! Хотя я заслужила бы и это тоже. Сейдж, у него нет двух пальцев на руке...

Слезы капали из глаз и текли по щекам. Я начала быстро вытирать их, как будто Сейдж мог увидеть.

– Я думала, что врачи все-таки смогут что-то сделать. Исправить, но... Боже, я ненавижу себя.

– Долорес, – вздохнул Сейдж. – Ну не плачь...

– Все-все, прости, отключаюсь, позвони потом.

– Нет, подожди... я сейчас приеду.

– Не надо, я в порядке. Более-менее. Просто все это как снег на голову. И Бекки теперь возненавидит меня! А мне казалось, что мы могли бы...

подружиться. Она мне понравилась. А у меня еще не было друзей... Вообще. Ну, ты не в счет...

Больше я не могла разговаривать, голос начал подводить. Я кое-как распрощалась с Сейджем и позвонила родителям.

Те были потрясены. Мама три раза переспросила, уверена ли я. Заверила, что если с этими молодыми людьми начнутся проблемы, они подыщут другое жилье.

Я сказала, что не прочь съехать прямо сейчас.

Мама сказала, что это можно устроить, но если я согласна не паниковать, а подождать и посмотреть, как все пойдет, то это сэкономит нам почти пять тысяч, так как квартира оплачена на три месяца вперед.

Конечно же, я согласилась *подождать и посмотреть*, хотя паника меня охватила такая, какой я давно не испытывала. Я больше не могла думать ни об учебе, ни о том, как в понедельник впервые приду на лекции, ни о том, понравится ли мне университет. Все мое мыслительное пространство занял человек с глазами цвета зимнего моря, который прошлой ночью стоял напротив – такой высокий, что пришлось задрать голову во время разговора – и недвусмысленно попросил убраться восвояси.

Мне нужно извиниться перед ним. Не знаю, почему я не сделала этого сразу же. Я хочу, чтобы он понял: мне очень-очень жаль. И что если бы я могла вернуться в прошлое, то дала бы себе, малолетней дикарке, большой подзатыльник.

Я расскажу ему, что этот поступок стал следствием моей социальной изоляции, а та, в свою очередь, – результатом редкой болезни. Что я социофоб, мало общалась с другими детьми, не ходила в школу, что люди до сих пор вызывают у меня неконтролируемый страх и настороженность.

Я должна объяснить ему все это и сказать, что той девочки, которую он ненавидит, больше нет. Время забрало ее, а вместо нее создало меня. А я больше не спускаю собак на людей.

И вообще я тише воды, ниже травы и милее зайчика!

Стигмалион сломал меня, растоптал и посадил на цепь.

* * *

Весь день я не знала, куда себя деть. Выплеснула немного грустных картинок в Инстаграм. Съела половину десертов, приготовленных для меня мамой на неделю, и в десятый раз посмотрела «Телохранителя», как

обычно обрыдавшись в конце, на аккордах финального саундтрека. А вечером...

Вечером ко мне зашла Бекки!

Я почему-то была уверена, что это будет Сейдж, даже в глазок не посмотрела. А когда распахнула дверь, то замерла на месте от изумления с банкой мороженого в одной руке и с ложкой – в другой.

– Зашла узнать, все ли в порядке, – объяснила девушка, озабоченно на меня глядя и сдувая с носа розовую челку. – Ты вчера так неожиданно ушла!

– Брат не рассказал тебе? – выпалила я.

– Рассказал, – кивнула она.

– Бекки, послушай. Мне очень-очень жаль, если бы я могла вернуться в прошлое, я...

– Ну-ну, не переживай, это же всего лишь вечеринка. Не первая и не последняя, – улыбнулась Бекки. – А если еще и мигрень, то...

– Какая еще мигрень?

– Ну, Вильям рассказал мне, что у тебя голова разболелась, и ты решила пораньше лечь спать.

Значит, он не сказал ей.

Он. Ей. Не сказал!

– Как это... мило с его стороны.

– Хочешь, завтра вместе пойдем в универ?

– Нет, спасибо. Я думаю, что пойду туда пораньше, чтобы успеть отыскать нужную аудиторию, – начала отнекиваться я.

– О, тогда нам точно стоит пойти вместе! – воскликнула Бекки. – Я покажу тебе твою аудиторию! Универ как свои пять пальцев знаю! Я зайду за тобой рано утром.

– Твой брат – он пойдет с нами?

– Может, и пойдет, если сегодня не слишком долго будет... С Айви и не решит проспать первую лекцию.

– А, – смутилась я. – Понятно.

Мне захотелось, чтобы она рассказала о нем что-нибудь еще, но я не знала, как бы попросить об этом, не вызывая подозрений.

– И давно они с Айви встречаются?

– Почти два года. А что, хочешь отбить у нее парня? – подмигнула Бекки.

– Не смейся... Просто он спас меня вчера. Не знаю, слышала ли ты. Сказал всем, что у меня ревнивый бойфренд, когда заметил, что я не хочу ни с кем целоваться в «правде или действии». И все ему поверили.

– Ничего себе! – изумилась Бекки. – Нет, я не слышала, наверно, была на кухне.

– Я очень ему благодарна.

– А как Айви отреагировала? Глаза тебе не выцарапала? – хихикнула Бекки.

– По-моему, она была слишком пьяна, чтобы понять, что происходит.

– А-а, да... Айви вчера прямо во все тяжкие пустилась. Не помню ее такой. И с Вильяма весь вечер не слезала. Мне кажется, это частично из-за тебя.

– Я-то тут причем?

– Думаю, она приревновала. Ты очень красивая, Лори. И не похожа на других девушек: не ржешь во весь голос, не напиваешься, не трещишь. В тебе есть что-то загадочное... Как будто ты жила на каком-то далеком острове, где все не так, как здесь...

Мне еще никто не говорил комплиментов. Никто из посторонних людей. Поэтому я просто растаяла, растеклась, как мороженое. И поняла, что слишком слабовольна и эгоистична, чтобы сказать Бекки правду о том, кто я. Я не хочу терять ее. Если она и узнает об этом, то не от меня. Если нашей дружбе и суждено закончиться в ближайшем будущем, то не я положу ей конец...

– Как дела, ты в порядке? – позвонил вечером Сейдж.

– Да, мне лучше. Уже не хочется сбежать, пробив головой дверь.

– О, Долорес шутит. Значит, точно полегчало. Я заеду к тебе завтра, сегодня жутко устал.

– И кто же тебя так утомил? – хитро спросила я, снова заслышав голос девушки.

– Вы слишком много вопросов задаете, инспектор, – отшутился Сейдж и повесил трубку.

На следующий день рано утром я собралась в универ с утра пораньше. Разогрела завтрак, оделась, уложила волосы; положила в сумку бинты и пластырь на случай, если кому-то вздумается потрепать меня по щекам. И побежала к Бекки, перепрыгивая по две ступеньки за раз.

К моему удивлению, она открыла дверь в пижаме, с всклокоченными волосами, красными глазами и распухшим носом.

– Что случилось? – спросила, решив, что она проплакала всю ночь.

– По-моему, это грипп. Ужасно слезятся глаза, а нос просто не просыхает. Лори, прости, я не иду сегодня в универ.

– О, да ничего, поправляйся. Я доберусь сама.

– Вильям подбросит тебя.

– Не-е-е, – протянула я шепотом, пятась прочь от двери. – Не стоит беспоко...

– Подбросит. Он же все равно туда едет, – твердо сказала Бекки, взяв меня под руку и втягивая в квартиру.

Блин.

– Подбросишь Лори в универ, как мы договаривались? – крикнула она в сторону кухни.

Я вошла вслед за Бекки на кухню, где Вильям сидел за столом и ел сэндвич, откинувшись на спинку стула и закинув ногу на ногу. Уже одетый и готовый отчалить. Он мрачно оглядел меня с ног до головы и ничего не сказал.

– Бекки, я сама доберусь, – запаниковала я, отлично помня, о чем мы с говорили с Вильямом на этой кухне. А именно: я больше не прихожу в их квартиру.

– Там дождь, – возразила Бекки.

– Доеду на машине...

– Там сложно с парковкой. Просто кошмар для новичка...

– Не сложно, – возразил Вильям, лениво жуя сэндвич.

– Вильям, тебе так кажется! Когда я приехала туда в первый раз, то целый час потратила, чтобы припарковать машину! Лори, поверь мне, будет проще, если он тебя довезет и заодно покажет, что там и как устроено. Сбережешь себе кучу нервов.

* * *

Последнее утверждение явно было ошибочно: мои нервы сгорали один за другим, как мотыльки над свечой. Наверное, даже волосы на голове шевелились от напряжения.

Господин Тебе-Надо-Уйти не сказал ни слова, пока мы ехали в лифте на подземную парковку, шли к его машине, забирались в его черную, как смоль, «Теслу» – такую же надменную и прекрасную, как хозяин. Он меня презирал. Это читалось в его движениях, взгляде, молчании.

Я едва поборола в себе дикое желание убежать на другой конец парковочного зала, где стояла моя белая «S7». Почему, черт побери, я заранее не разобралась с парковкой? Сделаю это сегодня же...

Вильям вывел машину с паркинга, резко огибая опорные столбы, и мы влились в поток других машин.

– Еще никогда не ездила в электрокарах, – сказала я в попытке начать

хоть какой-то разговор.

Но он не удостоил меня ни словом, ни взглядом.

– Вильям, – вздохнула я. – Мне очень-очень жаль... я знаю, через что тебе пришлось пройти... я была чудовищем. Я была жутким ребенком. Росла в изоляции, потому что...

Внезапно я не нашла сил признаться в своем недуге. Внезапно захотелось, чтобы он был последним человеком на земле, который узнает о нем.

– Я мало общалась с другими детьми и была диковатой. И еще я ужасно ревновала брата к другим детям. Я знаю, что ничего уже не исправить, но знай: если бы я сейчас могла все вернуть назад...

– Слушай, – ответил Вильям, глядя прямо перед собой, словно говорил с отражением в стекле. – Мне, конечно, как бальзам на душу знать, что ты раскаиваешься и все такое, но с таким же успехом можешь помолчать. Меня твои извинения не колышат. Я не смогу просто забыть о том, что произошло. Я обречен до конца жизни видеть кошмары, в которых меня терзает безумная псина. Как только было бы покончено с руками – она бы взялась за мое лицо. Если бы твой сосед случайно не проходил мимо...

– Вильям, прости меня.

– Не произноси мое имя так часто. Мне не по себе от того, что ты обращаешься ко мне, как к старому знакомому, в то время, как я знать тебя не хочу. И твои извинения мне даром не нужны.

– Тогда почему ты спас меня на той вечеринке?! Почему не доставил себе удовольствие видеть, как я становлюсь посмешищем?!

– Мне стало жаль тебя. Маленький перепуганный зверек, которому еще учиться здесь и учиться. Я знаю, каково это – быть не таким, как все, поэтому представил, что тебя ждет с имиджем нетронутой девочки, шарахающейся от поцелуев. Это была моя с Бекки вечеринка, поэтому я взял это на себя. Но впредь готовься решать свои проблемы сама. Приехали.

Я не двинулась с места, пытаюсь собраться с мыслями. Все шло совсем не так, как я хотела. Подняла на Вильяма глаза и, дождавшись, пока он соизволит посмотреть на меня, сказала:

– И все же – прости меня. Может быть, не сейчас, но однажды ты сможешь...

– Дверь открывать умеешь?

Ему не терпелось избавиться от моего общества. Но я все-таки осталась на месте, взяла себя в руки и сказала:

– Я перееду через три месяца. Квартира оплачена до декабря. Если бы

я знала, что встречу здесь тебя, не стала б тут селиться. Дальше: скажи Бекки о том, кто я. Сама я этого сделать не могу. Не хватает смелости, но она должна знать, почему ей не стоит общаться с *маленьким перепуганным зверьком*.

Я вышла из машины и с гордо поднятой головой пошла к корпусу университета.

Я совершила страшную ошибку, осознала ее, раскаялась, попросила прощения. Чистосердечно. Человек не захотел прощать, и, наверное, имеет на это право. Но больше я не собираюсь изводиться этим, презирать и ненавидеть себя. Я не плохая! Я спокойный и добрый человек, который больше не совершит ничего подобного.

Неважно, кем я была. Важно то, кем я стала.

* * *

О'кей, я понимаю, что одной недели мало, чтобы составить полное впечатление о чем бы то ни было! Но, без оглядки забегая вперед, заявляю: университет – это кайф! Я познакомилась и уже сдружилась с несколькими ребятами со своего курса. С Брианной – румяной рыжеволосой девчонкой, которая может рассказывать анекдоты и байки с совершенно серьезным лицом.

С Аделаидой, которая приехала из России и которую мы зовем просто Адель, так как выговорить ее полное имя без ошибок никто из нас не может.

С Патриком, чей младший брат однажды чуть не покончил жизнь самоубийством, поэтому теперь Патрик волонтерствует в колл-центре линии доверия и очень ко всем внимателен, пытаюсь не пропустить ни у кого на потоке «звоночки» и признаки надвигающегося суицида. И на любого человека с заплаканным лицом кидается с носовыми платками и объятиями.

И, наконец, с Дарреном – страшным фанатом фитнеса и здорового образа жизни, который постоянно носит футболки с надписями «Сначала отжимания – потом свидания», «Ешь, спи, качайся», «Мои веса – моя жиза» и вечно пьет протеиновые коктейли из-под парты.

Я вдруг поняла, что не выгляжу на их фоне странной. Что их маленькие странности компенсируют мои маленькие странности – вроде отказа от прикосновений и неизменных перчаток на руках.

– Что у тебя с руками? – спросила у меня вчера Адель. – Я как-то

обморозила свои в тридцатиградусный мороз у бабушки во Владивостоке, и с тех пор они у меня болят от малейшего холода.

– О! Кажется, у меня то же самое! – бессовестно соврала я. – Отморозила в Альпах на лыжном курорте и с тех пор люблю перчатки.

– Я подарю тебе пару варежек из ангоры. Вот это кайф!

А Брианна сегодня заметила, что я никогда не ем в университетском кафе.

– Пищевое расстройство? – с пониманием спросила она. – Я страдала от анорексии в шестнадцать лет, долго лечилась, лежала в стационаре. Еле-еле набрала вес. Боже, какое это счастье – наконец-то иметь грудь. И задницу. И месячные в срок. И шикарные волосы. Быть женщиной, а не мумией. Я вечно болела, сил подняться с кровати просто не было, а теперь... Господи, я наконец живу на полную!

– У меня нет пищевых расстройств, – заверила ее я. – Просто у меня аллергия на... орехи. Сразу распухаю. И как-то мне попался орех в супе...

– Орех в супе?! – моргнула она.

– Прикинь. Кто бы мог подумать, что там может быть орех. С тех пор я не ем в общепите. Только свою еду, тщательно проверенную на отсутствие орехов.

– А-а, а я уж было подумала, голодом себя моришь.

В общем, правдами и неправдами я кое-как затесалась в ряды «нормальных». Я пока опасалась рассказывать о себе, не хотела, чтобы кто-то узнал, что от легчайшего прикосновения у меня пузырится и слезает кожа. Но не исключено, что однажды я поделюсь этим со своими новыми друзьями, если дружба пройдет проверку временем. Вдруг они примут меня с моей болезнью так же легко, как приняли с обмороженными руками и аллергией на орехи?

– Он крутейший дайвер. Я много слышала о нем. У него немерено всяких наград. По-моему, я его даже в какой-то научно-исследовательской передаче видела – он там с командой дайверов исследовал затонувший лайнер...

– Вы о ком? – спросила я, усаживаясь за один столик с Адель, Брианной, Патриком и Дарреном. Мы по утрам после первой лекции обычно шли в кафе университета. Ребята считали с прилавка сэндвичи и газировку, а я сидела с ними за компанию, ковыряясь вилкой в контейнере с домашней едой.

– О нем, – кивнула Адель и указала глазами в другой конец зала, где обычно тусили старшекурсники. – Вон тот, с темно-русыми волосами и шикарным телом. Кажется, он норвежец.

Я поперхнулась зеленым горошком, который успела сунуть в рот. Взгляд метнулся к дальней стене и – да, там, за крайним столом, сидел он. Вильям Веланд собственной персоной в компании сочных девиц и возмужалых парней.

– Тело шикарное, согласен, – заметил Даррен, и все невольно расхохотались. – У него такие дельты и широчайшие мышцы спины, я просто отчаялся такие накачать. Это, наверное, от плавания. Но я не умею плавать.

– Даррен, зая, все у тебя нормально с мышцами, расслабься, – заметила Брианна.

– Я бы не прочь потрогать эти... как ты там сказал? Дельты и широчайшие? – хихикнула Адель, подводя губы алой помадой.

– Его девушка сделает тебе харакири, – предупредила Брианна.

– Харакири можно сделать только самому себе, сечете? – проснулся Патрик. – Это ритуальное самоубийство. Если вспороть живот кому-то – это уже убийство, а значит, не харакири... Да-да, я много чего знаю о самоубийствах. Кстати, его девушка выглядит не очень, заплаканная какая-то. Уж не случилось ли чего.

– Ой, да что с ней может случиться, Патрик? С такими, как Айви, случаются только успех, популярность и всеобщая зависть... Хотя ей бы не мешало набрать пару килограмм, штанам не на чем держаться, – покачала головой Брианна.

– Я слышала, что она фотограф и уже довольно известный. Это правда? – спросила Адель, откладывая помаду и вынимая из сумочки маленькое зеркальце. – Фотографирует моделей и даже открыла выставку в Национальной галерее.

– Я тоже слышала, что она не промах, – кивнула Брианна. – Красивая пара.

Я положила в рот ложку горошка и отвернулась. Что-то ныло внутри. Ныло, и всхлипывало, и сморкалось в маленький платочек.

– Кстати, вы видели тачку Вильяма? Черт, я бы отдался за такую, – хохотнул Даррен.

– А меня тошнит от этих понтов, – заметила Адель. – Вот когда ты сам себе на нее заработал – тогда нет вопросов, молодец. Но когда тебе родки ее дарят – отстой.

«Та-ак, мне стоит припрятать свою «S7» на неопределенное время», – подумала я, полностью разделяя взгляды друзей о том, что машина, купленная на деньги предков, – это не круто. И подаренная бабушкой – тоже как-то не очень...

– Похоже, он сам на нее заработал. Знаете центр дайвинга на мысе Форти-Фут? Так вот, говорят, что он его выкупил.

– Кстати, Айви растрепала всему университету, что его родители – какие-то шишки в министерстве внутренних дел Норвегии. Удивительно, что сыночка не отправили в какое-то специализированное высшее заведение в Осло, а сослали в другую страну. То ли он бунтарь, то ли у него проблемы с законом в Норвегии, то ли ему нравятся ирландские девчонки.

– Норвежки тоже ничего. Посмотрите на его сестренку. Вот это задница...

– Русские – самые красивые, – со знанием дела проворчала Адель.

– Никто не спорит, – приобнял ее Даррен.

– Я больше поверю в проблемы с законом, – заметил Патрик. – Вы видели его левую руку?

– Патрик, прекрати, – сказала Брианна. – Все что угодно могло случиться. Ноготь, например, врос – и привет заражение крови. А еще бывают травмы, петарды, бешеные собаки... А вообще мне нравятся парни, у которых есть какие-то физические недостатки. Потому что у них есть особенная история. И сила, чтобы преодолеть свое несовершенство. И уж наверняка характер бойца.

– Согласна, – кивнула Адель. – Помню моего дедушку, который вернулся с войны без ног, а все равно все бабы из села за ним увивались! Смотрели на лицо, и улыбку, и плечи и забывали, что там, внизу! А

закончилось все тем, что он, безногий, дочку председателя колхоза у жениха увел!

– Дедуля огонь! Дед жжет! Старик не промах! – загалдели хором Патрик, Даррен и Брианна.

– Ладно, валим на лекцию? Лори, ты с нами?

Кажется, я и двух слов не сказала за весь завтрак. Горошек не лез в горло. Тушеная курица тоже.

– Бегите, я догоню! – сказала я, сосредоточенно гоня кусочек грудинки по тарелке.

У Вильяма не было проблем с законом или заражения крови, когда он потерял два пальца. Он всего лишь имел несчастье встретить меня.

Я еще чуть-чуть понаблюдала за ним – до чего же впечатляюще он выглядел: широкоплечий, в белой рубашке и черной кожаной куртке. Я не разбирала слов, но слышала звучание его голоса и смех. Живое украшение всего кафе и, скорей всего, целого универа.

Я поглазела на его друзей, многих из которых видела на вечеринке. На задорную Вибеке, которая сидела там же и весело хохотала над чьими-то шутками. На шумных Дженни и Ричи. На роскошную Айви, закинувшую руку на плечо Вильяма.

«У тебя бывало так, что ты встречаешь человека один раз, второй, и вдруг понимаешь, что если встретишь его в третий раз, то втрескаешься по уши?» – почему-то вспомнилось мне. Уж не потому ли, что я видела его именно в третий раз...

Наверное, я уставилась на него так пристально, что взгляд прожег невидимым лучом воздух и коснулся его лица. Потому что Вильям вдруг поднял глаза и обнаружил, что я таращусь на него в упор. Наши взгляды соединились, но он посмотрел на меня без всякого интереса, как на предмет интерьера, которого здесь раньше не было, а теперь вдруг появился. Посмотрел с таким равнодушием, что я почти почувствовала себя стулом или кофейником – чем-то до ужаса банальным и несущественным.

Я спрятала еду в рюкзак, встала и направилась к выходу. К сожалению, мой путь лежал мимо стола всей этой компании.

– О, да это же наша девочка-целочка, – пропела мне вслед Айви.

Я не стала оборачиваться, чтобы узнать, как отреагировал на это Вильям: улыбнулся, рассмеялся или сделал вид, что ему пофиг, – хотя мне очень хотелось узнать. Реакция всех других меня не интересовала: пусть думают, что хотят. Всего год – и эта компания покинет университет.

На следующий день, сразу после лекций, на выходе из корпуса ветеринарии я встретила Ричи, который одарил меня улыбкой на сто киловатт.

– Оу, ты, кажется, Лори, да? – кивнул он, подходя ко мне ближе. – Привет... Надеюсь, ты не обижаешься на то, что было на вечеринке? Ну я про вопросы и тэ дэ. Некоторые были слишком откровенные...

– Все нормально, ты что-то хотел?

– Да.

– Говори, – я направлялась к выходу с территории университета, и Ричи зашагал рядом. Он был такой же высокий, как Вильям, ужасно симпатичный и, не будь у меня аллергии на людей, я бы сейчас не шла, а порхала по воздуху, сияя от счастья и молчаливо вопя: «Ко мне подкатил старшекурсник!»

– Так чего ты хотел?

– Сходишь со мной на свидание?

Я резко остановилась, вытаращив на него глаза.

– Я все думаю о тебе с той самой вечеринки...

– Прости, я не могу. У меня уже есть...

– Парень? Тот регбист, про которого Вильям говорил?

– Да.

– С третьего курса?

– Да.

– Уж не Оуэн ли? Тот, который жуткий задира?

– Да-да! Он! – кивнула я.

– Понятно. Вот только у нас в команде нет никакого Оуэна с третьего курса, – очаровательно улыбнулся Ричи. – Я играю в университетской команде и всех знаю.

Меня вывели на чистую воду так неожиданно, что я даже не смогла придумать убедительную отговорку. Просто стояла и хлопала глазами.

– Ты избегаешь парней по другой причине, так? – упорствовал Ричи.

– О'кей, – сдалась я. – Только это между нами, хорошо?

– Конечно!

– Я прихожанка церкви мормонов. И мы ни с кем не... кхм... встречаемся до брака, – прошептала я, мысленно торжествуя. Ох, да это же просто гениальная выдумка!

– Серьезно? – воскликнул Ричи, закусывая губу и поедая меня

глазами. – Теперь я хочу тебя еще больше. Я еще никогда не делал это с... мормонками.

Я выкатила глаза, едва сдерживая истерический смех.

– А со всеми остальными, я так понимаю, уже делал?

– Ну да... с католичками и протестантками, с двумя буддистками и даже мусульманкой... О, еще была атеистка, такая горячая! И китайка! А что там в Китае?

– Коммунизм.

– Значит, с коммунисткой... Ой, но это же не религия!

К этому моменту я уже мысленно валялась на земле, умирая от смеха.

– Ричи, ты очень веселый парень, но... я не могу сходить с тобой на свидание. Я верна своей вере и Иисусу.

– Спорим, у меня член больше. Можешь проверить.

Самообладание покинуло меня. Я нервно расхохоталась и прибавила шаг.

– И я не имею ничего против молитв! Девушка на коленях – это просто восхитительно!

– Прости, Ричи, мне пора идти!

– Тебя подвезти домой?

– Нет, мне надо... воздухом подышать, спасибо!

– Ну тогда до завтра, малышка, – ответил Ричи голосом профессионального искусителя (наверно, репетирует его перед зеркалом, уж больно хорошо получилось).

«Скажи, что ты пошутил!»

* * *

Он не пошутил. Ричи ходил за мной по пятам весь следующий день. Мне снова пришлось напомнить о моей вере и даже прочитать мини-проповедь о пользе воздержания и духовной чистоты, только бы он отстал.

А уже во время обеда наступил час расплаты за мои выдумки.

Я сидела за столом, ждала друзей и наслаждалась чудесным маминым десертом, который принесла с собой. Малиновый мусс с блестящей, как стекло, шоколадной глазурью, м-м...

И тут рядом снова возник Ричи и спросил:

– Ну почему же только после алтаря, Лори, почему?! – он сказал это так громко, что слышали все. Абсолютно все посетители университетского кафе. Они начали оборачиваться и хихикать.

– Ричи, что ты творишь?! – поперхнулась я.

– Просто говорю с тобой. Господи, меня еще никто никогда не отшивал. Можно мне твое фото на память? – спросил он, вытаскивая свою мобилку.

– Нет!

И в эту секунду на меня сверху свалился какой-то предмет, и что-то потекло по голове, а потом и по лицу ручьями. Я съежилась. Жидкость была холодной и мутно-белой – тяжелые капли упали на стол.

– Ой, извини! – воскликнула за моей спиной какая-то девчонка. – Я нечаянно!

Я вскочила и оглянулась, панически схватившись за голову. Передо мной стояла Дженни – та самая Дженни из компании Айви и Вильяма – с подносом в руках, с которого только что соскользнул стакан.

– Это просто молоко! Прости! Я такая растяпа! Сейчас все вытру!

– Не надо, – пробормотала я, быстро запихивая свои вещи в рюкзак и прикидывая, смогу ли помыть голову в раковине уборной или стоит сразу отправиться домой.

– Боже, ты такая фотогеничная! – воскликнул Ричи, пялясь в свой телефон. – Только глянь!

Он развернул экран своего телефона, и я застыла от шока: на экране была запечатлена я, закрывшая глаза и широко раскрывшая рот, а по лицу густо текла белая жидкость...

– Сотри сейчас же...

– А то что? Твой парень расстроится? – рассмеялся Ричи. – Как там его? Ах да, Иисус!

Дженни поспешила прочь с места происшествия, и я тут же поняла, что к чему. Это все подстроено, черт возьми...

– Сотри это фото, Ричи, по-хорошему прошу!

– Упс! Уже улетело в Инстаграм! Никак не вернуть!

– Подонок, – сказала я и бросилась к выходу из кафе, глотая слезы.

И в дверях налетела на Вильяма. Врезалась прямо в его грудь и уронила сумку. Тот машинально поднял ее и вернул мне, глядя на залитое молоком лицо. Я молча обошла его, проскользнула мимо Айви, стоящей за его спиной и победно улыбающейся, и бросилась прочь.

Мне удалось вымыть голову в раковине в женском туалете и даже кое-как высушить волосы, перебирая их под струей воздуха из сушилки для рук. Потом я отыскала друзей и отправилась с ними на лекцию.

– Ты плакала? – просил Патрик, заглядывая мне в лицо. – Ничего не случилось?

«Случилось всего лишь *фото*, где у меня закрыты глаза и открыт рот, а по лицу течет что-то белое. Над которым сегодня будет угорать вся компания Айви и Вильяма...»

– Все в порядке, Патрик. Спасибо, что спросил.

– Мы не нашли тебя в кафе, когда пришли туда. Где ты была? – спросила Брианна, выкладывая перед собой айпад с планом лекции.

– Заблудилась... я же ничего не пропустила?

– Да ничего. Только старшекурсники сидели и ржали, как кони, над какими-то фотками. И еще какой-то свинтус разлил молоко на нашем столе, пришлось искать другое место...

Дыши, Лори, дыши.

* * *

После пар зарядил кошмарный ливень. Я редко болела и легко переносила холод, так что не побоялась отправиться домой пешком. Хотя мой энтузиазм быстро сошел на нет: одежда вымокла насквозь, в туфлях хлюпала вода, библиотечные книги в рюкзаке наверняка уже отсырели. Черт.

Я сняла рюкзак и решила надеть его под куртку, чтобы спасти хотя бы его – и в этот момент рядом притормозила черная «Тесла», и пассажирская дверь распахнулась.

– Залезай, – сказал мне Вильям.

Я молча сняла рюкзак и куртку. Потом хладнокровно надела их в обратном порядке и пошла дальше, хлюпая водой в туфлях.

Вильям захлопнул дверь, но не уехал, а медленно двинулся за мной, подстраиваясь под скорость моего шага.

– Я затащу тебя в машину силой, если не сядешь.

– Только попробуй, – ответила я, ускоряя шаг, – и тебя завтра же выпрут из Ирландии за попытку похищения.

– Не смейся, – бросил он.

Машины, следующие за Вильямом по его полосе, начали мигать ему и сигналить.

– Я не сажусь в машины тех, кто испытывает ко мне ненависть.

– Я не испытываю к тебе ненависть.

– Но ты не принял мои извинения. И твоя компания издевается надо мной! Неужели ты думаешь, что я поверю, что в этой машине меня не ожидает очередной розыгрыш?!

Вильям выгнул бровь и посмотрел, как на говорящего комарика: вроде разумное существо, а все равно хочется убить.

– Долорес, черт возьми, сядь, пожалуйста, в машину! – повторил он.

Его угрозы не впечатлили, а вот сказанное вслух «пожалуйста» – очень даже. Ну и нарушение правил дорожного движения и блокирование полосы – это тоже выглядело впечатляюще. Машины начали объезжать Вильяма по встречной полосе, а водители не стеснялись в выражениях.

– Да чтоб тебя, козел! – рывкнул Вильяму какой-то мужик, который еле-еле объехал его.

Вильям даже ухом не повел, только хмуро смотрел перед собой и медленно катил рядом. Следующий следом мерс засигналил так громко, что я чуть не оглохла...

И тогда я сдалась и села в «Теслу». Вильям тут же прижал педаль газа, и машина рванула вперед. Он заговорил первым:

– Ричи удалил то фото.

– Разве это была не твоя с Айви идея?

– Поверь, у меня есть дела поважнее, чем ты и все, что с тобой связано, – фыркнул он. – Но твоя реакция на вечеринке до сих не дает всем покоя. Лучше бы ты поцеловала Ричи, и на этом бы все успокоилось. Почему ты так отпрянула? Это же всего лишь игра. Теперь они делают ставки.

– Что? – сглотнула я.

– Ставят на тебя. Тот, кто первым затащит в койку, – получит кучу зелени. Многие из нашей компании скинулись и...

– Пожалуйста, не продолжай. – Голос предал меня. Я отвернулась к окну и попыталась не разреветься.

– Не ведись на знаки внимания старшекурсников. Особенно тех, кто был на вечеринке. Не садись ни к кому в машину. У тебя своя есть?

– Есть, разберусь.

Вильям загнал «Теслу» на подземную парковку нашего жилого комплекса, пронзая полумрак ослепительным светом фар.

– Ну и зачем тебе спасать маленького перепуганного зверька? – с горькой усмешкой спросила я.

– Только ради Бекки. Ей нравится опекать всех подряд, и на этот раз она выбрала тебя. Но лучше уж ты, чем какая-нибудь бездомная собака у меня в квартире.

В этой реплике было столько холода и презрения, что я не смогла выдавить ни одного слова в ответ. Я просто молча вышла из машины и пошла к лифту. Ноги едва держали.

Наверное, я должна была поблагодарить Вильяма за бесценное предупреждение, но не стала. Я злилась. За то, что он часть такой дебильной компании. За то, что он встречается с девушкой, которой доставляет удовольствие унижать меня. За то, что он вытер ноги о мое чистосердечное раскаяние. За то, что сравнил меня с бездомной собакой. И за то, что, несмотря на все это, он не вызывал у меня чувство отвращения. Наоборот, совсем наоборот. Он нравился мне. Вот такая нелепость.

Вечером ко мне снова заглянула Вибекке. Подтвердила все, что сказал Вильям. Материлась на двух языках. Больше всего досталось Вильяму и Айви:

– Айви совсем с катушек слетела. Она знает, что ты приехала с Вильямом вчера утром. Кто-то сказал ей. Устроила скандал. Затея с молоком – ее рук дело. А он, как дурак, влюблен и не замечает, что они... что вообще-то они совершенно не подходят друг другу.

– Почему ты так думаешь?

– Она... вредит ему, Долорес. Она очень сильно ему *вредит*.

– В смысле?

– Пока больше ничего не могу объяснить. Еще не довел он меня до ручки, но очень скоро это случится... И тогда я не буду держать язык за зубами.

В начале октября жизнь подарила мне еще одно незабываемое знакомство. Какой-то парень, подписанный на меня в Инстаграме, попросил о встрече, и я снова подумала: а почему бы и нет. Я выбрала время и место, и Сейдж сопровождал меня на всякий случай.

Крейг оказался симпатичным двадцатипятилетним парнем: чуть ли не два метра ростом, рыжие волосы, татуировки на предплечьях, чарующая улыбка – и явился не один. Он привез в кресле-каталке девушку со светло-голубыми, почти прозрачными радужками и белой-белой кожей.

– Это Грейс, моя старшая сестра, – пояснил он. – Она не говорит. И вряд ли сейчас понимает, где находится... Но однажды она спасла меня. Подарила мне этот мир.

Крейг купил себе огромный стакан кофе, дал Грейс апельсиновый сок, который она начала потягивать через трубочку, вяло глядя перед собой.

– Грейс родилась здоровой красивой девочкой. Никто никогда не заподозрил бы, что с ней что-то не так. Но потом что-то странное начало происходить с ее волосами и глазами: они стали необычайно светлыми. Она начала отставать в развитии, стала очень вялой и заторможенной. В конце концов у нее диагностировали фенилкетонурию – у Грейс нет печеночного фермента, который расщепляет белки: они не распадаются до конца и становятся ядом для мозга. Короче говоря, когда маленькой Грейс давали обычное молоко, мясо или рыбу – ей давали яд, который медленно убивал ее. Но об этом никто не знал. А когда наконец узнали, было слишком поздно: подобные поражения мозга необратимы.

Крейг вытащил из крепко сжатой ладони Грейс пустой пакетик с соком.

– Потом родился я, и оказалось, что у меня та же дрянь... простите, болезнь. Но на этот раз родители знали, что делать. И – вуаля! Посмотрите на меня! Я здоров. Я могу учиться, служить, путешествовать, жить на полную катушку – и все это благодаря Грейс. Если бы я родился первым, то сейчас в этом кресле сидела бы не она...

– Даже не верится, что ничтожное, невидимое изменение в одном гене из многих тысяч способно забрать у человека разум, правда? – риторически заметил Сейдж.

– Те же мысли, бро, – отозвался Крейг. – Долорес, напиши об этом в

своем Инстаграме, окей? Пусть вспомнят лишний раз, как им повезло. И сама держись, поняла? Что-то слишком много грустных постов за последнее время. Это из-за универа? Если что, скажи мне, я двину кому-нибудь в рыло.

Сейдж расхохотался и хлопнул Крейга по плечу. Ох уж эти парни, им лишь бы в рыло двигать...

Я обещала Крейгу выкрутить на минимум свой депрессняк и следующие десять постов написать так, чтоб у всех животы от смеха болели.

Крейг прав. Нужно почаще вспоминать о том, как всем нам повезло.

* * *

«О'кей, фолловеры. Сегодня мне снилось, что я танцую на улице. И все вокруг тоже танцуют. Я на карнавале или на каком-то другом большом празднике. С неба сыплются конфетти. Под ногами – блестки и стружка серпантина. Партнер обнимает меня за спину, а платье на мне – его почти нет. Оно короткое-прекороткое с глубоким вырезом спереди и тонкими бретельками. Я чувствую руку партнера на своей обнаженной спине. И его прикосновения не оставляют ожогов...»

Я проснулась с таким воодушевлением и первым делом – знаете, что? Полезла в интернет и стала искать школу латиноамериканских танцев. И нашла ее, буэнос амигос! А вторым делом, как думаете, что? О да, я записалась в нее! И сегодня вечером я надену короткую юбку, и плотные колготки, и облегающий закрытый топ, и перчатки! И пойду танцевать! И пусть кто-то попробует остановить меня. Я повеселюсь, я потанцую, меня будут обнимать руки партнера. Я буду счастлива. Да, болезнь – это ограничения. Но чем сложнее ограничения – тем приятней их будет преодолеть.

Интересно, как его будут звать – моего первого партнера по танцам? Дэвид? Шон? А может быть, Диего? Или даже Алехандро! А-ха-ха! Ваша Лори-мечтающая-о-лавстори».

Комментарии (51):

«Давай, Лори, оторвись! Целую, Мишель».

«Давно пора побезобразничать! Так держать!»

«Я уверена, он будет симпатичным [смайлик-чертик]».

«Будем ждать фотоотчет! Крейг».

[И еще сорок девять]

* * *

«Итак. Даже не знаю, с чего начать. Это было экстремально. Я взмокла насквозь, пока танцевала. И мой партнер – кстати, его звали Алекс – тоже взмок. Мы прижимались друг к другу и, кажется, успели обменяться каплями пота, потому что всю ночь у меня зудели спина и грудь. Но до ожогов не дошло! Почти! Я жива-здоровая, довольна, и видели бы вы, как у меня сияют глаза! Алекс сказал, что будет рад, если я приду снова, и весь вечер смотрел на меня ну о-очень заинтересованно. Я наврала, что у меня есть бойфренд, чтобы он не записывал меня в список своих «хотелок», ха-ха. Но думаю, что теперь субботы будут сплошь заняты танцами. Румбой. Джайвом. И ча-ча-ча. Ниже фотоотчет, не ржать!»

[На фото Лори стоит в объятиях симпатичного учителя по танцам].

[Кажется, Лори почти упала, и у нее разъехались ноги. А, нет, это типа шпагат].

[Алекс улыбается Лори так, как будто она любовь всей его жизни. Или как будто у него штаны сзади лопнули].

[Лори орет. Или матерится. Странное выражение лица. Ах, да, это она поет «Ча-ча-ча!»]

[Лори кланяется. Все хлопают ей].

Комментарии (88): короче говоря, все в восторге.

* * *

Теперь я понимаю, почему люди так любят соцсети. Потому что ты в любой момент можешь закрыть окно с неприятным разговором, заблокировать грубияна и оставить только тех, кто тебе нравится. Окружить себя только интересными собеседниками и красивыми картинками.

Или, например, устроить так, чтобы тебя могли читать только друзья, и наслаждаться тем, что все тебя любят, поддерживают и посыпают сахарной пудрой. Я, между прочим, так и сделала: закрыла свой Инстаграм для посторонних. Не хочу, чтобы кто-нибудь из универа узнал о моей болезни...

Так вот, соцсети – это здорово. Жаль, что в реальной жизни нельзя

нажать всего одну кнопчку и сразу исключить всех, кто не нравится. Нет-нет, реал – это квест на выживание. Пристегните ремни, наденьте памперс и приготовьтесь орать: будет страшнее, чем на американских горках!

Я часто встречаю Айви, и она всегда смотрит на меня так, будто у меня вши, лишай и недержание мочи. Ко мне пристают старшекурсники. Пока я не сильно беспокоюсь: они просто пытаются познакомиться, предлагают куда-нибудь сходить или подвезти домой после лекций, но... что если однажды все это перерастет в реальную угрозу? Ведь кому-нибудь из них достаточно попытаться чмокнуть меня в щеку, чтобы я загремела в больницу.

Но я обязательно что-то придумаю. У меня уже начал вызревать план.

Сейдж почти все время проводит со своей девушкой. Когда бы я ни позвонила ему – он всегда с ней, всегда по шее в море любви. Вибекке тоже вижу редко, иногда она забегает по вечерам, и мы пьем чай и болтаем обо всем. К ней в гости я не захожу, опасаясь встретить там Айви или Вильяма...

Кстати, он так и не сказал ей, кто я. После каждой нашей встречи с Бекки я думаю: «Ну все, эта была последняя, завтра он точно скажет ей». Но наступает следующий день – и она приходит снова как ни в чем не бывало. Думаю, я должна сказать ей сама, раз Вильям не торопится.

Есть и хорошие новости: я рассказала о болезни Брианне, Адель, Даррену и Патрику и – они не отвернулись от меня! Отнеслись с пониманием.

Патрик тут же спросил, не нужна ли мне психологическая помощь. Даррен посочувствовал, что я не могу ходить в спортзал и прикасаться к гантелям и промокшим от пота скамейкам (как будто это лучшее занятие на земле, ха-ха!) а девчонкам не терпелось узнать, как же я, бедная, занимаюсь сексом при таких раскладах.

– Мысленно, – объяснила я. – Я занимаюсь сексом мысленно. – И мы тут же стали хохотать, как сумасшедшие.

Теперь мне не нужно было ничего выдумывать, теперь я могла говорить правду. Быть собой. Показывать им свой Инстаграм. Или травить смешные и жуткие истории из жизни. Или приглашать их в гости, предварительно выдав перчатки и проинструктировав насчет правил поведения в моем доме.

– Нельзя вытирать лицо моими полотенцами. Нельзя трогать вещи, которые потом будут контактировать с моим телом. Из посуды моей, боюсь, есть тоже нельзя. Но зато мы можем заказать пиццу! И я не против, если вы хотите выпить чего-нибудь алкогольного.

Небольшой инструктаж, немного внимания к мелочам – и вот у меня в доме уже организовалась целая мини-вечеринка: Брианна, Адель, Патрик и Даррен. Все ели пепперони с перцем и грибами, а я – маргариту, приготовленную дома. Бутылку вина сначала обтерли стерилизующими салфетками, а потом налили мне полный стакан! Я в доле! Потом Бекки зашла. Потом позвонил Сейдж и сказал, что у него для меня передача от родителей. И вот нас уже семеро!

Из присутствующих только Бекки не в курсе, что у меня за болезнь. И еще она не в курсе, что это я покалечила ее брата. Но я уже выбрала день, когда скажу ей, – и, скорее всего, потеряю ее. Это будет пятница, после которой будут целые выходные, чтобы прийти в себя и пережить эту потерю.

* * *

Пятница началась задорно: я чуть не лишилась кожи на щеке. Ко мне в кафе подкатил блондинчик с огромными ручищами и цепким взглядом – я уже видела его на вечеринке Вибекке и Вильяма. Волна самоуверенности, исходящая от него, чуть меня со стула не опрокинула.

– Привет. Ты Лори, да? – бархатно заговорил он, укладывая руку на спинку моего стула.

– Допустим. А что? – ответила я.

– А то, что у меня встает каждый раз, когда я вижу тебя.

Блин. Я перевела взгляд на стол, за которым обычно сидела опротивевшая мне компания старшекурсников, и столкнулась с медовым взглядом Айви. Ее друзья тоже поглядывали в мою сторону и давились от смеха. Вся тусовка в сборе, только Вильяма нет.

Все ясно, блондинчик – очередной ковбой, который вознамерился прибрать к рукам весь банк. Он резко наклонился, намереваясь поцеловать, и я залепила ему пощечину. Таковую, что звук был слышен, наверное, даже на улице. Потом вскочила со стула и быстро пошла к столу Айви. Подружки двинули за мной, как телохранители.

– Я в курсе, на что вы поставили, и меня все это достало, – сказала я, положив руки на стол и оглядывая ненавистную мне компанию.

– У-у, девочка-целочка разозлилась? – пропела Айви.

Разозлилась? Ничуть.

– Можно присесть? – спросила я, глядя на Ричи и надеясь, что он уступит место. Но он только коварно улыбнулся и ответил:

– Разве что мне на колени, детка.

– Ладно, постою, – спокойно сказала я. – Деньгам, которые вы на меня поставили, можно найти гораздо лучшее применение: например, купить надувную куклу для Ричи, кажется, у него *серьезный недо...* недостаток интимных отношений. Или, например, можно купить немного еды для Айви, которая еще чуть-чуть – и сможет украсить своей фотографией медицинскую энциклопедию, главу «Анорексия». Да-да, туда еще обычно вклеивают фотографии обтянутых кожей костей и облысевшие головы старух с выпадающими зубами, которым на самом деле не больше двадцати.

– Ты офонарела, сука? – опасно прищурилась Айви.

– Или, например, можно купить курс хороших манер для всей вашей компании, – продолжала я, ничуть не смутившись. – Ну а если деньги совсем уж девать некуда, то можно отложить на черный день. Который может наступить, если вы не оставите меня в покое. Парни, вы в курсе, сколько стоит хирургическое восстановление сломанного носа? Лучше бы выяснить это заранее, потому что мой парень может очень разозлиться.

Компания за столом начала изумленно переглядываться. Свирепые первокурсницы – наверное, они с такими еще не сталкивались.

– Да-да, у меня уже есть парень! Морской пехотинец с во-о-от такими кулаками. И он самый лучший. Я не хочу никого. Я целую только его. Я сплю только с ним. Все остальные – вас просто не существует. Что здесь может быть неясно?

– Нам все ясно, – сказал Ричи серьезно, наконец сняв маску шута и глядя на меня со странным выражением, похожим на обожание. – Я гарантирую, что теперь мы прекратим. Ты нормальная девчонка, мы поняли.

– Она не нормальная девчонка. И парня у нее нет, – закапала ядом Айви. – Какая нормальная девчонка, имея парня, будет вертеть хвостом перед другим?

– У тебя о-очень заниженная самооценка, не так ли? – улыбнулась я. – Но я все-таки встречаюсь кое с кем. А подавиться тебе этим или проглотить – дело твое.

– Лори! Лори! О боже, смотри! Там, на парковке! – завопила Адель, выглядывая в окно на улицу и подзывая меня. – Да это же Крейг!

Я подбежала к окну и застонала от умиления. Потом выскочила на улицу, на крошечную парковку перед кафе, где рядом с ослепительно-белой «Ауди S7», перевязанной огромным алым бантом, стоял высоченный здоровяк с татуировками на предплечьях.

– С днем рождения, малышка! – воскликнул он, размахивая гигантским букетом красных роз.

– О-о-о, Крейг! – воскликнула я. – Ты с ума сошел?!

Крейг схватил меня в охапку и закружил.

– Я люблю тебя!

– Я люблю тебя больше, мой великан!

Я сорвала с машины бант, прыгнула туда со своим великаном, и мы свалили из университетского кафе под стук упавших челюстей Айви и ее приятелей: те таращились на нас в окна. Айви аж лицом к стеклу прилипла...

Крейг довез меня до дома, загнал машину на парковку и лукаво улыбнулся:

– Я рад, что смог помочь. Напиши в Инстаграме, все животы надорвут.

– Подожди, я как-нибудь напишу об этом целую книгу.

– Это будет бестселлер, – хохотнул Крейг. – Подпишешь экземплярик?

– Даже накрашу губы помадой и оставлю на титульной странице поцелуй! – рассмеялась я.

Я взлетела по ступенькам в свою квартиру, включила музыку и станцевала румбу с воображаемым Алехандро.

Я сделала это! Я победила!

Теперь все в компании Айви знают, что у меня есть настоящий бойфренд и у нас настоящие отношения! Узнают, что Долорес Макбрайд может постоять за себя. И она никого не боится. Долорес Макбрайд – королева бешеных псов и гигантских букетов роз, и лучше ее не трогать!

Я жалела только об одном: что Вильям не присутствовал на моем оscarоносном шоу. Вот бы и он увидел, как Крейг бросает розы к моим ногам и тискает своими ручищами (осторожно избегая открытых участков кожи, и никак иначе).

* * *

Весь остаток пятницы настроение у меня было просто улетное. Я позвонила Сейджу, и мы долго хохотали над тем, что мы с Крейгом провернули. Да, пусть я делала ошибки и порой вела себя глупо, но сегодня я горжусь собой. Потом я собралась позвонить Бекки и пригласить на чай. Заодно соберу всю волю в кулак и скажу ей, кто я.

Но она опередила меня. Едва я услышала голос в трубке телефона, как

поняла, что что-то случилось.

– Лори, ты можешь кое-что сделать для меня?

– Все что угодно, – отозвалась я.

– Послушай. Я не могу сейчас приехать домой, я в другом городе, а Вильям весь день не отвечает на звонки. Мне кажется, с ним что-то случилось... Ты можешь зайти к нам и проверить, дома ли он? И если там, то в каком состоянии?

– К-конечно, – запаниковала я, прыгая в свои тапочки.

– Ты в универе его видела сегодня?

– Н-нет...

– Тогда поторопись, – выдохнула Бекки. – Если будет заперто, возьми ключ под пальмой, что стоит в холле возле нашей двери... Перезвони мне.

– Ладно.

Я рванула вверх по лестнице и забарабанила в дверь. Тишина. Никто так и не открыл, хотя я стучала долго и настойчиво.

Под пальмой действительно обнаружился ключ с брелоком в виде норвежского флага. Я повернула его и вошла в квартиру Веландов.

Обезболивающее приехало

В гостиной никого не было. Было пусто, слегка не прибрано и очень тихо.

– Вильям? – позвала я.

Из гостиной двери вели в несколько смежных комнат. Я заглянула во все по очереди и в одной из них обнаружила Беккину пропажу. Вильям спал на широкой кровати, лежа на животе и отвернувшись к окну. Я не видела его лица, но узнала растрепанные волосы и руку, сжавшую в кулаке край одеяла.

Я убедилась, что грудная клетка поднимается и опускается от дыхания, и собралась было уйти, но... что-то насторожило меня. Ковер погасил звук шагов, и я подошла совершенно беззвучно.

– Вильям?

И тут я заметила, что подушка под его головой посерела от пропитавшей ее влаги. Что его волосы совершенно мокрые, а рука, сжавшая одеяло, – мелко-мелко дрожит.

Я медленно протянула руку и убрала с лица влажные пряди...

– Господи, что с тобой?

Его глаза были открыты, челюсти сжаты так, что под кожей ходили желваки, его трясло.

– Что мне сделать? Тебе больно? Вильям!

Я затрясла его за плечо, сквозь латексные перчатки чувствуя горящую в лихорадке кожу.

– Уходи, – пробормотал он хрипло.

– Уходить? Да, конечно... я вызову скорую.

– Даже не думай.

– Если ты умрешь, это будет на моей совести, ты же понимаешь?

– Твоя совесть и так не блещет чистотой, Долорес Макбрайд, – с трудом проговорил он.

– Тем более, – рассердилась я.

Он попробовал перевернуться на спину, с губ сорвался кошмарный стон, словно он лежал не на кровати, а на битом стекле. Мое сердце сжалось от боли и жалости. Я попыталась помочь, но, кажется, сделала только хуже. Он застонал еще громче.

– Я вызываю скорую!

- Нет, Долорес, нет...
- Почему?!
- Потому что я обещал матери.
- Обещал что?
- Обещал, что больше не попаду в больницу...

Его затрясло еще сильнее, пальцы вцепились в одеяло, как будто он повис над пропастью и одеяло – это последнее, что удерживает от гибели.

– Да срать мне, что ты там обещал! – заорала я и схватилась за мобильник.

– Не звони... я объясню... Ты же этого хочешь – все знать? – пробормотал он и стащил с груди одеяло.

Я прижала руку ко рту, во все глаза глядя на его грудь. Она была в темно-красных ожогах. Я представила его боль, и мне стало нехорошо.

– Что произошло? – спросила я, задыхаясь.

Я уже знала ответ на этот вопрос. На груди Вильяма, словно клеймо, стоял полукруглый отпечаток с пятью тонкими штрихами, направленными в сторону его ключицы. Такой отпечаток могла бы оставить, ну, например...

Женская ладонь.

* * *

Не знаю, как я не выдала себя. Как смогла сохранить маску спокойствия. Как не закричала от изумления. Как не села на пол с криками «Разбудите меня! Разбудите!»

– Что произошло? – всего-то и сказала я хриплым шепотом. – Кто это так... получилось?

– У меня что-то вроде... аллергии на прикосновения.

Наши взгляды схлестнулись в одной точке. Мое жгучее кареглазое безумие ударилось об его синий-синий лед. Полетели ледяные крошки, взвились снежинки. В комнате стало так тихо, словно только что упала и разбилась вдребезги какая-то невысказанно дорогая вещь.

– Да ладно, – прошептала я, тут же замечая многочисленные отпечатки губ на его шее и груди.

– Ты не веришь?

– Почему же... Глядя на ожог в форме отпечатка от ладони, невольно поверишь во что угодно...

– Это не шутка.

– Вильям, я верю. Теперь мне все понятно.

Понятно, что моя жизнь больше не будет прежней, черт побери. Медленно и осторожно я присела на край его кровати, словно она была заминирована.

– И как, Айви в курсе, что происходит после того, как она трогает тебя? Ты рассказал ей о болезни?

– Рассказал. Но о некоторых вещах не хочется напоминать, когда дело доходит до...

– Короче говоря, ты любишь потрахаться больше, чем жить в здоровом теле.

– Обычно я осторожен, – тяжело задышал он. – И могу предотвратить последствия, но... в этот раз не смог...

– Что значит «предотвратить последствия»?

– Презерватив, одежда, кое-какие хитрости... Ты покраснела.

Мои щеки в самом деле стали гореть. Их словно намазали чем-то жгучим и едким.

– Ты еще ни с кем этим не занималась, угадал? – поинтересовался он, пристально глядя мне в глаза.

Я не стала отвечать. Это последняя тема, на которую мы будем говорить.

– Нужна жидкость для обработки ран, заживляющий крем и бинты. Нужно промыть ожоги и забинтовать. Иначе ты труп. Антибиотики у тебя есть? – спросила я.

– Ты учишься на медицинском?

– На ветеринарном. Но с человеком тоже управлюсь. У тебя аптечка есть?

– На кухне в крайнем левом шкафу.

Я ушла на кухню, распахнула дверцу шкафа и вынула оттуда большой пластиковый бокс. И чего там только не было: антибиотики, антигистаминные, противовоспалительные, мази, кремы, шприцы, стерилизующие салфетки... Господи, все то же, что и в моей аптечке!

Я склонилась над коробкой, изучая содержимое и пытаюсь прийти в себя. Мозг все еще не успел впитать, усвоить, осознать ту информацию, которая накрыла его, как цунами, пять минут назад. Он барахтался в этой информации, еще не до конца понимая, что...

Вильям такой же, как я.

Он болен той же болезнью.

И мне это не снится.

Все это так же реально, как эти бинты, и шприцы, и эта упаковка

амоксцициллина, наполовину пустая.

Я принесла бокс с лекарствами и бутылку воды, он выбрал несколько таблеток, но среди них не оказалось обезболивающего.

– Выпей что-то от боли, зачем ты терпишь?

– Мне не очень хорошо от обезболивающего. Впадаю в состояние, похожее на наркотический бред. Только алкоголь немного помогает или никотин. Или только кажется, что помогает...

Вильям взял бутылку с водой, положил в рот таблетки и сделал глоток. Я достала стерильную вату и начала пропитывать ее противовоспалительным средством. Какие ужасные ожоги. Неужели секс стоит того...

Я положила кусок ваты на его грудь, слегка сжала его, выдавливая спасительную влагу на кожу. Его кожа... Мягкая, упругая, тронутая золотистым тропическим загаром, наверно, отдыхал где-то в теплых странах. Его тело... у него очень красивое рельефное тело. Сильное, гармонично сложенное и такое большое. Если бы я была на месте Айви, то никогда не причинила ему подобный вред... Ни один даже самый безумный секс не стоит этой боли...

– Ты не могла бы сделать мне одолжение? – спросил он.

«Если бы я была на месте Айви...»

– Лори?

«Если бы я была...»

– Лори, – громче позвал Вильям.

«Если бы я...»

– А? Что? – очнулась я.

– Ты не могла бы кое-что сделать для меня?

Я с трудом оторвала взгляд от его груди:

– Да.

– Пусть это останется между нами. Никто не должен знать.

– Твои друзья не в курсе, что у тебя за диагноз?

– Только самые близкие...

– Ладно, – кивнула я, раскрывая упаковку с бинтами. – Только один вопрос. Ты обещал матери больше не попадать в больницу. Значит, это регулярно случается. И не жаль тебе ее?

– Все под контролем, просто иногда возникают проколы.

– *Проколы?! –* нервно хмыкнула я. – *Эти проколы могут убить тебя, ты в курсе?!*

– Ты переживаешь за меня? – вскинул бровь он.

Я встала, взяла бутылку, из которой он пил, и ведро мокрой ваты.

Вернулась на кухню и, мысленно прочитав молитву, глотнула остатки воды из его бутылки. Если я ошибаюсь, то согласна на незабываемый уикенд в госпитале. Но если мое безумное предположение верно, то...

Со мной ничего не случится.

А Вильям окажется вторым человеком в мире, прикосновения которого не оставляют на мне ожогов...

Я вернулась в спальню, достала из бокса бинты и начала наворачивать их вокруг его груди. Он стоически терпел, вспотевший и бледный, как полотно. Потом я закончила с перевязкой, ушла на кухню и стала хозяйничать и греметь ящиками в поисках алкоголя. В одном из шкафов обнаружилась бутылка «Бифитера», и я плеснула добрых сто грамм в стакан.

– Обезболивающее приехало, – объявила я, входя в комнату и протягивая ему стакан.

Он взял его и сделал большой глоток. Я присела на край кровати, поджав ногу.

– Почему она не здесь? – спросила я.

Да, почему панику поднимает его сестра, раны перевязывает соседка, а Айви в это время – где она?

– Потому что я не хочу, чтобы она была здесь.

– Ты должен научить ее осторожности. Она не должна прикасаться к твоей коже. Она должна увидеть, чем это чревато...

– Ты не понимаешь.

– Так объясни мне!

– Ожоги, шрамы и боль – я хочу, чтобы это были последние вещи, о которых она будет думать, когда будет оставаться у меня на ночь.

– О да! Ты готов калечиться каждый раз, лишь бы у девочки был потрясный секс.

– Мне не приходится калечиться каждый раз, но в остальном верно.

– Вильям... Оно в самом деле стоит того?

Я заглянула в его глаза – они светились. О, что за непередаваемые мысли отражались в них: мятежность, дерзость, бунт...

– А ты как думаешь? – спросил он, откидывая на подушку голову. Нотки иронии в его голосе и насмешливая улыбка сорвали мои предохранители. Как он смеет иронизировать, когда я всего лишь пытаюсь образумить его!

– Я думаю, что если бы у нее был разум – она бы понимала, чем это чревато! И если бы она обладала чувством ответственности, то сейчас была бы здесь! И если бы у нее были к тебе хоть какие-то глубокие чувства – она

бы ни за что не стала вредить тебе! Итог – она глупая, безответственная и не любит тебя!

– Ты безумно прекрасна в своем гневе, Долорес Макбрайд, – хмыкнул он. – Но я все равно выбираю ее.

– Ч-что?! При чем тут я?! – Мое лицо снова залил румянец. – То, что ты позволяешь ей делать с собой, – это... это дико! И это все, что я пытаюсь донести до тебя, придурок!

– Мне надоело говорить обо мне. Давай поговорим о тебе, – вдруг сказал он, допивая джин и грохая стаканом о прикроватную тумбочку. – А когда ты в последний раз делала дикие вещи, крошка?

«Я больше не делаю диких вещей, Вильям. Стигмалион посадил меня на цепь».

– Ты же дикарка, Долорес. Неудержимая, неукротимая дикарка, которой просто необходимы периодические дозы дикости.

«Например, спускать бешеных собак на людей», – наверняка чуть не закончил он.

– Я переросла... *все это* и научилась быть вести себя *разумно*.

Вильям расхохотался, морщась от боли.

– В восемнадцать «*все это*» только начинается. И когда ты встретишь подходящего человека, Долорес, вот тогда ты расскажешь мне, как много в твоей голове остается *разума*, когда он прикасается к тебе.

Я забрала у Вильяма стакан, вышла из комнаты и вернулась на кухню. У окна висело большое зеркало, я заглянула в него, и меня начала колотить мелкая дрожь. Губы остались прежними. Кожа не вздулась волдырями и не лопнула, обнажая алые раны, несмотря на то, что уже миновали все дедлайны. Слюна Вильяма не оставила на мне ни следа. Боже правый...

Я плеснула джина в его стакан и сделала глоток. Мне нужно время, чтобы осознать все это в полной мере. И...

Мне нужно выяснить еще кое-что.

На столе лежала распечатанная пачка «Мальборо». Я достала одну сигарету, подержала ее во рту, коснулась кончиком языка и сунула обратно в пачку. Но не полностью, а оставила конец с фильтром торчать над всеми другими сигаретами. Я видела Вильяма с сигаретой в пальцах пару дней назад в парке универа, так что это его добро. Потом вернулась в комнату и протянула ему пачку.

– Экспресс-доставка новой порции обезболивающего.

«Бери ее. Бери ту, что выше всех...»

И он взял. Мои руки тряслись, когда я смотрела, как он раскуривает эту сигарету, обхватив губами.

«Ты не оставляешь на мне ожогов, Вильям, но как ты отреагируешь на меня? Надеюсь, что мое сердце не разорвется прямо сейчас, и я успею выяснить это...»

– А мне можно на вашу маленькую вечеринку? – раздалось за спиной, и я подскочила, выронив на пол пачку. – Извините, было не заперто!

В дверях стояла Айви и вертела на пальце ключи от машины. Она смотрела на меня не мигая, как кобра. Пухлые губы растянулись в ироничной улыбочке.

– Вильям, ты не отвечал на звонки. Я волновалась.

«Боже, мне нужно всего тринадцать минут! Я должна убедиться, что безвредна для него. Это все, о чем я прошу!»

– Айви, – пробормотал Вильям, поедая ее глазами. – Проходи, Лори уже уходит.

– Нет, не уйду, – тихо сказала я, ковыряя пальцем пушинку на своих штанах.

– Прости? – вскинула бровь Айви.

– Долорес, тебе пора, – сказал мне Вильям, вдавливая сигарету в пепельницу.

– Нет, не пора, – сказала я еще тише. Пушинка наконец отковырнулась, и я сдула ее с пальца.

– Немыслимо, – нервно рассмеялась Айви. – Что она вообще здесь забыла?

– Зашла к Бекки, – соврал он вместо меня.

– Ах да-а, Бекки, – протянула я. – Но ее здесь, кажется, нет. А я только сейчас заметила...

– Лори, ты забыла, где находишься? – раздраженно спросил Вильям.

Я вжала голову в плечи, но с места не сдвинулась. Он не сможет меня прогнать, не в том состоянии. А что она подумает – плевать.

– А я так надеялась застать тебя здесь одного, – Айви вошла в спальню, приблизилась к кровати, протянула руку и почти коснулась пальцами подбородка Вильяма.

– Не трогай его, – сказала я, едва сдерживая желание ударить по руке.

– Что? – поперхнулась она, тараща свои огромные глаза с наращенными ресницами.

– А то, что ты должна быть осторожной. Твои прикосновения причиняют ему боль.

– Ему нравится эта боль, – самодовольно сказала Айви.

– Ты что, никогда не обжигалась? Такая боль никому не может нравиться. Ее можно только *терпеть* ради любимого человека. Но если он

готов без конца жертвовать собой ради тебя, то почему ты не готова ради него хотя бы придержать руки?

Я смотрела на губы Вильяма не в силах оторвать от них глаз. Останусь здесь, пока не увижу то, что мне нужно увидеть.

– Долорес, спасибо за заботу, но тебе *и правда пора*, – сказал мне Вильям таким тоном, что у меня мороз по коже пошел.

– Пойду посуду помою! Там целая гора! А потом уйду, – вскочила я и ушла на кухню, даже не пытаясь представить, что они обо мне думают. Открыла кран и начала гроыхать тарелками. Но никакой грохот и звон не могли избавить меня от воплей Айви, которые я слышала из-за закрытой двери:

– Эта девка меня просто затрахала! – кричала Айви, делая голосом акценты на каждом слове. – Она везде, Вильям! В твоём доме, в твоей машине, на твоих вечеринках, в универе я постоянно натыкаюсь на нее, в кафе. Она ходит за тобой по пятам, она набивается в подружки к Бекки, стоит мне оставить тебя на пару дней – и она тут как тут, на твоей кровати, и вы на пару пьете джин! Что происходит? Почему я вижу ее возле тебя так часто?

– Она искала Бекки, все. Айви, я устал повторять, что кроме тебя мне никто не нужен.

– Ты в курсе, что у нее есть парень? Двухметровый накачанный громила. Ходят слухи, что какой-то морской пехотинец. Сегодня устроил для нее шоу на парковке универа. Подарил белую «Ауди S7» и охапку роз.

– Теперь в курсе и рад за нее.

– Я найду его и расскажу, что она творит, если она не перестанет таскаться за тобой!

– Айви, она не таскается за мной, и я задолбался говорить на эту тему по три раза на день!

Мой телефон затрезвонил. Я вытерла мокрые руки о полотенце и ответила. Звонила Бекки, интересовалась, все ли с Вильямом в порядке.

– Более-менее, – ответила я. – И... Бекки, теперь я знаю, что ты имела в виду, говоря, что Айви вредит ему...

– Ожогов очень много? – всхлипнула Бекки.

– Много, – призналась я.

– Я убью его... и двумя пальцами он на этот раз не отделается, – черно пошутила Бекки, но у меня мороз по коже пошел.

– Бекс, слушай, мне нужно рассказать тебе кое-что. Не по телефону. Ты можешь прийти ко мне, когда вернешься в Дублин?

– Конечно, Лори. Я твоя должница.

– Нет-нет, ты ничего мне не должна, Бекки. Ничего.

Я сунула телефон в карман, домыла посуду и вышла из кухни.

Что ж, прошло достаточно времени, чтобы понять, как отреагируют твои демоны на мой визит, Вильям. Добавят тебе ожогов или начнут лизать мне руки.

Я на цыпочках подошла к двери комнаты – та была полуоткрыта – и заглянула внутрь.

Его губы... они... Улыбались так счастливо, что я заморгала от изумления. И эта улыбка – улыбка мальчика, у которого есть все, о чем только можно мечтать, – потрясла меня едва ли не больше, чем то, что его губы были полностью невредимы.

Голова Айви лежала на его укрытых одеялом коленях, его пальцы теребили кончик пряди ее волос. Они наконец перестали выяснять отношения и теперь о чем-то тихо болтали. Ее рука гладила его бедро, прикрытое тонким одеялом. Он закрыл глаза и выглядел так, как будто боль наконец оставила его...

Я отступила, медленно осознавая всю дерьмовость ситуации. Грудь раздирает пожар. Глаза заволокло слезами. Больно стало так, что не вдохнуть.

Я нашла человека, с которым совместима. Нашла того, кто мог бы подняться в башню Стигмалиона и спасти меня. Того, с кем могла бы делать невообразимо прекрасные вещи, если бы...

Он полностью, абсолютно и безоговорочно не принадлежал другой.

Ночью мне так и не удалось сомкнуть глаза. В пять утра я вылезла из кровати, оделась, напилась кофе и отправилась в родительский дом, в Атлон. Еще никогда я не ездила так быстро. Буду дома через полтора часа – и пусть родители все объяснят мне. Пусть, черт возьми, расскажут, как Вильям Веланд – возможно, единственный совместимый со мной человек на всей Земле, не считая брата, – оказался в нашем доме восемь лет назад. Кто нашел его? И зачем привез? Голову распирали многочисленные догадки, но я хотела услышать правду из уст родителей.

Маму я нашла в саду, на коленях возле любимых розовых кустов, которые требовали осенней обрезки.

– Лори?! – воскликнула она, осторожно обнимая меня и не снимая при этом садовых рукавиц. – Вот это сюрприз. Идем в дом, ну и холод сегодня, аж слизняки все попрыгались... Ральф! Ральф!

Мелисса накрыла стол в гостиной: свежее испеченные содовые булочки, апельсиновый джем, куски черного и белого пудинга, обжаренные в сливочном масле, картофельные оладьи – все как я люблю. Папа поставил передо мной кружку кофе и сел рядом.

– Как университет? Как новая жизнь? – спросил он. – Тебе все нравится?

– Ничего нового с тех пор, как мы говорили по телефону... Хотя нет... Кое-что произошло.

И я начала намазывать ежевичным вареньем тост, выдерживая многозначительную паузу.

– Я встретила человека, который... совместим со мной. И... он уже бывал в этом доме.

Мама перестала жевать, папа отставил кружку кофе и вздохнул так глубоко, как будто не дышал с момента моего приезда. Мелисса опустила глаза, а потом и вовсе ушла на кухню и принялась энергично, чуть ли не яростно вытирать полотенцем тарелки. Не радость, а боль и сожаление отразились в глазах родителей.

– Вы знали, о том, что мы совместимы? Поэтому он сюда приезжал? Вы хотели познакомить нас?

– Ральф? – умоляюще произнесла мама, словно призывая папу взять ситуацию под контроль.

Тот аккуратно придвинул ко мне стул и положил руку на плечо.

– После того как мы узнали о твоём диагнозе, мы начали искать семьи, которые тоже столкнулись с подобным недугом. Это заняло время. Жена одного из моих знакомых работает в университете Эдинбурга и согласилась помочь. Она как раз проводила масштабные исследования в области редких аутоиммунных реакций и заинтересовалась твоим случаем. А чуть позже сообщила, что с ней на связь вышла другая семья. Из Норвегии. Они сообщили, что их сын страдает редкой формой аллергии, которая по симптоматике была очень похожа на твою.

Я молча смотрела в свою тарелку, аппетит пропал. Мои руки начали так сильно трястись, что пришлось отложить столовые приборы.

– Она соединила вашу кровь в одной пробирке. Твоя кровь закипала и сворачивалась, если контактировала с кровью других людей. Его кровь тоже вела себя подобным образом. Но при смешивании вашей крови друг с другом – ничего не произошло. Она сообщила об этом открытии нам и Веландам. Мы списались с ними. И поддерживали связь не один год. Вцепились друг в друга, зная заранее, что вы с Вильямом однажды вырастаете... и, вероятно... будете нуждаться друг в друге.

Мама присела рядом и крепко обняла меня. Иначе я бы, наверно, грохнулась со стула.

– Мы отправляли Веландам принадлежащие тебе вещи, которые ты носила или к которым не раз прикасалась, – твой чёрный шерстяной плед, твой шарф, твои перчатки для верховой езды. А Веланды присылали нам вещи Вильяма: белый свитер с вышитым оленем, его красно-голубую хоккейную куртку, его чёрный игрушечный вертолёт на радиоуправлении. Ты надевала его одежду и играла с его игрушками. Он укрывался твоим пледом, носил твой шарф... Перчатки для верховой езды оказались ему малы, – улыбнулся папа, – но в остальном эксперимент оказался успешен. Его кожа не реагировала на тебя, а твоя – не реагировала на него. А потом мы решили, что пора... Пора бы вас познакомить, – вздохнул отец и уставился в свою чашку.

Я сидела за столом молча, ловя каждое слово. Моя спина одеревенела от напряжения. Мой кофе стыл – руки слишком дрожали, чтобы пытаться держать чашку.

– Что было дальше? – хрипло пробормотала я.

– Веланды уехали и увезли сына. И больше не выходили на связь. Вернее, Ингрид написала однажды и сообщила, что у Вильяма тяжёлое посттравматическое расстройство и что они работают над этим. И... – отец отвернулся, – на этом всё закончилось.

– Почему моя съемная квартира оказалась в том же доме, что и его?

– Это популярный среди студентов жилой комплекс...

– Но почему он приехал в Ирландию? Почему не Норвегия или любая другая страна?

– Без понятия. Может, просто совпадение? Ирландская культура на пике популярности...

– Пф-ф, – фыркнула я. Притянутыми за уши объяснениями меня не впечатлишь.

– Эти ребята уже знают, что ты – это ты? – нахмурилась мама.

– Да, он узнал меня.

– И как отреагировал?

– Плохо. Пить со мной на брудершафт вряд ли будет.

– Долорес, – мама обратилась ко мне чуть ли не официально. – Если будет хоть какое-то... неадекватное поведение с его стороны... я не говорю о травле, вы уже взрослые люди, но... Если он все еще злится и только попробует...

– Я не дам себя в обиду, мам. Будь спокойна.

– Держи нас в курсе, ладно? Я верю, что он... хороший молодой человек из прекрасной семьи, но... мог затаить обиду, так что... просто будь бдительна.

– Он не тронет меня, – так твердо сказала я, что родители переглянулись. – Ему нет до меня дела. Кажется, он... отпустил прошлое. И у него есть девушка, которая не оставляет ему свободного времени на... ерунду из прошлого, вроде меня.

– В смысле, девушка? – переспросила мама.

– Что значит, девушка? – одновременно с ней спросил отец.

– Ну, у всех парней в этом возрасте обычно случаются... девушки, – кашлянула я.

– Они совместимы?

– Нет, – ответила я и опустила глаза.

Обсуждать с родителями Вильяма и его отношения с Айви было как-то... странно.

– Должно быть, это... очень чреватые последствиями отношения, – подытожила мама, тщательно подбирая слова.

– Ага, стремные, – сказала я, даже не пытаясь найти литературный синоним. Перед глазами стояло обожженное тело Вильяма. – Но его все устраивает.

Мама с папой снова переглянулись, очевидно, поражаясь моей осведомленности.

– Я познакомилась с Бекки – его сестрой, – поспешила объяснить я. – И мы вроде как... подружились. Она иногда рассказывает о нем.

– Ах, вот оно что, – кивнула мама.

– Но, боюсь, это ненадолго. Сегодня я собираюсь рассказать ей, кто я...

Папа с мамой снова приуныли. Надо обязательно сказать им, что не их вина, что я обречена быть одинокой. Они и так сделали все, что могли. И сказать спасибо хотя бы за то, что попытались... Чем я и занялась.

Потом мы прикончили завтрак, я погуляла по саду и дому, наслаждаясь мощным и сладостным чувством умиротворения и безопасности, которое всегда переполняло меня дома, и отправилась в обратный путь.

По радио снова крутили «Walking on Cars»^[9]: *«Все тот же дождь над головой, все те же спутники. Я люблю этот городок. А вот ты теперь живешь в моей голове. Не обращай на меня внимания, не обращай внимания. Я просто думаю о тебе...»*^[10] За окном мелькали маленькие домики из красного кирпича и багряные кленовые рощи. Мелисса завернула мне с собой шоколадный кекс, который я предложу сегодня Бекки, когда она придет в гости, но доедать, скорее всего, буду в полном одиночестве. Мама срезала для меня свежих осенних цветов из сада – целую охапку георгинов сорта «Блэкджек», таких темных, почти черных. А на пассажирском сиденье лежала коробка, которую отыскал на чердаке папа, как только я заикнулась о ней: внутри лежал белый свитер с вышитым оленем, и красно-голубая хоккейная куртка, и черный вертолет на радиоуправлении с нарисованным гербом Вооруженных сил Норвегии.

Я могла бы тебя освободить

Вечером позвонила Бекки и пригласила к себе на чай. Я сказала ей, что приду, только если Вильяма с Айви нет. Она сказала, что Айви нет, а Вильям спит как убитый, так что можно сказать, их обоих нет.

Я взяла Мелиссин шоколадный кекс и поднялась по ступенькам. Бекки оставила дверь приоткрытой, чтобы я не звонила. Я просочилась внутрь и тут же увидела ее, машущую из слабо освещенной кухни.

– Привет, – шепотом сказала она. – Садись. Это тебе. – Она протянула маленький бумажный пакетик, перевязанный бантиком. – Я тут кое-что... подарить хочу.

Я развернула подарок и вынула музыкальный диск в пластиковой коробочке с нарисованной от руки бумажной обложкой. На ней был изображен лес. Густой хвойный лес на фоне неба, раскрашенного яркосиним фломастером.

– Не знаю, какую музыку ты слушаешь, но надеюсь, тебе понравится. Эти песни написали скандинавы – датчане, шведы, норвежцы... Мы с Вильямом сами из Норвегии, не знаю, в курсе ли ты...

– Д-да, немного в курсе, – улыбнулась я.

– Я сама его записала для тебя. Хочешь послушать? – С энтузиазмом спросила Бекки. – Если, конечно, ты не спешишь никуда.

Я никуда не спешила. Я была готова сидеть рядом с Бекки до утра, если уж начистоту. Она поставила диск в проигрыватель и нажала на кнопку.

– Эту ты точно слышала раньше. «Я могла бы» шведского ди-джея Авики. Помнишь, как она была популярна несколько лет назад? Горячее было время... Мы с Вильямом тогда только-только приехали в Ирландию. Первый курс, первые приключения, первая любовь, первая ночь с парнем, которого я любила много лет...

– Он ирландец?

– Да, и мы познакомились с ним задолго до моего приезда сюда. Переписывались, перезванивались, а когда наконец мне удалось поступить сюда, то он пригласил на свидание прямо в аэропорту, куда приехал встретить меня.

– Здорово, – улыбнулась я.

– Думаешь ли ты обо мне, когда остаешься наедине с собой? О том,

чем мы занимались, о том, какими были? – запела Бекки, кружась по комнате. – Я могла бы осчастливить тебя! Я могла бы тебя освободить!

Я следила за ней глазами, тоже подпевая и смутно припоминая, что у этой песни был оригинальный трагикомичный клип с потрясающей актрисой в главной роли. Она тоже мечтала убежать из своего Стигмалиона и больше никогда не возвращаться. Но так и не смогла...

– А это моя любимая норвежская певица Мария Мена, – объявила Бекки и указала пальцем на обратную сторону диска, на которой от руки были выведены названия: «Привычки», «Без дома», «Наши битвы» и «Я всегда любила это».

И мы послушали их все, набивая рты остатками шоколадного кекса. Как же уютно было сидеть здесь, на кухне Бекки, и слушать всю эту скандинавскую музыку. Впрочем, скандинавскую ли, если ее слушал и любил весь белый свет?

А после Марии Мены пришел черед норвежской группы «Highasakite», чье название показалось мне полнейшей абракадаброй, пока я не разделила его на отдельные слова и не увидела в них смысл: «Высоко-как-воздушный-змей»! Вот это задумка! Может, мне тоже стоит шифровать послания, склеивая слова в одно длинное слово?

«Беккикакздоровочтомысейчасздесь»!

«Музыкахорошаатыеещелучше»!

«Япочтивлюбиласьвтебякакивтвоегобрата»!

Мы начали слушать песню «Самурайские мечи», акустическую версию. А потом песню «Боже, не оставляй меня», а потом «Любовь моя, где ты живешь?» И, сказать по правде, уже на «Самурайских мечах» у меня защипало глаза. Песня была такой грустной... Я вертела коробку от диска, водя пальцем по названиям песен, и пыталась проглотить вставший в горле комок.

– Эй, – села рядом Бекки. – Ты что-то совсем приуныла... Лори?

Я подняла на нее глаза и вздохнула. Время пришло. Сейчас или никогда.

– Бекки... Это в мой дом вы приезжали восемь лет назад, и это я натравила собаку на Вильяма...

И я закрыла глаза, ожидая того момента, когда разразится буря. Но буря не случилась. Даже дождь не закапал. Бекки похлопала меня по плечу и сказала:

– Я узнала тебя. И твоего брата. Сразу же, как только увидела. У меня хорошая память на лица, а вы не сильно изменились.

Я качнулась на стуле. Самое время опрокинуться навзничь,

треснувшись головой об пол.

– И... тебе не захотелось... отплатить за все?

– Однажды меня до крови укусил шестилетний малыш, потому что я притронулась к его игрушечному паровозу. Не думаю, что мне стоит ненавидеть его остаток жизни. А ты была ненамного взрослее. Вильяму, конечно, пришлось тяжело, но... теперь ты уже не дикий, замкнутый, враждебный ребенок, правда? Сейчас ты бы не смогла спустить разъяренную собаку на человека?

– Шутишь? – покачала головой я, все еще не в силах поверить, что Бекки не выгнала меня вон.

Бекки придвинулась ближе и осторожно обняла.

– Через что он прошел, Бекки? Расскажи мне...

И она рассказала. О многочисленных шрамах, что оставили на нем зубы Хэйзел, о затяжной депрессии, о приступах агрессии, о проблемах с одноклассниками, о сложном характере, о драках в школе, о наблюдении у врачей. О том, как одна травма становилась причиной другой, а та в свою очередь – причиной третьей. О том, как тяжело перестать быть заложником прошлого и наконец вырваться на свободу...

– Что мне сделать, чтобы он простил меня?

– Просто поговори с ним.

– Уже пыталась.

– И?

– Он не принял мои извинения.

– Правда? – нахмурилась Бекки. – Фигово...

Скрипнула паркетная доска, и на пороге кухни возник Вильям, вперив в меня хмурый взгляд. Волосы растрепаны, мышцы расслаблены, широкая грудь по-прежнему в бинтах.

– Я уже ухожу, – торопливо сказала я, не желая провоцировать новый конфликт.

– Остайся. И если ты поможешь мне с перевязкой, то с меня пиво... Или что ты там пьешь? – неожиданно попросил он.

– Ладно, – тут же согласилась я, тупо улыбаясь. Вот это поворот. – Но если Айви узнает...

– Лучше пусть узнает Айви, чем моя мать, когда я попаду в больницу с массивным заражением. Тогда мне точно не поздоровится.

– Никто ничего не узнает, – сказала Бекки и вытащила из шкафа коробку с лекарствами.

– Затягиваются быстро, – объявила я, придирчиво оглядывая его раны. – Дай телу неделю-две на восстановление, не разрешай ей прикасаться к тебе, пока все не заживет...

Вильям следил взглядом за моей рукой, размачивающей и снимающей старые бинты.

– Будет сделано, док, – сказал он, и я невольно улыбнулась. – У тебя хорошо получается.

– Я как-то перевязывала соседского кота, когда он повредил лапу... Но, смею сказать, с тобой дело продвигается быстрее... Ты, конечно, больше... Но зато волос меньше. Не надо ничего брить... Да и орешь ты меньше...

Я оторвала взгляд от его груди и заглянула в лицо. Вильям улыбался так весело, словно мне удалось по-настоящему рассмешить его, и эта улыбка была очень похожа на ту, что я видела вчера, когда он говорил с Айви...

– Надеюсь, она вчера не очень злилась...

– Она на пороге ядерной войны. Так что найми телохранителя, – отшутился Вильям.

– Посоветуй ей то же самое. Еще одно покушение на тебя – и ей не поздоровится. Бекки обещает ей голову оторвать... Плюс твоя мама, как я уже поняла, будет рвать и метать. Плюс я. И вот нас уже трое, а Айви одна...

Вильям ничего не ответил. Он откинул голову на подушку и молча следил за тем, как я собираю бутылочки с лекарствами в коробку.

– Обезболивающего? – многозначительно спросила я, направляясь к двери.

– Нет, спасибо.

На кухне я выбросила в мусорку бинты, вымыла руки, взяла таблетку антибиотика и стакан воды для Вильяма и зашагала обратно. У самой двери вода случайно выплеснулась из стакана на пол, и я остановилась, прикидывая, чем бы ее вытереть. На гладком мокром паркете можно на раз-два поскользнуться...

– Лори рассказала, что уже приносила извинения, а ты не принял их, – говорила Бекки брату за неплотно прикрытой дверью. – Но при этом ты считаешь, что это совершенно нормально – попросить помочь тебе с перевязкой?

– После всего, через что мне пришлось пройти по ее вине, я не могу

просто взять и сказать «все нормально». В этой ситуации ничто не нормально и никогда не будет.

– Но ради услуги с ее стороны ты готов на секундочку забыть обо всем, я правильно поняла?

– Ради спокойствия матери я готов просить об услуге даже серийного маньяка.

– Еще никто не говорил тебе, что ты козел, Вильям?

– Дай-ка подумать. Говорили «калека», говорили «трехпалый», говорили «псих», говорили «мудак». И козел, кажется, в этом списке тоже был...

– Знаешь, что? Пускай-ка в следующий раз тебя перевязывает Айви! Она тебя трахает – она пусть и лечит! А Лори больше не будет этим заниматься. И если тебе захочется увидеть ее здесь, то приглашать ее на чай будешь сам. Я больше и пальцем не пошевелю. Ты жесток к ней, Вильям. Так же, как когда-то была она. Но она повзрослела, раскаялась и переживает из-за той жестокости. А ты – нет.

Я постучала и вошла с наигранным «А вот и я!» Разговоры тут же стихли. Бекки с ярким румянцем на щеках опустила глаза, Вильям отвернулся к окну.

– Мне пора возвращаться. Я сегодня ездила к родителям в Атлон и очень устала... Вильям, вот вода и антибиотик... Надеюсь, все хорошо заживет.

Бекки кивнула мне, Вильям поблагодарил, а я вернулась к себе и свернулась калачиком на кровати. Меня душили слезы, горькие и горячие. Все утро и весь день меня переполняли робкие мысли о том, что я могу подождать, что я могу быть терпеливой, и если отношения Вильяма и Айви не выдержат проверку временем, то, возможно, у меня появится шанс. Шанс обрести свое счастье, сбросить с себя заклятие Стигмалиона, любить и быть любимой. Но сейчас все эти мечты вспыхнули и сгорели, как бумага. Он не простит мне того, что я когда-то сделала.

Выплакав все глаза, я открыла ноут и загрузила сайт с объявлениями о недвижимости. Самое время начать подыскивать другое жилье. Я должна съехать отсюда и не тешить себя наивными мечтами.

* * *

*«Привет всем, новость дня: я влюбилась.
И пока не понимаю, что с этим делать.*

Представьте, что вы шли по улице в нарядном платье. Наслаждались погодой, строили планы и улыбались прохожим. И вдруг на вас обрушилось ведро ледяной воды! И вы больше не можете думать ни о чудесной погоде, ни о том, куда шли, ни о том, что подумают люди, – вы просто стоите и дрожите на ветру. И не понимаете, что делать дальше. Вот что такое любовь...»

Сто пятьдесят комментариев: все мои читатели в шоке. Все хотят подробностей.

И его фотку.

Вильям

Незнакомка в розовом лифчике, сжимающая в руках одну из моих футболок и изучающая фотографии на стене комнаты – знала ли она, какой смертельный номер затеяла? Вот уже два года порог этой комнаты переступала только одна девушка – Айви Эванс (ну и сестра, постоянно таскавшая мою одежду и не имевшая ни малейшего представления о личном пространстве). И если бы Айви узнала об этом вторжении, то остаток вечера мне бы пришлось провести в качестве рефери.

Девушка резко обернулась на звук моих шагов и, прижимая футболку к груди, нервно заметила:

– Как насчет того, чтобы научиться стучать?!

И в этот момент произошли сразу две странные вещи: мне вдруг стало тяжело дышать, и пронзительная, нестерпимая боль прострелила левую руку – ту самую, на которой не было двух пальцев. Я сжал ее в кулак и спрятал в карман.

Что, черт возьми, это было? На что такая реакция? Ведь не на эту вот малолетку, испуганно переводящую глаза с меня на фотки и обратно. Она нервно отступила и еще сильнее вцепилась в футболку: пальцы дрожали. У ног лежала упавшая кофточка, залитая какой-то жидкостью, скорее всего, выпивкой. Все ясно, Бекки притащила ее сюда переодеться и вручила одну из моих футболок – черную, с ярко-красным логотипом «Under Armour» на груди. Та самая, которая была на мне, когда мы с Айви впервые занялись сексом, и которую Айви потом носила весь следующий день, утопая в ней, как в платье. Забавная ирония: теперь другая собирается надеть ее поверх своей довольно-таки симпатичной груди. Надеюсь, Айви уже достаточно выпила и не заметит этой вопиющей наглости.

– Стучать? В дверь своей комнаты? – раздраженно переспросил я и вышел.

Девчонка вылетела из моей комнаты меньше чем через минуту и тут же принялась извиняться. Ее голос снова заставил бушевать во мне какие-то странные искры, бегавшие по позвоночнику и оседавшие в кончиках пальцев.

– Мы нигде раньше не встречались? – спросил я, заставляя себя дышать ровно.

Нигде. Она отмела все возможные варианты. Все лето готовилась к

поступлению.

– Первокурсница? – предположил я.

Она самая.

– Веселись, – сказал я, вошел в свою комнату и закрыл дверь. Прислонился лбом к стеклу окна, пытаюсь успокоить растрепанные нервы. Внезапно мне в голову пришла мысль о пожарной лестнице: интересно, если вдруг понадобится сбежать из этой квартиры, смогу ли я?

И тут до меня дошло, что это паническая атака. Я давно их не испытывал, но они у меня уже случались. В ответ на *триггеры*.

«Триггер – это нечто, что заставляет снова испытывать пережитый ужас, Вильям, – когда-то объяснил мне мой психотерапевт. – Придется избегать их всеми силами. Ты говоришь, что на тебя накатывает паника и ступор, когда ты слышишь лай собак? Тогда это то, что нам с тобой не стоит слышать. Обычно триггер является частью травмирующего переживания: это может быть плач ребенка, звук бьющегося стекла, некий символ, текст или изображение. Понимаешь? Что-то еще, кроме лая, вызывает у тебя панику, желание спрятаться, испуг, отторжение?»

«Нет, – ответил я тогда. – Только лай».

Очевидно, не только он.

Я переоделся, поставил телефон на зарядку и вышел из комнаты, едва не столкнувшись с этой дюймовочкой, похитившей мою футболку. Она и в самом деле была мелковата: едва доставала до плеча. Как рассерженный воробей, набросилась с какими-то расспросами: она что-то не так поняла и потребовала объяснений.

Я начал объяснять, что к чему, едва не зеленея от очередного приступа паники. Мне вдруг совсем поплохело. Захотелось сбежать. Захотелось отпихнуть ее, захотелось, чтобы она закрыла рот и наконец прекратила мучить меня своим...

Голосом.

Мне становилось плохо от ее голоса.

Я ушел из коридора раньше, чем успел осознать это в полной мере. Вернулся к Айви и принялся нежничать с ней на диване, пока толпа опустошала бутылки и играла в не самые пристойные игры.

Айви вела себя очень дерзко, когда была пьяной. Потеряв всякий интерес к моей груди, Айви сунула руку под пояс джинсов. Я напрягся, но она умело избегала контакта с моей кожей. Просто касалась через ткань боксеров. Бесстыдница.

Остатки паники покидали меня, в теле разливалось тепло, близость Айви и ее бесстыдство гасили напряжение. Надеюсь, все уже пьяны

настолько, что видят только Ричи, пытающегося изнасиловать гитару. Я обвел глазами помещение, и мой взгляд наткнулся на Дюймовочку, забившуюся в кресло на противоположной стороне комнаты. Она сжимала в руке бутылку сидра и таращилась на меня во все глаза. Красная, как помидор. Наверно, увидела все то, на что первокурсницам пока еще не так часто приходится смотреть.

– Новенькая. Правда или действие? – обратился к ней Ричи. Я знал, что вопрос будет с подвохом еще до того, как он закончил предложение. – Ты девственница?

Айви громко хихикнула мне в ухо и перевела глаза на новенькую. Та покраснела еще сильнее, начала мяться, опустила глаза, потом подняла их, в панике оглядывая присутствующих.

Боюсь, ее взгляд был красноречивей любых слов. Она в самом деле еще ни с кем не занималась сексом, и теперь это стало известно каждому в этой провонявшей алкоголем комнате. Как печально...

Бекки вступилась за нее. Айви, наоборот, подлила масла в огонь, громко спросив, не делают ли первокурсниц из сахара. Потом все кое-как замяли, продолжили игру, и я собрался было утащить Айви в спальню, как вдруг она хлопнула меня по колену и, указывая глазами на Дюймовочку, сказала:

– На этой девке твоя футболка.

Я знал этот тон. Таким тоном обычно зачитывают смертельные приговоры в фильмах.

– Бекки дала ей, девчонка чем-то облилась.

– А у Бекки закончились чистые тряпки, что ли?

– Они у нее и не начинались, – отшутился я.

– Вильям, – сжала зубы Айви. – Это не смешно.

– Да ладно, – улыбнулся я ей. – А по-моему, очень. Ты ревнуешь не только меня, но и мои футболки.

– Я не ревную твои футболки! – возмутилась она. – Мне просто дороги воспоминания о нас с тобой, которые эта телка сейчас оскорбляет, потея в мою самую любимую футболку.

– Потей? – почти расхохотался я.

– Еще как. Посмотри на ее фейс. Красный и потный. Да с нее прямо течет. Ткань к сиськам прилипла... Фу... Жаль, что футболка не серая, тогда бы все увидели два пятна у нее под мышками.

Я не удержался и перевел взгляд на новенькую. Она и в самом деле выглядела разгоряченной. Лоб блестел, щеки порозовели. Но мне не казалось смешным то, что с ней происходило. Она волновалась, ужасно

волновалась и не знала, куда себя деть. Смотрела в пол и часто водила тонкой ладонью по лбу. С какой планеты она сюда явилась? Такая испуганная, словно впервые находится среди людей.

Я украдкой изучал ее, пока Айви отплясывала тверк, потя не хуже взволнованной новенькой. Потом она без сил упала рядом со мной, разливая джин-тоник из стакана, и прошептала:

– Смотри, что сейчас будет!.. – И громко, чтоб услышали все, объявила: – Ты! Новенькая! Да! Поцелуй того, кто первым поднимет руку!

Того, что случилось дальше, не ожидал никто. «Жертва» внезапно уронила свою бутылку и с криками «Нет! Не надо!» отшатнулась от бросившихся к ней парней. Споткнулась, шлепнулась на пол, попыталась встать...

– Господи, ты только посмотри на нее, – шепнула Айви. – Умора!

Паника новенькой выглядела комично для большинства присутствующих: кое-кто даже громко заржал, – но только не для меня. Я слишком хорошо знал, что такое панические атаки, что такое ледяные пальцы ужаса, сжимающие горло и превращающие тебя в параноика, готового в любую секунду удариться в бегство...

Мне стало ее жаль, и я вступился за нее, на ходу придумывая «психованного регбиста» и надеясь, что она окажется умной девочкой и быстро схватится за мою соломинку.

И она схватилась, глядя полными благодарности глазами и улыбаясь нежно, по-детски. Думаю, примерно так она выглядела, когда была ребенком и кто-то из взрослых дарил ей подарки...

И в этот момент я понял, где видел ее раньше.

Я вспомнил это лицо – все его черты, вплоть до мельчайших пестринок на радужках глаз, вплоть до последней веснушки. Она повзрослела, восемь лет прошло, как-никак, с момента нашей первой и последней встречи. Она перестала быть ребенком. Больше не орала, не дерзила и не считала себя центром Вселенной. И волосы уже не торчали в разные стороны, а были уложены в длинное, идеально прямое каре. И лицо не было заляпано грязью. И что-то случилось с губами – они выглядели немного иначе: полнее и красивее, – но это точно была она.

Долорес чертова Макбрайд собственной персоной. Посреди моей гостиной. В кресле, которое я сам поставил в тот угол. Притопавшая на мою вечеринку. Натянувшая мою футболку. Дышащая моим воздухом, черт возьми.

Долорес Макбрайд.

Мой ночной кошмар.

Мой триггер.

* * *

Я выставил ее на раз-два, как только понял, что это она. Не знаю, чья нелепая шутка привела ее сюда, но больше ее здесь не будет. Потом я вытащил на кухню Бекки и, глотая от одышки слова, спросил, какого черта Долорес Макбрайд делает в моей квартире.

– Долорес кто? – нахмурилась она.

– Психопатка, натравившая на меня свою псину, если так понятней.

– Боже. – Бекс прижала к груди руки и вытаращила на меня изумленные глаза. – Не может быть. Ты что-то напутал.

Я нервно рассмеялся.

– Не-ет. Только не в этот раз. Это ты привела ее сюда? Зачем?!

– Мы познакомились сегодня днем у подъезда, я и подумать не могла, что это она! Может, ты все-таки ошибся? Давай найдем ее и прямо спросим... Где она?

– Я выставил ее к чертовой матери.

– То есть? Вильям... Блин... Мы взрослые люди... Нужно было спокойно поговорить.

– Спокойно поговорить? – переспросил я. – Ты серьезно? А о чем, прости?

– Я знаю, ты злишься...

– Злюсь? Ты понятия не имеешь, что со мной творится, Бекки.

– И что же? – пискнула она, глядя на меня с тоской и сожалением.

– Она – мой триггер. Меня накрывает паника, когда я вижу ее или слышу ее голос. Хочется сбежать, но сначала – впечатать ее лопатками в стену и заставить заткнуться. Только бы она больше не издавала ни звука!

Я потер ладонями лицо, потрясенный тем, что сказал. Стоит облачить мысли в слова – и они тут же звучат иначе и гораздо страшнее, чем в голове...

– Вильям, – прошептала Бекки, обеспокоенно заглядывая мне в глаза – Может, стоит позвонить Линдхарду? Думаю, он консультирует и по телефону тоже.

– Он не скажет ничего нового, – возразил я, не слишком горя желанием возвращаться к психотерапии и снова названивать врачу. – Будет все то же самое, Бекс. Советы избегать триггеров и точка. Ничего лучше с тех пор не придумали.

– Избегать триггеров, – повторила она.
– Именно. Я не хочу слышать лай собак и видеть Долорес Макбрайд.
– Это будет сложно, учитывая, что она теперь живет в нашем доме, этажом ниже... Прямо под нами.
– Что, прости? – вытаращился я.
– Вильям, не смотри на меня так, как будто это я ее сюда поселила!
– Проклятье! И надолго она здесь?
– Я н-не знаю, – совсем сникла сестра.
– Надеюсь, ненадолго, иначе кому-то из нас придется менять жилье. И, скорее всего, это буду не я.

* * *

После вечеринки, ближе к трем утра, меня поджидали три обескураживающие новости. Первая – Айви уснула на моей кровати, и мне пришлось довольствоваться диваном, засыпанным крошками от чипсов. Мы могли по три раза на день заниматься с ней любовью, но никогда не засыпали в одной кровати, чтобы случайно не прикоснуться друг к другу.

Вторая – кто-то обблевался в ванной комнате и убирать пришлось мне.

И третья – когда я вышел с сигаретой на балкон, тишина стояла мертвая. Ни проезжающих мимо машин, ни завываний ветра, ни визга диких лисиц, которые приходили в город ночью. И в этой тишине отчетливо был слышен чей-то плач. Сдержанные всхлипывания и глубокие вздохи – так дышат, когда очень-очень хотят успокоиться...

Я перегнулся через перила, вглядываясь в полумрак. На балконе нижнего этажа, прямо подо мной, в скупом сиянии ночных фонарей сидела Долорес Макбрайд и плакала.

Я удивился так, что позабыл про сигарету. Вспомнил о ней, когда начал дымиться фильтр. Швырнул окурок в темноту и он, кувыркаясь, полетел вниз и рассыпался на земле искрами. Скрипнула дверь этажом ниже, и балкон опустел.

Да ладно. Наверное, мне послышалось.

Чудовища не плачут.

2009 год, мне шестнадцать лет

Я впечатал этого подонка в борт, а потом разбил ему лицо хоккейной клюшкой. Игру остановили, меня отправили на скамейку до конца игры, а Расмуссена увезли на скорой. Отличное завершение сезона. Ну, не считая того, что мать плачет второй день...

Мои родители всю жизнь поощряли мои занятия хоккеем. Я пошел в спортивную школу в шесть лет. Мне нужна была социализация, нужны были друзья, нужен был спорт, чтобы снимать стресс и не быть размазней. И хоккей был одним из тех немногих видов спорта, где мне не пришлось бы носиться по полю в коротких шортах и майке, рискуя заработать ожоги от прикосновений с другими игроками. Я выходил на лед, завернутый в экипировку с ног до головы. В ней я чувствовал себя защищенным, свободным, таким, как все. Если бы у меня забрали хоккей, у меня бы забрали жизнь.

Но после случая в доме Макбрайдов меня все чаще одолевали вспышки беспричинной агрессии, которую не могли утихомирить ни доводы здравого смысла, ни мой психотерапевт Линдхардт, ни мольбы матери. Эта агрессия стала сопровождать меня повсюду, включая лед. Я всегда играл жестко, но с холодной головой. Но после происшествия в доме Макбрайдов что-то переключилось в моих мозгах. Какое-то колесико сдвинулось, нарушая ход всех остальных.

Холодная голова? Уважение к противнику? Честная игра? Пф-ф, что дальше? Начнем дарить друг другу леденцы и котятки? Вперед, я не буду. Я скорее размажу по борту любого, кто встанет мне поперек дороги.

Тренер сначала порадовался такой перемене. Мол, один отчаянный сорвиголова в команде еще никому не мешал. Потом, после того, как меня регулярно начали выкидывать на скамейку, тренер потребовал «играть чище». И я играл так чисто, как мог: крови на льду нет – значит, чисто...

Пока одному засранцу из клуба Святого Олафа не вздумалось потягаться со мной. О Ларсе Расмуссене я знал только то, что он самый здоровенный и задиристый игрок в команде противника и у него отпадная старшая сестренка, которая не пропускала ни одного матча.

«Я вертел твою мамочку на своем члене, и вагина у нее все еще ничего», – сказал мне Ларс, глядя прямо в глаза, когда мы разыгрывали

шайбу. Это было последнее, что он произнес в тот день. Правда, еще были хрипы, которые он издавал, когда поперхнулся собственной кровью...

«У твоей сестренки, думаю, вагина тоже ничего. Хочешь, я расскажу тебе, как только проверю?» – прошептал я Ларсу, перед тем как нас наконец разняли. На льду после этой игры осталось огромное красное пятно, которое так и не смогли оттереть до следующего матча.

– Вильям, у Ларса сотрясение и травма шеи, – сказала мать следующим утром. Она связалась с его семьей и даже ездила в госпиталь проводить этого выродка. – Парень вообще мог остаться калекой, ударь ты его чуть сильнее. Если это будет продолжаться, то хоккей для тебя закончится.

«Рассказать тебе, на чем он хотел тебя повертеть?» – возразил про себя я, но вслух ничего не сказал. Моя мать слишком добра, чтобы слова вроде этих касались ее ушей. Пусть думает, что это просто беспричинная жестокость...

Меня дисквалифицировали, отстранили от тренировок, хорошенько проехали по ушам, вынесли мозг родителям, обязали пройти курс по управлению гневом и даже предложили проводить в больнице Расмуссена, взывая к моей совести.

Моя совесть была нема и глуха, но к Расмуссену я все-таки заехал, опасаясь окончательно испортить отношения с тренерским составом.

И не зря.

У Ларса в палате сидела его сестра собственной персоной. Я видел ее издали несколько раз, но еще никогда так близко.

Да, она оказалась не просто симпатичной, а такой, что просто дух захватило: девочка-кошечка с чокером и «хвостом» на макушке, светлые волосы и глаза, синие, как море. Ощущение было такое, будто меня столкнули с обрыва, и теперь я стремительно падаю: сердце где-то в желудке, кишки узлом...

– Посмотри, что ты сделал с ним! – сказала она, резко поднимаясь с кровати, – аж волосы в стороны разлетелись. – Урод!

Я отшатнулся, опасаясь, что девчонка съездит мне по лицу, а загреметь в больницу с ожогами совсем не хотелось.

– Еще шаг, и я сделаю с тобой то же самое, – сказал я.

– Будешь угрожать ей, ублюдок, и я из тебя бургер сделаю, – очнулся Ларс.

Очень смешно было слышать это от парня, чья голова торчала из ортопедического воротника, напоминая огромное мороженое на вафельном рожке.

Девчонка смотрела на меня с таким испугом, словно я уже вынул нож из кармана и приставил к ее горлу. Я пренебрежительно хмыкнул и свалил из палаты.

Какие черти занесли меня сюда? И зачем я сказал ей все то, что сказал? Угрожать девчонкам – такого со мной раньше не случалось... Ее брат – мудила, но она-то тут при чем?

– Эй, – окликнули меня. – Пстой!

Я развернулся и увидел сестру Расмуссена, шагающую следом за мной по коридору и одергивающую короткую юбку на бедрах.

– Думаешь, наезжать – это круто?

– Ты первая начала.

– Раз уж на то пошло, первым начал ты, когда врезал Ларсу клюшкой! У всех на глазах!

– Раз уж на то пошло, то первым начал Ларс, когда открыл свой рот. Твой брат – говнюк и просто получил по заслугам.

– Тогда зачем ты здесь? Ни с того ни с сего решил провести говнюка? – насмешливо сказала она. – Или все-таки совесть замучила?

– Как тебя зовут? – перебил ее я.

– Хайди, – ответила она.

– Хайди, передай Ларсу, что мне жаль. Но если он еще раз откроет свой гребаный рот, то я распилю его клюшкой пополам. У всех на глазах.

Я ждал очередного взгляда затравленной зайки, но Хайди вдруг улыбнулась, кокетливо накручивая волосы на палец. Потом рассмеялась. Потом посмотрела очень заинтересованно.

– Может, все-таки сам скажешь ему? Раз уж ты здесь. А потом, может быть, помириться? А потом... может, выпьем кофе в холле? Если ты не спешишь.

* * *

Хайди просто предложила мне выпить с ней кофе, а я уже видел, как впиваюсь в нее губами, как погружаю пальцы в ее волосы, как натягиваю резинку и вторгаюсь в нее – нетерпеливо, резко. Как мы трахаемся до потери пульса. Как лежим потом на кровати с переплетенными руками и ногами...

Но все это тебе не светит, мальчик с аллергией на прикосновения.

Я отказался пить с ней кофе. Краснея от собственных мыслей, с отвердевающим членом в штанах и сбитым дыханием, напридумывал

отговорок и свалил из госпиталя, едва не рыдая.

Наверно, я так и умер бы печальным девственником, если бы бог не послал мне ангела-хранителя. Ангела-хранителя по имени Тео Хантер. То, что мы вообще нашли друг друга на этой Земле, до сих пор кажется мне невероятным.

Однажды я серфил в Интернете, выискивая любые крупницы информации по запросу «аллергия на прикосновения», и наткнулся на коротенькое сообщение восьмилетней давности на каком-то заброшенном форуме, посвященном кожным заболеваниям. И вот там-то, среди триппера, бородавок и фотографий всевозможных прыщей, которые пользователи выкладывали туда в надежде получить диагноз без врача, – сиротливым особнячком затесалось сообщение от некоего Тео84:

«Мне тошно вас всех читать. Моя рука приклеилась к лицу в жесточайшем фейспалме, и я не могу оторвать ее уже полчаса. Вы правда думаете, что прыщи – это крест на личной жизни, а папилломы на члене – повод покончить жизнь самоубийством? Что за чушь? Даже такой уникальный и неповторимый фрик, как я, обрел свое счастье, а у меня – аллергия на прикосновения, черт побери. Я покрываюсь ожогами там, где ко мне прикасается другой человек. Моя жизнь – хуже жизни вампира. Тот боится только света, чеснока и серебряных пуль, а я могу сдохнуть практически от всего, включая рукопожатия и поцелуи в щечку. Страшно? О да. Однако я набиваю это сообщение, держа на коленях самую горячую красотку во всем Сиднее. Как вам это, нытики с папилломами на члене?»

Мои пальцы дрожали, когда я наспех зарегистрировался на этом уже заброшенном форуме, чтобы получить доступ к личной информации Тео84. Я молился, чтобы он оставил там хоть какие-то координаты. Чтобы боженька сжалился надо мной хотя бы один раз.

И Он сжалился, приподнял стакан и подмигнул мне, улыбаясь в седые усы. В профиле Тео84, в строке «о себе» был прописан адрес электронной почты.

* * *

Тео ответил на мое письмо практически мгновенно. Он поспешил поделиться, что горячая вода творит чудеса, а восковые спреи, обволакивающие руки тонкой пленкой, избавляют от проклятых перчаток. Выложил мне все, что знал. Стал моим самым лучшим другом, сообщником, Мессией.

Он словно возродил меня из пепла. Как пациенты упоминают в молитвах врачей, спасших им жизнь, так и я был готов молиться за здоровье Тео Хантера.

Три месяца спустя после знакомства с Тео мы с Хайди оказались в одной постели и – я не просто выжил. На мне не осталось ни единого ожога. Только синяки на шее. И царапины на спине. И розовый туман в голове – густой и плотный.

Потом я написал Тео письмо, состоящее практически из одних восклицательных знаков. И он ответил мне: «На здоровье, бро, я рад, что смог помочь». Вот так вот просто. Как будто сигаретой поделился, а не подарил целый мир со всеми его прикосновениями, объятиями, поцелуями, царапинами, засосами, мозолями, безумством, свободой.

* * *

Одна девчонка чуть не убила меня. Другая – спасла. Однажды Хайди вошла ко мне в душевую и пришла в полный восторг от горячей, как пекло, воды.

– Ничего себе температура, – взвизгнула она, но выскакивать из-под струй не стала. Встала рядом, извиваясь и пританцовывая. С тех пор мы часто занимались сексом прямо под душем, задыхаясь от густого пара. Тринадцать минут превратились в часы.

Потом мы выходили оттуда и, натянув одежду и повесив на лица самые невинные улыбочки, ели перед телевизором пиццу или раскладывали учебники и готовили уроки.

Хайди зачастила к нам в гости, родители с нее пылинки сдували: надо же, сын сдружился с девочкой, слава богу, он не возненавидел их, слава богу, он не увлекся парнями...

Они не подозревали, чем мы занимаемся, пока однажды я не забыл в душевой презерватив. А на следующее утро не нашел его там, где оставил! Проклятье! Сердце ушло в пятки, когда я наткнулся на рыдающую на кухне маму и позеленевшего от шока отца, прижимающего ее к груди и оправдывающегося непонятно за что.

Потом до меня дошло, что мама заподозрила отца в измене, и мне пришлось собрать в кулак всю свою смелость и объявить, что этой мой, черт бы его побрал, презерватив.

Да. Именно это. Да, вы правильно услышали. Нет, я не чокнулся. Да, я помню про свою болезнь. Нет, я не сижу на наркотиках и не брежу...

Краснея и бледнея, я рассказал им про Тео Хантера и его «лавку волшебных секретов». Про кипятилок и восковой спрей. И про то, что ожогов можно избежать, если очень захотеть. И что мы с Хайди занимаемся тем, чем однажды начинают заниматься все люди, – что в этом такого?

Мама схватила за сердце. Папа налил себе полный стакан крепкой выпивки. А потом они заявили мне, что не будут смотреть на то, как их сын гуляет по натянутому канату, играя со смертью. И что Хайди приходить больше не стоит. И что все это так опасно, так опасно! И о секретах Тео они слышать ничего не хотят...

Я развернулся и молча вышел из кухни. Я скорее откажусь от кислорода, воды и тепла, чем отрекусь от Хайди, от Тео и от той свободы, что они мне подарили.

2010 год, мне семнадцать лет

Жизнь разделилась на «до» и «после»: на жизнь до сегодняшнего утра и на жизнь после него. Сегодня утром родители сообщили, что выбрали для меня университет. И именно туда я отправлюсь после окончания школы. И больше никаких вариантов нет.

– Какой? – спросил я подчеркнуто-равнодушно, втайне надеясь, что это будет тот же универ, в который собралась Хайди.

– Тринити-колледж, – ответили они.

– Не слышал о таком. Он недавно открылся, что ли?

– Да нет, ему уже четыре сотни лет.

– Серьезно? Университету Осло, по-моему, всего двести лет, а он – старейший в Норвегии...

И тут мой взгляд упал на рекламный буклет, предусмотрительно подложенный кем-то на край стола: «Добро пожаловать в Тринити-колледж, старейший университет Ирландии...»

– Нет, – пробормотал я, сжимая в руке вилку и прикидывая в уме вероятность того, что Хайди сможет последовать за мной. Скорей всего, эта вероятность стремится к нулю: ее родители не настолько состоятельны, чтобы позволить себе учить дочь в другой стране.

– Мы хотим, чтобы твой английский... – начала мама. Я уже знал, что она скажет и резко перебил ее:

– Мой английский и так более-менее! Этого мало?! Надо, чтобы я еще и к черту на рога отправился? Мне здесь хорошо!

– Мы уже решили, – с нажимом сказал отец.

– Да плевать, что вы там решили! – вскочил я. Отец поднялся тоже.

– Это оптимальный вариант, Вильям, – взмолилась мама. – И Вибекке туда очень хочет. Мы подумали, что это было бы здорово – не разлучать вас...

– Если Вибекке туда хочет, то пусть едет. Я останусь в Норвегии, – выпалил я. – И сам решу, куда поступать. Здесь бесплатное высшее образование, куда ни ткнись, так что я не нуждаюсь в ваших указаниях. Я сам решаю, черт побери. Сам!

Ноги вынесли меня из дому и понесли по городу. Пристань, утыканная мачтами яхт – как спина пациента на сеансе акупунктуры; красные дома на

берегу синего морского залива, узкие улицы, заваленные снегом...

После обеда ко мне присоединилась Хайди, и мы завалились в кафе, требуя латте и сэндвичей. Я наблюдал за тем, как Хайди подносит тяжелую кружку ко рту, а потом слизывает с губ молочную пенку. В тот момент казалось, что я готов на все, только бы эти губы продолжали принадлежать мне. Даже на большую ссору с родителями. Даже на побег.

– Что стряслось? Ты бледный, – сказала Хайди.

– Ты сможешь поехать со мной в Ирландию?

– Хм... Ну, я скопила немного денег, на билеты хватит, а что?

– Я имел в виду после школы... Учиться. В Тринити-колледже, например.

– Ты шутишь? – улыбнулась она, но улыбка быстро угасла. – Не-ет... Только не говори, что твои родители отправляют тебя в Ирландию...

– Они не смогут отправить меня туда, если я не захочу. Я могу выбрать любой университет в Норвегии, только...

– Только что? – нахмурилась она.

– Только скажи, какой, – закончил я.

Хайди остановила на мне взгляд и опустила руку на мое колено под столом.

– Ты останешься здесь ради меня?

Я кивнул.

– Ого, – выдохнула она. – Это так... романтично. Скорее всего, я подам документы в местные университеты. Не думаю, что мне светит учеба за границей. На это нужно слишком много денег...

– Тогда я тоже подаю документы в местные университеты. Что ты на это скажешь?

Хайди склонилась к моему уху и прошептала несколько слов. Потом встала из-за столика и быстро пошла в туалет, не оглядываясь.

Через три минуты, как она и попросила, я последовал за ней, едва переставляя ноги от бурной эрекции. Вошел в туалет для инвалидов, где она меня поджидала, стянул леггинсы с ее бедер и развернул спиной. Она тихонько хихикала, упершись руками в стенку над бачком унитаза.

Можно заниматься сексом, при этом не соприкасаясь кожей. Теперь я знал как. Не приспуская штанов, я просто высвободил член через расстегнутую ширинку и надел презерватив. Ягодицы Хайди раз за разом ударялись о мои бедра, но те были надежно защищены тканью джинсов. Я сжимал ее грудь через ткань свитера. Никаких прикосновений. Идеальное преступление.

– Трахаемся в туалете для инвалидов, и кто мы после этого? –

расхохоталась Хайди, когда праздник кончился, и все пуговицы были застегнуты.

– Инвалиды, – ответил я. – У тебя травмирована зона мозга, отвечающая за моральные установки, ну а со мной и так все ясно: парнишка-аллергик.

– Здесь просто места больше, – сказала Хайди, когда перестала истерично хихикать. – Ну и не делать же это в туалете для мам с детьми. Не трахаться же на пеленальном столике... Ты согласен?

Я не мог ничего ответить: умирал от смеха.

* * *

Все закончилось так же резко, как и началось. О наших отношениях с Хайди узнал Ларс-Ортопедический-Воротник. И молча смотреть на то, как его сестра крутит любовь с тем, по чьей милости он пропустил половину игрового сезона, он не собирался.

Не знаю, как ему удалось, на какие кнопки он жал, за какие ниточки дергал, но он смог посеять сомнения в душе Хайди. Смог заставить думать, что я с ней только для того, чтобы насолить самому Ларсу.

Хайди начала избегать меня, а потом и вовсе перестала отвечать на звонки. Несколько раз я приходил к ней домой, но неизменно натыкался на Ларса, который со своей фирменной улыбкой мудака сообщал мне, что Хайди нет дома.

«Если ты решила порвать, то скажи это в лицо и не заставляй унижаться», – написал я в сообщении. Кажется, это было двадцать первое неотвеченное по счету. Однако на этот раз Хайди среагировала. Час спустя она возникла на пороге и, ткнув меня пальцем в грудь, сказала:

– Ты сказал Ларсу, что трахнешь меня, еще до того, как познакомился со мной! Что ты вообще можешь знать об унижении?!

– Господи, – выдохнул я. – Это была просто злость, я нес первое, что лезло в голову!

– А может быть, это был план?

– Какой еще план, если до тебя я ни к кому не прикасался? И даже не думал, что когда-нибудь смогу!

Хайди рассмеялась мне в лицо.

– Вся эта история с аллергией – знаешь, что я о ней думаю? Это просто сказочки для глупой девочки, которая вообразила, что будет у парня первой – а значит, особенной.

– Ты и была у меня первой, Хайди! – сказал я так громко, что услышала, наверное, вся улица. Я сделал к ней шаг, но она отпрянула, не позволяя прикоснуться.

– Ты не носишь перчаток, ты не принимаешь никакие лекарства, ты не похож на больного человека. Просто сбегает под душ после каждого секса. Вильям, просто признайся, все, что ты говорил мне, – это чушь собачья, чтобы затащить меня в постель? Чтобы выглядеть особенным? Ни на кого не похожим?

– Зайди, и мы спокойно обо всем поговорим, – сказал я, глядя в проем двери на улицу и молясь, чтобы родители или Вибекке не заявились прямо сейчас домой.

– Я не буду заходить. Хватит. Я жалею, что не поверила Ларсу сразу...

– Твой брат – долбаный ублюдок! – не сдержался я, раздражаясь все больше.

Глаза Хайди вспыхнули голубым огнем, и она дала мне пощечину. Сильную, звонкую. Ее рука прижалась к моей щеке на долю секунды, но этой доли хватит для огромного ожога...

– Оставь в покое моего брата! И меня тоже! Не звони больше! Все кончено! – закричала она, развернулась и зашагала прочь. Ее плечи затряслись от рыданий.

Лицо или девушка? Здоровье или девушка? Родители или девушка? Или я бегу за ней и потом расплачиваюсь. Или возвращаюсь домой, умываюсь горячей водой, как примерный мальчик, – но теряю Хайди.

Мне предстояло сделать выбор, и я выбрал Хайди. Я выбежал на улицу, забыв даже про куртку.

– Хайди! Остановись!

Она прибавила шаг, почти побежала, спотыкаясь на снегу. Я догнал ее и схватил за руку. И она остановилась как вкопанная, глядя на наши ладони. Я редко брал ее за голую руку, не хотел рисковать лишней раз.

– Мне нужно вернуться домой, прошу тебя, – взмолился я. – Иначе уже сегодня я окажусь в больнице. А мне нельзя подвести команду, Хайди... Пожалуйста.

– Так и вали домой!

– Я не уйду, пока мы все не обсудим.

– Нет, Вильям, нет! Я больше не играю с тобой в эти игры.

– Я покажу тебе свои медицинские документы! Хочешь поговорить с моими родителями? Они подтвердят...

Хайди выдернула руку из моих пальцев и побежала дальше. И я неслся за ней, удаляясь все дальше от своего дома и от спасительного источника

горячей воды. Прошло уже минут восемь, а может, и девять с того момента, как Хайди залепила мне пощечину. Вряд ли мы успеем поговорить, все без толку. Она ускользала, как песок сквозь пальцы.

Осознание обреченности наконец настигло меня: я уеду сегодня в госпиталь при любом раскладе...

И тогда я ускорил шаг, нагнал ее, схватил за плечи, развернул к себе и впился губами в ее рот. Потом в ее подбородок, соленный от стекающих по нему слез. В ее щеки, лоб...

– Вильям, – пробормотала она, шокированная происходящим.

Мы никогда не целовались. Трахались – да, сколько угодно, но ни разу не целовались...

– Вильям, – повторила она, изумленно глядя. А потом сомкнула руки на моей шее и ответила на поцелуй. И рассмеялась – счастливо, удовлетворенно.

Наверно, она чувствовала себя победительницей. Наверное, она была рада, что я наконец прекратил свою странную игру и теперь мы можем просто целоваться. Как все нормальные люди...

– Боже, как же я этого ждала! Как же я этого хотела, – улыбнулась она и снова прижалась губами к моим губам.

Поцелуй. Первый, последний и просто удивительный. Только жаль, что вкус ее губ неотделим от боли. Сначала будет просто покалывание. Потом жжение. Потом пожар во рту, будто я хлебнул кислоты...

Я вынул телефон и набрал номер скорой, диктуя им свой адрес. Хайди по-прежнему стояла напротив, впившись в меня руками. Она положила ладонь на мою щеку – на ту самую, по которой не так давно съездила. Я улыбнулся ей, подергал за локон волос, коснулся подбородка.

– Мне нужно идти, Хайди.

– Что... Почему?

– Пора расплачиваться за поцелуй...

– Нет! Опять ты за свои игры! Вильям!

Я развернулся и зашагал к дому, неся в себе свою боль, как бомбу – осторожно и медленно. Еще никогда мне не было так плохо.

– Вильям! – кричала она вслед. – Господи, какой же ты мудака! Неужели твои выдумки стоят наших отношений?!

Я ускорил шаг. Первый из волдырей на щеке уже лопнул. Алая капля упала в снег. Но Хайди не видела этого. А я не решался обернуться и показать ей лицо. Не хотел, чтобы она увидела меня таким – больным, жалким, истекающим кровью. Наверное, в этом и была причина: пусть лучше ненавидит, чем жалеет. Что угодно, но не жалость.

Хайди звала меня, но решила не бежать за мной. Мальчик-выдумщик вернется к ней, как только наиграется в свои игры. Ведь так? Однажды он устанет корчить из себя уникального и вернется. Если, конечно, она захочет принять его. Если, конечно, она сможет простить ему мудацкое поведение...

– Я не прощу тебя! Катись ко всем чертям, Вильям!

* * *

– Хайди спрашивала обо мне? – поинтересовался я у родителей две недели спустя, как только ожоги зажили, и я смог шевелить губами.

Оказалось, что нет. И мне она тоже не звонила.

– Я согласен уехать в Ирландию, – сказал я, глядя в стену больничной палаты. Боясь, что если подниму взгляд на родителей, то заплачу, как маленький.

– Я уверена, ты не пожалеешь, милый, – сказала мама. – Я уверена, что там найдется все, что тебе нужно.

– Лепреккон в зеленой шляпе, исполняющий желания?

– Или четырехлистный клевер, – улыбнулась в ответ мама. – Вибекке будет счастлива.

«Ну хоть кто-то будет счастлив», – подумал я.

– Повтори, – попросил я, вглядываясь в склоненное надо мной лицо Бекки. Она только что разбудила меня и сказала что-то странное.

– Я сказала Долорес, что отвезу ее в университет и покажу аудиторию. Но, кажется, я заболела. Ты можешь подвезти ее?

– Нет, – ответил я и перевернулся на другой бок.

– Вильям, я не могу с ней так поступить. Я же обещала...

– Мне пофиг.

– А мне нет. Я ненавижу нарушать свои обещания. Я потом просто сама не своя. Ну пожа-а-луйста!

Я сел в кровати, хмуро разглядывая Бекки, которая не выглядела слишком больной. Только волосы торчали в разные стороны, но вряд ли это симптом гриппа. Скорее, симптом потерянной расчески.

– Если ты подзабыла: мне не по себе от одного ее голоса.

– А ты не говори с ней. Просто подбрось в универ. Она не разговорчивая, будет легко.

Не знаю, как так получилось, что я согласился. Наверное, еще не до конца проснулся. Или Бекки научилась подчинять меня своей воле с помощью одного только взгляда. Или во всем виновато воспоминание о том, как горько плакала Долорес Макбрайд на балконе позапрошлой ночью.

Ладно, подумал я, от одного раза не растаю. А потом пускай сестра подыщет какую-нибудь другую протезе. Мало, что ли, в этом универе первокурсниц? Да полно – роятся вокруг, зеленые, наивные, и трещат, как кузнечики, – бери любую, сажай в карман, сдувай пылинки. А вот Долорес Макбрайд – ядовитого скорпиона – лучше брось...

* * *

Забавно было смотреть на то, как Долорес снова входит в нашу с Бекки квартиру, как смотрит на меня – нервозно и хмуро, как пытается говорить спокойно, но голос дрожит. Она была не рада перспективе оказаться со мной в одной машине, как и я был этому не рад. Она была готова сбежать, но Бекки, словно предполагая это, уже провернула в двери ключ и начала хлопотать на кухне, предлагая Долорес кофе.

– Бекки, я сама доберусь, – попыталась возражать она, но возражать моей сестре – это все равно что пытаться перекричать бурю, или плыть по водопаду вверх, или молиться – бесполезно, короче.

Мысли о пожарной лестнице, о побеге, о борьбе снова завертелись в голове, когда я услышал ее голос – мягкий, как маршмеллоу.

Обманчивая мягкость.

Этим самым голосом она умеет выкрикивать гадости и отдавать резкие, гортанные приказы своим диким животным... Я сам это слышал.

Потом мы спустились на подземную парковку, где Долорес начала изображать из себя ангела, извиняться и очень натурально краснеть. Я держал искалеченную руку в кармане.

Ты опоздала, Долорес. На восемь лет и два пальца.

* * *

– А потом она просто свалилась на задницу и поползла в сторону, закрываясь руками. Так оно и было, – хохотнула Айви, пересказывая всей компании подробности самого веселого, по ее мнению, происшествия на вечеринке. – Я такого еще не видела.

– И не могла видеть, – ухмыльнулся Ричи. – Твоя стихия, детка, – аморальный модельный бизнес, где девчонки привыкли срывать с себя трусы по команде. Где уж тебе постичь таинство первого поцелуя...

– Первого поцелуя? – хмыкнула Айви. – Думаешь, она даже не целованная?

– Думаю, да, – тоном эксперта сказал Ричи. – Но я надеюсь исправить это. Думаю, эти губы давно ждут чего-то... особенного. Гляньте.

Ричи вручил Айви свой мобильный, потом все остальные начали липнуть к экрану или просто запустили Инстаграм на своих телефонах. И уже через минуту стали хохотать и отпускать двусмысленные шуточки. Потом телефон Ричи оказался в моей руке, и я увидел на экране лицо Долорес, залитое молочно-белой жидкостью. Ее глаза были закрыты, рот приоткрыт – почти экстатическое выражение лица, если не знать, при каких обстоятельствах было сделано фото.

Кто-то из однокурсниц склонился надо мной, едва не касаясь подбородком моего плеча, чтобы получше разглядеть фото. Я сжал телефон в руке, испытывая дикое раздражение то ли от близости чужой кожи к моей собственной, то ли черт знает от чего.

– Господи, Ричи, ты так горд собой, как будто уже уложил ее в койку, а

не просто тупо и по-детски облил молоком, – не выдержал я. – Мог бы еще погремешкой отлупить. Герой.

Ричи глуповато оскалился в ответ, Айви перевела на меня взгляд «что это с тобой, милый?», Адам откинулся на спинку стула, предвкушая шоу. Его любимое занятие. Впрочем, все здесь не прочь поразвлечься.

– Койка – только вопрос времени, – самодовольно ответил Ричи и, видя мою ироничную ухмылку, тут же добавил: – Хочешь, поспорим?

Я пока еще не совсем двинулся умом, чтобы спорить на то, что Ричи удастся затащить в койку зеленую первокурсницу. Все равно что спорить на то, что лев съест козленочка. Или на то, что кирпич утонет в воде... Я не собирался спорить, но свято место пусто не бывает: Айви швырнула на стол полтинник и заговорщицки объявила:

– Достанется тому, кто первым уломает девочку-целочку.

Адам полез в карман и бросил на стол стольник. Кто-то из подруг Айви в шутку бросил на стол кредитку и хихикнул:

– Я в деле. Полтинник со счета счастливицу – первооткрывателю.

– Первооткрывателю, – загоготал кто-то, хлопая ладонью по столу, заляпанному кетчупом.

Я откинулся на спинку стула и не верил ушам. Не верил, что толпу так легко подбить на какую-нибудь несусветную чушь, и не верил, что вообще-то сам все это затеял. Во мне кипело раздражение и еще какое-то неясное чувство, похожее на ярость. Я вдруг снова вспомнил плач Долорес на балконе, увидел ее хрупкую фигуру, волосы, рассыпанные по плечам, отражающие холодный свет фонарей.

– Ты в деле? – толкнула меня в бок Айви.

Я снова заглянул в Инстаграм Ричи, чей телефон по-прежнему был у меня в руках, и молча удалил фото Долорес. Потом со звуком «упс» вернул Ричи телефон.

– Кажется, я что-то не то нажал, бро. Но это даже к лучшему. Без этого фото у тебя гораздо больше шансов, чем с ним.

Ричи недовольно скривил губы, но возникать не стал. После того, как я подкинул ему работу в дайвинг-клубе, не думаю, что он захотел бы потерять мое расположение из-за какой-то там девчонки. И вообще с трудом воображал разлад между нами: мы с Ричи делили пополам выпивку и проблемы уже пятый год, а это немало. Он бывал говнюком, но в целом был отличным парнем.

– Не хотел говорить при Айви, – бросил Ричи, когда мы потопали на лекцию. – Но у тебя что, какие-то виды на ту крошку?

– Что за чушь?

– Просто... такое чувство, – улыбнулся он. – Если да, то просто скажи мне, и я оставлю ее в покое.

– У меня нет на нее планов, Ричи, господи, что ты несешь? Ты видел мою девушку?

– Ну та малютка тоже ничего. Видел ее губы? Ее глаза? У меня встает от одного взмаха ее ресниц. Вот увидишь, до конца семестра она окажется в моей койке.

Скажи мне это кто-то другой, и я бы расхохотался. Но это сказал мне Ричи Кеннеди – первый бабник универа, который ест маленьких девочек на завтрак, обед и ужин.

– Удачи, – усмехнулся я.

В тот же день я разыскал злополучную Долорес Макбрайд и посоветовал держаться подальше от старшекурсников.

– Зачем тебе спасать маленького перепуганного зверька? – спросила она с горькой улыбкой, возвращая мне мои собственные слова. В глазах стояли слезы.

– Только ради Бекки. Ей нравится опекать всех подряд, и на этот раз она выбрала тебя. Но лучше уж ты, чем какая-нибудь бездомная собака у меня в квартире. Я не выношу четвероногих друзей.

Долорес посмотрела на меня мутным, странным взглядом, словно мысленно посылая ко всем чертям, а потом молча вышла из машины и пошла прочь.

Жестоко? Очень. Но разве ты заслуживаешь иного, маленькое чудовище?

* * *

Маленькое чудовище.

Кровожадное и свирепое.

Садистка, прикидывающаяся невинной овечкой.

Меня по-прежнему корбило от ее голоса и захлестывала неприятная паника, как только я видел ее, однако сегодня мне открылась и другая сторона.

Она не удивилась, не испугалась и не сбежала, переступив порог моей квартиры и узнав о моей болезни. Она искренне хотела помочь, причем была на редкость решительна. Маленький монстр с безумными глазами и выпирающими ключицами (именно такой я помнил ее все эти годы) сбросил шкуру, а под ней оказалось нечто совершенно иное: существо, чьи

руки были способны лечить раны, чьи глаза могли плакать и чей рот умел улыбаться...

А как отчаянно она сцепилась с Айви, взывая к ее здравому смыслу и пытаясь втолковать, что от боли невозможно кайфовать. По крайней мере, от боли настолько сильной...

Айви снова осталась у меня ночевать. Она уже спала и лежала так близко, что это становилось опасным. Если бы она вдруг забросила на меня руку или ногу во сне, то мне бы точно не поздоровилось. Но сегодня мне нравилась эта опасная близость. Нравилось, как она дышит мне в висок. Как ее грудь, обтянутая футболкой, упирается в мое плечо. Нравились ее волосы, рассыпавшиеся по моей подушке, ее запах и отражение спокойных сновидений на лице...

Но сам я спать не мог. Болел каждый сантиметр кожи под повязками. Час назад я не выдержал и принял обезболивающее, о чем почти сразу пожалел: голова стала тяжелой, мозги словно смешали с густым желе...

И еще кто-то привез собаку в наш жилой комплекс и оставил ее на ночь на балконе. И ей тоже не спалось. Она прыгала по балкону и лаяла. Лаяла. И снова лаяла. А на меня волнами накатывала паника и желание выйти из квартиры и бежать, пока не перестану слышать этот лай...

Я вышел на балкон, зажег сигарету и посмотрел вниз, на балкон Долорес. Он был пуст. Но узкая полоса тусклого света падала из окна на пол, намекая на то, что она тоже не спит. Или спит – но со включенным светом, боясь темноты. Или она ушла, просто забыла выключить лампу...

Какая сила привела ее сюда? В этот самый дом, в котором мы уже пятый год снимаем с Бекки квартиру. Как могло случиться так, что мы снова встретились и теперь живем так близко, что могли бы разговаривать без помощи телефона?

Собака, оставленная на балконе, снова разразилась лаем. Я вернулся в квартиру, плотно прикрыв дверь.

Зная, что вряд ли смогу уснуть от боли, я включил комп, зашел в почту и обнаружил там письмо от Тео. Он писал, что у него день рождения на носу и планы оттянуться по полной.

«Болезнь – не тюрьма. Просто маленькая решетка на окне, которую можно выломать и сбежать на свободу. Будут выпивка и девочки, бро! Серфинг и барбекю на самом красивом пляже Сиднея. Я буду счастлив, если ты присоединишься. Даже готов оплатить билет до Австралии. Пакуй чемодан, хватай свою задницу в охапку и бегом сюда. Буду ждать».

Кусая локти, я отказался. Прикинул, что не смогу провести почти сутки в самолете, пока не заживут раны, а на это уйдет несколько недель...

Проклятые ожоги. Проклятая боль. Моя собственная проклятая неосмотрительность...

«Не смогу в этот раз, братан. Но обещаю, что как только вылезу из бинтов, то прилечу на неделю-две, и мы хорошенько оттянемся. Готовь доски, твой океан еще не видел такого серфера...»

Я так и не сел на самолет до Австралии и не встретился с Тео. И, боюсь, никогда не смогу себе этого простить.

Через месяц мне все равно пришлось срочно вылететь в Сидней уже по другому поводу. С траурно-черным пиджаком в чемодане и огромной раной в сердце, которая никогда не заживет.

Долорес

Я решила больше не попадаться Вильяму на глаза. «Ради спокойствия матери я готов просить об услуге даже серийного маньяка», – сказал он, и от этой фразы до сих пор стоял ком в горле.

Я отказывалась от приглашений Бекки, уезжала из дому в самую рань, чтобы не столкнуться с ним в подъезде, быстро проходила мимо, если встречала его в университете, и больше никогда не смотрела в его сторону, если мы в одно время приходили в университетское кафе.

Однажды мы случайно пересеклись на парковке универа: Вильям мигнул фарами, приветствуя, но я только прибавила газу и помчалась в совсем другую сторону – только бы не ехать друг за другом до самого дома.

Он больше не просил о перевязке. Я больше не появлялась в его квартире. Он и Бекки устроили еще одну вечеринку – я не пришла. Айви начала распускать по универу слухи, что на машину я заработала, предоставляя интимные услуги, сиськи у меня силиконовые, а Крейгу, который бросал к моим ногам розы на университетской парковке, никак не меньше пятидесяти лет.

А мне было фиолетово. Слухи умирают так же быстро, как и рождаются, а Айви просто ревновала. Ревновала сильно, яростно и мучительно. Даже боюсь представить, что с ней было бы, узнай она о том, что я и Вильям – совместимы. Что я могла бы заняться с ним любовью, и он остался бы невредим. Что мои поцелуи не причинили бы боли, только наслаждение. Что он мог бы делать со мной все что вздумается – без одежды, без предосторожностей, без мозгов – и потом не расплачиваться за это ожогами.

Да она бы с ума сошла, узнав все это. Устроила бы Третью мировую. А я уже совсем устала от войн.

Поэтому я поклялась себе, что никому, никогда и ни при каких условиях не скажу, что болезнь Вильяма Веланда заканчивается там, где начинаюсь я.

* * *

Миновал октябрь. Я подыскала новое жилье. Оставалось продержаться

еще месяц, чтобы исключить Вильяма Веланда из своей жизни практически полностью. Будет другой дом, другая парковка, другие соседи, другой путь в университет.

Я весь день паковала вещи в коробки, грустила и ссорилась с Сейджем. Тот никак не мог взять в толк, почему я переезжаю. Почему нужно менять отличное жилье в отличном месте на непонятно что.

– Это не непонятно что, – возражала я. – Это хорошая квартира в другом районе. С окнами на восток – люблю, когда солнце с утра светит в комнаты. С большим балконом и симпатичными обоями. И еще там ванна на ножках...

– Даже не жди, что ванна на ножках растопит мое сердце! Долорес, ты реально тупишь. Очень, очень тупишь. Сколько оттуда по времени до универа, если пешком?

– Пешком не дойти, буду ездить.

– Капец. Это все, что я могу сказать: капец.

– Сейдж, я не могу здесь оставаться! Не могу!

– Это все шведы, которым наша собака пальцы проредила?

– Норвежцы.

– Значит, они?! Они тебя выживают?

– Нет!

– Тогда скажи, когда я наконец проснусь от этого кошмара! Моя сестра съезжает в квартиру на другом конце города, где зеленые обои и ванна с ножками!

– Не зеленые. Голубые.

– Капец...

В дверь робко постучали, и Сейдж пошел открывать. Я сидела в слезах у окна и никого не хотела видеть. В квартиру заглянула Бекки и, увидев повсюду коробки, вошла без приглашения.

– Лори, ты переезжаешь? Зачем? – все, что смогла произнести она, глядя на хаос грядущего переезда.

– И я ей то же самое говорю! – воскликнул Сейдж и протянул Бекки руку: – я ее брат.

– Я помню, – сказала Бекки, – мы уже встречались. Когда ты уронил еду на Айви.

– Ах да, точно, – хлопнул себя по лбу Сейдж.

А потом они взялись за меня с удвоенной силой. Расспрашивая о том, что произошло, споря со мной, допытываясь. У меня не было никаких заготовок, никакой убедительной лжи, так что я просто сидела у окна, подтянув колени к груди и смотрела на раскрытую коробку в дальнем углу,

из которой торчал рукав красно-голубой хоккейной куртки и лопасти игрушечного вертолета.

* * *

– Лори, мне нужна твоя помощь, – позвонила мне Бекки пару дней спустя. После наших разногласий она была очень расстроена и все это время дулась. Просьба о помощи была хорошим поводом помириться, так что я согласилась, даже не спрашивая, что именно нужно сделать.

– Я с друзьями застряла на пляже в Брее. Мы не можем уехать, пробило колесо. Ты не могла бы забрать нас отсюда?

– Без проблем, – откликнулась я, только по дороге туда осознав, что «друзья», скорее всего, включают и Вильяма с Айви.

Я приехала на пустынный пляж, на котором сразу же обнаружила Бекки и ее компанию. Насчет Айви я ошиблась, а вот Вильям, к сожалению, был там. Судя по обрывочным объяснениям Бекки, чуть ранее их там было человек пятнадцать, два джипа и куча снаряжения для подводного плавания. Они ныряли, потом устроили пикник, потом собрались по домам и обнаружили, что у машины Вильяма спустило колесо. Разъехались все, кроме Вильяма, Бекки, Ричи и Адама – того самого блондина, который чуть не присосался ко мне в университетском кафе. Машину Вильяма увез эвакуатор, а им пришлось вызывать такси, которое почему-то не приехало. Потом торчать под внезапно начавшимся дождем. Потом голосовать на дороге, причем безуспешно. Пока наконец Бекки не решилась выдернуть меня из-под теплого пледа (три тысячи извинений!)

– Все нормально, Бекс, – улыбнулась я, стараясь не смотреть больше ни на кого, кроме нее. Ричи и Адам мне не особо нравились, а Вильям вызывал такую тянущую боль в груди, что тяжело было дышать. Я только поздоровалась, оглядела его украдкой и убедилась, что он так же прекрасен, каким я его запомнила. А глазеть дальше было все равно что нож в сердце проворачивать.

Парни забросили в багажник свое снаряжение и расселись по местам. Бекки прыгнула на заднее, Ричи и Адам пристроились по бокам от нее, а Вильям сел рядом. Я завела мотор, и в салоне тут же зазвучал голос Шарлотты Кардин, которую я слушала по пути сюда:

«Ты знаешь, я веду себя так, словно мне не больно...»^[11]

Эти слова были настолько созвучны тому, что я чувствовала, что

захотелось тут же выключить, но я взяла себя в руки и спокойно вырулила на дорогу, залитую светом фонарей.

- Бекки сказала, что ты съезжаешь, – повернулся ко мне Вильям.
- Угу, – кивнула я.
- Почему?
- Есть... причины, – сказала я, от волнения едва не путая педали.
- Можно узнать, какие?
- Нет, – ответила я, глядя прямо перед собой.

«Я кружу вокруг тебя, но не могу прикоснуться к тебе ни единым из всех гребанных способов...»

Кажется, эту песню написали про меня. Такое совпадение, что аж ток побежал по венам. Да еще и Вильям сидел рядом и смотрел на меня – я улавливала боковым зрением обращенное ко мне лицо.

- Как время провели? – спросила я, просто чтобы не молчать.
- Отлично, клево, шикарно, – донеслось сзади.
- А ты? – спросила я у Вильяма.
- Ты не должна съезжать из-за меня.
- Да при чем тут ты?! – выпалила я так нервно, что всем сразу стало ясно, что очень даже при чем.
- Ты усиленно избегаешь меня, и этого не заметил бы только слепой.
- «Ты такой классный, что это просто нелепо...»* — отозвалась певица.
- У-у-у! – протянул Ричи. – Сейчас что-то будет...
- Заткнись, Ричи! – ткнула его в бок Вибекке.
- Я избегаю многих, не принимай на свой счет, – соврала я.
- И кого же это еще? – поинтересовался Вильям.
- Айви, – подал голос Адам. – Она избегает Айви.
- Почему? – нахмурился Вильям, скручивая на ноль громкость аудиосистемы.

- Потому что.
- Она все не оставляет тебя в покое?
- А если и да, то неужели ты кинешься исправлять это?! – взорвалась я.

- Таки что-то будет! – пропел Ричи.
- Ничего не будет, Ричи, – ровно сказала я и снова включила музыку.
- А почему вы Лори не пригласили? – вдруг ни с того ни с сего спросил Адам.

Ему никто не ответил, ни Бекки, ни Вильям.

- Я бы все равно не пришла, – сказала я, вдруг обнаружив внутри какое-то странное чувство, похожее на обиду.

– Пришла бы, – сказал Адам. – Если бы знала, как круто будет. Мы ныряли, потом тусили, жарили рыбу на костре, девчонки конкретно напились...

– Зато я бесплатно отвезу вас домой, – сказала я резко, хотя совсем не стоило обижаться: я плохо переношу большие шумные сборища.

«Не могу прикоснуться к тебе, не могу трахнуть тебя...» – черт, пора выключать песню...

– Можно тебя на пару слов? – вдруг спросил Вильям.

– Я слушаю, – ответила я, резво проскакивая на желтый.

– Наедине, – сказал Вильям.

– Как ты себе это представляешь? Мы в машине едем, – съязвила я.

– Машины умеют останавливаться, – заметил он.

Я закатила глаза и вырулила за желтую полосу, включив аварийные огни. Бекки, Ричи и Адам остались в машине, а Вильям и я вышли наружу.

– Обиделась, что мы не пригласили тебя? – спросил он, отходя от машины и вынуждая плестись за ним.

– Ох, вы не обязаны никуда приглашать меня! И, как я уже сказала, все равно бы не пришла.

– Тогда почему так кипятишься?

– Я не кипячусь!

– Кипятишься. Ты просто вне себя от... от чего? Ну помимо того, что из-за нас тебе пришлось вылезти из теплой квартиры. Что не так?

«То, что в твоём представлении я ничуть не лучше серийного маньяка, Вильям! И что можно меня использовать, но простить – никогда!»

Я глубоко вдохнула, взяла себя в руки и ровно сказала:

– Только то, что кроме поездки до Брея и обратно ты вынуждаешь меня сейчас стоять на ветру и мерзнуть.

И тут вдруг Вильям снял куртку, подошел ко мне и набросил на плечи. Я замерла и не могла пошевелиться от шока. Он натянул капюшон мне на голову и сказал:

– Мы с Бекки не пригласили тебя, потому что Айви с ума сходит. Вот и все. Если бы не это, то ты была бы желанным гостем. Бекки любит тебя. Да и остальные после разговора в кафе тебя зауважали. Ну, когда ты доходчиво объяснила всем, почему тебя нужно оставить в покое, – улыбнулся Вильям. – Так что дело не в тебе. И... Если тебе интересны тусовки старшекурсников, то приходи. Мы с Бекки заочно приглашаем на все грядущие вечеринки.

– Ладно, – выдохнула я после того, как наконец смогла говорить. – Только непонятно, с чего ты вдруг такой добрый. Это потому, что я так

великодушно согласилась поработать для вас таксисткой?

– Да, я поражен твоей отзывчивостью, – ответил он, полусерьезно-полушутя. – И готовностью прийти на помощь в любое время. И твоей манерой вождения.

– Манерой вождения? – переспросила я.

– Ты перескакиваешь на разгоне со второй передачи сразу на четвертую – обычно девушки так не делают. Я впечатлен.

– А, ну... спасибо, – смутилась я. – Нахваталась у бабушки плохих привычек... Это она учила меня водить.

– Вот это бабушка, – восхитился Вильям. – Я тоже такую хочу.

– Жаль тебя расстраивать, но других таких больше нет. Лимитированное издание. Семейная реликвия. Уникальный образец...

Вильям рассмеялся и посмотрел на меня с какой-то... теплотой? Из машины тем временем один за другим вылезли Адам и Ричи и зашагали к кустам.

– Отлить, – хором сказали они.

– Мы бы не догадались, – фыркнул Вильям.

Вокруг было темно – свет тусклых фонарей не в счет, Бекки говорила с кем-то по телефону, не вылезая из машины, издалека доносился хохот Адама и Ричи, мои плечи согревала куртка Вильяма – а сам он стоял рядом, курил и болтал со мной. И отчаянно хотелось, чтобы его друзья не возвращались, чтобы телефонный разговор Бекки не заканчивался, чтобы время остановилось. И еще хотелось вытащить сигарету из пальцев Вильяма и прикоснуться к сигарете губами – в том же месте, где ее касались его губы.

Куртка Вильяма осталась у меня. Он забыл о ней, когда мы распрощались на парковке. Я решила отдать ее Бекки в университете, но Вильям позвонил на следующий день перед первой лекцией и сказал, что заберет сам. Я ждала его на университетской парковке, сидя в машине, доедая завтрак и перелистывая конспект лекций по инфекционным болезням кошек. Токсоплазмоз – что может быть интереснее с утра в понедельник?

Через пять минут после звонка явился Вильям, и я вылезла к нему навстречу, кутаясь в кардиган.

– Спасибо, что не дал замерзнуть, – сказала я.

– Спасибо, что подвезла, – ответил он.

– Не за что, – ответила я и сунулась было обратно в салон дочитывать конспект, но Вильям коснулся моего рукава и спросил:

– Лори, что ты решила с переездом?

– Я съезжаю, Вильям. Не могу остаться...

Он ничего не ответил. Просто прикрыл глаза и молча покачал головой, словно слышал полнейшую чушь.

– Ладно. По крайней мере я попытался. Но Бекс расстроится. Ты же понимаешь?

Я молча кивнула, опуская глаза. «Главное, что не расстроишься ты».

– Ну тогда... Прощай? Спасибо за все, что ты сделала. Я про тот день, когда я слег с ожогами. И про перевязку...

– Все что угодно, лишь бы мама была спокойна, – вернула я его фразу.

– Именно.

– Если что, обращайся. Я соглашусь быстрее, чем любой серийный маньяк, – грустно улыбнулась я.

Вильям замер и всмотрелся в мое лицо.

– Теперь ясно, в чем причина этого побега. Ты слышала наш с Бекки разговор.

– Да, прости, – вздохнула я. – Но у меня больше нет ни обиды, ни гнева. Только желание поскорее избавить вас всех от моего присутствия.

– Лори...

– Все так, как и должно быть! Я была безумным ребенком и конкретно облажалась. Ты пострадал и не можешь простить. Я все понимаю. Незачем

больше мозолить друг другу глаза...

– Я простил.

– Что? – заморгала я.

– Я простил. Давно. Ты изменилась, и мне не сразу, но все же хватило ума осознать это. Теперь ты можешь просто оставить все как есть? Не съезжай. Бекки без ума от тебя...

– Ты в самом деле простил? Вильям, правда? – выдохнула я, не в силах поверить в то, что произошло. На огромное, грязное, черное пятно, что все эти годы было на моей совести, только что вылили самый лучший отбеливатель.

– Спасибо, – охрипла от волнения я. – Спасибо! – Я неловко его обняла, и Вильям потрепал меня по волосам.

– Теперь ты останешься? – спросил он.

– Если есть кто-то, кто этого хочет, то да.

Моя щека лежала на его груди, руки обвили его плечи, и я чувствовала его теплую ладонь на своей спине – на том самом месте, в котором у ангелов прорастают крылья.

Наверное, они вырастут и у меня...

Нет, уже выросли.

* * *

Попрощавшись с друзьями после лекций, я направилась к парковке. Яркое светило солнце, хотелось петь и кружиться. Я сняла с рук перчатки, стянула с шеи шарф и подставила лицо ветру. Свобода – вот какой у нее запах: свежего воздуха и мокрой листвы. Сейчас я заброшу рюкзак и куртку в багажник, включу веселую, беззаботную песню, опущу стекла и поеду домой, наслаждаясь этим волшебным днем – днем, когда мне простили самый ужасный поступок!

Машина была окружена старшекурсницами: человек пять-шесть. Некоторых я видела на той самой вечеринке, на которой впервые встретила Вильяма. Они обступили мою машину, курили и смеялись. А на капоте бессовестно расселась сама Айви, болтая ногами и постукивая каблуками по решетке радиатора.

– Что вам нужно? – спросила я.

– О, а вот и наша девочка-целочка. Хотя подождите... За эту машину крошке Долорес точно пришлось расплачиваться, так что, боюсь, мы поторопились с выводами, дамы, и наша девочка на самом деле...

вообще... не целочка. Упс!

– Что вам нужно? – повторила я, стараясь не терять присутствия духа.

– Да так... поболтать о парнях. Интересно, тот громила – в самом деле твой бойфренд?

Я схватилась за ручку двери, но одна из девушек – та самая Дженни, что была на вечеринке, – захлопнула дверь перед моим носом.

Внезапный страх парализовал меня. Одно дело ругаться с Айви посреди кафе в сопровождении друзей, и совсем другое – в одиночку, на улице, с численным перевесом не в мою пользу.

– А если у тебя уже есть парень, то какого черта ты вешаешься на моего, Макбрайд?

– Что за чушь?

– На том самом месте, где ты сегодня утром тискала Вильяма, до сих пор огромное пятно на полу.

– Что? – пробормотала я, не понимая ни слова.

– Что-что... Пятно! И знаешь, от чего, подруга?

– От чего? – повторила я машинально, как робот.

– Ну как от чего, – закатила глаза Айви. – От твоих слюней, конечно же. Их там целая лужа натекла.

«Зачем я сняла перчатки, зачем сняла перчатки?! – вопила я мысленно. – Ведь теперь не смогу себя защитить...»

Не слушая их хохот, но все сильнее поддаваясь панике, я вынула из кармана телефон, чтобы набрать Бекки. Она сможет спасти меня от этой тошнотворной компании, если поторопится...

– Не торопись. – Дженни выхватила из моих пальцев телефон и бросила его Айви, который та ловко поймала. – Разве тебе не нравится наша компания?

Я схватила ее за рукав и попыталась оттащить от двери своей машины, чтобы забиться внутрь. В тот момент было плевать даже на телефон, который останется у Айви. Но Дженни выдернула руку и оттолкнула меня, улыбаясь во все тридцать два. Я ударилась спиной о стоящую рядом машину, и та разразилась панической сиреной.

– Какая же ты неуклюжая, Макбрайд, – зацокала языком Дженни.

Все, мне больше было не жалко рук. Я припечатала к лицу Дженни такую пощечину, что она охнула и потеряла равновесие. Айви соскочила с капота, налетела на меня и ударила по лицу. Я схватилась за щеку и тут же получила второй удар по другой. Кто-то вцепился в мои волосы и резко дернул...

Я вырвалась и бросилась бежать – и чуть не угодила под машину. Мне

засигналили, я резко поменяла траекторию движения, как перепуганный насмерть олень, и пустилась к дверям университета. Там я смогу укрыться у администратора и позвонить. Если он еще не ушел. Боже, только бы административная стойка не пустовала, иначе не знаю, как буду вызывать скорую...

И в эту секунду я увидела Вильяма, который стоял на ступеньках университетского крыльца с Ричи, Адамом и парой других парней. Вряд ли это было хорошей идеей – искать защиты у человека, за прикосновение к которому мне только что врезали. Но ничего лучше я не придумала. Вытерев слезы, я бросилась к нему, содрогаясь от окриков и смеха за своей спиной.

– Вильям. – Я тронула его за плечо, и он обернулся. – Мне нужно позвонить. Могу я взять твой телефон?

Я старалась говорить как можно спокойнее, не хватало еще разреветься перед ним и его друзьями, которые разглядывали меня с веселым любопытством.

Вильям вытащил айфон и протянул мне, и в этот момент я услышала позади топот каблучков Айви.

– Долорес, кажется, мы друг друга не так поняли.

Она подошла к Вильяму и положила голову ему на плечо, довольно улыбаясь.

– Что происходит? – спросил он, переводя взгляд с меня на нее и обратно.

– Да так... Ерунда. Я решила напомнить Лори, что это не слишком красиво – западать на чужих парней, а она расстроилась и убежала...

Кто-то хохотнул. Мои щеки запылали от обиды и гнева. Хотелось наброситься на нее с кулаками, но вдруг накатилась такая апатия и такое отчаяние. Мне придется пропустить две недели в университете из-за собственной глупости. Не нужно было прикасаться к нему вообще! Какая же я дура...

Я отошла в сторону и трясущимися пальцами набрала номер скорой. Меня лихорадило так, что стучали зубы.

– Нужна скорая в Тринити-колледж, – тихо заговорила я, водя ладонью по вспотевшему лбу. – Я на крыльце, и у меня через десять минут начнется сильный аллергический приступ, вплоть до отторжения кожи на лице. Пожалуйста, у меня есть всего десять минут, а потом я могу потерять сознание. Я ношу браслет с подробной информацией о моей болезни. На мне белый кардиган, голубые джинсы...

Я посмотрела на стоящую рядом компанию и стерла навернувшиеся на

слезы. Никто не услышал меня: подросевшие подруги Айви смешались с друзьями Вильяма, пересказывали друг другу что-то очень смешное и косо поглядывая на меня. Сама Айви висла на плече Вильяма, наслаждаясь своим триумфом. Но Вильям...

Он услышал.

Он развернулся ко мне всем корпусом, и на его лице застыло какое-то новое для меня выражение: странное, безумное, паническое. Его глаза были широко распахнуты, челюсти сжались, на шее пульсировала жилка.

«Теперь ты знаешь, – подумала я, встречаясь с ним взглядом. – Теперь ты знаешь, что мы узники одного и того же демона».

– Я услышал то, что услышал? – двинулся ко мне он, выпуская из объятий Айви. – Что именно произошло?!

– Да, ты услышал, что услышал. Меня ударили по лицу, вот что, – сглотнула я и протянула ему телефон.

Он не взял его, а схватил меня за плечи и легко встряхнул.

– Сколько времени прошло?!

– Что? – моргнула я.

– Сколько времени прошло с момента удара?! – Он почти перешел на крик, привлекая внимание всех людей на крыльце. Подруги Айви изумленно замолкли, парни тоже. Те, кто проходил мимо, начали оглядываться.

– Несколько минут, – всхлипнула я. – Три или четыре, я не уверена!

А дальше случилось что-то невероятное. Вильям схватил меня за руку и быстро повел за собой – чуть ли не потащил! – К парковке.

– Вильям?! – бросила ему в спину Айви. – ВИЛЬЯМ?!

Он даже не обернулся. Втащил меня в свою «Теслу», сел за руль и ударил по газам. Наша машина пронеслась мимо компании на крыльце, которая провожала нас во-о-от такими глазами. Все, как один, были в шоке: ведь Вильям попросту стряхнул с плеча свою девушку, взял за руку другую и уехал с ней. На глазах у всего универа...

Пока я прокручивала все это в своей голове, содрогаясь от ужаса, Вильям несся, как сумасшедший, прочь из университета.

– Что ты делаешь, Вильям?! Что ты делаешь?!

– Почему ты не сказала раньше?!

– Айви с ума сойдет...

– У тебя через пять минут сгорит кожа на лице, а ты переживаешь за Айви?!

– Я не хочу, чтобы у вас были проблемы...

– Господи, лучше помолчи! По какой щеке ударили? И кто? Айви?

– По обеим... Я не помню, кто...

Вильям влетел на парковку, вывел меня из машины и, ничего не объясняя, потащил в свою квартиру. Я бежала за ним, спотыкаясь и задыхаясь. Он распахнул дверь и втолкнул меня в ванную комнату. Сорвал с меня кардиган, выдергивая из рукавов мои руки. Снял с руки болеметр. Вырвал из пальцев телефон, который я все это время судорожно сжимала.

– В душевую, Лори!

Он сжал в руке насадку для душа и включил воду. Струи с визгом ударили в пол.

– Это не поможет! Родители пытались смывать прикосновения, когда я была ребенком, но это никогда не помогало!

– Какой температуры была вода?

– Да не знаю... Теплая. Иногда холодная...

– А сейчас будет почти кипяток. Но ты должна терпеть. Закрой глаза!

Я зажмурилась, и мое лицо обожгли нестерпимо горячие струи.

– Вильям! – завизжала я, вырываясь.

Он прижал меня к стене всем своим весом, пока я кричала от боли, задыхалась и плакала. Вода, по ощущениям близкая к температуре кипения, хлестала кожу на моем лице, на моей шее.

– Лори, прошу тебя, терпи...

Я больше не могла терпеть. Я судорожно вцепилась в Вильяма, чувствуя, как плохо держат ноги.

– Я не могу больше! Вильям, мне больно, МНЕ БОЛЬНО!

Но он держал меня и не выпускал. А потом вода резко выключилась, и мой плач в обрушившейся на нас тишине зазвучал оглушительно громко.

Вильям обнял меня, и мы осели на пол душевой кабинки. Облепленные промокшей насквозь одеждой, лица покраснелись от пара, с волос капала вода.

– Все в порядке, Лори. Думаю, мы успели, – бормотал он, касаясь моего подбородка и внимательно разглядывая мое лицо. У меня перехватило дыхание от этого «мы». Я смотрела на него, не зная, что больше похоже на сон: Вильям Веланд, сидящий рядом со мной в душевой кабинке его квартиры, или мое лицо, которое все еще было целым. Я коснулась ладонями щек – на коже не было ни крови, ни волдырей.

И чем больше я понимала, что уцелела, тем сильнее меня трясло. И волна изумления и благодарности поднималась во мне все выше и выше, пока наконец не затопила полностью.

– Как? Как это возможно?!

– Горячая вода разрушает чужеродные вещества, которые срывают

аллергическую реакцию. Причем быстрее и эффективней, чем любые другие средства. Но вода должна быть *очень* горячей. На грани того, что можно вынести. И желательно под большим напором, чтобы наверняка смыть все до последней молекулы.

Вильям вылез из душевой, позвонил и отменил вызов скорой. Потом протянул полотенце, оглядел мою вымокшую насквозь одежду и со словами «я принесу тебе что-нибудь сухое» вышел из душевой.

Я поднялась, пошатываясь, и стерла с зеркала конденсат. Мое лицо сильно покраснело и распухло от воды. По щекам струились подтеки туши, губы жгло. Но в целом ничего такого, из-за чего стоило бы нестись в госпиталь.

Ну, почти...

Я попробовала снять намокшую рубашку и обнаружила розовые следы, которые оставляли на ткани мои ладони. Они покраснели и отекли. Кое-где лопнули сосуды и наружу проступили капли крови. Мои руки – я совсем про них забыла...

Вильям постучал, вошел и протянул сухую одежду и полотенце. Я не взяла их.

– Вильям, боюсь, я испорчу вещи... Смотри. – Я показала окровавленные ладони, которые все сильнее и сильнее покрывались волдырями.

– Черт, – выругался он. – Еще и руки...

– Я ударила Дженни... И оттолкнула Айви, когда... Все случилось. Прости, я совсем забыла об этом...

Мои зубы стучали от холода. Мокрая одежда уже перестала быть теплым коконом – скорее, стала ледяным саваном.

Вильям дал два бумажных полотенца, и я зажала их в ладонях, пока он раздевал меня. Его пальцы расстегивали пуговицы и помогали мне выпутаться из мокрой одежды. Сам он уже переоделся в сухое: белая футболка и серые хлопковые штаны.

– Дальше сможешь сама? – спросил он, когда на мне осталась только тонкая вымокшая майка и трусики.

– Попробую, – неуверенно кивнула я и уставилась на алые капли на кафеле: кровь пропитала салфетки в кулаках и теперь начала капать на пол. Вильям заметил это тоже.

– Ох, ладно... Повернись спиной, я не буду смотреть. – Он помог мне снять майку и надеть ту одежду, что он принес. Это оказались его футболка и пижамные штаны. – Идем, нужно остановить кровь.

– Переживу, главное, что не лицо...

Вильям завернул в салфетки лед, и я сжала их в ладонях.

– Тебе нужно прилечь, ты совсем белая... Сейчас поищу обезболивающее. Иди в кровать.

– Я залью там все кровью.

– Не самое страшное, что может случиться.

– Нет...

– Аллергические реакции бьют не только по коже, но и по сосудам и легким. Замечала проблемы с дыханием после каждого приступа?

– Да...

– Вот именно. Кислородной маски у меня нет. Так что если не хочешь потерять сознание от удушья, то, пожалуйста, ляг в кровать. Твои легкие сейчас страдают не меньше, чем ладони.

Не дожидаясь согласия, Вильям поднял меня на руки и отнес в кровать. Потом дал новые салфетки и уложил мои ладони на валик из полотенца. Мне и в самом деле стоило прилечь. Но что-то очень-очень неправильное было в том, чтобы лежать в его постели.

– Ты же представляешь, что будет, если Айви увидит меня здесь? – пробормотала я. – Да еще и после того, как ты бросил ее на парковке и уехал со мной... Армагеддон... Вильям, мне стоит уйти...

Я перевернулась на спину и увидела его, стоящего у окна и перебирающего лекарства в пластиковом боксе. Смотрите, как оно бывает: не так давно я лечила его.

– Айви не придет сюда, пока я сам не найду ее и не объясню все. Она жутко гордая. Так что оставайся.

Он протянул таблетку обезболивающего и поднес к моим губам стакан воды. Кровь капала из сжатых кулаков на полотенце и тут же впитывалась. От боли кружилась голова.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Я прикрыла глаза и, сама того не заметив, провалилась в сон.

* * *

Меня разбудили тихие голоса Бекки и Вильяма. И я разбирала, о чем они говорят. Бекки спрашивала, что произошло. Вильям пересказывал историю моего появления, опуская кое-какие подробности, например, как он раздел меня до трусов...

– Айви там с ума сходит, – сказала Бекки. – Боюсь, тебе придется

очень много всего объяснить ей.

– Расскажу как есть.

– Вильям, если она узнает секрет Лори, то его узнают все. Айви не станет держать язык за зубами.

– Я не стану врать ей, – возразил он.

– А придется! Секрет Лори остается ее секретом. И прежде, чем делиться им с кем-то, ты должен спросить Лори, хочет ли она, чтобы об этом знал кто-то еще...

– Хорошо! Я не скажу Айви! Что-нибудь придумаю... – раздраженно сказал Вильям и, резко меняя тему, добавил: – Я говорил сегодня с родителями... и они наконец-то соизволили объяснить мне кое-что. Они привозили меня к Макбрайдам восемь лет назад, чтобы познакомить с Долорес. У нас с ней не просто одна и та же болезнь – мы еще и совместимы...

– Я надеюсь, это наталкивает тебя на... кое-какие мысли? – многозначительно спросила Бекки.

Теперь я окончательно проснулась, приподнялась на локтях и перестала дышать в ожидании ответа. Этот ответ решит все.

– Я знаю, на что ты намекаешь, – сказал Вильям. – Но на самом деле я думаю только о том, что Айви с ума сойдет, если узнает, что я и Долорес не оставляем ожогов друг на друге...

– Ничего, переживет, – холодно сказала Бекки. – И, уверена, тут же найдет замену.

– Бекки, я не собираюсь вышвыривать свою девушку только потому, что нашел более... удобный вариант! С Айви, конечно, сложно, но мне нравятся эти сложности. Она непредсказуема, она бесстрашна, ее не оттолкнуло ни одно из моих требований вроде отказа от поцелуев в губы или обливания кипятком после каждого секса. Я люблю ее. А Долорес... Ей нужно просто помочь немного адаптироваться. Я могу научить ее жить... почти нормально. Она сможет не носить перчатки, сможет заниматься любовью с кем захочет, сможет перестать бояться и шарахаться от других людей... Я помогу ей.

Я закрыла глаза и попыталась успокоить дыхание.

В этом доме слишком тонкие стены.

Зато у моего сердца слишком толстые стенки. Ты раз за разом разбиваешь его, Вильям Веланд, а оно выдерживает это снова и снова...

Я уткнулась лицом в подушку Вильяма, вдохнула едва уловимый аромат его одеколona. Должно быть, это удивительное чувство – принадлежать кому-то. Спать в его постели. Делить с этим человеком свое тело и мысли...

Потом я выползла из кровати и вышла в гостиную. Бекки сидела на диване, укрывшись пледом. Вильям устроился в кресле с ноутбуком.

– Э-эй, – проворковала Бекки. – Как ты?

– Более-менее, – кивнула я. – Но очень болят ладони...

– Я найду тебе обезболивающее. – Вильям встал и отправился на кухню. – И перевязать не мешало бы.

Я села рядом с Бекки, избегая смотреть ей в глаза. Мне казалось, что она сможет прочесть мои мысли. Все мои мятежные, страшные мысли.

– Это, кажется, твое. – Она протянула мой телефон. – Ой, прости, ты же не сможешь его взять... Я положу вот здесь, и ты заберешь его, когда Вильям перевяжет тебе руки.

– Спасибо, – кивнула я, боясь даже спрашивать о том, как именно Бекки забрала у Айви и ее своры мой телефон. И что они ей сказали... Наверняка кучу гадостей обо мне...

– Как поспала?

– Прекрасно. Я еще никогда не спала в постели парня, так что... Впечатлений выше крыши, – хмуро пошутила я. – Теперь ты знаешь, да?

– Что у тебя такая же болезнь, как и у Вильяма? Да, знаю, и, поверь, это никак не повлияет на мое отношение к тебе. Я восхищаюсь тобой, как восхищаюсь Вильямом. Вы не покорились болезни, вы перешагиваете через препятствия и боретесь за свое место под солнцем...

В комнату вернулся Вильям, принес таблетки, мази и бинты. Я протянула ему ладони и, пока он бинтовал их, разглядывала его сосредоточенное лицо, длинные ресницы (почему у парней всегда такие роскошные ресницы?), волосы, шрамы на предплечьях, искалеченную руку.

Ох, как же хотелось поцеловать его. Эта мысль не давала мне покоя с того самого момента, как я поняла, что мы совместимы, но сейчас стала просто невыносимо навязчивой...

«Интересно, как все сложилось бы, если бы он встретил меня раньше Айви. Смог бы он увлечься мной или нет?» – подумала я.

«А он и встретил тебя раньше. И посмотри, как все сложилось», – отозвался внутри маленький противный голосок.

– Ты должна была сказать о своей болезни, – сказал Вильям, заворачивая мои ладони в бинты.

– Зачем?

– Затем, что все это можно было предотвратить.

– Каким образом? Ты бы стерег меня день и ночь? – иронично заметила я, внезапно раздражаясь.

Вильям поднял глаза и спокойно заметил:

– Я бы мог предупредить Айви.

– А я не хочу, чтобы она знала! Она и любой другой! И я имею право на эту конфиденциальность! Слышишь?

– Слышу, – ответил он, пожимая плечами.

Больше мы не говорили.

Я вернулась в свою квартиру и поняла, каково это – быть безрукой. Я испытала невероятные сложности буквально со всем: с включением света, с приготовлением чая, с элементарными гигиеническими процедурами. Мои ладони напоминали две деревянные доски, на каждой из которых торчало пять пальцев-сучков. Древорукая Лори, которая ближайшую неделю не сможет ни ресницы накрасить, ни сесть за руль, ни убрать за собой.

Я уронила и разбила любимую чашку. Не смогла толком вытереть воду на полу и оставила, как есть. Не смогла намазать зубную пасту на щетку.

Но это все ерунда. По-настоящему плохо будет завтра, когда я проснусь и вспомню обо всем, что произошло. А именно: прекрасный принц, который смог бы спасти меня из заточения в Стигмалионе, проскакал на коне мимо. В его руках развевался флаг с гербом принцессы, которой он уже отдал свое сердце. Его доспехи покрывали отпечатки ее жадных пальцев. А мне он послал только ободряющую улыбку и волшебный ключ от потайного входа: «Воспользуйся, если хочешь. За стенами твоей тюрьмы есть мир, но бежать ты должна сама. Я принадлежу другой».

Развратные, отвратительные вещи

«Когда я была чуть младше, то время от времени со мной проводили сеансы психотерапии, чтобы снять напряжение, нервозность, гнев, ненависть к себе. И эти практики мне здоровогодились. Рассказать, в чем их суть? О'кей, если будет слишком нудно – напишите в комментариях, и я постараюсь больше не выпускать своего психолога.

Итак, чтобы меньше страдать от того, что творится внутри, мой врач посоветовал мне относиться к своим чувствам, как к животным. Да-да, внутри каждого из нас есть целый зоопарк: клыкастые тигры, непокорные дикие лошади, хрупкие бабочки, скользкие змеи, ядовитые скорпионы... Может, вам бы и хотелось, чтобы внутри вас жили одни пушистые коалы и задорные лемуры, но это невозможно. Отрицательные эмоции были, есть и будут, и от них никуда не деться.

Но с ними можно научиться справляться, если относиться к ним, как к животным вашего собственного зоопарка: осторожно, терпеливо и с любовью.

Каждый раз, когда вы испытываете какие-то отрицательные эмоции, смело открывайте клетку и заходите внутрь к своему зверю. Вот он – лежит в углу и смотрит на вас огромными, светящимися в темноте глазами. Садитесь с ним рядом и:

1. Назовите свое чувство.

Допустим, это боль. Или ревность. Или обида.

Вы должны понять, кто перед вами.

2. Затем примите свое чувство. Не кричите на него, не пугайтесь, не топайте ногами. Положите к себе на колени, погладьте и примите, как дорогого гостя.

3. Возьмите на себя ответственность за это чувство. Оно ваше и ничье больше. Никто не знает этого зверя лучше вас. Разберитесь, что этому зверю нужно.

4. Расскажите об этом чувстве близкому человеку/людям. Впустите их в эту клетку тоже и подумайте вместе, что делать дальше.

Можно, конечно, рассердиться на свой зоопарк, впасть в истерику, доставать из клеток колючих ежей и морских звезд и швырять их в своих близких с воплями «Заберите их!» Но это вам ничем не поможет. Ведь это ваш зоопарк. И чем спокойнее вы будете обращаться со своими зверями,

тем меньше людей вокруг страдает.

Итак, попробуем? Я называю свое чувство: это боль.

Затем я принимаю это чувство и не бегу от него. Проходи, боль, извини, что не прибрано. Боль – это всего лишь реакция моего тела, которая призвана защитить меня от того, что опасно для меня. Боль спасает, боль помогает мне выжить. Сигнализирует о том, что от источника боли лучше держаться подальше.

Теперь я принимаю ответственность за свое чувство. Что я могу сделать, чтобы перестать испытывать боль? Либо убить его девушку [знаю, не смешно]. Либо дождаться, пока он разлюбит ее [Пожалуйста, разлюби ее!] Либо смириться с тем, что я до конца дней буду одинока [Рыдающий смайл].

И наконец я рассказываю об этих чувствах. Прямо сейчас. Вам. И надеюсь, что это был не самый занудный пост в моей Инсте...»

Комментарии (177):

«Ничего себе новости!»

«Лори, держись! Крейг»

«Его зовут Вильям!»

«Проговорилась!»

«Кого зовут Вильям? Я не вижу никакого Вильяма. Лори, ты отредактировала пост?»

«Да-а, Лори отредактировала пост! Раньше тут было написано «Либо убить девушку Вильяма»!»

Господи, как же я ступила...

* * *

Адель и Брианна заглянули ко мне после лекций. Я не пошла сегодня в университет. Не смогла одеться, не смогла привести себя в порядок, не смогла сложить книги в сумку. Девчонки выпили чаю, я – домашнего клубничного компота, причем Брианне пришлось надеть перчатки и налить мне его в чашку. Потом я вкратце рассказала им, что произошло. О сцене на крыльце университета и о том, как Вильям потащил меня под горячую воду...

– Это катастрофа... Поможете сменить повязки?

– Кое-кто отлично тебя перевязал, Лори, – заключила Брианна, разглядывая мои ладони.

– Это Вильям...

– В универе только и разговоров о нем, Айви и тебе. Они же вроде как два года уже встречаются, а тут он вталкивает тебя в машину у всех на глазах и увозит. А Айви остается рыдать на крыльце... Всем ее жаль. А тебе, Лори, как бы не пришлось туго...

– Ничего, он ей все объяснит, и звездная пара снова будет вместе, – вздохнула я. – А про меня все потихоньку забудут...

* * *

– Это она! Вы слышали?..

– Он уехал с ней... Айви рыдала...

– Кстати, где Айви? Ее уже неделю нет...

– Вот так вот, захочет какая-то мразь твоего парня – и что ты сделаешь?..

– Долорес Макбрайд. Сука.

Я недооценила масштаб бедствия. Драмы в отношениях звездных пар всегда привлекают внимание. А Вильям и Айви были своего рода звездами.

Он – дико привлекательный, душа компании и тот, о котором всегда мало известно и ходит много слухов. Он говорит по-английски и по-норвежски. Его можно увидеть в серии документальных фильмов об экстремальном дайвинге. И у него шикарное тело. И чувство юмора. И улыбка.

Она – местная Тейлор Свифт. Только не поет, а фотографирует. Красивая, дерзкая, дочь владелицы сети дорогих магазинов. Ей всего двадцать три, но она до того талантлива, что за ее фотографии уже дерутся глянцевые журналы.

Они встречаются два года. Она сняла серию красивейших фото о глубоководном дайвинге, после которой прославилась. А потом – серию фотоснимков о Норвегии, которая выставлялась в национальной галерее и называлась «Красота по-норвежски». На каждом втором фото был запечатлен Вильям на фоне дикой северной природы: плывет на лодке по водам горного озера, стоит на выступе скалы, глядя в дымчатую даль, погружается в ледяные воды Согне-фьорда, обнимает светловолосую красавицу у выложенного из камней камина... После этой серии фотокартин несколько брендов спортивной одежды предложили Вильяму стать их лицом, и он согласился.

Но потом появилась она. Некая Долорес Макбрайд. О которой очень мало известно. Ну разве что она откуда-то из Атлона. У нее каштановые

волосы до плеч, белое личико и глаза Непорочной Девы. И губы – о-очень красивые: такие природа не делает. Только скальпель. Тише воды, ниже травы, но ездит на «Ауди-S7» и встречается с огромным двухметровым качком. Встречалась! Иначе зачем бы ей понадобился Вильям? Вот именно.

И так далее, и тому подобное...

Черт, как же я умудрилась вляпаться во все это? Ведь я ничего не сделала. Только обняла его на парковке. И влюбилась в него (но об этом никто не знает, а значит, это не в счет).

Куда бы я ни пошла, меня всюду окружали шепот, переглядывание, сплетни. Кажется, пора срочно звать на помощь Крейга. Пусть снова бросит к моим ногам букет роз у всех на глазах.

Хорошо, что о моем Инстаграме никто в универе не знает. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Я по-прежнему держу аккаунт приватным: за моей жизнью может следить только старая, преданная, проверенная временем аудитория, которая была со мной еще до того, как я пришла в университет. А незнакомцам я доступ не открываю.

Не хочу, чтобы о моей болезни узнал еще кто-то.

Не хочу, чтобы об этом узнала Айви...

После скандала она перестала появляться в университете, и Вильям тоже. Бекки обмолвилась, что он уехал в Австралию на неделю. Больше она ничего не сказала, а я не стала спрашивать. Было очень похоже, что они все-таки помирились и умотали вместе на курорт, чтобы это отпраздновать.

* * *

Вот оно – кошмарное очное обучение. У тебя куча друзей, куча дел и куча приключений, а знаний – ноль. Училась бы я заочно, я бы уже выучила наизусть стопку учебников.

Как можно изучить сто пятьдесят кошачьих болезней и их симптомы, если вчера была вечеринка у Брианны? Сегодня – у Бекки? А завтра – у Адель? В пятницу Крейг зовет на день рождения Грейс. В субботу у меня танцы. А в воскресенье ночь покера у бабушки в Донегале. Будут все ее знакомые старички и старушки. А я обожаю бабушкины вечеринки. Обязательно кто-то из стариков напивается и начинает травить байки из бурной юности. Будет джин и музыка из прошлого века. Как же это пропустить?

Нетерпеливый стук в дверь, и ко мне влетела Бекки.

– Мы уже в «Правде или действии» по второму кругу пошли, а тебя нет!

Розовые волосы канули в прошлое. Теперь они были белыми. Чисто-ярко-белыми, как, блин, у Матери драконов!

– Кхалиси! – воскликнула я, падая на колени.

– Кхалиси желает видеть вас в своем тронном зале, – хохотнула Бекки.

– Бекс, прости, я сегодня учусь. Мне до выходных надо разгрести долги, – сказала я и многозначительно добавила: – Зима близко!

– Я помогу тебе потом, обещаю! И кстати, – подмигнула она, – Вильям вернулся.

Мое сердце затанцевало в груди, но я приложила максимум усилий, чтобы лицо не выдало меня.

– Тем более не стоит приходить, – вздохнула я. – Нет никаких сил снова бодаться с Айви. Она же обязательно устроит мне...

– Айви нет. Они так и не помирились с Вильямом после того... после того, как он увез тебя с парковки.

– Да ладно, – изумилась я. – Не может быть. Я видела их вместе в университете.

– Они общаются, но в отношениях пауза. Она психует и злится, а он не может убедить ее, что увез тебя не ради страстного коитуса.

Чувство вины, большое и давящее, ударило меня под дых.

– Черт. И... как он?

– Фигово. Мучается.

– Где он?

– Был дома, но, кажется, вот-вот куда-то свалит. Не хочет веселиться.

Ох...

Я быстро оделась и побежала с Бекки в ее квартиру. «Правда или действие» пошла по третьему кругу. Я переступила через девушку, изображающую на полу червячка (причем, не очень трезвого), и постучала в дверь спальни Вильяма. Он тут же возник на пороге с курткой через плечо и ключами от машины в руке: мрачный, взведенный и явно не расположенный к разговору.

Я не видела его всего неделю, но он очень изменился: тени под глазами, небритый подбородок, заостренные черты лица, как будто ему было не до еды.

– Нужно поговорить, – запыхавшись, выпалила я.

– Я уезжаю. До утра подождет?

– Уезжаешь к Айви?

– К сожалению, нет, – бросил он и направился к двери, тоже

переступив через девушку, изображающую червячка.

Я побежала за ним, вышла на площадку и встала рядом у дверей лифта:

– Всего на пару слов...

– Время не самое подходящее, – холодно сказал Вильям.

Дверь лифта открылась, и он шагнул внутрь. Я проскочила вслед за ним. Он даже не посмотрел на меня.

– Вы расстались?

– Нет, – раздраженно сказал Вильям.

– Бекки сказала мне, что...

– Долорес. – Он вдруг развернулся ко мне и схватил за плечи. – У нас все будет нормально. Она просто злится. А ты прекрати бегать за мной! Теперь ты знаешь, как предотвратить последствия! Теперь ты можешь выбрать любого! А не тупо бегать за тем, с кем ты совместима. Что тебе еще нужно?! Не позволяй, чтобы на слизистые попала слюна. Или сперма. Ты не сможешь выжечь их горячей водой. А все остальное – на здоровье. Пока в твоей квартире будет горячая вода – ты можешь делать все то же, что и нормальный человек. Не стоит благодарности.

И он резко меня отпустил. Едва ли не оттолкнул. Я почувствовала, как краска залила лицо. Стыд, гнев, и обида затопили разум.

– Я не бегая за тобой! Да сдался ты мне! – едва сдерживая ярость, проговорила я. – Я только хотела сказать, что... Что если ты не сказал ей правду о моей болезни, потому что это моя тайна, то – я разрешаю тебе сделать это! Расскажи ей, как все было, расскажи, что просто спасал меня. Чтобы она успокоилась. Я готова пожертвовать своей тайной, если это спасет твои отношения!

Дверь лифта открылась на подземной парковке. А потом снова закрылась. Вильям так и не вышел. Он стоял рядом, прикрыв глаза и запустив руку в волосы.

– Теперь я чувствую себя полным дерьмом.

– Бывает, – отвернувшись, сказала я. И быстро вытерла предательские слезы.

– Прости.

– Прощаю. Но неужели со стороны любая моя попытка просто поговорить выглядит как *преследование*? Тогда это последний раз, когда я обратилась к тебе.

– Вовсе нет... Лори, я полный придурок...

– Все, проехали. Скажи ей! Скажи ей, чем я больна. Я не против.

– Спасибо, – кивнул он. – Я подумаю. Хотя, боюсь, это не слишком

поможет. Это бомбанет ее еще сильнее, чем текущая версия.

– А какая у нас текущая версия?

– У тебя редкая болезнь и... тебя начинает сильно тошнить от волнения. Прямо-таки ужасно тошнить. И чтоб этого никто не увидел, я решил увезти тебя с глаз долой.

– Что?! – нервно рассмеялась я. – Господи, лучше бы ты сказал правду! Вот это стыд... Теперь весь универ будет думать...

– Айви никогда не насмеяется над болезнями. К кому-кому, а к больным людям она очень лояльна.

– Вот как! И почему ты не сказал раньше? Мне как раз не хватает ее лояльности. Катастрофически.

Мы встретились взглядами. Как же хорошо было снова постоять с ним рядом и просто поговорить...

– Вильям, я правда не хочу, чтобы у тебя были проблемы из-за меня. Я готова снова поднять вопрос о своем переезде. Если от этого всем станет лучше. Представь, насколько проще все станет. Мы не будем встречаться на лестничной площадке. Не будем трогать одну и ту же... кнопку домофона. Не будем говорить поздно вечером, стоя в закрытом лифте, и... прочие развратные, отвратительные вещи, – с комично-серьезным лицом сказала я.

Вильям рассмеялся, и что это был за смех... Я бы многое отдала, чтобы слышать его снова и снова.

– Хочу прокатиться по городу, нужно проветрить мозги. Хочешь со мной?

Моя челюсть чуть не упала и не проломила пол.

– Даже если хочу, то не буду. А твой мозг в этом лифте получает слишком мало кислорода, если ты предлагаешь столь... развратные, отвратительные вещи, мечтая при этом вернуть свою девушку обратно, – сострила я.

– Я не видел Айви уже три дня. Она игнорирует меня, не отвечает на звонки, не желает говорить и обходит десятой дорогой в университете. И это после того, как я ползаю за ней которую неделю.

Я притихла, ошеломленная таким количеством подробностей. Видать, нехило его все это прижало. Вильям выжидающе смотрел на меня, и тут я снова заметила, каким измотанным и уставшим он выглядел. словно не спал несколько дней. словно все это время кто-то втыкал иголки в его куклу вуду. И вдруг отчаянно захотелось не оставлять его одного этой ночью.

Конечно, он взрослый человек и сам несет за себя ответственность, но что, если я проснусь завтра утром и узнаю от Бекки, что он не вернулся

ночью? Или что его машину нашли пустой на берегу. Или...

Тогда что со мной будет?

Я просто присмотрю за ним сегодня. Присмотрю, пока он не помирится с Айви. А это обязательно рано или поздно случится.

Хочешь узнать, как это?

Я вернулась домой за пальто, сунула в карман телефон и побежала обратно на парковку. «Тесла» Вильяма уже проснулась и открыла свои яркие кошачьи глаза. Я села в машину, и та двинулась к выходу, ведомая рукой хозяина. Утром сегодняшнего дня я бы скорее поверила в конец света, чем в то, что буду ехать с Вильямом Веландом в одной машине по ночному городу.

Он не говорил ни слова, и я тоже молчала. Но это был тот странный вид тишины, когда можно молчать и при этом не чувствовать дискомфорта.

Луна уже взошла и озарила все мягким голубым светом. Наверное, это одна из последних тихих ночей этой осени. Скоро с Атлантики придут сумасшедшие ветра и принесут непроглядные тучи...

– Где ты пропадал? – спросила я, разглядывая его профиль.

– Там, где надеялся никогда не оказаться...

Вильям не стал вдаваться в подробности, а я не стала выпрашивать.

– Надеюсь, ты в порядке, – сказала я, при этом зная, что он совсем не в порядке. Я привыкла видеть его самоуверенным, хладнокровным, немного надменным парнем, которому все нипочем. Но сейчас он выглядел надломленным. Как будто что-то ранило его и глубоко засело внутри.

– Ты когда-нибудь была на похоронах лучшего друга?

Я хоронила Хэйзел. А она была мне другом. Вторым лучшим другом после Сейджа.

– Боюсь, что да, – кивнула я.

– Тогда ты поймешь, – сказал Вильям.

Его голос зазвучал совсем глухо, как будто он был в одном шаге от самой последней грани, за которой обычно уже не могут говорить, только плакать.

– Мне жаль, – проговорила я, умирая от желания опустить руку на его ладонь и сжать ее, как делала мама, когда мне было плохо. Но смелости у меня было – кот наплакал...

– Я мог предотвратить это... Я мог его спасти, если бы был рядом. Но не стал... Думал только о себе...

Он хотел выговориться, и по странному стечению обстоятельств выслушать его могла только я.

– Вильям, бары еще открыты. А там, насколько мне известно, подают

самое лучшее обезболивающее. Хочешь, заглянем куда-нибудь, закажем тебе выпивку, а потом я отвезу тебя домой? Я очень хочу помочь...

– Долорес Макбрайд очень хочет мне помочь, – насмешливо улыбнулся он, но это была добрая насмешка. – В Ирландии все проблемы решаются выпивкой?

– Естественно, – шутливо кивнула я. – Это же тебе не сказочная Норвегия, где можно упасть лицом в снег, потом обнять лося, полюбоваться на северное сияние – и к психологу не ходи.

Вильям рассмеялся, и я вдруг страшно возгордилась собой, что смогла его немного развеселить.

– Обнять лося, – пробормотал он, все еще улыбаясь.

– Я серьезно. Раздобуду тебе самый чистый стакан во всем Дублине – у меня есть стерилизующие салфетки. И самый лучший джин. А потом верну домой в целости и сохранности.

Вильям смотрел прямо перед собой, словно взвешивая все плюсы и минусы этой затеи. И возможность выговориться, очевидно, перевесила все остальное.

– Я знаю один бар, – наконец сказал он и повернул машину на восток – туда, где небо было чернее черного.

* * *

Мы оставили машину на парковке перед баром и зашли внутрь. Я осмотрелась: приятное старомодное место, где было не слишком много молодежи, зато полно стариков, решивших пропустить по стаканчику перед сном. В воздухе витал аромат мяты и лимона, и какая-то очень старая песня, которую я точно когда-то слышала...

Мы сели за барную стойку и попросили стакан, который я старательно протерла салфеткой. Потом барменша – здоровенная татуированная девица с гроздьями сережек в ушах – плеснула нам в него джина.

– Итак, контрольная проверка, – объявила я, заглядывая в стакан через воображаемую лупу. – Готово. Ни одной вредоносной молекулы. Чище только слезы Христа. И мои помыслы. И твоя «Тесла».

Вильям улыбнулся, молчаливо следя за мной.

– Кстати, почему «Тесла»? Почему не «Ауди», «БМВ», «Лексус»?

– Мне нравится то, что он делает. Илон Маск, – ответил он, принимая из моих рук стакан.

– Основатель «Теслы»?

– Не только. «Пэй-Пал», «СоларСити», «Спейс-Икс», «Хайперлуп» и еще куча невообразимых проектов – это все тоже придумал он...

– Какой неутомимый бизнесмен.

– Маск не столько бизнесмен, сколько великий мечтатель: ему нужно спасти Землю от катастрофы, колонизировать Марс – на случай, если дела на Земле будут не очень, создать экологически чистое топливо и самое современное космическое оборудование. Он чокнутый – в самом хорошем смысле слова. Он делает вещи, на которые ни у кого никогда не хватило бы ума, фантазии и дерзости. Но ему это все как-то удается...

– И ты, как преданный фанат яростного защитника Земли...

– Это тот случай, когда, покупая машину, ты покупаешь глоток чистого воздуха для своих потомков, – пожал плечами Вильям. – Ты же знаешь, что электрокары – экологически чистые машины? Не выделяют ни углекислоты, ни выхлопных газов, ничего вредного и ядовитого...

– Ты, случайно, не экологию в Тринити изучаешь?

– А что, очень заметно? – улыбнулся он.

– А что, я угадала? – удивилась я.

– Нет, но была близка. Я изучаю инженерию возобновляемых источников энергии. Ветер, солнце, волны и все, что они могут дать. Очень скоро нефть закончится и тогда...

– И тогда все побегут к тебе, – закончила я.

Вильям рассмеялся, и я в очередной раз подумала, что у него роскошная улыбка.

– И тогда нам всем очень пригодятся солнечные панели и ветряки, – сказал он, разглядывая меня с улыбкой. – И машины, которые можно заряжать дома от розетки.

– «Теслу» можно заряжать дома от розетки?! – изумилась я. – Точно! Это же электрокар! Не смотри на меня так, я обычно соображаю быстрее... Да это же чудо, а не машина. Не то, что моя морально устаревшая телега, построенная алчным гигантом, бессовестно подделывающим экологические тесты...

– У тебя прекрасное чувство юмора, Долорес, – сказал вдруг Вильям, касаясь меня плечом, и я тут же возрадовалась, что в пабе царит полумрак, и Вильям не увидит, как сильно у меня загорелись щеки от комплимента. Уж я-то чувствовала, что они так и пылают...

– Спасибо. Наверное, перепало от бабушки по наследству. Она у меня шутница хоть куда, – с улыбкой кивнула я. – Это, кстати, она и подарила мне машину. Мне тогда было только шестнадцать, у меня еще не было прав, и родители пришли в ужас. Но слышал бы ты, как она с ними

спорила! Я до сих пор смеюсь, когда вспоминаю.

– Бабушка? Разве не бойфренд?

– Нет, – покачала головой я. – Это все бабуля. А шоу с бойфрендом я устроила только для того, чтобы от меня все отстали и перестали вести «охоту».

– Вот оно что.

– Я удивлена, что ты купился. Бойфренд для меня все равно, что прыжок с парашютом – интригует, но потенциально смертельно.

– Теперь ты знаешь, что не так уж смертельно.

– Да, наверное, стоит попробовать... обзавестись... парнем. Как ты открыл все это? Откуда узнал, что горячая вода обладает такими свойствами?

– От первооткрывателя. – Вильям залпом допил джин и подал знак барменше налить еще.

– То есть?! – встрепелась я.

– Я нашел в сети парня с таким же заболеванием, как у нас с тобой.

– Да ладно! – Мне не терпелось услышать продолжение. Я чуть из штанов не выпрыгивала, стул подо мной аж зашатался.

– Тео. Тео Хантер. Австралиец, бунтарь, экспериментатор... По его рассказам, чего он только не перепробовал. Кислоту, щелочи, спирты... Они тоже разрушают чужие белки, но серьезно вредят коже. И действуют почему-то не так быстро и эффективно, как горячая вода. Он многому меня научил. Например, что руки можно покрывать восковыми спреями – они создают плотную защитную пленку, и ты можешь прикасаться к чему угодно без перчаток.

– Где он сейчас? – улыбнулась я. – Может быть, он захочет стать моим бойфрендом?

Вильям долго молчал, пока не собрался с силами и не ответил:

– В могиле.

Воздух резко вырвался из моих легких. Так вот кого он хоронил...

– Не успел смыть то, что оставила на нем девушка. А она постаралась... Он был сильно пьян и потерял бдительность. Обжег кожу и истек кровью. Скорая ничего не успела сделать.

– Мне очень жаль, – вымолвила я.

– Все случилось на его дне рождения. Он приглашал меня, но я подумал, что не смогу провести сутки в самолете с ожогами, в бинтах... Пожалел себя. И в результате потерял друга...

Вильям сжал челюсти и отвернулся. Алкоголь разговорил его, сорвал все замки, за которым он прятался, и я вдруг осознала, какая большая

оказана мне честь: он позволил себе выглядеть передо мной слабым и разрушенным.

И я не сдержалась – опустила руку на его ладонь и сжала ее. Вильям посмотрел на мою руку, повернулся и вдруг сказал:

– Сейчас я жалею, что рассказал тебе о воске и горячей воде. Потому что если с тобой что-то случится – это останется на моей совести... Вода – не панацея. Всего лишь уловка. Тонкая проволока, придерживающая створки капкана. Пока ты начеку – опасности нет, но стоит зазеваться... Лори, будь осторожна. Всегда. Я очень тебя прошу...

Вильям поднял руку и подозвал барменшу. И меня снова качнуло на стуле, когда он сказал:

– Еще один стакан для девушки, пожалуйста.

– Нет, Вильям, нет. Кто повезет тебя домой? – заспорила я.

– Возьмем такси, а моя машина подождет на парковке до утра. Серьезно, Долорес. Выпей со мной...

Я заколебалась, понимая, что это не самая лучшая идея. Но он просил меня. Он просил, и ему было плохо. И, очевидно, ему нужен был не тот, кто будет сидеть рядом, трезвый и рассудительный, и присматривать за ним, – а тот, кто разделит с ним горе...

В общем, я сдалась. И достала из сумочки еще одну стерилизующую салфетку. Вильям плеснул в мой стакан джина, и я осторожно приложила губами к стеклу. Он смотрел, как я пью, и улыбался.

– Если не секрет, что пошло не так в тот раз, когда я застала тебя с ожогами по всему телу? – спросила я.

– Авария двумя этажами ниже. Пару часов не было воды.

– Оу... Но ты мог бы поехать в душевую спортклуба университета или кому-то из друзей.

– Не успел. Оттягивал поход в душ до последней минуты, а когда наконец пришел туда, то выяснилось, что воды нет.

– Чайник! Ты мог бы успеть нагреть воды!

– Я успел нагреть воды и вымыть только лицо. И хорошо, что успел хотя бы это.

– А как насчет больницы?

– У больниц есть два больших минуса. Там не спрашивают, хочешь ли ты джин вместо наркотических анальгетиков, и всегда звонят родственникам.

– И что было бы, если бы родители узнали?

– Конец света. – Вильям замолчал, но, видя, что я жду продолжения, продолжил: – Они считают, что я убиваю себя. Хожу по лезвию бритвы.

Надеялись, что... Не знаю, на что они надеялись. Что я так и не решусь ни к кому прикоснуться? Стану затворником? Уйду в монастырь? Черта с два... я начал бунтовать еще в старшей школе: первые эксперименты, первые прикосновения, первые серьезные ожоги. Чуть позже я познакомился с Тео, и он дал мне ключ от дверей моей тюрьмы: рассказал о горячей воде, о восковых спреях, обо всяких уловках, которые уменьшают симптомы аллергии... Потом я встретил Айви... Проколы случаются до сих пор. Отец вроде как смирился... Но не мама. В последний раз, когда я загремел в больницу, грозила, что увезет меня в Норвегию и запрет дома. А родителям Айви кое-что объяснит: например, что их дочь однажды может стать причиной чужой смерти. Что я не тот мальчик, которому их девочке стоит запускать руки под одежду...

– И угрозы тебя впечатлили.

– Как сказать... Я уже не в том возрасте, чтобы меня можно было запереть дома. И финансово от родителей тоже не завишу. Но мне жаль их психику. Поэтому я решил, что буду зализывать раны дома... Ну а ты, Долорес Макбрайд? Сколько бунтов на твоём счету? – мягко поддразнил меня он.

– Один. Да и то...

– Расскажешь?

Я почти допила свой джин, и одного стакана оказалось достаточно, чтобы голова пошла кругом. Пьяница из меня был так себе.

– Однажды мне понравился один парень. А я ему. И как-то вечером он принес пару бутылок пива и... я не планировала ничего такого. Он мне нравился, но не до такой степени, чтобы с кожей на лице расстаться. Но... мы перепутали бутылки. И я подумала, раз уж все равно валяться в больнице, то одним прикосновением больше, одним меньше...

– И ты поцеловала его, – хмыкнул Вильям.

– Да. Знаю, это было безумием. Все домашние подумали, что я счеты с жизнью собралась свести.

– Насколько серьезно все было?

– Серьезно. Уйма ожогов, лицо – месиво. Потом пришлось делать пластику губ, мои... сильно пострадали.

– Твой пластический хирург постарался на славу, – заметил Вильям, и у меня перехватило дыхание от этого комплимента.

– Спасибо.

– Не за что...

Рядом с нами за стойку уселась какая-то горячая парочка и принялась заливать в себя лагер и страстно сплетаться языками. Я смотрела на них со

смесью шока, стыда и зависти, пока не заметила, что Вильям наблюдает за мной. На губах играла теплая, понимающая улыбка, пока я старательно делала вид, что ничего вокруг не замечаю, и пересчитывала кубики льда в своем стакане.

– Расскажи что-нибудь, о чем еще никому не рассказывала, – вдруг сказал Вильям, разворачиваясь ко мне всем корпусом.

Его вопрос застал меня врасплох. В голове заплясали всякие непристойные мысли, которыми я никогда и ни с кем не делилась. Например, мысль о том, не попросить ли мне Сейджа научить меня целоваться, которая как-то пришла в голову, когда мне было пятнадцать лет... Но об этом я не смогла бы рассказать, даже будучи пьяной в щепки. Поэтому я задумчиво почесала пальцем висок и решила поделиться менее шокирующими вещами.

– У меня есть еще и второе имя, – сказала я. – Не прозвище, а настоящее второе имя, записанное в паспорте...

– Какое?

– Иден.

– Иден? – нараспев повторил Вильям.

– Да, – кивнула я. – Мое первое имя означает «боль», «страдания». Иногда кажется, что оно определило мою судьбу: все эти ожоги, испытания... Зато «Иден» – старинное библейское имя – знаешь, что означает?

– Не представляю, – сказал Вильям.

– «Рай», «Эдем», «наслаждение», – выдохнула я, чувствуя, как румянец снова заливает щеки. – Подумать только, мои два имени означают совершенно противоположные вещи! Боль и наслаждение, страдания и рай... Ты веришь в то, что имя определяет судьбу?

– Я верю только в то, что само по себе имя – это просто набор букв, и его можно толковать по-разному, на свой вкус.

– Вот как...

– Да. Пускай «Долорес» означает «боль», но тебя называют еще и «Лори», так? А Лори – это, между прочим, название австралийского попугая.

– Попугая? – захихикала я.

– Да-да, он так и называется: попугай лори. У него синяя голова, зеленая спина, оранжевая грудь, красный клюв, желтый затылок...

– Серьезно? Ну и палитра!

– Да, птица как будто вывалилась в красках... Хочешь историю?

– Давай.

– После похорон Тео я вернулся в гостиницу, не зная, куда себя деть и как дальше жить. Мир казался бессмысленным, бесцветным и мрачным. Как комья земли или траурная одежда. Наверное, так всегда и бывает после похорон... а потом я увидел на балконе целую стаю лори – они в Сиднее так же обычны, как у нас голуби, – которые расселись на перилах, дразнили друг друга, дурачились, висели вниз головой... Такие яркие, беззаботные, не знающие, что такое смерть и болезнь. Я распахнул дверь на балкон, и они брызнули во все стороны, как разноцветные мазки на картине... И, знаешь, я уже не помню, как добирался до кладбища и обратно, не помню лица людей на похоронах и какая стояла погода – память не захотела хранить эти воспоминания, но эта картинка – разлетающиеся радужным веером птицы – до сих пор стоит перед глазами...

Я умолкла, слушая этот необычный рассказ и ловя каждое слово. То ли алкоголь ударил в голову, то ли в этой истории действительно была заключена какая-то магия...

– Когда я слышу твое имя, – продолжил он, – то вспоминаю о попугаях, Долорес Иден Макбрайд. И о том, что жизнь полна красок и ярких мгновений. Нужно просто научиться их замечать...

– Спасибо, – зачем-то сказала я.

– Пожалуйста, – улыбнулся Вильям.

Мы выпили еще по стакану. А потом он взял меня за руку и потянул на пустой танцпол, слабо освещенный одной-единственной лампочкой. Кажется, мы прилично напились, но вряд ли осознавали это. Всего лишь земля ушла из-под ног. Всего лишь голова пошла кругом. Всего лишь два человека, которые знали цену прикосновениям, качались в танце, цепляясь друг за друга. Я положила голову на его плечо, он сжал мою ладонь – и Стигмалион был бессилен наказать нас за это.

– Теперь моя очередь узнать что-то, о чем ты еще никому не рассказывал, – пробормотала я Вильяму в шею.

Он немного подумал, а потом сказал:

– Ты была моим триггером.

– Кем?

– Триггером. Я испытывал очень неприятные чувства, когда видел или слышал твой голос... Панику... Злость... Раздражение.

– Вот как, – отстранилась я, чувствуя почти отчаяние. Мои ноги перестали чувствовать пол, и ритм танца, я, боюсь, тоже потеряла. – Как мне исправить это?

– Никак. Потому что все прошло... Помнишь тот день, когда мне пришлось увезти тебя с парковки?

– Не забуду до конца дней.

– Когда я закончил перевязывать твои руки и ты ушла, то я вдруг осознал, что ни разу за все то время, что мы провели вместе, не испытал паники или раздражения. Они просто ушли. И с тех пор больше не возвращались...

– Я надеюсь, они никогда не вернутся, – пробормотала я, едва не плача от облегчения. – Никогда-никогда.

Вильям ничего не ответил, но я почувствовала, что его рука крепче обвилась вокруг моей талии.

Мы закончили танец, выпили еще, а потом в баре не осталось никого, кроме нас. Полночи пролетело как одно мгновение. Мы вышли на улицу, было очень ветрено, но я совсем не чувствовала холода. Мне было жарко и головокружительно хорошо.

Вильям прикурил сигарету не с той стороны, тихо выругался по-норвежски и бросил ее. Я рассмеялась, глядя на тлеющий в темноте огонек. Он достал новую, щелкнул зажигалкой на ветру: огонь осветил его покалеченную кисть, и мне вдруг стало зябко. Я подошла к нему и взяла за руку.

– Вильям, скажи мне еще раз, что простил меня.

– Я простил, – кивнул он.

– Если бы я могла, то бы отдала тебе свои пальцы, – сказала очень серьезно.

– Если бы мог, я бы их взял, – отшутился он, хватая меня за руку и впиваясь зубами в ладонь.

Я рассмеялась, Вильям схватил меня в охапку, изображая изголодавшегося вампира, а потом мы прислонились к стене бара, теряя равновесие.

И его близость ошеломила меня. Весь мир перестал существовать. Осталась только его фигура, закрывшая собой полнеба, и лицо, освещенное теплым светом фонаря, и руки, коснувшиеся стены по обеим сторонам от моего тела.

– Можно задать вопрос? – спросила я, охрипнув.

– Задавай, – ответил Вильям, склонив голову так низко, что мои губы почти касались его уха.

– А ты когда-нибудь целовал кого-то?

– Несколько лет назад, – сказал он, заглядывая мне в лицо и заправляя за ухо выбившуюся прядь. – Две недели в больнице... Но, боюсь, это не считается?

Я набрала воздуха в легкие и выдохнула:

– Хочешь узнать, каково это?.. Никто никогда не узнает. Я никому не скажу. Даже под пытками. Унесу с собой в могилу...

Мне не пришлось предлагать дважды. Вильям поднял мой подбородок и поцеловал. Легко прикоснулся губами к моим – словно заговаривая демона, который все эти годы держал меня в неволе. Потом провел большим пальцем по моему подбородку, чтобы мои губы раскрылись – как будто поставил на мне невидимый магический знак, который собьет со следа чудовищ Стигмалиона, – и поцеловал в раскрытые губы снова. Волна тепла прокатилась по телу – магия начала действовать. Я прижалась к нему, отвечая на поцелуи не закрывая глаз, пытаюсь запомнить его вкус и запах, и мягкость губ, и шероховатость кожи подбородка. Сияние и жар затопили меня – и мой демон бросил меня, помеченную чужой магией. Умчался, обжегшись, и оставил окно открытым. Какая беспечность: ведь я воспользуюсь своим шансом.

И за эту попытку побега меня никто не накажет.

* * *

Люди с начала времен размышляют над тем, что такое счастье. В чем оно состоит. В чем оно измеряется. Биологи настаивают, что все дело в гормонах, психологи говорят о состоянии души, религия утверждает, что истинное счастье – это Бог, экономисты связывают счастье с благосостоянием и деньгами. Подростки говорят, что счастье – это свобода. Старики считают, что счастье – это здоровье.

А я говорю, что счастье – это поцелуи. Счастье – это когда кто-то видит в тебе нечто настолько прекрасное, что хочет прикоснуться губами.

Пусть смеются биологи, психологи, экономисты и проповедники. Пусть фыркают и считают меня недалекой почтенные миссис. Пусть закатывают глаза джентльмены, склонившись над своими банковскими выписками. Но я никогда не испытывала большего счастья, чем в ту минуту, когда Вильям наклонился ко мне и поцеловал.

И еще раз...

И продолжил в машине такси...

И, будь моя воля, эта машина не останавливалась бы до тех пор, пока мы не занялись бы любовью, не обзавелись тремя детьми и не умерли в один день... Но таксист, к моему ужасному сожалению, надеялся поскорее от нас избавиться и поехать работать дальше. Он неловко откашлялся и объявил: «Приехали».

Мы вышли на холодный воздух и... протрезвели. И все, что случилось чуть ранее, вдруг показалось каким-то сном, наваждением. Словно это было и не с нами вовсе. Происшествием настолько невероятным и невообразимым, что о нем было страшно даже думать...

– Спасибо за эту ночь, – сказал Вильям, проводив меня до дверей.

– На здоровье.

– Долорес, могу я попросить тебя кое о чем?

– Дай угадаю. Не кричать завтра на каждом углу универа, что целовалась с тобой? – улыбнулась я. – Об этом никто не узнает. Спи спокойно и постарайся пережить свою потерю.

– Да вы идеальный соучастник, мисс Макбрайд, – сказал он, поддразнивая.

– Он самый. Если нужно будет спрятать где-нибудь труп, обращайся, – кивнула я.

– Вообще-то я хотел попросить не об этом, – сказал он, пристально глядя мне в глаза. – Только чтобы ты не думала, что я использовал тебя. Набросился со своими проблемами, увез, напоил и все остальное... Это не так. Все было очень... спонтанно. И я хочу, чтобы ты знала об этом.

– Я знаю, Вильям. Я знаю, что ты не использовал меня. Спокойной ночи.

«Скорее я использовала тебя, пока ты был слаб и беззащитен, и мне за это ужасно стыдно», – добавила я мысленно, пожала ему руку – почти официально – и закрыла дверь перед его носом.

* * *

С вами когда-нибудь случалось что-то настолько прекрасное, что вы просто не могли уснуть? Когда вы лежали с глупой улыбкой, глядя в потолок, и чувствовали себя одной гигантской молекулой счастья. Сгустком эйфории. Пчелой, которая наелась самого вкусного нектара в своей коротенькой жизни и вся вывалилась в самой ароматной пыльце. Ваши руки были раскинуты в разные стороны в попытке обнять всю Вселенную. Волосы торчали в разные стороны, наэлектризованные от радости. И вам было абсолютно наплевать, что будет дальше: падение с розового облака на землю, жуткое разочарование, апокалипсис, землетрясение, эпидемия эболы и далее по списку...

Случалось ли с вами такое? Значит, вы уже жили не зря.

«Вы когда-нибудь задумывались о том, как скоротечна жизнь? Я часто думаю о смерти. О том, когда это случится и как. С моим-то диагнозом...

Но даже если забыть о диагнозах, то старость все равно всегда приходит и никогда не щадит. Я смотрю на пожилых людей в парках, которые осторожно переносят свои хрупкие тела от скамейки к скамейке, и представляю, что это ждет и меня. Однажды и я буду бродить с тростью по улицам – и ничто не в силах предотвратить это. Ни лекарства, ни деньги, ни магия.

А потом и для меня найдется подходящий гроб. Дерево, из которого его вырубят, наверное, уже где-то растет, уже пьет воду, шевелит листьями и тянется вверх...

Это все грустно, но знаете, что? Мысль «я однажды умру» может интересным образом изменить ваш взгляд на некоторые вещи. Попробуйте!

Я однажды умру, а значит, можно:

– Набить «рукав» от запястья до плеча. Эй, эта рука сгниет раньше, чем наступит следующий век. Какая разница, в каком виде она будет гнить – с чернилами или без?

– Не переживать, сколько килограммовросло на заднице, какого размера грудь и какой формы нос. Если, конечно, все это не сильно портит настроение. Если портит – без раздумий лечь под нож, а ради чего, собственно, эту оболочку щадить? У нее все равно ограниченный срок годности.

– Шокировать внешним видом других человекообразных. Пусть, глядя на вас, радуются, что умрут в «натуральном» виде. Ведь это так важно – лежать в гробу с настоящими сиськами вместо силиконовых:)

– Забить на убогие будничные заботы. Какая разница, успеете вы сегодня приготовить ужин или нет? Сдать зачет. Съездить в банк. Помыть полы. Да пошло оно все! Вы однажды умрете! Какие, к черту, полы?

– Делать то, что хочется, и не откладывать на потом. Куда-нибудь ехать, с кем-нибудь знакомиться, пробовать что-то новое, заниматься экстремальным спортом, слушать сумасшедшую музыку. На том свете,

говорят, с хардкором, «Бифитером» и скейтбордингом будет туго. Инфа 100 %.

– Не расстраиваться из-за людей. Они тоже умрут. Все до единого. Испортил вам какой-то козел настроение, а вы про себя подумайте: «Ты тоже умрешь, дорогуша», – и дальше себе идете с улыбкой.

– Радоваться каждый день. Вы пока живы! А ведь однажды умрете. Разве это не повод?

– Воспринимать жизнь как квест: получилось что-то – круто, баллы в копилку. Не получилось – о чем горевать? Вы все равно умрете, расслабьтесь.

– Не грузиться смертью заранее. Разве, отправляясь на курорт, вы заранее горюете о том, что отдых рано или поздно закончится? Нет, конечно. Вот и с жизнью то же самое: вообще-то мы все сейчас на тропическом острове, господа! А после острова отправимся туда, откуда пришли – в никуда. Но не слишком думайте об этом, пейте «Маргариту» из стакана с зонтиком, стройте глазки аборигенам и плюйте в песок – пока вот он, под ногами...

А закончить я хочу фразой Карлоса Кастанеды из его книги «Путешествие в Икстлан», которая удивительно созвучна моим мыслям: «Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, – это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, что все складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: «Но я же еще не коснулась тебя!»

Комментарии (215):

«Спасибо за этот пост, Лори. Из-за стрессов и дедлайнов вчера рыдала весь вечер. А теперь буду думать об островах и маргаритах! К черту все!»

«Сижу и ржу в голос! Родня, наверно, думает, что у меня крыша едет. Спасибо, Ло! С меня «Бифитер», если вдруг окажешься в Лондоне;)

«Все так, Лори. Ведь закликаясь на проблемах, мы забываем жить».

* * *

Я опоздала на обед. Вошла в университетское кафе, когда моя компания уже вовсю расправлялась с сэндвичами и напитками.

– Хороший пост, – сказал мне Патрик, пододвигая к столу еще один стул. – Немного встряхнет тех, кто постоянно грузится всякой ерундой. Но

люди без тормозов, прочитав его, могут начать творить всякую дичь: «Раз мы все умрем, то можно делать что угодно».

– Люди без тормозов будут творить всякую дичь и без этого поста, – возразила Брианна.

– Ну тоже верно, – кивнул Патрик. – Как дела? Ты светишься.

– Свечусь? – рассмеялась я, вытаскивая из рюкзака упаковку тушеных овощей. – Да просто настроение хорошее.

– Отрежь мне кусочек своего настроения, – проворчала Адель. – У меня жуткий насморк, сломанный ноготь и штраф за превышение скорости...

– Вот кто еще не читал мой пост, – рассмеялась я и таинственно добавила: – Мы все умрем.

– Также мне новость, – закатила глаза Адель.

– На. Читай и не парься по пустякам, – сказал Даррен и положил перед Адель телефон с загруженной страницей моего Инстаграма.

Адель склонилась над телефоном и пробежала текст глазами:

– Ведь это так важно – лежать в гробу с настоящими сиськами вместо силиконовых... А-ха-ха! Лори, юмор у тебя, что надо! – И Адель снова расхохоталась и обняла меня. И мое настроение сделало еще один виток.

А потом я подняла глаза и заметила Вильяма, сидящего за дальним столом со своей компанией. И он тоже улыбался, глядя на то, как я дурачусь с друзьями. И едва заметно поднял свою бутылку с водой, словно приветствуя меня. А я отсалютовала ему своей бутылкой и внезапно вспомнила ту песню, под которую мы вчера танцевали в баре: «Love Backs Down» группы «Walking On Cars». И вспомнила, как все посетители бара захлопали, когда мы закончили танец. Наверно, у нас с Вильямом неплохо получилось. И какими теплыми и настойчивыми были его губы, когда он целовал меня в машине такси...

И еще вспомнилась фраза из романа Харуки Мураками «Норвежский лес» (я сегодня закачала его в свой Киндл, совершенно очарованная названием): *«Это, конечно, сугубо моя проблема, и тебе, пожалуй, все равно, только я больше ни с кем не сплю. Потому что не хочу забыть твое прикосновение».*

Теперь и мне знакомо это чувство.

* * *

В тот же день я случайно увидела Вильяма и Айви, довольно-таки

мирно разговаривающих в парке университета недалеко от парковки. Я знала, что они помиряются, но не думала, что так быстро. Пару минут я смотрела на них, испытывая что-то очень странное: то ли тоску, то ли ярость, то ли страх, то ли все сразу.

Потом села в свою машину, мысленно представляя, как вхожу в клетку к своим диким зверям и баюкаю их на коленях.

– Просто ты втайне надеялась, что он порвет с ней сегодня же. Но пойми, так не бывает. Один поцелуй не перечеркнет все, что они строили несколько лет. Тем более, вы были пьяны. Вчера казалось, что не сильно, но на самом деле прилично. Поэтому не надо изводить себя. Хотя пожалеть себя можно и нужно. Кто тебя еще пожалеет, если не ты сама? – сказала я себе и обняла себя руками. – Иди сюда, моя большая, но такая маленькая девочка. Дома я сварю тебе какао. И сдую пыль с последнего диска «Walking On Cars» (только чур не плакать на *том самом* треке). И укрою тебя пледом. И мы как-нибудь справимся. Да?

– Да, – ответила я самой себе другим голосом, даже не пытаюсь представить, как это выглядело со стороны. Наверное, как маленькое помешательство. Да плевать. Зато помогает.

* * *

Вильям снова улетел из Ирландии. На этот раз в Норвегию. Бекки предположила, что это связано со смертью его друга, после которой он сам не свой. Я изображала удивление и потрясение, когда слушала ее, хотя на самом деле знала больше подробностей, чем она.

Я очень надеялась, что дома ему станет легче. Что он сможет упасть там лицом в снег и обнять лося (шучу, конечно, не знаю, откуда эти лоси у меня в голове). Сможет немного разобраться, как жить дальше, не испытывая чувства вины. И надеялась, что он хотя бы изредка вспоминает меня.

Университет начал нагонять скуку. И это после двух месяцев учебы. Наверное, дальше будет интересней, но пока нам преподавали только общие дисциплины: анатомию, гистологию, эмбриологию – и никакой интересной практики. Все свободное время я просиживала за учебниками, хотя мое сердце просило:

- зверей
- пташек
- рептилий

- кормить котят
- бинтовать кроликов
- делать прививки пони

А кто я такая, чтоб отказывать своему сердцу?

Я обошла несколько ветеринарных клиник и спросила, не нужны ли им волонтеры, и, как оказалось, нужны. Андреа – энергичная, деловая шатенка, главный врач самого большого ветгоспиталя в городе, который как нельзя кстати располагался недалеко от моего университета, – скептически оглядела мою блузку со строгим воротничком и старательно выглаженные брюки и сказала, что если меня не пугает кошачья кровь, щенячья рвота и птичий помет, то добро пожаловать. Оплаты не будет, график свободный, работы прорва, зато можно многому научиться.

И я с радостью ухватила за это предложение. В первый же день моей волонтерской работы огромный бородатый мужик в хирургической робе высунул из операционной голову и гаркнул:

– Девочка! Иди сюда!

Я в это время ползала по коридору, оттирая пол то ли от раздавленного шоколадного крема, то ли от чьей-то засохшей крови.

– Иди сюда. Ты практикантка?

– Нет, я волонтер, – пискнула я.

– Какая разница, – рявкнул он. – Мой ассистент, Майкл, только что позвонил и сказал, что заболел. Будешь на подхвате.

У меня чуть глаза на лоб не полезли. «На подхвате»! Вот это да!

– Вымой руки, возьми халат и маску во-он в том кабинете. Спроси у Мэйв – она подскажет. Бегом.

И я побежала. И сделала, как было велено. И следующие полчаса совала Фергусу, нашему хирургу, нужные инструменты, со священным ужасом заглядывая в маленький алый разрез на животе бедного кота и изумляясь, какую ювелирную работу делает Фергус своими огромными ручищами.

– Так, зашивать будешь ты, – сказал Фергус, протягивая мне щипцы и иглу.

– О нет, о нет, – пробормотала я, бледнея. – Вы шутите.

– Шучу, – хохотнул Фергус, кивая. – Не в этот раз. Но очень скоро ты сможешь. Ты храбрая девчонка. Тебя даже не стошнило.

– Юмор у вас, однако, – заметила я.

– Без юмора здесь никак.

Конечно, бывали дни не такие интересные. Бывало, что я всю смену только и занималась тем, что подтирала рвоту за отходящими от наркоза

собаками и расставляла бутылки с чистящими средствами красивыми рядами. Пару раз утешала бродящих у операционной хозяев и приносила им кофе. Многие из них переживали болезнь своих питомцев так же тяжело, как болезнь детей.

А однажды меня позвала в свой кабинет Андреа и сообщила, что старики, которых я поддержала, когда оперировали их старую собаку, перевели в благотворительный фонд госпиталя десять тысяч евро.

– Это значит, что мы сможем провести много бесплатных операций для бездомных животных или для тех, чьи хозяева не могут себе это позволить. Обновим кое-какое оборудование. Остальное пустим на приют при госпитале. И все это благодаря простому разговору с теми, кто в тебе нуждался. Бывает, что даже маленькие поступки приводят к очень большим результатам. Отличная работа, Лори. Мы столько не собирали даже на благотворительных акциях.

Я слушала ее, едва не прыгая, как олень, и улыбаясь шире бостонского терьера. Десять тысяч за десять минут разговора! Боюсь, я установила собственный рекорд по скорости зарабатывания денег, который уже никогда не побью.

Госпиталь стал моим убежищем. Туда я сбегала, когда было грустно, или одиноко, или тревожно. Там я чувствовала себя нужной. Там я забывала о собственной болезни и несовершенстве. Там я могла дарить свое тепло и заботу тем, кто в этом нуждался. Котенку, который съел шнурок. Овчарке, которая родила семерых щенков, а восьмой застрял. Какаду, который от стресса вырвал у себя все перья. Мальчику, рыдающему над своим бульдогом, у которого обнаружили рак. Дикой больной лисице, которую фермер поймал в своем саду и решил подлечить от чесотки и конъюнктивита.

Персонал был очень добр ко мне. Фергус то и дело угощал меня шоколадными батончиками, хлопал по плечу и приговаривал «деточка». А Андреа как-то даже пригласила разделить с ней послеобеденный кофе. Она, как оказалось, тоже когда-то приехала в Дублин из Атлона и, должно быть, увидела во мне родственную душу. Я с удовольствием пришла.

Госпиталь занимал два этажа высотного офисного здания. Кабинет Андреа располагался на седьмом этаже, и из его окна открывался прекрасный вид на город.

– Я принесла пончики. С заварным кремом, – объявила я. Андреа стояла у окна и задумчиво глядела на улицу. Она обернулась на звук моих шагов.

– А я как раз кофе сделала. Как дела, Долорес? Как университет?

– Все самое интересное пока только в книжках на картинках. Но подозреваю, дальше будет лучше, – вздохнула я. – Что там такое интересное?

Андреа продолжала глядеть в окно, задумчиво потягивая кофе.

– Рекламу сегодня наклеили на стену соседнего дома. И с тех пор я не могу сосредоточиться.

Я выглянула в окно и приросла к полу. С огромного десятиметрового плаката на меня смотрел Вильям. Он словно только-только вынырнул из воды и теперь приглаживал мокрые блестящие волосы. По лицу струилась вода, широкие плечи обтягивал роскошный черный гидрокостюм от «Under Armour», вокруг расходилась кругами темная-темная вода.

– Ох ч-черт, – пробормотала я.

– Вот именно, – хмыкнула Андреа. – Как тут работать, блин?

– И надолго его повесили?

– Понятия не имею. Прошлый плакат – реклама русского балета – висел два месяца.

«Я не выдержу два месяца», – подумала я.

– И где их только берут? – сказала Андреа, склонив голову на бок.

– Печатают в типографии.

– Я имела в виду, таких парней.

– А-а, – рассмеялась я. – Их, думаю, рожают какие-то очень красивые женщины в далеких, волшебных краях, кормят красивой грудью, потом качают на красивых руках, и читают им красивые книжки, и поют им красивые колыбельные на ночь. И в конце концов получают... вот такие парни.

– Повезет же кому-то, – встала Андреа, отряхивая с рук крошки.

«Уже повезло. Ее зовут Айви Эванс, и мне больно даже просто думать о ней...»

– Кстати! Меня озарило! – воскликнула Андреа, тряхнув волосами и серьгами-кольцами. – Меня озарило только что, черт возьми! Нам тоже нужна реклама! Какой-нибудь милый человечек, обнимающий собаку. Или кошку. Кто-нибудь, вызывающий доверие. Симпатичный, но серьезный. С теплой улыбкой. И надпись поперек: двадцать два года работы, более двадцати пяти тысяч вылеченных питомцев, одна непревзойденная команда!

– Класс! – согласилась я. – Думаю, Фергус отлично подойдет.

– Старина Фергус украшает собой главную страницу сайта госпиталя. Нам нужно новое лицо. Но я не хочу какую-нибудь бездушную модель с фотостока. Нам нужен свой человек, который может встретиться

посетителям в коридоре, с которым можно поговорить, получить поддержку. Понимаешь, о чем я?

– Нет, – пискнула я, начиная подозревать неладное.

– Наш рекламный плакат украсишь ты! И возьмем собаку Майкла – лайку Снежинку. Она такая очаровашка!

– Андреа, я у вас три недели только! – подскочила я. – И это слишком большая честь! И я отвратительно получаюсь на фото! Нет!

– Ты очаровала стариков О’Каллаган на десять тысяч, Долорес. А значит, я хочу твое прелестное личико на наш плакат! Совсем маленький плакат у входа в клинику. Крошечный. Пожалуйста, скажи да!

Соблазн был велик, но...

В жизни полно этих дурацких «но», мешающих нам стать теми, кем бы мы могли стать, но не стали...

Но только не в этот раз! Ха-ха! Я согласилась.

Ангел-хранитель для вашего питомца

Я видела Вильяма из окна каждый день. Любовалась, как он выныривает из темно-синих волн, вода течет по лицу, в воздухе застыли падающие капли... а он смотрел прямо на меня. Пронзал серой сталью глаз. Вот уже неделю.

А еще на него смотрели Андреа и Айви, Брианна и Адель, подруги подруг и весь остальной университет. Плакаты висели по всему городу. А самого Вильяма в Ирландии не было.

Я выпытала у Бекки, что он по-прежнему в Норвегии, и тайно надеялась, что он скоро вернется. Мне хотелось снова наткнуться на него в универе, изредка встречать на парковке, знать, что мы засыпаем в стенах одного жилого комплекса и ходим по одним и тем же ступенькам. В этих маленьких вещах было очень много смысла. Его близость наполняла все особым смыслом...

Ночью, лежа в кровати, я раздумывала над тем, что будет, когда он вернется и мы наконец встретимся. Обнимет ли он меня, как старого друга? Спросит ли, как у меня дела? Или просто кивнет и пройдет мимо?

Зато я видела Айви чуть ли не каждый день. Она ходила по университету с таким выражением лица, словно все вокруг ей что-то должны. Хохотала со своей компанией в кафе. Отпускала шутки в мой адрес, если я вдруг проходила мимо («Девочка все еще целочка или кто-то это уже исправил? Хи-хи»). Выкладывала в своем Инстаграме фотографии из ночных клубов, куда отправлялась чуть ли не каждую ночь. Словом, вела обычную жизнь гламурной красотки, у которой нет забот.

Да, я время от времени заглядывала в ее Инстаграм. Не знаю зачем. Ведь это не приносило ничего, кроме боли. Тихая бессильная ревность заставляла изучать ее фото снова и снова: лицо, тело, наряды. А над ее старыми фото с Вильямом я готова была просто рыдать.

Я как-то поделилась с подругами мыслью, что Инстаграм порой вызывает у меня сильные негативные эмоции. Даже заглядывать противно...

– И это заявляет человек, у которого пятьдесят тысяч подписчиков, который зарабатывает десять тысяч за десять минут и ездит на бессовестно красивой машине? – расхохоталась Брианна.

– Десять тысяч я заработала случайно! Машину подарила бабушка – а

это тоже чистая случайность, что у меня такая бабушка! А подписчики набежали только потому, что я фрик с необычной аллергией. Так что...

– У меня такие же чувства в отношении Инстаграма, – добавила Адель. – Там слишком много идеального, красивого и ненастоящего. Куда ни ткнишь – везде круглые задницы в дизайнерских леггинсах, пальцы ног с модным лаком на белом песочке и киш лорены^[12] со спаржей. А правда заключается в том, что никто не выкладывает в Инстаграм прыщи, или грязные ногти, или задолженности по оплате, или анализы на инфекции, или то, как рыдает от одиночества, или то, как глушит бутылку виски ночью, потому что жизнь говно.

– Bravo! – воскликнула Брианна и чокнулась с Адель стаканом. – Адель в президенты!

И тут мои глаза словно раскрылись. А ведь правда, я многого не знала. Не знала, что происходит с Айви, когда она не клацает камерой на телефоне. Не знала, что она ест, когда заканчивается смузи с киви и сельдереем. Не знала, как выглядит, когда просыпается утром после ночи в клубе. И не знала, сколько настоящего счастья за красивым, безупречным фасадом.

Короче, я запретила себе думать об Айви, растрачивать энергию на зависть к той жизни, о которой ничего не знаю. Интересоваться ею вообще. Уверена, в моей жизни есть вещи, которым могла бы позавидовать даже она: например, прекрасная семья; или умение радоваться каждому прожитому дню; или неубиваемая вера в лучшее и железобетонный оптимизм; или та благодарность, с которой смотрят собаки и коты в госпитале, когда я помогаю Фергусу или Майклу с перевязкой; или мой рекламный плакат, который...

Нет, о плакате стоит рассказать по порядку.

Или даже посвятить ему целую запись в Инстаграме!

* * *

«Я на время пропала, а все потому, что у меня появилась работа. Мне за нее не платят, ведь у меня пока нет ни диплома, ни опыта, но знали бы вы, сколько радости она приносит! Каждый день сразу после лекций я бегу туда так быстро, что пора бы записаться в сборную Ирландии по легкой атлетике.

Я устроилась волонтером в ветеринарный госпиталь. Выполняя обязанности хостессы, уборщицы, аниматора и жилетки. Убираю, если

есть что убирать, разговариваю с хозяевами четвероногих пациентов, пока они сидят в очереди или ждут окончания операции, утешаю особенно грустных, раздаю детям конфеты и буклеты для рисования. На первый взгляд – не слишком важная работа, но, как говорит Андреа, бывает, что даже маленькие поступки приводят к очень большим результатам. У врачей обычно нет времени, чтобы просто поговорить с расстроенными хозяевами питомца, а ведь разговор бывает не менее важен, чем скальпель.

Одна женщина принесла кошку на усыпление. У питомицы был рак в последней стадии, и она очень мучилась. Хозяйка была расстроена так, что едва могла говорить. Я выкроила время, чтобы отвести ее в кафе госпиталя и просто поговорить. И она согласилась, рассказала о своей Плюшке множество забавных историй. О том, как отбила бездомного котенка у голодной чайки (кошка, кстати, этого не забыла и, став взрослой, больше всего любила охотиться на чаек). Как Плюшку приучили к унитазу и всегда очень щедро угощали, если та справляла нужду в правильном месте. Кошка усвоила урок так хорошо, что когда хотела чего-нибудь вкусенького, то залезала на унитаз, растопылив лапы, и притворялась, что делает в него свои дела...

Я просто поговорила с этой женщиной, дала свой номер телефона на случай, если ей будет совсем грустно. А чуть позже она позвонила и сказала, что только этот разговор и помог пережить горе. И если бы не я, то она, наверное, слегла бы с сердечным приступом...

В общем, мне кажется, я нашла свое место в этом мире. А это место вообразило меня подходящей кандидатурой для...

Не поверите, для чего! Андреа, директор госпиталя, решила, что госпиталю срочно нужна реклама. А для этой рекламы очень даже подойдет – та-дам! – мое лицо.

Андреа позвонила в рекламное агентство и тут же все организовала. Через три дня приехал фотограф – мегасерьезный господин с седой косой. Не шучу, с седой косой и в очках, как у слепого. Андреа привезла для съемок целый зоопарк: лайку Снежинку, пару роскошных бенгальских котов, морскую свинку, белого какаду и шикарную молочную змею – ярко-красную с белыми и черными кольцами.

Целый час фотограф заставлял меня тискать Снежинку, чмокать морскую свинку, нежничать с котами и обниматься со змеей. К концу съемки я чувствовала себя выжатой, как лимон, и очень обрадовалась, когда в кабинет заглянули Андреа с Даймондом – доберманом, от которого отказался прежний хозяин. Андреа подумывала взять его себе.

Даймонд был ласков, как дитя, но выглядел, как грозное чудовище,

способное перегрызть человеку горло.

– Привет, красавец, – сказала я, опускаясь перед ним на колени и обнимая за шею.

И в этот момент фотограф ка-а-ак защелкал своей камерой! И завопил:

– Это оно! То, что надо. Красавица и чудовище!

Андреа пошутила, что из меня вышло отличное чудовище, а из Даймонда – красотка хоть куда. Я утерлась полотенцем и сказала, что сил моих целовать свинок больше нет, а лайку я могу использовать разве что как подушку. Фотограф тоже выдохся, упаковал свои зонтики и вспышки в чемодан и уехал.

Через неделю в госпиталь прислали рекламные плакаты. Я в тот день не смогла прийти из-за пары дополнительных лекций в университете. Зато на следующий день...

О нет, веселые фотки с морскими свинками и со змеей, намотанной на мою шею, как шарф, Андреа отмела. По всему госпиталю были расклеены стильные плакаты в темных тонах, на которых роковая брюнетка (да это же я!) обнимала за массивную шею добермана. За моей спиной были пририсованы два воздушных крыла, а поперек плаката тянулась надпись: «Ангел-хранитель для вашего питомца? У нас он найдется. Первый ветеринарный госпиталь Дублина».

Видели бы вы мое лицо! Я стояла у плаката как статуя, пока Андреа не увела меня к себе и не поздравила с отличной работой. А потом жестом фокусника подняла жалюзи и ткнула пальцем в окно.

– Чем мы хуже шмотья для дайвинга, а? Ничем! Я выбила немного средств у рекламного отдела и добавила немного из тех, что пожертвовали старики О'Каллаган...

Вы уже догадались, да?

Мое лицо украшало собой торец здания, черт побери. А еще плакаты расклеены по городу и в парках. И еще один невероятных размеров постер повесили прямо напротив моего университета, у входа в большой шоппинг-центр.

Мои колени дрожат до сих пор. Я – параноик, социофоб, человек-улитка, предпочитающий не вылезать лишний раз из своей раковины, – и вдруг появляюсь на рекламном постере размером с дом.

И если это не доказательство того, что жизнь полна непредсказуемых поворотов, то я не знаю, что еще может им быть!»

Комментарии (их почти три сотни и почти все заставляют меня краснеть):

«Я видела эту рекламу! Долорес, это правда ты?! Если да, то ты просто гипнотически прекрасна!»

«Я влюбился».

«Ты восхитительна, Долорес. А мысли о том, что еще и неприкосновенна, очень заводят...»

«Знаешь, чего я хочу прямо сейчас? Оказаться на месте этого пса».

«Жаль, что эти губы нельзя целовать».

* * *

– Твое изображение на торце огромного дома! А изображение Вильяма на соседнем! Это нечто! Мы вчера с компанией оказались как раз в том районе и полчаса не могли сдвинуться с места. Стояли перед плакатом и кайфовали. Айви, правда, начала нести какую-то чушь про экспозицию и кадрирование, критикуя твой плакат, – ей словно больше придраться не к чему было. А все остальные слушали вполуха, потому что им-то плакат нравился. Еще бы не нравился: красивая девчонка в обнимку с роскошной собакой. У Ричи прямо слюна капать изо рта начала. Надеюсь, это реакция на тебя, а не на добермана, а-ха-ха!

Бекки лежала на моей кровати с большой банкой «Бена-и-Джерри», забросив ноги в полосатых носках на стену. А я сидела на вертящемся стуле, с удовольствием выслушивая последние новости. Мы уже несколько дней не виделись: я чуть ли не каждый вечер пропадала в ветгоспитале.

– Может, тебе подумать о карьере модели? – предположила она.

– И умереть от ожогов после первого же совместного фотосета с каким-нибудь красавцем?

– В условиях контракта так сразу и пропишете: никаких совместных фотосетов. Делов-то. Сейчас мода на необычную красоту и необычных людей. Seriously! – начала уговаривать меня Бекки, видя, что мои глаза уже тянутся к полотку. – Знаешь модель Винни Харлоу? Еще десять лет назад никто и вообразить не мог, что она может быть моделью, причем суперуспешной! Потому что у нее витилиго: молочно-белые пятна на темной коже. И знаешь, что? Выглядит просто потрясно. Фотография, где она верхом на коричнево-белой лошади, вообще взорвала Интернет! А твоя красота – неприкасаемая, которую нельзя трогать! – еще волшебней! Вильям тебе, если что, поможет: он знает, с чего начать и тэ дэ.

– Как у него дела, Бекки? Когда он вернется?

– Уже лучше. Надеюсь, скоро... Хочешь передать что-то? Думаю, ему

будет приятно.

Я секунду подумала и сказала:

– Скажи, что если он там не встретил лося, то тут его ждет один.

– Это что?! – расхохоталась Бекки. – Какое-то зашифрованное послание?

– Возможно, – покраснела я. – Хотя лучше ничего не передавай. Это была просто глупая шутка.

* * *

Смотрю на фотографии Винни Харлоу – канадской модели с витилиго – и, знаете, что она напоминает? Пятнистые орхидеи, которые цветут на окнах у мамы. Они выглядят так, будто на чистый белый шелк упали капли красного вина. Они выглядят настолько потрясающе, что мама хватается горшки, порой даже не глядя на ценник...

Как же я хочу, чтобы люди относились к своим телам как к цветам!

Веснушки, родинки и пятна? Ты восхитительна, как орхидея!

Повсюду вены, жилы и растяжки? Ты красив, как амариллис.

Большой и пышный? Ты прекрасен, как пион.

Маленький и тонкий? Ты чудесен, как ландыш.

Чувствуешь себя странным и не похожим на других? Да нет же, ты выглядишь фантастически, как венерин башмачок!

Потерял пару лепестков? Ты по-прежнему красив.

Помни: если бы вокруг росли одни розы и лилии, мир был бы невообразимо скучен.

В тот день я бежала в госпиталь со всех ног. День выдался сухим и теплым, в воздухе пахло кострами и яблоками, поздняя осень почти раздела город.

Шуршали листья, шумели машины, звонил колокол в церкви, парень с гитарой пел «Девушку из Голуэя» и пел красиво! Я высыпала ему всю мелочь из кармана. Кто знает, может быть, через десять лет он станет так же известен, как Эд Ширан, и напишет песню «Девушка из Атлона, приехавшая в Дублин, спешащая куда-то по делам с глазами, сияющими от счастья». И тогда я узнаю в этой песне себя...

– Привет, Мэйв! – бросила я нашему администратору и влетела в лифт, чьи двери уже закрывались.

– Долорес, подожди! – махнула мне Мэйв, но двери почти сошлись. Если что-то срочное, она перезвонит! А я спешу быть нужной моим пушистым пациентам!

Я выпорхнула из лифта, наслаждаясь запахом чистоты, лекарств и надежды. Напевая «Девушку из Голуэя» и пританцовывая.

И на выходе из лифта я остановилась как вкопанная, глядя на тянущуюся по коридору до операционной цепочку бордово-черных капель, больших, густых и липких.

День у кого-то сегодня не задался. Очень сильно. Я рванула в комнату с инвентарем и чистящими средствами и вытерла с пола кровь. Потом решила, что лишняя пара рук в операционной тоже не помешает. Надела халат и стерильные перчатки: я уже помогала Фергусу с перевязкой и успела обзавестись своей формой.

На ручке двери тоже были кровавые следы, так что я нажала на нее локтем, толкнула, и она распахнулась.

– Долорес, думаю, сегодня тебе не стоит... – шагнула мне навстречу Андреа, тоже в хирургической робе и в маске.

– Еще как стоит, я помогу, – решительно сказала я, указывая на следы крови, которые были буквально повсюду.

Андреа не стала спорить и быстро вернулась к столу, над которым уже склонились Фергус и Майкл.

Переполненная гордостью от того, что нужна и сейчас всем тут помогу, я бросила взгляд на неудачливого пациента.

Шок. Мои плечи одеревенели, спина стала липкой и мокрой от пота. Во рту появился привкус желудочного сока, как будто меня сейчас стошнит... На столе лежала большая немецкая овчарка, вернее, то, что от нее осталось. Перебиты все лапы, из пасти течет кровь, одна из костей пробила кожу и торчала из тела, как обломок стрелы. Но снотворное еще не подействовало: ее глаза были открыты, и она смотрела прямо на меня – осмысленно, печально.

– Что произошло? – пискнула я.

– Машина сбила собаку, – ответила Андреа. – Фергус, я думаю, шансов никаких.

– Вот дерьмо! – выругался он так громко, что чуть маска с лица не слетела.

– Перелом позвоночника в поясничном и шейном. Даже если мы зашьем печень и вправим все кости, она больше не сможет двигаться...

– Ты думаешь, я не вижу?!

Собака закулила, и я отступила от стола, утирая слезы.

– Долорес, иди сюда! – рявкнул Фергус. – Вот эту лужу нужно срочно убрать, иначе кто-то из нас навернется, а нам нельзя наворачиваться...

У меня зарябило в глазах, и затрясло, как на морозе.

– Долорес!

– Я не могу, – вымолвила я, срываясь на плач. – Простите, я не могу...

И я выбежала из операционной.

* * *

Я сидела в подсобке, глотая слезы, а вокруг рушился мой мир, рассыпалась в пыль моя мечта. Все, что я возомнила о себе, оказалось наивной выдумкой. Я не в состоянии помочь тем, кто придет ко мне за помощью. Я не смогу быть ветеринаром. Мне все это не по зубам. Тот максимум, на который я способна, – это болтать со стариками и раздавать детям леденцы. Ангел-хранитель для вашего питомца? Ха-ха. Скорее, слабачка для вашей собачки, которая ни на что не годится.

Все было зря: волонтерство, университет, учебники, лекции. Абсолютно все. Мне было стыдно перед собой, перед родителями и перед всеми, кого я встречала в госпитале и пыталась угодить.

Собаку спасти не удалось, ее усыпили. Андреа сказала мне об этом в кабинете, когда я наконец набралась смелости заглянуть к ней в конце дня. На столе стояла пепельница, полная окурков, а лицо Андреа было

заплакано.

Испытывая невероятный стыд после панического побега, я подошла к ней и попрощалась.

– До завтра, Долорес, – ответила она.

– Я не уверена, что... мне стоит приходить, – пробормотала я. – Я не гожусь для... всего этого. И теперь я это знаю.

Андреа подняла голову и заглянула мне в глаза.

– Я не буду уговаривать, Долорес, у меня сейчас нет никаких гребаных сил уговаривать кого-то и врать, что это легкая работа и сбитых собак привозят не слишком часто... Могу только сказать, что буду рада, если ты упокоишься, обдумаешь все и вернешься. Я буду очень рада.

* * *

Остаток дня и весь следующий день я не выходила из квартиры. Лицо опухло от слез, в висках застоялась ноющая боль, на душе было совсем паршиво. Я постоянно видела перед собой залитую кровью шерсть и карие глаза, которые умоляли о спасении. И все думала и думала о моменте своего позорного, постыдного бегства.

Умерла не только собака – умерли мои мечты...

Ближе к ночи апатия сменилась злостью и раздражением и выплеснулась в жажду деятельности: я принялась наводить в квартире порядок. Терла полы, мыла окна, ползала с пылесосом от одного угла к другому, чистила микроволновку и холодильник до тех пор, пока не обнаружила на ладонях лопнувшие мозоли. Но рано было прекращать самоистязание: я набрала в ведро воды, взяла большую поролоновую губку и спустилась на парковку к машине.

Не успела я толком вымыть лобовое стекло, как полумрак прорезал свет фар и мимо пронесся черный, как уголь, седан.

Мое сердце сделало сальто, как только я узнала очертания «Теслы». Прижимая к груди губку и заливая мыльной водой свою футболку, я смотрела ей вслед, не решаясь сдвинуться с места.

Машина свернула в один из парковочных рядов и остановилась. Из «Теслы» вышла Айви, разодетая как на подиум, а следом Вильям. А между ними мерцал от электричества воздух: они бурно ссорились. Я аж втянула голову в плечи, краснея и бледнея от того, что слышала...

Мне не следовало слушать все это, черт побери, но не было возможности убежать. Обнаружить себя сейчас? Да ни за что на свете. Я

тихонько юркнула в свою «Ауди» и бесшумно прикрыла дверь, а Айви тем временем наставила палец на грудь Вильяма и прошипела:

– Я понимаю, что у тебя были причины свалить в Норвегию и бросить все! Но я готовилась к этим съемкам, это было очень-очень важно для моей карьеры! Целый разворот в журнале мог быть моим, если бы ты подсобрался и...

– Извини, что похоронил лучшего друга и был не в состоянии улыбаться в камеру! Послушай себя, черт возьми! – ответил Вильям, и у меня побежали мурашки по спине от резкости в его голосе. Он никогда не говорил так резко даже со мной.

– Ты подвел меня! – выкрикнула она. – В который раз.

– В который раз?! Поподробнее с этого места!

– Да ладно, Вильям! Бросать меня в ответственную минуту – это твой неизменный стиль, к которому я уже привыкаю.

– О чем ты?!

– Крыльцо университета, две девушки, один парень... Никаких догадок?

Я прижала к щекам ладони, предчувствуя настоящий скандал. Причем с кучей гадостей в мой адрес.

– Боже, Айви, я думал, мы уже разобрались с этим! – схватился за голову Вильям. – Ты же уже знаешь правду. У нее та же аллергия, что и у меня, и ей нужен был кипяток, черт побери.

– Но мне-то от этого не легче! Весь университет до сих пор считает меня идиоткой! Которую парень бросил на крыльце, а сам укатил с другой!

– Ты преувеличиваешь. Мы по-прежнему вместе, и все об этом знают.

– Я хочу, чтобы ты рассказал всем, по какой причине ее увез, – заявила Айви.

– Нет.

– Почему же?

– Потому что это ее секрет. И рассказывать об этом всему университету или нет, должна решать она.

– Предлагаешь мне и дальше ходить с имиджем лохушки, потому что бедная Долорес боится предстать перед всеми фриком?

– Давай без этих слов! Если она – фрик, то я тоже!

Он стоял напротив нее, бледный как полотно. «Он в бешенстве, видит ли она это?» – думала я, по-партизански выглядывая из-за руля.

– Ну вот снова! – ухмыльнулась Айви. – Не говори о ней то, не говори о ней се! Почему ты постоянно защищаешь ее? Seriously, Вильям. Начиная с той вечеринки, где мы впервые увидели ее, и по сегодняшний день.

Почему?

– Может быть, потому, что ты не упускаешь ни единого шанса унижить ее?

– Я унижаю многих, но защищаешь ты только ее. Все дело в вашей одинаковой болезни? Или в чем-то еще?

– Я не могу понять, почему разговор постоянно сворачивает на Долорес?

– Ответь на вопрос. Ты к ней что-то чувствуешь?

Мое лицо к этому моменту было краснее помидора, я это чувствовала. Мне стало так жарко, что я начала утираться грязной, пахнувшей дизелем губкой, которую все это время прижимала к груди.

– Если бы у меня были чувства к кому-то еще, я бы сейчас не стоял здесь, перед тобой, пытаюсь разгрести... все это! – взорвался Вильям.

Я закрыла глаза. Вдруг накатила ужасная усталость. Я потратила все силы на уборку и на осмысление фразы, которую он только что произнес.

– Знаешь, что? – сказала Айви так, словно не верила ни единому слову. – Мне бы хотелось, чтобы ты жертвовал другими людьми ради наших отношений, если оно того требует. А не наоборот: нашими отношениями ради других людей.

– Айви, ты серьезно думаешь, что я мог бы бросить человека истекать кровью? Серьезно?!

– Я истекала кровью тоже. Только ты не видел. Внутри!

Вильям расхохотался и отступил от Айви. Нервный смех сотрясал его плечи. Айви вздернула нос еще выше и заявила:

– Знаешь, Вильям... Или ты рассказываешь всем о болезни Макбрайд и спасаешь меня от репутации полной дуры, или мы расстаемся. У тебя есть время подумать до завтра. А завтра у Дженни будет вечеринка, где будет куча народу и где ты можешь попытаться спасти мою репутацию.

– Ты шутишь, – бросил он.

– Похоже, что я шучу?!

Минуту они смотрели друг на друга почти свирепо. Потом Айви сорвалась с места и ушла, отстукивая каблуками злой и яростный ритм – ритм военного марша.

Война началась.

И он не побежал за ней, как я думала. Остался стоять на месте, глядя вслед. Затем сел в машину, ударил по газам и уехал.

Я выбралась из салона, задыхаясь то ли от духоты, то ли от переполнявших эмоций.

Кажется, спокойная жизнь в универе подошла к концу. Скоро о моей

болезни узнают все. Не пожертвует же Вильям своими отношениями ради моего секрета? Не пожертвует же он ими ради меня?

Нет и нет. В глубине души я знала это.

* * *

Я вымыла машину, протерла кожу сидений мыльным раствором, вычистила до блеска диски и, пошатываясь от усталости, вернулась домой. И вовремя. Мне позвонил Сейдж и сообщил, что видел плакат, на котором горячая красотка обнимает за шею самого фотогеничного на свете пса. И что он, конечно же, в курсе, что это я. И что в курсе не только он, но еще и вся родня. А бабушка требует себе копию плаката, а иначе она снимет с дома оригинал.

Я представила бабушку в альпинистском снаряжении, ползающую по отвесной стене и сдирающую плакат, и рассмеялась сквозь слезы.

– Ты ревешь, – заметил Сейдж в трубку.

– Нет, – соврала я.

– Что на этот раз?

«Я видела собаку, которую сбила машина, и не смогла даже просто находиться с ней рядом. Не говоря о помощи. Я такое ничтожество. И она умерла, пока звезда рекламы размазывала по лицу сопли...»

– Натерла мозоли во время уборки...

– К черту уборку! Чистый дом – признак зря прожитой жизни! – попытался развеселить меня брат, потом громко чмокнул трубку и велел не раскисать.

Но как только мы распрощались, слезы хлынули с новой силой. Я упала на кровать, вжав лицо в подушку, и разревелась громко и горько, как ребенок...

В дверь позвонили, потом еще раз и еще. Я не хотела открывать, но по ту сторону стоял кто-то очень упертый. Вскочив с кровати и распахнув дверь, я понадеялась, что там будет кто-то, на кого можно наорать.

Но нет, там стоял человек, на которого я не смогла бы повысить голос, – не посмела бы...

– Привет. Твоя машина не закрыта, – сказал мне Вильям. – В салоне горит свет.

– Я мыла ее сегодня и, наверное, забыла закрыть. Спасибо, – кивнула я, боясь поднять на него глаза и разреветься с новой силой.

– Что случилось? – спросил он.

«Я в порядке», – хотела ответить я, но в горле стоял болезненный комок. Я отвернулась и попыталась закрыть дверь, умирая от стыда. Но Вильям не позволил. Он шагнул ко мне и прижал к себе.

Я сидела на кровати, поджав ноги, обняв подушку и меланхолично глядя перед собой.

А Вильям варил мне суп!

Я бы скорее поверила, что Эллен Дедженерес свяжет мне носки, чем в то, что Вильям Веланд будет варить мне суп! В десять часов вечера на моей кухне. Болтая со мной и закатав рукава стильного черного пуловера от «Адидас». Спрашивая, нет ли у меня аллергии на какие-нибудь специи и водится ли у меня оливковое масло.

Представить только!

Я рассказала обо всем, что произошло. О работе в ветгоспитале, об Андреа и Фергусе, о том, какой важной и нужной я себя чувствовала, пока... Пока к нам не привезли ту собаку и смерть не рассмеялась мне в лицо: визгливо и страшно. Как она ткнула меня в грудь костлявым пальцем и сказала: «Ты никто. Я буду делать все, что захочу. А ты беги и плачь в подсобку, ничтожество...»

– Я не смогу быть ветеринаром. Самое время признать это, бросить все и уехать в Атлон...

– Ты просто испугалась, – Вильям сел рядом и сунул мне в руки тарелку с чем-то, что выглядело ужасно аппетитно. – Поешь.

– М-м... Уже от одного запаха мне хорошо...

Мой желудок принял пищу с блаженным урчанием.

– Ты умеешь готовить... Вот это да.

– Пришлось научиться, потому что Бекки и кулинария – понятия несовместимые, а на одном фастфуде я не протяну. Так что мы решили, что я готовлю, а она наводит чистоту.

– Вот оно что... Слушай, Вильям, это реально вкусно... я не ела толком последние два дня из-за... всего этого. Не могу есть, когда случается что-нибудь... невыносимое.

И я снова сникла, уткнувшись глазами в тарелку и горестно вздыхая.

– Хочешь мое мнение? Обо всем, что произошло? – спросил он.

– Давай...

– Ты сможешь быть ветеринаром. Ты сможешь оперировать животных, если захочешь. Ты сможешь быть кем угодно, если в этом заключается твоя мечта. Просто нужно время, чтобы психика успела адаптироваться –

созреть для всего этого. Что будет, если ты попробуешь сесть на шпагат без тренировок? Или попробуешь жать от груди штангу в сто килограмм? Ты просто порвешь связки, а штанга тебя раздавит. Но если запастись терпением и работать над собой каждый день, то однажды сможешь все, что угодно. Абсолютно все. Ты когда-нибудь видела умирающую лягушку?

– Умирающую лягушку? – переспросила я.

– Да, умирающую лягушку.

– Нет! – нервно сглотнула я.

– Вот видишь. А ведь врачи начинают именно с лягушек. Сначала препарируешь лягушку на уроках анатомии, обездвигиваешь ее, разрезаешь скальпелем...

– Господи!

– Вот именно, Лори. Все, кто хочет сесть на шпагат, начинают с простой разминки. Все, кто хочет научиться смотреть смерти в лицо и не мочиться в штаны от страха, начинают со смерти лягушки. Прежде чем заглянуть в глаза собачьей смерти, прежде чем сразиться с ней, – нужно научиться смотреть в глаза лягушачьей смерти. Смотреть в глаза и побеждать. Потом за лягушачьей смертью ты победишь мышиную смерть. За мышинной – кроличью. И так далее. Твоя психика будет растягиваться, как растягиваются связки. Пока однажды ты не увидишь умирающего пса и не испугаешься. А не испугавшись, сможешь его спасти.

Все это время, пока Вильям говорил, я не сводила с него глаз. Хотите начистоту? Я не ожидала, что могу услышать от парня, который зарабатывает на жизнь спортом и моделингом, что-то настолько мудрое, что забуду даже про самый вкусный на свете суп.

– Возвращайся в госпиталь. Тебе же нравится быть волонтером. Просто пока не стоит заходить в операционную. Я понимаю, что хочется все и сразу, но всему свое время.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Не за что, – ответил он.

– Нет, есть. Только что мне на секунду показалось, что между мной и ветеринарией еще не все кончено...

Вильям улыбнулся, и от этой улыбки стало совсем хорошо.

– Точно не кончено, – сказал он. – Теперь верни тарелку, и я налью еще.

Я смотрела на его спину, освещенную светильниками, и до сих пор не могла поверить, что он здесь. В моей квартире. Кормит меня и помогает пережить ужасное столкновение с реальностью... в ту минуту, когда он повернулся и спросил, сделать ли чай или кофе, я поняла, что страшно

скучала по нему. Что мне не хватало его присутствия, голоса, тела, на которое я могла бы смотреть, и слов, над которыми я могла бы думать...

– Как твоя поездка в Норвегию?

– Более-менее, – бросил он через плечо. – Правда, лося, которого я мог бы пообнимать, так и не встретил.

Я рассмеялась, укладывая голову на колени и гуляя по его спине взглядом.

– Однако Бекки сообщила, что лося можно найти и здесь, один так точно меня ждет.

– О нет, – простонала я. – Не могу поверить, что она все-таки сказала это тебе... Это была шутка.

– Разве? – заметил он, возвращаясь ко мне с тарелкой.

Я предпочла не отвечать на этот вопрос. Тем более, что у меня было полно своих вопросов...

– Как у тебя дела с Айви?

– Чуть хуже, чем «никак», – ответил он, садясь на другой край кровати и закидывая за голову руки. – Айви сейчас на вечеринке у знакомого фотографа, делает все возможное, чтобы показать, как ей на все плевать и как легко она может найти мне замену. Отличная тактика. Ее подруга весь вечер бомбит Инстаграм фотками с вечеринки, на которых Айви очень весело и кайфово...

Я примолкла, ощущая себя виноватой в том, что между ними произошло.

– Наверно, тебе не стоило увозить меня тогда... У всех на глазах. Я до сих пор испытываю чувство вины.

– Стоило. Еще как стоило, – возразил он. – И я даже не хочу слышать о том, что ты жалеешь, что не отправилась в реанимацию, лишь бы не доставлять кому-то хлопот. Ладно?

– Ладно.

Мы снова встретились глазами, и я едва поборола желание поставить тарелку на пол и забраться к нему на колени... Я скользнула взглядом по его груди, по логотипу «Адидаас», вышитому на пуловере...

– Разве по контракту ты не должен все время носить «Андер Армор»?

– Должен, – ответил он, изучая мое лицо. – Но иногда дико хочется делать то, чего делать нельзя... Знаешь это чувство?

О, я знала его. Оно сопровождало меня всю жизнь. Не проходило и дня, чтобы я не хотела делать то, чего нельзя. Например, прикасаться к другим. Или целоваться. Или...

– Хочешь развеяться? – вдруг спросил Вильям. – Ты очень поддержала

меня после смерти Тео, за мной долг.

Или, например, развеяться где-нибудь с чужим парнем. Вся моя жизнь – одно сплошное желание делать то, чего делать нельзя. И, боюсь, сегодняшняя ночь не станет исключением.

– Соблазнительно, – кивнула я, доедая суп. – Только сегодня я не напиваюсь и не танцую.

– Я как-нибудь это переживу, – ответил он.

Мы набросили куртки и вышли из квартиры. И из дома. А потом сели в «Теслу» и отправились в ночь.

* * *

Вильям остановил машину на парковке у красивого здания, чуть ли не полностью сделанного из синего стекла. В стекле отражались лампы фонарей, стоявших вдоль подъездной дорожки. Сразу за зданием располагалась пристань: на темной воде качалось несколько скоростных яхт. Ночь была на удивление лунной и тихой, что так редко случается в ноябре.

– Где мы? – поинтересовалась я.

– Дайвинг-клуб «Мурена».

– И... Нам сюда можно?

– Тому, у кого есть ключ, можно.

– А он у тебя есть, – закончила за него я.

– А он у меня есть, – подтвердил он, и мы оба рассмеялись.

– Работаешь здесь?

– Работал несколько лет назад.

– А потом тебя уволили, но ключ ты оставил себе? – еще громче захихикала я.

– Мне нравится ход твоих мыслей. Ты всегда предполагаешь что-нибудь этакое, Долорес Иден Макбрайд.

«Надо же, запомнил мое второе имя».

– У меня бурная фантазия... Извини. Продолжай. Значит, ты работал здесь... Кем?

– Инструктором по дайвингу.

– Вау... А потом?

– А потом мне предложили выкупить долю.

– И ты выкупил.

– И я выкупил.

Вильям открыл дверь, и мы вошли внутрь. Он ввел код на панели сигнализации, а затем пропустил меня внутрь. Я вошла. На мраморном полу играли отблески уличных фонарей и неоновых ламп. Темно-синее небо просвечивало сквозь стеклянный потолок, напоминавший идеальную полусферу. Сразу за стеклянными дверями виднелась гладкая водная поверхность бассейна. За другими стеклянными дверями – ресепшн, бар и зал отдыха с белыми диванчиками.

– Вильям, как красиво! И теперь это все твое! И ты можешь приходить сюда, когда захочешь. Плавать... и даже сидеть на стуле ресепшионистки! Или пить бесплатный кофе в баре!

– Сидеть на стуле ресепшионистки? Какая же ты испорченная девчонка.

Я рассмеялась, и смех птиц закружил под полусферой потолка.

– И чем ты планируешь здесь заняться?

– Понырять.

Я никогда не посещала общественные бассейны. Вода в них – это компот из чужих биологических жидкостей, среди которых не только пот и слюна, но и, наверняка, кое-что похуже. Войти в такую воду для меня – все равно что искупаться в кислоте. Поэтому разбирало любопытство, как же вышел из положения Вильям.

– Только не говори, что в бассейне – стерильная вода.

– Нет. Но в подсобке нас ждут сокровища лепреконов. То есть гидрокостюмы.

Ах, вот оно что...

– Нас?! – внезапно дошло до меня.

– Ты же будешь нырять со мной?

– Нет!

– Только не говори, что стул ресепшионистки привлекает тебя больше.

– Вильям, я... я никогда этого не делала.

– Не плавала?

– Плавала, в море. У бабушки в Донегаде. Но не в гидрокостюме! Я даже не знаю, как надеть маску.

– Перед тобой стоит лучший инструктор по дайвингу на всем восточном побережье, а ты...

– Ах, ну да, – нервно рассмеялась я.

– Который обычно дорого берет за персональное погружение. Но только этой ночью у нас стопроцентная скидка. Беспрецедентная акция! – подмигнул мне Вильям. – Аттракцион невиданной щедрости!

– Ну ладно, ладно!

Вильям повел меня в комнату, где хранилось оборудование и гидрокостюмы. Он выбрал для меня подходящий костюм – голубой с серебристыми полосами по бокам – и рассказал, как его надеть.

– Когда закончишь, покажу остальное...

Он вышел, и я разделась, сложив стопкой одежду. Коленки тряслись. Возможно, выбрать напитки в баре было бы куда лучшей затеей. Я нырнула в гидрокостюм, натягивая его как вторую кожу и извиваясь змеей. Потом собрала волосы в хвост и вышла из комнаты на негнущихся ногах.

Вильям стоял у бассейна, уже облаченный в черный, плотно обтягивающий гидрокостюм. Я еще не видела очертания его тела... так явственно. Широкие плечи, рельефные руки, туго обтянутые бедра... Ох, мамочки...

Он услышал шаги и обернулся.

– Ты быстро, – и тут же замолчал, оглядывая меня с ног до головы.

– Только не говори, что я надела его неправильно, – пробормотала я, не сразу поняв выражение его глаз.

А потом вдруг пришло в голову, что он так внимательно смотрит не потому, что я что-то неправильно надела, а потому, что эта чертова штуковина обтягивала не хуже, чем перчатка руку. Причем очень тесная перчатка. На мне можно было пересчитать все впадинки и выпуклости. Особенно выпуклости...

Вильям посмотрел на мою грудь – я правильно угадала траекторию взгляда. Затем прочертил взглядом линию вдоль всего тела, а потом подошел и подтянул язычок молнии на моем костюме. Я вздрогнула, когда его рука случайно коснулась голой кожи на моей шее. Рефлекс, который не оставит меня до конца жизни.

– Не бойся, ничего не случится, – напомнил он.

– Я знаю, – кивнула я. – Просто рефлекс...

Вильям провел короткий инструктаж, рассказывая о баллоне, регуляторе, компенсаторе плавучести, помог надеть все остальное оборудование и облачился в свое. Страх и возбуждение переполняли меня, пока я следовала за ним в зал с бассейном, а потом...

Он бодро прошагал мимо бассейна и распахнул стеклянные двери, ведущие наружу – на большую площадку, ступеньки которой уходили прямо в море.

Мое сердце остановилось.

– Вильям! Мы так не договаривались!

– Скажи правду, ты же не собиралась нырять в чужой слюне и моче? – рассмеялся он.

– Если честно, то собиралась!

– Там не на что смотреть под водой, Лори. Ну совсем. Разве что квадратики плитки считать.

– Меня устраивает!

Вильям подошел и взял за руку, и страх тут же куда-то испарился.

– Там лучше, – с улыбкой сказал он. – Лучше, чем где-либо. И совсем не страшно. Смотри, я включил подводные фонари. В этой лагуне нет течения. Там очень тихо и не очень глубоко. Я называю ее ванночка для младенцев. Идеальное место для интродайва.

– Интродайва?

– Первого раза.

От последних двух слов у меня аж ладони вспотели.

– Идеальное место для первого раза, – повторил Вильям, медленно выговаривая слова.

– Звучит ужасно соблазнительно, – проворчала я. – Я прямо взмокла.

– Это от гидрокостюма ты взмокла, – хохотнул Вильям и потянул меня за руку.

И я подчинилась.

* * *

Вода ночного моря обьяла меня, сомкнулась над головой. И море заговорило со мной: я слышала его дыхание, его голос, шум далеких невидимых волн, разбивающихся о неведомые берега.

Ночной дайвинг считается делом профессионалов, но рядом с *лучшим инструктором на всем восточном побережье* я не испытывала страха. Вильям постоянно был рядом. Совсем близко. Я могла бы вытянуть руку и коснуться его в любой момент...

Он указал на скалистое дно, покрытое колышущимися морскими водорослями, и знаками увлек за собой. Стайка серебряных рыбок пролетела прямо перед нашими глазами, поблескивая в рассеянных лучах подводного света. Камни, облепленные ракушками и разноцветными актиниями, служили домом для детей моря: я увидела ярко-оранжевую морскую звезду, распластавшуюся среди бурых водорослей, и огромного краба-паука, спешащего в укрытие, и даже маленькую – не длинней моей руки – акулу, стремительно исчезающую в колеблющемся полумраке...

Почему никто никогда не говорил, что все это существует так близко? Что целый неведомый мир живет рядом в параллельном измерении, и нас

разделяет всего лишь гладь поверхности воды.

Все вокруг было полно жизни, все танцевало и двигалось вместе с водой. Так вот каково это – быть русалкой, дышать водой, ласкать медуз, презирать гравитацию. Наверное, я могла бы остаться здесь навсегда, если бы сказали, что на земле никто не будет меня оплакивать...

Я сделала в воде медленное неуклюжее сальто, раскинув руки и представляя себя русалочкой Ариэль из любимого диснеевского мультфильма. И наверняка веселя Вильяма до слез. Но ведь я и есть она – девчонка, которая мечтает убежать туда, где она будет свободна и любима...

Вильям тронул меня за плечо, и я обернулась. Прямо перед моей маской проплывала медуза – такая нежная и прозрачная, что была скорее похожа на призрака, чем на реальное существо. За ней тянулся клочок тонких, как волос, жгутиков, которые сокращались и отсвечивали призрачной голубизной.

«Интересно, если бы я коснулась ее без перчаток, она бы обожгла мне руку? И если да, то как бы жгло – так же, как от прикосновения к людям, или как-то иначе?» – думала я, плавая вокруг медузы кругами.

А потом наша подводная прогулка закончилась, и Вильям увлек меня за собой – к поверхности воды, сквозь которую сияла луна-хризантема, распавшаяся на миллион маленьких лепестков.

Мы выбрались на платформу, хлюпая ластами. Меня пошатывало от усталости.

– Ну как? – спросил Вильям, стягивая с лица маску и помогая мне встать на ноги.

– Как будто... слетала на Венеру и обратно.

– Вот и на меня такое чувство обычно накатывает. Чувство освобождения. От всего, что было до или будет после.

Он встал слишком близко. И задержал мою руку в своей ладони после того, как помог выбраться. Или просто мой мозг, пресыщенный кислородом из баллона, начал воображать волшебные вещи...

– У меня кружится голова, – пробормотала я.

– Сильно? – насторожился он.

– Нет, слегка. Даже приятно. Как будто бокал мартини выпила...

– Это из-за азота в воздушной смеси, которой ты дышала. Это не вредно и совсем скоро пройдет. Идем переоденемся...

Мы сняли ласты, и я пошла за ним, едва касаясь пола. Под водой было совсем не холодно в гидрокостюме, но сейчас стало даже жарко. Мышцы приятно ныли, в голове стоял розовый туман.

Вильям оставил меня в раздевалке и вернулся через пятнадцать минут.

– Долорес? – постучал он.

– Да? – ответила я.

– Все нормально?

– Нет.

Вильям заглянул ко мне и обнаружил, что я по-прежнему сижу на скамейке в мокром костюме.

– Головокружение прошло?

– Нет.

Он вошел в раздевалку, изучил мои зрачки, приложил руку к шее и начал отсчитывать пульс. Кровь пела и танцевала в артериях – прямо под его пальцами...

– Вильям? – прошептала я.

– Да?

– Если тронуть ту медузу без перчатки, то будет больно?

– Будет слегка жечь, как царапина. А что, хочешь понежничать с медузой? – улыбнулся он.

– Нет. Я боюсь боли... Когда была меньше, то могла вынести что угодно: шприцы, катетеры, скарификаторы и даже ожоги от прикосновений. Раньше все это не слишком пугало, а сейчас неприятны даже мысли о боли. Я думаю, что мой запас храбрости исчерпан... Она просто закончилась – как пули у солдата, который слишком много стрелял...

Тоска сжала горло. Я сделала неровный вдох и отвела глаза.

– Ну и черт с ней, с этой медузой. Это не самое большое счастье на земле – трогать медуз, – пошутил Вильям, хотя глаза оставались серьезными.

– Ты думаешь, мне грустно из-за медузы?

– Нет? Тогда из-за чего?

– Лучше бы ты не спрашивал...

– Но я все-таки спросил. Так что выкладывай. Ты же не собираешься испортить эту ночь своими недомолвками? – улыбнулся он.

«Конечно, нет, – подумала я. – Лучше давай-ка я испорчу ее своими откровениями...»

– Я тут сидела и думала о горячей воде и воске, и о том, что они могли бы мне дать. О свободе и возможности быть такой, как все... Спасибо за эти сведения, правда... Но, к сожалению, я не настолько бесстрашна, чтобы воспользоваться ими... Боюсь, что никакие уловки не спасут: вода будет недостаточно горячей, или подведет восковой спрей, или секундомер, черт возьми... я не смогу, нет. Мне остается только ждать и надеяться, что для

таких, как я, все же изобретут лекарство и вылечат. И надеюсь, что к тому моменту буду не слишком стара для... прикосновений. Что я все еще буду способна желать другого человека так же сильно, как... хочу сейчас.

Наверно, это было самое спонтанное и нелепое за всю историю человечества признание. Я замолчала, ожидая от Вильяма какой-нибудь реакции, но он просто смотрел на меня и молчал.

– Прости, не знаю, зачем я все это говорю. Это все эта... воздушная смесь... – пошла на попятную я, чувствуя себя полной идиоткой.

Его рука прикоснулась к моей щеке, словно измеряя температуру кожи. Потом к подбородку. Я как замороженная смотрела в его потемневшие глаза: зрачки в полумраке были сильно расширены, отчего глаза казались такими же черными, как вода в лагуне...

– Это очень опасная игра, Долорес, – сказал Вильям наконец. – Говорить другому человеку, что ты хочешь его.

– Это не игра, – едва слышно ответила я. – Игры закончились.

Нас удерживали на расстоянии какие-то сантиметры. И последние крохи рассудка, которых становилось все меньше и меньше, пока не остались только мы – всего лишь люди со всеми своими слабостями и пороками, тараканами и скелетами, ошибками и шрамами...

А потом он наклонился и коснулся губами моих губ. Игры и правда закончились.

Норвежские звери, ирландские пули

Прикосновения, которые мне раньше только снились. Его губы, жаждущие наверстать упущенное. Его язык – голодный, жадный. Его руки, обезумевшие от всего того, что я предлагала ему. Его глаза, наполненные яркими отблесками вспыхнувшего в нем пожара...

И все это предназначалось мне.

И все это я собиралась взять, не испытывая угрызений совести.

И пусть волны разбиваются о берега, пусть где-то существует Айви, которой он принадлежит, пусть триста голосов вопят в голове, что я должна остановиться, – я не останавлиюсь.

Не останавлиюсь.

Я припала к нему в неумелом, но опьяняющем поцелуе – самом лучшем, что у меня когда-либо был. Руки Вильяма заскользили по мне, горячие, исступленные. Слезы потекли по моим щекам – вот что бывает, когда получаешь то, что не надеялся получить. Словно за всю жизнь не слышал ни звука, а потом вдруг услышал музыку. Как будто всю жизнь мерз в снегу, а потом вдруг провалился в термальный источник. Словно всю жизнь был проклят, а потом вдруг стал всеми любим.

Я плакала, я гладила его лицо, я смеялась сквозь слезы. И каждый исторгнутый мною звук, каждое мое движение разрушали цепи, которыми он был скован так давно и так крепко. Он впивался губами в мои губы, в мой подбородок, в мою шею, а когда и этого стало мало – рванул язычок молнии моего гидрокостюма, раскрывая по шву предназначенный ему дар. Так же нетерпеливо дети разрывают оберточную бумагу, чтобы достать игрушку: их пальцы дрожат, глаза устремлены туда, где рвется бумага, и дышат они глубоко-глубоко...

Молния разошлась до упора. Вильям потянул ткань в стороны, обнажая мои плечи, освобождая грудь с отвердевшими от возбуждения сосками. Ему потребовалось время, чтобы извлечь меня из костюма полностью, и все это время я не дышала. А потом он освободил меня – от одежды, от одиночества, от проклятия Стигмалиона – и крылья, которым раньше некуда было расти, раскрылись за моей спиной... Я взялась за его гидрокостюм, и он помог освободить его тоже.

Мне не пришлось волноваться о том, насколько чиста белая кожа диванов и полированное дерево барной стойки. Не пришлось ни к чему

прикасаться ни ягодицами, ни голой спиной. Вильям не позволил рисковать: просто поднял в воздух, удерживая мой вес на своих горячих ладонях и глядя на меня снизу вверх – так смертные смотрят в небо, силясь рассмотреть там божество. Я обвила его руками и ногами, мои волосы упали на его взволнованное лицо.

Мир растворился в его поцелуях.

Не было прошлого, не было будущего, были только мы – разделенные одной лишь кожей. Или наоборот, соединенные ею...

Боже, смотри, как он возносит меня к небесам, снова и снова. Мне немного больно, но боль – это последнее, что может меня сейчас остановить. Я не остановлюсь, я не устану, я не сойду с ритма, ведь еще чуть-чуть – и я смогу коснуться головой корней деревьев, что растут в Эдеме! Я смогу дотянуться до облака, сразу за которым – рай.

Еще никогда я не забиралась так высоко, что переставала видеть землю. Еще никогда я не забывала о том, что земля вообще есть...

* * *

Вильям вел машину по залитой лунной дороге. Я полулежала рядом на пассажирском, изучая его красивый профиль. Его правая рука лежала на руле, а левая гладила мое колено. Мне хотелось остановить время. Взять эти драгоценные минуты, эту темноту, эту надрывную, тихую песню, что звучала из динамиков – и спрятать все это внутри. Носить в себе это маленькое счастье, эту восхитительную тайну. Помнить эту ночь, когда все обрело смысл.

– Что будет дальше? – спросила я, охрипнув от страха, блаженства и эйфории.

– Что ты хочешь, чтобы было дальше? – ответил он.

– Хочу делать это снова и снова, каждую ночь. Каждое утро. Или даже чаще. И чтобы никто не мешал, – с детской бескомпромиссностью заявила я.

– Значит, ты будешь делать это, Долорес Иден Макбрайд, – сказал он, улыбаясь и прижимая мою руку к губам. – Каждое утро и каждую ночь.

– С тобой? – настороженно спросила я, ожидая подвоха. Все так сюрреалистично. Не может быть правдой.

– С кем же еще? – рассмеялся он.

– И я не хочу ни с кем тебя делить. – Мне вдруг показалось, что в эту минуту я могу покапризничать, что могу попросить все что угодно и мне

это немедленно подарят!

– Ты не будешь, – ответил Вильям.

Тишина наполнила салон, блаженство наполнило мои вены, как сильнейший в мире наркотик. Слишком большая доза: захотелось высунуть голову в окно и кричать!

– Обещай мне!

– Обещаю, – ответил он, наслаждаясь моим безудержным восторгом: его глаза сияли, как звезды, и улыбка не сходила с губ. – Лори, только дай мне немного времени, чтобы как-то объяснить все это Айви.

– Хорошо, – кивнула я.

Я готова ждать столько, сколько нужно. Время не столь большая цена за столь желанный дар.

Потом мы целовались в машине на парковке, погасив огни. Мы касались друг друга и наслаждались тем, чего никогда не могли себе позволить. Два бедняка, обезумевшие от голода и нищеты и внезапно выигравшие целое состояние, – это были мы. Два ребенка, на чьей улице перевернулся грузовик с леденцами, – это были мы. Две птицы, сумевшие выбраться из железной клетки и взмыть под небеса, – это были мы...

– Все, теперь беги спать, – сказал мне Вильям на прощание, проводив до дверей. – Думаю, Бекки этим вечером снова сбежит к бойфренду, придешь ко мне?

– Только если ты скажешь что-нибудь по-норвежски.

– Нет, это прозвучит слишком сексуально, а у тебя и так выдержки кот наплакал, – расхохотался он.

– Пожалуйста!

– Du gjør meg gal^[13].

– Ох... Еще!

– Du er alt jeg vil ha^[14].

– О господи, я сейчас снова кончу...

Вильям рассмеялся и прижал меня к двери.

– Ну тогда jeg vil at du skal være min^[15]. И надеюсь, тебе было хорошо.

– И чего ты мне тут наговорил?

– Что Клара у Карла украла кораллы.

– Так я и поверила!

Вильям прижал меня к стене, покрывая мое лицо поцелуями. Я уже знала, что не буду умыться весь грядущий день. Мне не хотелось смывать с себя его нежность.

*Ирландские зори,
Норвежские крылья,
Вильям и Лори,
Лори и Вильям*

Эйфория, ярче которой только сверхновые звезды. Счастье, крупней которого только планеты. Блаженство, сильнее которого только тропический шторм. И все это внутри меня. Как мало нужно, чтобы вдруг столкнулись планеты и нарушились созвездия: всего один человек.

*Норвежские волки,
Ирландские лисы.
Знал бы ты только,
Как часто мне снишься.*

Я лежала в кровати и чувствовала себя особенной частью мироздания. Частицей, которая перестала быть частью хаоса и стала частью гармонии, частью высшего порядка.

Мое тело, которое было обречено умереть нетронутым, которое не знало ничего более порочного, чем трение белья, вдруг познало себя в новом перевоплощении. Кожа словно стала мягче, грудь – больше, губы – розовее: все изменилось, все обрело смысл. Я обрела смысл!

*Норвежские пальцы,
Ирландские губы,
Твое имя вписали
Во все мои судьбы.
Оно там курсивом
На всех разворотах.
Норвежские зимы
В ирландских широтах.*

Только бы счастье не свело меня с ума, только бы я перестала писать стихи и слать их ему в эсэмэсках, только бы он не понял, как глубоко я

увязла всего за одну ночь.

* * *

«Окей, френды. Сегодня у меня для вас немного стихов:

*«Принцесса сбежала из Стигмалиона,
Бросив сокровища, трон и корону.
Рыцарь увез ее в сумрак багряный,
В свой плащ завернул, целовал ее раны,
О, больше не будет ни боли, ни шрамов!»*

Комментарии (345):

«Господи Боже!»
«Давай, девочка, мы верим в тебя!»
«Ты нашла лекарство или совместимого человека?»
«Лори, он совместим с тобой как Сейдж?! Мишель»
«Похоже, и то, и другое в одном флаконе:))»
«Мамочки, я так за тебя рада!»
«Вот видишь, нужно просто верить и ждать!»
«Надеюсь, вы предохраняетесь! Крейг» [огромный подмигивающий смайл]

* * *

Утром Вильям уехал раньше меня. В университете я не встретила ни его, ни Айви. На обеде их не было за столом. Были Ричи, Адам и подруги Айви.

Как бы я хотела, чтобы он пришел в кафе, сел один в стороне и посылал мне заговорщицкие улыбки из дальнего угла через весь зал. И они бы летели ко мне, как бабочки, и оседали на лице. А еще лучше – подошел бы ко мне и поцеловал у всех на глазах.

Но он так и не явился.

Мы договорились, что он позвонит, как только объяснится с Айви, но он не выходил на связь весь день. Вечером я все-таки набрала его номер, но он не взял трубку. Тогда я поднялась на этаж выше и разбила костяшки

пальцев о дверь его квартиры, но мне так никто и не открыл.

Преисполненная предчувствия надвигающейся катастрофы, я вернулась к себе и позвонила Вибекке.

– Бекс, я бы хотела увидеть твоего брата, ты не знаешь, где его найти? – прямо спросила я, слыша стук собственного сердца громче, чем свой голос.

– Лори, привет, – пробормотала она. – Да, я знаю, где он... Но вряд ли сейчас подходящее время... Тут такое...

– Что случилось?

– Ты не слышала ничего такого в универе?

– Н-нет... Бекки! Говори!

– Айви изнасиловали прошлой ночью на какой-то вечеринке, где она была без Вильяма. И очень жестоко избили. Она в госпитале Святого Винсента. Он там же...

Я зажала рот ладонью, чувствуя, как земля резко уходит из-под ног, а я продолжаю беспомощно болтаться в пространстве, словно подвешенная на ниточках.

– Насколько все плохо?

– Очень плохо. Я была там сегодня тоже. На ней места живого нет...

– Боже... а как он?

– В шоке и ярости. Думаю, будет там ночевать...

Теперь это уже не предчувствие надвигающейся катастрофы, а сама она: грозовое небо, бегущие по нему белые вены молний, дрожащая земля, пепел, запах озона и гари.

Я еще раз набрала Вильяма – автоответчик. Набрала снова, и снова, и снова... Потом позвонила в госпиталь и спросила, можно ли мне провести друга прямо сейчас. Услужливый голос на том конце сказал, что приемные часы с двух до девяти. У меня оставалось полчаса времени, чтобы успеть добраться до госпиталя.

Я увидела Вильяма у дверей ее палаты. Он не присел на скамью, а бродил перед дверью, не находя себе места. Я наконец нашла его, но катастрофа уже произошла: пепла насыпало по колено, а запах гари стал просто удушающим. Вильям смотрел в пол и заметил меня только тогда, когда я подошла к нему и молча обняла. Он обнял меня в ответ, но его руки не задержались на моем теле, не нырнули в волосы, и – самое страшное – он не поцеловал меня...

– Лори... я должен был позвонить, но, боюсь, потерял счет времени, – сказал он таким голосом, словно не говорил сто лет и теперь отчаянно пытался вспомнить, как это делается.

– Ничего не объясняй. Как она?

Вильям не смог ничего ответить. Его просто трясло. То ли от недосыпа, то ли от ярости, то ли от боли. То ли от всего сразу. Я положила руки ему на плечи и с мольбой заглянула в глаза:

– Вильям, скажи только одно: ведь ты не жалеешь о том, что случилось вчера? Ведь не жалеешь?

Его глаза говорили, что не жалеет. Не может жалеть. Что это просто невозможно, чтобы он жалел! Но вслух он ничего не сказал. И это молчание подбило меня, как дробь сбивает на стремительном лету дикую птицу.

– Что ж, тогда прости, что... отвлекла тебя вчера от безумно важных дел и не менее важных отношений, – саркастически улыбнулась я, роняя руки и отступая от него.

– Лори, не сейчас... Дай мне немного времени, чтобы прийти в себя. Я совру, если скажу, что жалею обо всем, что между нами произошло, но не могу отделаться от мысли, что мог все это предотвратить. Я не должен был ссориться с ней вчера. И не должен был отпускать. И тогда этого бы не случилось...

– И ничего, что тогда бы мы не обрели друг друга? – зло усмехнулась я.

– Долорес, она чуть не умерла! Чуть не умерла, пока я...

– Пока ты... Продолжай! – сказала я, уже не в силах сдерживать все то, что накопилось во мне за эти долбаные сутки.

– Пока я был не там, где должен был быть.

– Вот как... и где же ты должен был быть?

– Долорес...

– Вильям?

Он ничего не сказал, только прикрыл глаза, как будто испытывал жутчайшую головную боль.

– Позволь закончить за тебя: я должен был стеречь свою девушку, а не трахать другую, – горько рассмеялась я. – Давай называть вещи своими именами!

– Ты уверена, что сейчас подходящее время для всего этого? Ты видела ее? Давай зайдем в палату, и ты посмотришь. Ее сейчас просто невозможно узнать...

Вильям говорил глухо и хрипло, задыхаясь от переполнявшего гнева, но я не чувствовала ничего. Меня словно окунули в цемент, а потом – в раскошенное стекло. И я застыла и теперь была камнем – не человеком.

– Нет, я не видела ее и не понимаю, почему должна смотреть! – выкрикнула я. – Вчера ночью я стала твоей девушкой! А она перестала ею быть! А значит, в том, что ты был со мной, не было никакой ошибки! Ошибка – брать на себя ответственность за то, в чем ты не виноват!

– Я виноват, Лори. Ты не знаешь ее...

– Нет! Виноват тот, кто напал на нее! И только он! А ты... а ты собираешься принести нас в жертву своему чувству вины. Прошу тебя, не делай этого!

– Ты предлагаешь пойти сейчас к ней и сказать, что я ее бросаю?

– Нет, я хочу, чтобы ты сказал мне, что не бросаешь меня!

Он отвернулся и запустил пальцы в волосы. Я видела капли пота, проступившие на рубашке вдоль его позвоночника.

– Я не могу, Лори! – наконец ответил он. – Не могу продолжать развлекаться с тобой, когда ей половину костей переломали...

– Развлекаться, значит...

Вильям поднял глаза, и хаос, царящий в них, перепугал меня насмерть. Он страдал, ему было больно за Айви. Он безумствовал у дверей ее палаты, как дикий зверь безумствовал бы над телом раненой подруги. Он был в ярости, что кто-то посмел притронуться к ней. Он любил ее. А я всего лишь была той, чей пушистый хвост случайно пролетел у него перед мордой в момент слабости. И ярость затопила меня...

Я отошла от него, попятилась, пока не ткнулась лопатками в стену.

– Если бы рядом сейчас была моя собака, Вильям, я бы спустила ее на тебя снова.

Его взгляд ожесточился. О, теперь это был совсем не тот человек,

который вчера целовал меня, как помешанный. Теперь это был тот, кто не так давно орал на меня в лифте и требовал оставить его в покое.

– Тебе лучше уйти, – холодно сказал он.

– А не то что?

– А не то мы наговорим друг другу такого, что уже нельзя будет взять обратно.

– Например, что?! Что я ненавижу тебя?! Или что мне нравится видеть, как ты страдаешь?! Хоть какое-то утешение!

Я взбесилась, я была готова броситься на него и убить за то, что он сделал со мной. За то, как легко он забыл обо мне, стоило Айви попасть в беду.

– Уходи, пока я не попросил вывести тебя отсюда.

– Жаль, что прибежал сосед и не дал мне закончить начатое! Я бы закончила! Зря ты простил меня!

Вильям налетел на меня и прижал к стене, впившись руками в плечи так, что завтра на них появятся синяки.

– А что, если я не прощал? – хрипло проговорил он. – Что, если я соврал, только бы больше не видеть твои полные скорби щенячьи глаза?!

– Надеюсь, что так! Лучше уж влюбиться в злопамятного отморозка, чем в мягкотелого, всепрощающего идиота!

– Беги, – процедил он и оттолкнул меня. – Беги, пока я держу себя в руках...

И я развернулась и побежала. Спотыкаясь, петляя коридорами и унося в себе обезумевшее от боли чудовище, ревущее и скрежещущее зубами. То самое, которое спустило на Вильяма собаку. То самое, которое выросло в заточении и не выносило присутствия других людей. То самое, которое боялось, ревновало и ненавидело. То самое, которое, я была уверена, навсегда покинуло меня.

*Норвежские звери,
Ирландские пули.
Я больше не верю,
Меня обманули...*

* * *

Не страшно, если ты одна. Не страшно, если тебе больно. Не страшно,

если тебя бросили.

Страшно, когда ты не можешь уснуть. Сутки. Вторые. Третьи...

Отключаешься на пару часов, а потом двадцать без сна. Я не выходила из квартиры и почти не вставала с кровати. Я просто лежала и смотрела на узкую полоску неба, которая виднелась между сдвинутыми шторами.

Семь дней подряд.

Провода, которыми я была подключена к мирозданию, перегорели – как тогда, когда я потеряла Хэйзел – и энергия покинула меня. Я разрядилась. Остаточного электричества хватало только на сердцебиение и спутанные, нитевидные мысли – такие же тонкие, как щупальца у медуз.

Университет, друзья, родители, мир за окном – все перестало существовать. Все словно осталось в каком-то другом волшебном измерении, в котором обитала любовь, надежда и другие фантастические животные...

Иногда звонил Сейдж, я говорила с ним. «Не могу застать тебя дома», – жаловался он. «Ну извини, активная студенческая жизнь», – врала я, едва шевелясь от слабости и с трудом удерживая в руке телефон.

Иногда звонили подруги и спрашивали, почему я не появляюсь в университете. «Болею», – отвечала я. «Тебя проведать?» – спрашивали они. «Нет, я уехала к родителям», – извинялась я.

Иногда звонила Бекки и интересовалась, где я пропадаю. И ей я тоже врала, что занята, что в гостях у подруг, что уехала домой на пару дней...

Пока ложь не вскрылась.

Я пришла в себя от стука в дверь и долго не могла понять, кто я, где я и что за грохот слышу. Потом стук стих, и начал звонить мой телефон. Потом он перестал звонить, и стук возобновился: очевидно, стучавший сумел расслышать рингтон внутри квартиры, и решил, что продолжать выламывать дверь – верная тактика.

Я поднялась с постели, с трудом переставляя ноги, и открыла. На пороге стояли Бекки и Сейдж. Взъерошенные, бледные, испуганные.

– Где ты была?! – закричала Бекки.

– Мы ищем тебя! – добавил Сейдж.

А потом они вдвоем смолкли. Очевидно, зрелище было не ахти.

– Что стряслось?! Лори! – они вдвоем обступили меня и стали чуть ли не трясти.

– Грипп, – одними губами сказала я. – Ужасный грипп.

– Где ты была все это время?

– Здесь.

Сейдж и Бекки ошеломленно переглянулись. Брат уложил меня в

постель, Бекки побежала за водой, градусником и прочими ненужными вещами.

– Как там Айви и Вильям? – спросила я.

– Куда лучше, чем ты! – закричала Бекки, поднося к моим губам стакан. – Лори, ты должна была позвонить! Ты знаешь, что от гриппа, случается, умирают?! Пей!

– Долорес. – Сейдж положил мне руку на лоб и пристально посмотрел в глаза. – Ты в самом деле больна? Или...

– Сейдж, я должна выбраться отсюда. Прямо сейчас. Я хочу домой. – Голос дрогнул и порвался, как струна. – Домой в Атлон. Навсегда.

– Хорошо, хорошо, я отвезу. – Он обнял меня и прижал к себе. Горячие руки заскользили по моим торчащим лопаткам. – Помочь тебе одеться?

Бекки принесла одежду. Я позволила Сейджу стащить с меня пижаму, как с маленького ребенка. Потом он взял рубашку из рук Бекки, повернулся ко мне и... они оба замерли, глядя на меня во все глаза.

– Что это? – тихо спросил Сейдж, касаясь моей шеи. Потом ключицы. Потом глазами указывая на мою грудь, видневшуюся в вырезе майки. – Лори, что это?!

Я опустила глаза, не понимая, о чем он.

На моей груди стоял небольшой темно-фиолетовый синяк, уже начавший желтеть и заживать. Такой же был чуть повыше, у ключицы, а шея... а шея, наверно, покрыта ими вся.

И все всё поняли.

– Что он сделал с тобой?

– Кто? – пробормотала я.

– Очевидно, это был *совместимый* с тобой человек, иначе бы там были волдыри и ожоги, а не засосы! И еще более очевидно, что это был не я! А значит, я убью эту тварь с верхнего этажа! – И Сейдж рванул к двери.

– Сейдж, нет! – крикнула я. – Сейдж! Он не сделал ничего такого, о чем бы я сама не попросила!

– Ублюдок! А одной девушки ему мало?

– Все делают ошибки, Сейдж! Сейдж!

– С каких это пор ты так спокойно называешь себя ошибкой, Долорес? – Он рванул дверь и вылетел на площадку.

– Бекки, останови его!

Она побежала за ним. Я, спотыкаясь и шатаясь, пошла следом. С верхнего этажа слышались глухие удары по дереву, стук распахнувшейся двери, злые голоса, крики Бекки. Я пошла следом, едва превозмогая ужасное головокружение.

– Что ты сделал с ней, мразь?!

Еще три ступеньки...

– С кем? – ответил голос, от которого судорогой свело все мышцы на лице.

Еще одна...

Сейдж рвался в квартиру, на пороге которой стоял Вильям. Между ними стояла Бекки, положив одну руку на грудь Вильяма, другую – на грудь Сейджа.

– С моей сестрой, твою мать! Или память коротка?!

– Сейдж, – позвала я брата, и все трое обернулись. – Сейдж... Не нужно...

Я не хотела смотреть на Вильяма, но глаза не стали мне подчиняться: они ринулись к нему, заскользили по его лицу, груди, блуждая, рисуя на нем невидимые узоры и линии... а Вильям смотрел на меня, и от этого взгляда внутри сломалось все то последнее, что прежде, казалось, уцелело.

– Какого хрена ты полез к ней?! – бушевал Сейдж. Хорошо, что между ними стояла Бекки, а не парень. Парня бы он не пощадил...

– Поговори со мной, как мужик с мужиком! Что ты прикрываешься сестрой?

– Поговорим обязательно, только не сегодня, – процедил сквозь зубы Вильям.

– А почему не сегодня? Не хочешь испортить личико для очередной фотосессии?

Вильям не ответил. Казалось, даже вопроса не услышал. Он словно не мог прервать зрительный контакт со мной, который соединил нас как невидимая нить. Зато Сейдж будто взбесился, он из ботинок выпрыгивал, я зажмурилась, когда он сжал пальцы в кулак и занес руку...

– Что здесь происходит?

И все обернулись на слабый, как дуновение ветра, голос. Все до единого.

За спиной Вильяма в полумраке коридора стояла та, что забрала его у меня. И ей для этого не пришлось прибегнуть ни к оружию, ни к хитрости. Я всмотрелась в скрытое тенью лицо. Оно было все в темных пятнах заживающих гематом. Спинку носа прикрывал большой пластырь. Она была тонкой и надломленной, как срезанный цветок. И опиралась на костыль.

Я вцепилась в перила, стараясь не потерять равновесия. Жалость, стыд за все то, что я говорила у дверей ее палаты, и острая боль в сердце выбили твердь из-под ног...

Я не сразу поняла, что падаю. Опрокидываюсь навзничь. А за спиной – только воздух и уходящий по диагонали вниз ряд ступенек.

«Отец говорил мне, мы получаем то, что заслужили, – зазвучала в моей голове песня, которую мы слушали в машине Вильяма по дороге домой из дайвинг-клуба. – Ты позволила себе быть беспечной, а теперь пришло время платить по счетам. Все ниже и ниже – вот куда мы пойдём. Но прежде, чем ты упадёшь, осмелишься ли ты заглянуть им в глаза? Ведь они загонят тебя во тьму, они будут травить, пока не упадёшь, они выжгут тебя до самого нутра, пока ты больше не сможешь ползти... Все ниже и ниже – вот куда мы пойдём...»^[16]

Ступеньки врезались в спину, выбивая позвонки из хребта.

Но больше никому было остановить мое падение.

Вильям

Мне нужно было имя.

Только одно имя.

Но Айви не приходила в сознание и не могла назвать его.

Я сидел у ее кровати, со страхом ожидая окончания приемного времени. Смотрел, как вспыхивают золотом зигзаги пульса на мониторе. Считал гематомы – он ответит за каждую. Он уже не жилец.

Потом врач с бейджиком «Д-р Терри Тертл» положил мне руку на плечо и сказал: «Приходи завтра, дружище. Ты ее парень? Вильям? О'кей. Я поставлю ее на ноги, Вильям, вот увидишь. Приходи завтра».

И я ушел. Я не стал бунтовать. Нужно было копить силы. Когда она назовет имя – они понадобятся мне все до единой.

Айви всегда была бесшабашна и импульсивна. Бог напортачил и вшил в нее дерзость вместо инстинкта самосохранения. Я помню, как впервые встретил ее в баре: она не стояла на ногах и двух слов связать не могла. Какой-то тип, изображающий из себя ее парня, пытался увести ее оттуда. Но ведь у роскошной девушки с сумочкой от «Coach» и брелоком-ключом от «Мерседеса» не может быть бойфренда с гнилыми зубами и выговором гопника?

Я спросил, знает ли она его. И она сказала, что знает. Но только полчаса. И тогда я вывел ее из этого бара и решил отвезти к нам с Бекки. Она отключилась в машине, и я не мог привести ее в чувство. Пришлось менять маршрут и мчать с ней в госпиталь, где выяснилось, что если бы за нее оперативно не взялись врачи, то она, скорей всего, не очнулась бы. То, что ей подсыпали в стакан, вызвало сильную легочную недостаточность.

Это был первый раз.

Потом был второй, когда нас подрезали на скоростной трассе, и она въехала боком в бетонное ограждение. Я успел потушить пожар и вытащить ее, пока она просто сидела и смотрела в паутину трещин на лобовом стекле не в состоянии пошевелиться от шока.

Потом третий, когда она съехала с лыжной трассы, катаясь на сноуборде, и мне пришлось искать ее в снегу, пока спасатели убеждали, что там, где я ищу, ее быть не может. «Еще как может, вы не знаете Айви», – сказал тогда я и был прав: ее нашли далеко от трассы с сотрясением и сломанной ногой.

Я как чувствовал вчера, что не стоит отпускать ее в этот раз. Объясниться, заново попробовать разгрести весь тот бардак, что навалился на нас за последнее время. Но вместо этого ноги понесли меня к Долорес, и... вот мы здесь. Посреди бардака, который уже не разгребет никто.

Едва переставляя ноги, я вышел из палаты Айви, прикрыл за собой дверь и обжегся о взгляд. Взгляд обезумевших от страха и боли глаз. Долорес только что появилась в коридоре, ступая бесшумно, как призрак, – бледная-бледная, тревожная, заплаканная.

Моя Долорес. Моя всего на одну ночь, но что это была за ночь. Только ради одной такой ночи стоит жить. И даже умереть... Долорес, подарившая мне себя так легко, так щедро, так смело. А ведь это все, что у нее было.

Она еще не знала, что Тот-Кто-Наверху уже столкнул нас с обрыва. Что земля уже ушла из-под наших ног, и все, что сейчас происходит – это всего лишь замедленное падение. Она еще не знала, что я не смогу оставить Айви ни сегодня, ни завтра, ни в обозримом будущем. А я не знал, как сказать ей об этом. Я лжал. Говорил какую-то чушь. Складывал слова в предложения, но не мог отделаться от мысли, что их смысл неверный...

– Скажи только одно: ведь ты не жалеешь о том, что случилось вчера? – прошептала Долорес, ее глаза были полны слез. – Ведь не жалеешь?

Жалел ли я? Разве калека может жалеть о том, что ему подарили пару ног или даже крыльев? Разве птица, всю жизнь просидевшая в клетке, может пожалеть о том, что смогла взлететь к небесам? Я не жалел. Но признаться в этом и тут же отказаться от нее – было бы слишком жестоко, слишком... расчетливо?

Я не смог ничего сказать, и Лори взорвалась. Предохранители сгорели, и она превратилась в ошестинившегося зверька – того самого, которого я однажды уже видел и с которым не смог совладать. Она начала бросать слова, которые летели и застревали во мне, как пули. Я должен был остановить ее, должен был успокоить, пообещать, что...

Пообещать *что*?

Что вернусь к ней, когда другая перестанет во мне нуждаться? Когда другая решит, что может стоять и ходить самостоятельно? Когда ее тело, лицо, душа заживут, и она сможет найти кого-то взамен? Да Лори рассмеется мне в лицо...

Я должен был просто заткнуться и обнять ее. Ничего не говорить, ничего не объяснять, мои руки сказали бы ей достаточно. Объятия пообещали бы ей больше, чем слова... Но Долорес уже не хотела слушать. Не могла. Она убрала с мокрого лба волосы и улыбнулась – насмешливо,

холодно, зло.

– Сейчас я бы снова спустила на тебя собаку. Я бы закончила начатое. Зря ты простил меня...

Есть вещи, способные разъярить меня до полной потери контроля: в их числе угрозы и люди, которые бросают их. После того самого случая в доме Макбрайдов я так и не научился справляться с этим и, боюсь, уже не смогу. Это что-то, что существует отдельно от меня и не поддается никакому контролю.

Я налетел на нее и прижал к стене. Она снова была той самой девчонкой, которая сделала меня калекой. Которая сидела на мне и лупила кулаками, пока ее псина по живому отрывала от меня куски. Это была снова она, ее безумные глаза и маленький злобный рот. Это были ее руки, ее голос, это была она сама!

Меня не стало, и Лори не стало тоже. Она уже не помнила, как смеялась и плакала, когда мы занимались любовью. Я позабыл, как отрекся от всего, что могло помешать мне быть с ней. Боль и ненависть, ненависть и боль – вот все, что осталось.

– Беги, пока я держу себя в руках, – сказал я.

И она побежала. Не оглядываясь. Исчезла за поворотом коридора. Ушла туда, откуда я больше не смогу ее вернуть.

* * *

Айви назвала мне имя.

Тревор Фьюри. Проклятый фотографишка.

Она хотела, чтобы я передал это имя полиции, пока ее снова не накачали снотворным и обезболивающим.

Полиция... Надеюсь, она не расстроится, если я найду его чуточку раньше?

У Айви когда-то были дела с этим Фьюри. Какой-то общий фотопроект, за который она взялась в надежде вывести карьеру на новый уровень. Оки-доки. Совместная работа над масштабным фотосетом для престижного журнала, он курирует ее, постоянно звонит ей, не дает ей покоя.

Я не хотел мешать ее карьере, но этот сраный сукин сын просто затрахал ее. В переносном смысле. Хотя когда я видел, как он смотрит на нее, не было сомнений, что он не прочь затрахать ее буквально.

Сутулый, длиннорукий, гладко выбритый, неопределенного возраста –

ему могло быть тридцать, а то и все пятьдесят. С вытатуированными буквами R, A, G, E^[17] на фалангах пальцев правой руки, которые он демонстрировал всем, когда поднимал камеру. У него была дурная репутация, репутация хищника, который сходит с ума от одного запаха молодого тела. Но за талант все были готовы закрыть на это глаза. За талант прощают многое. Не так ли?

Он терся вокруг нее, пока я не дал ему понять: если еще раз позвонит ей в полночь, то будет выковыривать болтики от Никона из своей задницы.

Какой облом. Оказывается, у Айви есть бойфренд, и он умеет говорить! А то и угрожать. Какой-то норвежец, шесть футов и два дюйма^[18] в высоту, потерявший (не иначе как в драке?) два пальца и весь покрытый шрамами.

Фьюри отступил, но не забыл. Набился ей в друзья. Приглашал на свои богемные вечеринки с наркотой и развратными развлечениями. Айви тоже занесло туда по глупости пару раз, но она быстро поняла, что одной туда ходить не стоит. Да и вообще ходить не стоит.

Я наконец начал видеть в ней зачатки осторожности, осмотрительности, она начала прислушиваться ко мне... Пока на пороге университета не появилась Долорес Макбрайд, и между ними не началась холодная война. Постоянные приступы ревности, ссоры, мое недоумение по поводу того, чем же эта первокурсница ей так насолила и за что ее нужно так жестко травить. Дальше хуже: злополучная сцена на крыльце и я, увозящий Долорес в неизвестном направлении и бросивший Айви одну на глазах всего университета...

А потом между мной и Айви словно треснула земля, и любое событие только увеличивало эту трещину, эту бездонную пропасть. Смерть Тео, моя депрессия, спонтанная поездка в Норвегию, сорванная фотосъемка, на которую Айви возлагала большие надежды, грандиозная ссора после моего приезда – и наконец Долорес, к которой меня начало тянуть как магнитом. Боже, стоило подумать о ней – и я оказывался у дверей ее квартиры. Стоило закрыть глаза – и память тут же рисовала ее лицо, губы, красивее которых я никогда не видел, крохотные веснушки на носу...

С Айви творилось все то же самое: разочарование, растерянность, злость. Она либо избегала меня, либо устраивала скандал за скандалом. Не пропускала ни одной пьянки, хвастаясь в Инстаграме новыми друзьями и новыми алкогольными рекордами. И наконец – смертельный номер без страховки – отправилась на вечеринку Фьюри, который устроил ее как нельзя кстати. Сукин сын.

Фьюри никогда не боялся, что его могут в чем-то уличить. Первое правило хищника – научиться манипулировать сознанием. Выглядеть беззащитно, или даже забавно, жалеть и изображать влюбленность, корчить из себя друга, подставлять плечо. А когда жертва потеряет бдительность, можно хватать, рвать, обглаживать до костей. Что он и сделал. Предварительно нанюхавшись кокаина. А когда Айви сказала, что не хочет его руки под своей юбкой и его слюней на своем лице, и попыталась уйти, Фьюри обезумел. Айви ударила его, врезала по яйцам и бросилась бежать. Фьюри догнал ее и начал душить, чтобы сделать поговорчивей.

Это все происходило на втором этаже его особняка, пока на первом грохотала музыка, а из фонтанов тек «Абсолют». Никто ничего не слышал, никто ничего не знал...

Потом хищник закончил свое дело, обтер руки от крови, напялил маску друга и сказал, что любит, что приревновал, что вознесет на вершину успеха, сделает из нее звезду – но с одним условием: она должна молчать. И простить его. И позвонить бойфренду и сказать, что на нее напали незнакомцы в переулке. А иначе он не даст ей уйти. Мразь.

Айви тут же согласилась (в кои-то веки дефектный инстинкт самосохранения сработал), изобразила понятливость и покорность, и Фьюри отвез ее домой. Но как только она попала в квартиру, то сразу заперлась на все обороты и вызвала скорую. Она рассказала, что ее изнасиловали, но боялась мести Фьюри и никому не назвала имя.

А еще Айви всю ночь звонила мне.

Звонила, пока я был с Долорес, пока я терял голову рядом с ней, пока я думал о том, как бы разорвать изжившие себя отношения и начать строить новые.

Я узнал о том, что случилось с Айви, только под утро, когда захотел написать Лори СМС.

Множество неотвеченных от Айви.

И множество сообщений от Лори.

*«Норвежские пальцы,
Ирландские губы.
Твое имя вписали
Во все мои судьбы...»*

Вещи, которые могут подсечь меня и сделать больно, можно пересчитать по пальцам. Теперь стихи Долорес будут в этом списке.

Фьюри я разыскал быстро. Подонок даже не пытался скрыться. Сидел в своем доме, пил «Асти» и ждал Гарду^[19], чтобы рассказать ей, что ничего не знает о том, куда и во сколько ушла двадцатитрехлетняя Айви Эванс прошлой ночью с его вечеринки. Он уважаемый фотохудожник, серьезный человек, он, конечно же, ничего не знает. И даже не слишком помнит, кто такая Айви Эванс.

Ага. До первого удара в зубы. Ровные фарфоровые зубы, из которых я потом сделаю бусы для Айви.

Мне понадобилось примерно три минуты, чтобы напомнить ему, кто такая Айви Эванс и что он с ней сделал. Потом еще минут пять, чтобы пожалел о том, что сделал. И еще пять, чтобы пожалел, что родился...

Руки жгло. Перчатки порвались, пока я придавал лицу Фьюри новую форму, и его кровь въелась в костяшки моих пальцев. Я вел машину домой, а на тыльных сторонах ладоней выступали волдыри. Впервые в жизни боль доставляла мне почти радость.

Неделю спустя мне позволили забрать Айви домой. Фьюри разрушил ее, превратил в испуганную, затравленную тень, но она оживала в моих объятиях. Пару раз ее слезы насквозь промачивали мои футболки, я приезжал домой и накладывал повязки на свежие ожоги. Было больно. Как обычно. И затягивалось медленно и печально.

Но гораздо хуже заживало сердце, на котором, как оказалось, тоже появился сильный ожог. Долорес с тех пор ни разу не написала и не позвонила. И почему-то это сводило с ума. Ни просьб, ни проклятий, ни попыток снова поговорить – ничего. Я бил себя по пальцам, прекрасно понимая, что звонки ничем ей не помогут. Только сделают хуже.

– Ты видишься с Долорес? – спросил я у Бекки, когда неизвестность окончательно вымотала меня.

– Нет, она постоянно занята...

– Но вы созваниваетесь? Как она?

– Созваниваемся. Да вроде, в порядке. А что? – нахмурилась Бекки. – У тебя к ней какое-то дело?

– Не то чтобы дело... Когда ты видела ее в последний раз?

– Примерно неделю назад, – ответила она, все еще ничего не понимая.
– Когда? – Руки похолодели. Я прикинул в уме даты. Бекки тоже не видела Лори после того, как мы с ней разругались. – Дай телефон...

Бекки вручила мне айфон, и я начал звонить Лори. Без ответа. Вылетел из квартиры, спустился вниз к ее дверям и начал стучать. Тишина.

– Вильям, что происходит? – испуганно спросила сестра, выбегая за мной босиком на лестничную площадку.

– Бекс, мне нужно забрать Айви из больницы. Она останется у нас на выходные. А ты можешь выяснить, где Лори или когда ее в последний раз видели?

– Да, конечно, – взволнованно залепетала Бекки. – Я вспомнила! Я говорила с ней вчера утром.

– И что она сказала?

– Голос был слабый. Сказала, что болеет. И что уехала к родителям.

– Может, у тебя есть телефон ее брата? Позвони ему. Выясни, приехала ли она туда.

– Телефон где-то был, – кивнула Вибекке – такая же белая, как ее новые волосы.

Потом я отправился за Айви в госпиталь, по дороге завернув на этаж Лори и еще раз грохнув кулаками в дверь ее квартиры...

Пусть она будет дома у родителей.

Пусть она будет дома у родителей.

Пусть она будет дома у родителей.

Господи, разве я о многом прошу?!

* * *

Дорога до госпиталя и обратно заняла час, и все эти шестьдесят минут я был рядом с Айви только физически. Мыслями же был у квартиры Долорес, колотил в дверь, выбивал ее плечом, вламывался внутрь и...

«Она не была у родителей, – написала Бекки. – Приехал ее брат, сейчас будем решать, что делать».

«Ломайте долбаную дверь», – ответил я, только с третьего раза попадая по нужным буквам.

Я внес Айви в квартиру и уложил в кровать. Она и раньше была очень легкой, но сейчас стала легче пуха. Люди столько не весят. Только призраки... Надеюсь, что она быстро пойдет на поправку. Быстро снова станет той Айви, которая ни в ком не нуждается. И во мне тоже...

– Посмотрим что-нибудь вместе? – попросила она, забираясь в мою кровать.

– Да. Только... я сейчас вернусь, – пробормотал я, заслышав глухие удары в дверь этажом ниже.

– Вильям, – позвала она. – Сегодня со мной снова связывались люди из полиции...

– И? – Я замер на полпути к двери.

– Они спрашивали о тебе. Ты... ты что-то сделал с Фьюри?

– Что именно они спрашивали?

– Знаю ли я Вильяма Веланда, и кем он мне приходится.

– А ты?

– Сказала все, как есть. Что ты мой парень. Ведь все и так об этом знают... Вильям... Что ты наделал?

– Ничего, о чем бы жалел, – сказал я.

– Ты избил его? – сжалась в комок она.

– Только сделал немного похожим на человека...

– Вильям, – расплакалась Айви. – Ты представляешь, что теперь будет? Они заберут тебя у меня, они заберут...

– Никто не заберет меня у тебя, – успокоил я. – Никто...

В дверь нашей квартиры ударили. Она дрогнула на петлях. Айви подскочила на кровати, прижав к пересохшим губам руку. Ее начало трясти.

– Будь здесь, хорошо?

Я вышел из спальни, открыл входную дверь, и на меня обрушился ураган в облике брата Долорес. Обезумевшего брата Долорес со сверкающими, как у дьявола, глазами.

– Что ты сделал с ней, мразь?! – рявкнул он.

Мой разум объяло невидимое пламя. *С ней* я не сделал ничего. Ведь она в порядке? Я ничего не сделал с ней, Господи... Разве я мог? Ведь она жива?

Он бы снес мне пол-лица, если бы не Бекки, влезшая между нами. Сейдж орал, Бекс умоляла прекратить, а я... из меня просто выдуло всю жизнь.

С Долорес что-то случилось. И тут вдруг...

– Сейдж, не нужно, – сказал кто-то, чье появление мы не сразу заметили.

Мои пальцы рефлекторно сжались, как только я услышал этот голос. Но он не принадлежал Долорес. Он принадлежал человеку, только отдаленно похожему на нее.

Такая худая, такая бледная, такая невесомая. На ней была только мятая

ночная рубашка и больше ничего. Ее волосы спутались, глаза потухли, руки безжизненно повисли вдоль тела.

Неужели все это случилось с ней только за одну неделю? Ела ли она? Спала ли она? Был ли рядом кто-то, кто мог бы ее утешить? Боже правый, я не знал. Я не знал, что ей так плохо...

Долорес нервно коснулась шеи, словно что-то мешало ей дышать. Или словно пытаюсь спрятать что-то. Ее шея, грудь, губы – все было покрыто синяками, они были повсюду, где я целовал ее, как одержимый...

Ее брат был прав: все это сделал с ней я. Он продолжал орать мне что-то, но я не слышал его и не видел. Я видел только Долорес, стоящую на верхней ступеньке лестничного пролета в измятой рубашке.

– Что здесь происходит? – сказала позади меня Айви, встревоженная всем этим шумом.

Долорес перевела взгляд за мое плечо, и по ее лицу пробежала тень. Губы сжались, глаза потеряли всякое выражение, а потом кто-то словно потянул ее назад и...

– Долорес! – заорал я, вытягивая руки и бросаясь вперед. Но передо мной стояли Бекки и Сейдж, и драгоценные секунды были потеряны. Я приземлился у тела Лори, когда оно уже рухнуло на ошестинившийся ряд ступенек. Рядом упал на колени ее брат. Вопль Бекки ударился о стены. Я аккуратно стащил Долорес на ровную поверхность, сжал ладонями лицо. Ее голова оставила на полу красную, смазанную линию, мои пальцы стали липкими...

– Лори-Лори-Лори... – повторял я, как заклинание. – Не смей. Не смей закрывать глаза.

Сейдж начал вызывать скорую, пока я пытался что-то сделать, разбудить ее, растормошить, вернуть...

– Мы справимся сами, Вильям, иди, – пробормотала Бекки, опуская руку на мое плечо. – Скорая уже едет. Иди к Айви, ей нехорошо.

Я утер лицо, то ли вспотевшее, то ли мокрое от слез, и поднялся на ноги. Сейдж держал на руке голову Лори, пока Бекки подкладывала под нее свернутую куртку. Айви стояла в дверях нашей квартиры, ее трясло так, что стучали зубы.

– Почему так много крови? – прошептала она, прижимая к моему плечу лицо. – Почему так много?

Потому что я не смог ее поймать.

Я бросил ее, но не смог поймать.

Дайверы делятся на две категории: тех, кто мочится в гидрокостюм, и тех, кто говорит, что этого не делает. Это означает, что мы все чувствуем страх, у всех есть слабости и фобии. Только одни могут признаться себе в этом, а другие – нет. Пожалуй, я всегда относил себя ко второй категории: я чувствовал себя неуязвимым. Меня не пугало ничто, даже собственная болезнь: она была просто неудобством, но никогда не внушала страх.

Но когда Долорес рухнула на ступеньки, я понял, что абсолютного бесстрашия не существует. И что даже я могу испугаться так, что из глаз хлынут слезы, а по спине потечет холодный пот. И понял еще кое-что, что раньше ускользало от меня: я налажал. Так сильно, как еще никогда в жизни. В тот самый момент, когда я позволил Долорес уйти, я совершил свою самую большую ошибку...

Бекки уехала с Сейджем вслед за машиной скорой. Айви уже крепко спала, свернувшись клубочком на моей кровати. Я не мог не то что уснуть – не мог сидеть. Меня носило по квартире, я бесшумно кружил по гостиной, зажав в руке телефон, и без конца выглядывал в окно, ожидая наконец увидеть фары машины Бекки.

Она вернулась глубоко за полночь, сняла куртку и кроссовки, молча заварила себе чашку чая, села в кресло и только тогда заговорила:

– Травма поясничного отдела позвоночника, шейного отдела, сотрясение мозга, рассечение затылка. В неотложке сказали, что нервные волокна не нарушены, но завтра нужно будет сделать МРТ, чтобы понять, что с головой, потому что Лори многого не помнит. И еще она сильно истощена. Наверное, совсем не ела, пока находилась в своей квартире... я зашла туда, чтобы завтра отвезти ей кое-какие вещи, и на кровати нашла...

Бекки не смотрела на меня. Она держала в руках чашку, но не пила из нее.

– Нашла на ее кровати детскую хоккейную куртку. Такие носят мальчики в том хоккейном клубе, в котором ты играл дома, в Норвегии... и свитер с оленями – на ярлычке до сих пор есть следы ручки и, если присмотреться, можно прочитать инициалы W. V^[20]... а еще детский игрушечный вертолет с гербом Вооруженных сил Норвегии: красный щит, золотой лев, золотая корона, – который я видела у тебя в руках на одном из детских фото. Да и свитер видела, кстати, тоже. И хоккеем ты занимался в

том же самом клубе...

Я проглотил стоявший в горле комок.

– Откуда они у нее?

– Наши родители обменивались вашими вещами, когда хотели убедиться, что вы совместимы...

«Продолжай, Бекки. Добей меня...»

– Думаю, она нашла их в доме родителей, сообразила, кому они принадлежат, и забрала с собой... а теперь, Вильям, ты расскажешь, что, черт возьми, между вами произошло.

* * *

Вибеке на середине рассказа вылила в раковину остывший чай и налила полстакана неразбавленного джина. Потом секунду подумала и налила мне того же.

– Твое здоровье, бро. Оно тебе пригодится. – Она сделала два больших глотка, отдышалась и добавила: – и еще: ты не можешь оставить ее.

– Кого из них? – спросил я, чувствуя себя последним идиотом.

Бекки, очевидно, подумала так же, потому что посмотрела на меня почти грозно:

– Я просто закончу предложение, а ты сам подставь нужное имя. Ты не можешь оставить ее, потому что иначе твоя жизнь превратится в череду бессмысленных дней. Ты будешь думать о ней, постоянно возвращаться мыслями к вашей последней встрече, размышлять, что было бы, поступи ты иначе. Ты не можешь оставить ее, потому тебе ее никто не заменит. Ты будешь жаждать новостей о ней, приходить туда, где мог бы встретить ее. От вида девушек, похожих на нее, у тебя будет замирать сердце. Ты будешь хранить все то, что она однажды тебе написала или подарила, и эти вещи обретут для тебя особый смысл. Это будет агония, Вильям. Медленная, мучительная агония, пока ты не приползешь к ней и не будешь умолять принять тебя или добить. А теперь сам подставь сюда имя... И, Господи, помоги нам всем...

* * *

«Господь не услышал», – подумал я, открыв рано утром дверь и обнаружив на пороге двух вооруженных полицейских.

– Мистер Веланд?

– Это я.

– Вы обвиняетесь в причинении тяжких телесных повреждений Тревору Фьюри. Вы не обязаны говорить что-либо помимо того, что считаете нужным сказать. Но все, что вы скажете, будет записано и в дальнейшем может быть использовано как доказательство вашей вины.

На запястьях клацнули наручники, и я сжал зубы, когда офицер коснулся моей ладони, которую я еще не успел покрыть защитным спреем.

Бекки неподвижно стояла у кухонного стола и обнимала всхлипывающую Айви.

– Сообщи родителям, – сказал я сестре.

Потом один из полицейских положил руку на мое плечо и сопровождал до полицейской машины с мигалками, успевшей привлечь внимание всех соседей.

* * *

В отделении со мной обращались довольно сносно. Мне даже принесли еду, которую я не рискнул съесть. Ожог на руке вышел довольно терпимым, так что оказалось достаточно спрея с пантенолом, который я позаимствовал у надзирательницы – милейшей дамы с резиновой дубинкой и огромными кулаками. Она все время игриво улыбалась мне и называла «сладеньким».

Еще мне вернули телефон и позволили поговорить с матерью, которая впала в истерику, плакала и сожалела о том, что я не родился девочкой.

«Бекки тоже однажды арестовали, – пришлось напомнить ей. – Забыла, как она угнала папину машину и каталась без прав, чтобы впечатлить соседского мальчика?»

Но самый большой сюрприз ждал в конце дня.

В камеру вошел незнакомец с черным кейсом и пиджаком через плечо. Невысокий, но крепкий и широкий в плечах мужчина преклонных лет. Его глаза были полны странного сочувствия. Лицо казалось мне знакомым...

– Здравствуй, Вильям, как жизнь?

– Пока не жалуюсь, сэр.

– Тебя отпустят под залог до конца дня. Я твой адвокат и сейчас улаживаю этот вопрос. Тебе светит несколько лет тюрьмы за вторжение на территорию частной собственности и нанесение тяжких телесных повреждений, но я сделаю все возможное, чтобы ты отделался только

легким испугом, в крайнем случае условным сроком... Тебе на руку то, что Фьюри уже сознался в изнасиловании...

– Вас наняли мои родители?

– О том, что ты здесь, мне рассказала дочь. И она очень просила помочь тебе. Тогда я связался с твоими родителями и предложил помощь. Тебе не о чем беспокоиться, я много лет работаю с подобными делами, и успешно.

– Вы отец Айви Эванс? – предположил я.

Я пару раз встречал мать Айви, но никогда не видел отца. Ее родители были в разводе, и он жил где-то в другом графстве. То ли в Вотерфорде, то ли в Лонгфорде...

– Нет, меня зовут Ральф Макбрайд, я отец Долорес, – ответил мужчина, изучая меня со спокойным интересом.

Я сделал глубокий вдох, сжав под столом руки. «Лори... я не заслуживаю помощи от тебя...»

– Она знает, что я здесь?

– Да, кажется, твоя сестра сообщила ей.

– Как ее самочувствие, мистер Макбрайд? – спросил я, даже не пытаюсь скрыть волнения. – Я знаю, что она в больнице...

– У нее травма шеи, и выбитый позвонок давит на кровеносные сосуды. Завтра операция. Будут ставить его на место, – сказал он. – Очень неудачное падение с лестницы...

Я сжал руки под столом в кулаки.

– Вы можете передать ей кое-что от меня?

– Смотря что. Меня досмотрят на выходе, – ответил Макбрайд.

– Передайте ей, что я очень благодарен.

* * *

День в отделении тянулся так долго, что успела бы возникнуть и прийти в упадок целая цивилизация. Так долго, что я успел состариться, умереть и родиться заново. Так долго, что практически свихнулся, размышляя о том, в порядке ли Долорес и как скоро я смогу увидеть ее.

Мне нужно увидеть ее.

Убедиться, что она в порядке. Что она дышит, что она существует, что я все еще могу прикоснуться к ней, поговорить и попытаться переписать нашу историю. Эта история должна быть переписана. В ней должна быть как минимум еще одна глава – полная надежды, веры и легких, как воздух,

слов.

Впечатляющий монолог Бекки, в конце которого она предложила подставить нужное имя, все еще звучал в голове. Как жаль, что она не прочитала его раньше – до того как кровь Долорес залила лестничную площадку. До того как я позволил ей упасть...

Под конец дня меня выпустили под залог, и прямо из отделения я поехал в больницу. Купил цветов в супермаркете, забрал все последние, расписался на бланке посетителей и рванул на четвертый этаж по ступенькам. Ждать лифт было выше моих сил.

У Лори в палате сидели ее университетские подружки. Обе поспешно распрощались и выпорхнули, когда я вошел. Лори смотрела на меня не моргая. Ее руки неподвижно лежали поверх одеяла. Дыхание было спокойным, ровным. На лице – никаких эмоций. Казалось, мое появление произвело не больше впечатления, чем начавшийся за окном дождь.

– Привет, – сказал я, опускаясь на стул рядом с кроватью.

Долорес повернула голову, с усилием фокусируя на мне взгляд. Сонная, вялая – точно чем-то накачали.

– Привет, – беззвучно ответила она.

– Как ты?

– Болит голова, обезболивающее не помогает.

– Я могу раздобыть джин, – сказал я. Она слабо улыбнулась, но улыбка тут же угасла, как гаснут на ветру искры. – Лори... Наверно, сейчас не самое подходящее время, но нам нужно поговорить. О тебе, обо мне и об Айви.

– Как дела у твоей девушки? – ровно спросила она, словно мы беседовали о невыносимо скучных вещах.

– Более-менее. Но...

– Ты нашел того, кто изнасиловал Айви и отомстил за нее?

– Вроде того.

– Я горжусь тобой. Передай Айви, что ей очень повезло с парнем. Хотя думаю, она и так это знает.

– Долорес...

– Отец вытащит тебя. Бекки заглянула сегодня утром и все рассказала.

И тогда я позвонила ему.

– Да, он приходил. Он будет моим адвокатом...

– Он очень крутой адвокат. Прокуроры боятся его, а судьи уважают.

– Спасибо, что устроила все это. Лори...

– Не за что. Как там твои родители?

Она не хотела говорить о том, что мне жизненно важно было обсудить.

Она набрасывала кирпич за кирпичом на разделяющую нас стену, а я хотел выломать ее к чертовой матери.

– Послушай. – Я нашел ее руку и сжал в своих ладонях, балдея от прикосновения к теплой мягкой коже. – Я знаю, что тебе было плохо, очень плохо. Я не должен был оставлять тебя одну после всего, что произошло. Я знал, что Бекки общается с тобой, что ты отвечаешь на звонки, но не думал, что ты все это время лежала в своей квартире, не выходила и не ела...

Лори забрала руку и потеряла виски, морщась от боли.

– Вильям, приглядывай за Айви и не беспокойся обо мне. Прости, но ты похож на няньку, чьи детишки разбегаются в стороны, лезут в огонь и суют гвозди себе в рот. Ты пытаешься бежать во все стороны сразу. Но это бессмысленно. Бессмысленно и глупо.

– Теперь я хочу бежать только в одну сторону. В ту, где находишься ты.

– Зачем? – медленно проговорила Долорес, переводя на меня потухший, болезненный взгляд.

– Затем, что мы нужны друг другу. Мы не сможем друг без друга. Когда я увидел тебя там, на лестнице, все изменилось. Все изменилось и теперь не сможет быть прежним. Я хочу быть с тобой...

Долорес глянула на меня так, словно не понимала ни слова.

– Я о многом думала, пока была одна, – забормотала она. – Теперь я знаю, что побыть одной в течение некоторого времени – полезно. Никто не нарушает твои мысли. Никто не отвлекает. И тогда мысли выстраиваются ровными рядами. Идеально ровными рядами. Каждая на своем месте.

Ей точно дали что-то сильное. Она была слегка заторможена, говорила вяло и медленно.

– И до чего же ты додумалась? – спросил я, мысленно готовясь к самому худшему.

– Есть вещи, которые мы делаем, потому что желаем этого всей душой. Любим, общаемся, занимаемся любовью, готовим вкусную еду... и есть вещи, которые мы делаем от безысходности, потому что другие варианты крайне неудобны или попросту невозможны. Например, жуем сухари, когда нет нормальной еды, или живем в маленьких комнатухах, когда нет денег на большие дома. Так вот, Вильям, нас с тобой связывает только безысходность. Я устремилась за тобой, потому что хотела знать, каково это – принадлежать кому-то. Хотя бы мимолетно. Я всю жизнь гналась за этим. Меня сводили с ума мысли о прикосновениях и обо всем, что делают мужчины и женщины, когда остаются наедине. В детстве я страшно ревновала Сейджа к каждой приближающейся к нему девчонке, потому что он был единственным, к кому я могла прикоснуться. Я думала, что если его

заберут у меня, то я лишусь последнего сокровища... Став старше, я решила подавлять свои чувства, желания, потребности. И у меня получалось. Пока я не встретила совместимого человека и все не вышло из-под контроля... Все мое естество захотело тебя, оно было готово атаковать, победить и взять. Ведь это было восьмое чудо света и величайший соблазн – человек, не оставляющий ожогов. Мужчина. Привлекательный и сильный. Всегда возникающий рядом, спасающий от чужих посягательств, ожогов, проблем. Позволяющий остаться в его постели, накладывающий повязки на раны, даже варящий суп... Будь смелой, Долорес, – говорило мне тело. Ведь это то, чего ты хочешь. Протяни руку и возьми. Убей всех, кто будет мешать. И я протянула, и взяла, и готова была проливать за тебя кровь, и плевать на всех остальных...

У меня внутри все перемешалось, запуталось и затянулось узлом. Как же хотелось заткнуть ей рот поцелуем и оборвать ряд всех этих умозаключений, ведущих к огромной ошибке. Ведь поцелуюм под силу выключать мысли?

– И ты был ведом теми же чувствами. Я уверена в этом. Ты устремился за мной, потому что я была совместима с тобой. Не оставляла ожогов и была готова, как уже пригорающий пирог. Параметры биологической совместимости заменили нам любовь. Анатомия заменила чувства. И только беда, в которую попала Айви, напомнила тебе, что любовь – это не биология, совместимость и прочая чепуха. Это танец душ... Вильям? Ты слушаешь?

Нет.

Все вовсе не так.

Ровные ряды мыслей только кажутся ровными. На самом деле они громоздятся хаотично, выпирая и врезаясь друг в друга.

– Ты ошибаешься, – сказал я. – Лори, ты ошибаешься, черт побери. Все совсем не так. Анатомию и биологию я мог взять у кого угодно, я знал как. Но ты дала мне нечто иное. Теперь я знаю, каково это – не хотеть спать, потому что не хочется прекращать думать о другом человеке. Теперь я знаю, что такое любить...

Долорес продолжала смотреть в окно, как будто все, что я сейчас сказал, не имело большого значения.

– Любовь – это когда тебя впечатывают в стену и предупреждают: «Беги, пока я держу себя в руках»?

Она заплакала, две слезы перечеркнули бледные щеки. Я сел с ней рядом и обнял, но она оттолкнула меня.

– Прошу тебя, позволь мне все исправить, – застонал я, приходя в

полное отчаяние.

– Прием окончен. – В палату вошел Сейдж и мрачно уставился на заплаканное лицо сестры. – Пора закругляться.

– Лори...

– Если ты разучился понимать по-английски, то я могу объяснить тебе на языке кулаков, Веланд. Он международный.

Долорес продолжала смотреть в окно. Я сжал ее ладонь, прижался губами к виску и вышел.

Сейдж догнал меня на крыльце госпиталя, куда я шел минут пять, как старик, переставляя ноги.

– Эй!

Я обернулся, и он ткнул пальцем мне в грудь:

– Долорес решила бросить университет, тебе известно об этом?

Еще одна чудесная новость, которая не даст сегодня уснуть.

– Нет... я не знал.

– Уговори ее остаться. И считай, что мое прощение и благословение у тебя в кармане. Ей нравится учеба. Она замкнется в себе и впадет в депрессию, если уедет домой в Атлон. Ударим по всем фронтам: я, Бекки, ты и родители. Сейчас ей нужна твоя рука, и ты дашь ей ее.

– Я готов прокатить себя под катком и лечь перед ней ковриком, но сейчас дело обстоит так: она дала мне пинка под зад.

– Постой-постой, ты переспал с ней, потом вернулся к своей девушке, а теперь удивляешься, что Долорес дала тебе пинка? А что надо было сделать? Напечь оладушков к твоему приходу?

Сейдж был отличным парнем. В моменты, когда нам не хотелось выбить друг из друга дерьмо, мы вполне мило общались.

– Через пару дней у нас заседание экстренного военного совета, – продолжил он. – Отец с матерью уже в Дублине. Будем решать, как уговорить Долорес остаться в университете. Если есть что сказать, – приходи. И Бекки пусть придет, они же с Лори подруги? Заодно обсудите с отцом стратегию твоей защиты в суде. Бла-бла-бла, ты находился в состоянии аффекта. Бла-бла-бла, ты никогда не был судим. Бла-бла-бла, ты весь такой белый и пушистый... Ну и что, что у Фьюри теперь зубов нет.

Я рассмеялся, Сейдж хлопнул меня по плечу.

– Лори должна остаться в универе. Если все срастется, я выпью с тобой ящик Гиннеса, бро...

– Если все срастется так, как я хочу, то, боюсь, мы станем родственниками.

– Но-но, не горячись... – нервно хохотнул Сейдж и отправился

обратно, в палату к сестре.

Экстренное военное совещание

Долорес хорошо перенесла операцию. В тот день у меня все валилось из рук, все нервировало и раздражало. Я хотел быть с ней рядом, но меня снова вызвали на допрос. Потом я и Ральф разбирались с материалами дела. Как много шума из-за банального самосуда над ублюдком. Я понимаю, что если каждый начнет наказывать людей на свое усмотрение, то в стране начнется хаос. Но можно ли отнести к категории «человек» того, кто калечит и насилует? Вряд ли. А раз так, почему бы не посчитать, что я просто наступил на таракана? Упс!

После операции мне не дали повидаться с Лори. Вернее, она сама не хотела, и ее родные посоветовали подождать и дать ей прийти в себя.

О'кей, я подожду. Если это хоть как-то поможет...

В четверг вечером мы с Бекки отправились в гости к Сейджу на «экстренное военное совещание», куда уже приехали его родители из Атлона.

Настроение было хуже некуда. У меня отобрали Долорес и свободу. Или, что вероятней, я их сам у себя отобрал.

– И как, ты думаешь,отреагирует Айви, когда ты предложишь ей расстаться? – спросила Бекки.

– Однажды она поставила мне условие: или я рассказываю всем о болезни Долорес, или мы расстаемся. Она распоряжалась будущим наших отношений так же легко, как какой-нибудь... изношенной одеждой. Так что не думаю, что это станет для нее громом среди ясного неба. Все и так давно катилось по наклонной...

– Однако не исключено, что после всего случившегося она переосмыслила ваши отношения. Ну, знаешь ли... вспылала чувствами к тебе, потому что ты отомстил за нее. Или теперь не сможет доверять незнакомым парням, будет бояться новых отношений и только поэтому вцепится в тебя еще сильнее...

– Я все-таки надеюсь, что просто выставит меня за дверь, и дело с концом. Как Долорес.

– Мне так жаль, Вильям... – вздохнула сестра.

– Ничего, у меня еще есть запасной вариант: мисс Бэкстер.

– Это еще кто?

– Надзирательница в местном отделении полиции. Похожа на

мужчину, носит дубинку и усы, но она, по крайней мере, не была бы против, если б я задержался у нее на денек-другой...

– Меня радует, что ты не теряешь чувства юмора, даже оставшись с одной-единственной спичкой посреди снегов Антарктиды.

– И я сдохну, но разожгу этой спичкой пламя...

– Я надеюсь, что Лори вернется к тебе. Я очень на это надеюсь, – попыталась подбодрить меня Бекс. – А теперь давай произведем на Макбрайдов хорошее впечатление.

– Зачем? Они уже видели мое досье.

– Ты сегодня прямо-таки звезда стендапа, – фыркнула Бекки.

Это из-за стресса.

– Удивительно, я снова еду к Макбрайдам. Если бы кто-нибудь сказал, что однажды это случится снова, я бы расхохотался ему в лицо.

– Жизнь такая непредсказуемая штука, – кивнула сестра. – Непредсказуемая, как дикая обезьяна. Неизвестно, что случится в следующий момент. Может, воздушный поцелуй, а может, дерьмишко в лоб.

– Точно.

– Но ты на всякий случай не теряй присутствия духа, о'кей?

– Это предупреждение?

Бекки только нервно рассмеялась в ответ и заглушила мотор у двухэтажного дома в симпатичном спальном районе, где уже стояла машина Сейджа.

– Что-то мне не нравится твой смех. Вообще.

Мы вышли из машины и подошли к двери.

– Проходи, будь как дома. – Бекки попыталась взять себя в руки, но чем больше старалась, тем заметней была ее нервозность.

– В смысле «проходи, будь как дома»? Это же дом Сейджа, – заметил я.

Бекки сделала глубокий вздох, открыла дверь и вошла внутрь. Без стука! Я остался стоять на пороге, глядя на нее, как на сумасшедшую.

– Бекс, ты что творишь?

– Проходи, проходи...

– Вот так вот просто?

– А что, ты так не делаешь? – хмыкнула она, явно намекая на незаконное проникновение в дом Фьюри, и втащила меня внутрь.

Я переступил через порог и тут же увидел на стене картину, на которой были изображены новорожденные олени в снегу. Такую же я видел у нас дома, в Норвегии. Потом внезапно заметил один из плащей Бекки, уже

висящий на крючке прямо перед моим носом. А потом взгляд упал на лежащий на полу коврик, на котором было написано «Velkommen»^[21].

– Проходи, Вильям, – тихо повторила Бекки, помогая мне раздеться.

– Как это понимать? – пробормотал я.

В прихожую заглянул Сейдж, сжимая по бутылке вина в каждой руке.

– О-о! А вот и вы! Я, наверно, не слышал стука? Тогда молодцы, что вошли...

– Сейдж, он уже догадался, – закусил губу Бекки. – Сейчас поднимает с пола челюсть и поздравит нас.

Бекки прижалась к Сейджу, а он поцеловал ее в волосы.

– Мы встречаемся, Вильям. И, можно сказать, живем вместе. Я не у подруг ночью обычно, а здесь. Вот.

Как это? В смысле? Что я сейчас услышал?

В прихожую заглянула женщина, в которой я сразу же узнал мать Долорес. Они очень похожи. Миниатюрная, темноволосая, с такой же робкой улыбкой, как у Лори.

– Вильям, – выдохнула она и протянула руку. – Мальчик... Как же ты вырос...

– Здравствуйте, миссис Макбрайд...

– Зови меня Эми. Я очень рада тебя видеть, очень.

Она взяла меня под руку и повела в гостиную, где находились еще и...

Мои родители.

«Они здесь по поводу моего дела и предстоящего суда! – дошло до меня. – Приехали познакомиться с моим адвокатом и его семьей!» Но потом я увидел, как заговорщицки подмигивает моя мать матери Долорес и как оживленно болтают и курят на террасе наши отцы, – и у меня начало дергаться веко.

– Садись, Вильям, тебе чаю или кофе? – начала хлопотать Бекки, пока мама приветствовала меня и пыталась соединить руки у меня за спиной. Она выглядела счастливой и расслабленной, и от нее, клянусь, слегка пахло вином. Я еще не понял, что это, но точно не официальный визит к адвокату сына.

– Я не ожидал вас здесь увидеть, – сказал я маме и отцу, который только что вернулся с террасы с отцом Долорес. – Вы прилетели проведать меня?

– И это тоже, – ответил отец.

– Тогда не очень понятно, как вы оказались здесь.

– Я позвала наших родителей, – пояснила Бекки, вручая мне чашку с кофе. – А Сейдж позвал Ральфа и Эми. Потому что пришло время...

объединить усилия. И еще кое-какие шокирующие новости...

– После тех новостей, которые я только что узнал, даже не представляю, чем меня еще можно шокировать.

Моя мать села рядом и крепко меня обняла.

– Ты знала, что Бекки встречается с Сейджем? – спросил я у нее.

– Уже два года как, – кивнула она.

– Сколько?!

– Да расскажите же мальчику наконец все. Нам не справиться без его помощи, – слышалось из кухни, и в комнату вплыла самая изумительная пожилая женщина из всех, что я видел. Она была высокой, статной, с гордо вздернутым подбородком. На ней был деловой костюм и весьма смелый макияж. В одной руке она держала бутылку красного вина, в другой – шпажку с насаженной на нее клубничкой.

– Приятно познакомиться, милый. Меня зовут Аманда. Я бабушка Лори.

Она слопала клубничку, отбросила шпажку и протянула мне тонкую, но крепкую руку.

– Какой же ты высокий. Я видела твои фото, но не думала, что настолько!

– Мои фото? – совсем офонарел я.

– Пришла пора рассказать тебе кое-что, ты только присядь, – сказала Аманда, приговаривая бокал вина.

Я присел и ни разу не пожалел об этом.

* * *

Передо мной сидели две самые сумасшедшие семейки на свете, чей изощренный замысел наконец был раскрыт.

Оказывается, досадное происшествие в доме Макбрайдов, после которого я лишился двух пальцев, не поставило крест на мечтах наших родных сделать нас счастливыми. «Ведь только рядом друг с другом вы могли познать счастье», – цитирую дословно. После перерыва в два года наши родители все-таки продолжили общаться, строить планы и надеяться, что однажды мы с Долорес вырастем и найдем общий язык.

Я был вынужден покинуть Норвегию и поступить в Тринити-колледж не потому, что родители мечтали о совершенном английском для меня. И не потому, что «туда собралась поступать Бекки, а за сестрой нужен глаз да глаз». И даже не потому, что Ирландия в будущем может стать бизнес-

центром Европы, раз крупнейшие медиа-гиганты вроде Фейсбука, Гугла и Эппла уже избрали ее местом для размещения своих европейских штаб-квартир...

Нет. Меня отправили сюда для того, чтобы я оказался с Долорес в стенах одного университета. И в стенах одного жилого комплекса.

Все было подстроено, все было выверено с линейкой заранее. Макбрайды специально сняли квартиру в том жилом комплексе, где уже жили мы с Бекс. А Бекки не случайно мгновенно сдружилась с Лори и начала приглашать ее на все наши вечеринки.

Бекки к тому моменту уже давно встречалась с Сейджем, с которым так и не перестала общаться после жуткой драмы со мной, Лори и ее собакой в главных ролях.

Родители Долорес, ее бабушка, мои родители, Бекки и Сейдж, – все были замешаны в этом невообразимом плане. Все были полны энтузиазма и решимости как можно скорее познакомить нас. Ведь Долорес чуть не умерла, когда на пике своего мятежного пубертата решила поцеловать парня. Ведь я тоже постоянно попадал в больницы, пытаюсь перехитрить болезнь: девушки, эксперименты, ожоги и снова ожоги... Родители мечтали бросить нас в объятия друг друга, чтобы спасти.

Проблем, собственно, было всего две: я и Лори. Я не хотел ничего ни слышать, ни знать о Долорес Макбрайд. Меня передергивало от одного ее имени, которое я хорошо запомнил. И Лори тоже не вспыхнула энтузиазмом, встретив свою бывшую «жертву» на соседнем этаже. Ведь жертва выросла, возмужала и выглядела далеко не дружелюбно.

Но благодаря уловкам Бекки и Сейджа мы постоянно сталкивались нос к носу. То Лори должна была принести спринг-роллы из духовки и оказывалась на кухне со мной. То Бекс просила меня подвезти ее, потому что там «кошмарный ливень, а я заболела». То у моей машины пробило колесо, и нам срочно понадобилась помощь Лори...

– Ты проткнула мое колесо! – прорычал я.

– Прости! – защебетала Бекки. – Но я бы сделала это снова, если бы вы могли полчаса находиться с Лори в салоне одной машины.

Оба семейства с фантазией, не худшей, чем у профессионального сценариста, придумывали *ситуации*. А Бекки с Сейджем с удовольствием воплощали их в жизнь!

– Я схожу... воздухом подышу, – пробормотал я и вылетел на улицу.

Впечатляет. Но, похоже, все их усилия были напрасны. Одним неловким движением я сломал все, что наши семьи строили все эти годы. И я не знаю, как сказать им об этом. Сейчас они уверены, что Долорес просто

подхватила грипп, ослабела от недоедания и упала на лестнице... Но, может быть, им стоит узнать, что на самом деле подкосило ее. Невыносимо слушать все, что они говорят, и как улыбаются мне, и как продолжают лелеять эту мечту...

За мной скрипнула дверь, и на порог вышел Ральф.

– Надеюсь, ты не слишком шокирован, – сказал он, хлопая меня по плечу.

– Есть немного.

– Все эти годы мы только и мечтали о том, чтобы у тебя и Лори все сложилось...

– Теперь это и моя мечта, Ральф.

Он встал рядом и тоже уставился на небо.

– Могу я быть с тобой откровенным?

– Абсолютно.

– Как отец я хочу вашего скорейшего с Долорес воссоединения. Но как твой адвокат я советую тебе не разрывать отношения с твоей девушкой, Айви Эванс.

– Почему?

– Ты совершил серьезное правонарушение, влекущее за собой уголовную ответственность. Смягчить наказание можно, если доказать, что ты находился в состоянии аффекта. А аффект в свою очередь был вызван тем, что на любимого тобой человека – человека, который тебе бесконечно дорог – было совершено покушение. Без всего этого твой поступок можно трактовать как хладнокровную расправу над тем, кто тебе не нравится. А за хладнокровную расправу можно сесть надолго. Понимаешь?

– Пытаюсь.

– Нужно убедить судью, что ты был в состоянии аффекта. И что есть сильнейшая любовь, которая его породила. Ведь только ради человека, которого ты очень любишь, ты мог впасть в такое неконтролируемое состояние? А на самом деле ты тише воды, ниже травы. Так?

– А что, если я просто хочу, чтобы подонков, подобных Фьюри, ходило по Земле поменьше, и просто... приложил к этому руку?

– Нет-нет, повторяю, это попахивает преступлением, совершенным на трезвую голову. А за такие преступления сажают на раз-два... Вильям, тебе не выкарабкаться без помощи твоей девушки, которая должна подтвердить, что между вами – безумная любовь, способная выключать твой рассудок. Вы должны изобразить такую пару и такое единение душ, чтобы судья со слезами на глазах отпустил все грехи, включая первородный. Чтобы он ослеп от сияния твоего нимба. Я не знаю, в каком состоянии ваши с Айви

отношения, но хотя бы до суда тебе стоит сохранить ее расположение.

– Но Долорес...

– Вильям, без победы в суде не имеет значения, как сильно ты хочешь быть с Долорес. В таком случае ты отправишься за решетку, а оттуда очень тяжело завоевывать чье-то сердце.

Слышать все это было сущей пыткой. Ральф словно схватил меня за волосы, окунул под воду и собирался держать так как минимум до суда... Значит, разговор с Айви откладывается. Значит, все, чего я хочу, исчезает в плотном тумане, который неизвестно, когда рассеется...

– Вы просите невозможного, Ральф...

– Я знаю, тебе нужно привыкнуть к этой мысли, но ты справишься. И найдешь разумный компромисс между тем, что тебе хочется делать, и тем, что следует.

Мы вернулись в дом. Мне показалось, все нас ждали. Бекки встала посреди комнаты, как маленькая девочка, готовящаяся рассказать стихотворение на утреннике. Сейдж вытянулся рядом, обняв ее за талию и широко улыбаясь.

– А теперь те самые «шокирующие новости»: мы решили пожениться.

Как Эдвард и Белла

Началась зима, самая серая и унылая из всех, что были на моей памяти. Ирландские зимы и так не сахар – дождь, ветер, град и снова дождь. Ни снежинки, ни единого градуса ниже нуля. Не говоря уже о сугробах или пейзажах, как на норвежских открытках... Но эта зима была просто невыносимо мрачной. На конец января был запланирован суд, еще мне привалило счастье в виде экзаменационных тестов. Бекки и Сейдж планировали маленькую уютную домашнюю свадьбу на конец весны и надеялись, что мой оправдательный приговор станет им лучшим подарком.

– Не расстраивайтесь, если что. Я в любом случае отправлю вам открытку из Маунтджоя^[22], нарисовав ее кетчупом на туалетной бумаге, – обещал я.

– Я положу ее под стекло, чтобы потом показывать твоим племянничкам, – кивала Бекки. – Дети, это открытка от вашего дяди Вильяма, который аккурат перед нашей с папой свадьбой загремел в тюрьму. А они спросят: «За что, мама, за что?!»

– За то, что наступил на таракана, – вставлял Сейдж, до слез веселя Бекки.

Иметь такую команду поддержки – бесценно, вот что я скажу.

После операции Долорес уехала домой в Атлон. Исчезла, словно ее здесь и вовсе не было. Ее квартира пустовала. Больше никто не выходил на балкон и не бродил по нему, завернувшись в одеяло. Пустовало место за тем столом в университетском кафе, где она обычно сидела со своей компанией. Исчезла с парковки ее машина...

Только плакаты, рекламирующие ветеринарный госпиталь, продолжали попадаться на глаза. А с них смотрела Долорес, которой никто не разбивал сердце, которая никогда не падала с лестниц, которую никто никогда не отвергал – счастливая и свободная. И даже зверь, которого она обнимала, не вызывал у меня отторжения. Один из плакатов я снял поздно вечером с дверей супермаркета и унес домой.

Я писал ей, но она не отвечала. Однажды не выдержал и приехал в Атлон, надеясь, что смогу увидеть ее. Но Ральф, встретив меня на пороге дома, взял меня под руку, увел в паб, заказал выпивку и попросил дать Долорес время прийти в себя. Я пил и едва не рыдал от отчаяния...

В универе, не считая предновогодней суеты, все было по-старому.

Хоть что-то в этом мире стабильно и верно своему постоянству. Лекции, профессора, обеды в университетском кафе, сплетни, подруги Айви, активно пользующиеся ее отсутствием, чтобы строить мне глазки. Новости, что я избил до полусмерти какого-то маньяка и теперь мне грозил суд, отпугивают кого угодно, но не юных девочек. В их глазах это наоборот накинуло мне очков. Со мной то и дело сталкивались, передо мной рассыпали учебники, мне посылали такие взгляды, от которых растаяли бы арктические льды.

Но та, о ком я постоянно думал, похоже, не собиралась возвращаться к учебе.

Айви сразу после выписки уехала вместе с матерью на какой-то восстановительный курорт, чему я был несказанно рад. Ральф предложил не разрывать с ней отношения, взывая к здравому смыслу, но, по правде говоря, мой здравый смысл не слишком хотел участвовать в этой мутной затее.

Конечно, я жаждал свободы, ведь свобода – это возможность все исправить и быть с Долорес. Но не был готов платить за все это близостью с Айви. И никакой здравый смысл не заставил бы меня сделать это. Я со страхом ждал дня ее возвращения с курорта. Заготовил кучу предложений, которые позволили бы мне избегать ее и после приезда, но знал, что если Айви спросит прямо, в чем дело, то я не смогу солгать...

И тогда мне конец.

* * *

Айви вернулась на день раньше, чем планировала. Решила устроить сюрприз. Появилась на пороге моей квартиры ранним утром, чем повергла в шок. Я застыл в дверях, как статуя, и не решался ни пригласить ее внутрь, ни захлопнуть перед ней дверь. А она стояла напротив с дорожной сумкой через плечо и недоумевающей улыбкой. Она не могла понять, что со мной. Что за паралич на меня нашел и почему я смотрю на нее, как на привидение.

– Немного не та реакция, которую я ожидала увидеть после такой долгой разлуки, – сказала она и с улыбкой добавила: – Ты заболел?

– Вроде того, – пробормотал я и пропустил ее в квартиру.

– Я ужасно скучала, – сказала она, сбрасывая туфли и приглаживая волосы. – Можно мне тебя обнять?

Она шагнула ко мне, и я отпрянул. Тысячи Ральфов Макбрайдов

вопили в голове, чтобы я взял себя в руки и наконец начал убедительно лгать. Но я не мог. Через слишком многое мы вместе с ней прошли, чтобы сейчас вдруг начать унижать ее подобным образом.

Айви улыбнулась еще шире, раскрыв руки для объятий:

– Я все еще в перчатках. И не сделаю тебе больно.

– Я не могу, Айви. Прости меня, но я не могу. Лучше присядь... Я буду говорить, а когда закончу, ты можешь врезать мне. И я даже не буду возникать...

Айви молча села на стул, сложив на коленях руки. Как ребенок, приготовившийся к тому, что сейчас его накажут. Невиданное спокойствие. И я, подбирая слова так осторожно, словно имел дело с боевыми гранатами, рассказал ей все, что должен был рассказать. О том, что мы должны расстаться и альтернативы нет. Но мое будущее зависит от того, что она скажет в суде. И что за любовь люди готовы прощать многое, но никогда не простят того, что сделано с холодной головой, – даже если это справедливая месть. И что если она захочет отплатить за то, что я оставляю ее, – достаточно просто сказать судьям, что никакой любви у нас не было, а Фьюри я отметелил только потому, что мне было скучно. Ей достаточно описать меня как мудака, склонного к вспышкам агрессии, – и я сяду. А потом у меня все-таки хватило наглости просить ее об обратном и прикрыть мою задницу. Во имя всего, что у нас было, – как бы наивно или пафосно это ни звучало...

– Решение за тобой, Айв, – закончил я, зная, что теперь стою на краю пропасти, но вместе с тем ощущая невероятное облегчение.

Тишина разлилась такая глубокая, что в ней можно было бы захлебнуться и утонуть. Айви сидела напротив, гордо выпрямив спину, потом медленно поднялась и подошла.

– Мне сейчас очень обидно. Но не потому что ты бросаешь меня. А потому, что допустил мысль, что я могу повести себя, как неблагодарная сука. Я, конечно, не ангел, Вильям, но после всего, что ты сделал для меня, после всего, на что ты пошел, я совершенно точно не смогу засадить тебя за решетку! И еще я считаю, что нет смысла требовать у человека того, чего у него нет, – например, чувств, которые он не испытывает... Спасибо, что решил не водить меня за нос. Пусть твой адвокат спит спокойно: я готова изображать перед судьей такую безумную любовь, что будь это кино, мне бы дали Оскар, Золотой глобус и Каннскую, мать ее, ветвь. Можешь положиться на меня.

Я готовился к чему угодно, но только не к ангелу всепрощения, вселившемуся в тело Айви Эванс и заговорившему со мной трелями арф.

Новая Айви внезапно стала другом. Новая Айви научилась прощать. Интересно, что с ней сделали на восстановительном курорте? Давали курить каннабис в терапевтических целях?

– Это Макбрайд, да? Не отвечай, я умею читать по глазам. Кто же еще... Удачи с ней, Вильям. Но отомстить тебе я все-таки должна, – улыбнулась Айви, заправляя волосы за ухо. – И, надеюсь, то, что я сейчас скажу, хоть немножко уязвит тебя. Я не представляла, как сказать тебе об этом, наивно полагая, что то, что ты сделал с Фьюри, – свидетельство твоей безумной любви ко мне. Но раз уж у нас сегодня торжество откровенности и фестиваль правды, то вот и мой праздничный флажок: кажется, я влюбилась в своего доктора, Вильям. Да-да, того, кто поставил меня на ноги. Кажется, я влюбилась в него по уши...

* * *

Айви вернулась в университет, и это сразу поубавило жар под той сковородкой неразделенной страсти, что устроила мне женская половина универа. О том, что мы больше не встречаемся, а только изображаем отношения ради предстоящего суда, знали только единицы. Остальные пребывали в счастливом неведении, включая подруг Долорес, среди которых я каждый раз пытался разглядеть ее саму. Напрасно. Сейдж подтвердил, что Долорес не желает возвращаться в университет. И это сводило с ума.

Айви поделилась, что начала встречаться со своим лечащим врачом. Он не позволял себе абсолютно ничего, кроме разговоров, пока лечил ее. Но как только она выписалась, отправил ей бутылку шампанского, поздравив с выздоровлением. Она отправила открытку с благодарностью. Он предложил дружеский ужин пару недель спустя. Она с удовольствием на него сходила. И пошло-поехало по рельсам в розовую даль.

– Он такой классный, Вильям... Хорошо, что мы с тобой расстались раньше, чем у меня с ним все завертелось. Иначе бы я изменила тебе. А ты бы убил его. И это было бы очень печально, потому что он просто космос, – сказала однажды Айви, решив составить мне компанию за обедом.

– У тебя всегда был хороший вкус, – хмуро сострил я.

– Я знаю! – согласилась она, не заметив подвоха. – Как твои отношения с Макбрайд?

– А что?

– Можно было бы выбраться куда-то вчетвером. Бывшая девушка

Терри замужем за какой-то акулой музыкального бизнеса и постоянно подкидывает ему VIP-билеты на самые крутые концерты. А потом можно остаться на автограф-сессию, куда только прессу пускают! Вчера Чарли Пут подписал мне открытку и сфоткался со мной, веришь?!

– Не думаю, что Лори как ни в чем не бывало сходила бы с тобой на концерт. После всего, что ты ей устроила в универе...

– Я уже попросила у нее прощения, и она меня простила. Мы как-то пообедили с ней вместе и...

– Где?! И когда?!

– Была на днях в госпитале, заскочила в гости к Терри и столкнулась с ней. У нее там были запланированы какие-то медицинские процедуры. И мы поговорили.

– И о чем же вы говорили?

– Я дала понять, что топор войны зарыт, и я вручаю ей свой трофей.

– О господи... Трофей?! – поперхнулся я.

– Ну, это была метафора вообще-то. Все любят метафоры.

– А она что?

– Поблагодарила и сказала, что зарытый топор ее радует, а вот трофей ей не нужен. Она сама в состоянии раздобыть себе любой.

Лицо у меня было такое, что Айви рассмеялась.

– Оказывается, у вас не все гладко, так?

– Все на редкость хреново, – подтвердил я.

– Жаль. Учитывая редкость вашей болезни, и ваш подходящий возраст, и все прочее, похоже, что вы просто созданы друг для друга. – Айви задумчиво помахала десертной ложкой в воздухе. – Как Ромео и Джульетта, как Тристан и Изольда, как Джейн Эйр и мистер Рочестер...

– И все они откинулись, – мрачно заметил я, предполагая, что у нашей истории конец тоже будет не очень. – Ну, не считая Рочестера. Тот просто ослеп.

– Тогда Белла и Эдвард, черт побери, – сказала Айви. – Вот у кого все зашибись и кто будет жить вечно.

– Ты издеваешься?

– Совсем чуть-чуть, – рассмеялась она. – А если серьезно, Вильям, то думаю, если бороться за что-то на пределе возможностей, то Бог не выдержит, хлопнет себя по лбу и воскликнет: «На! На! Получай! Только отстань! Мне придется лезть в базу данных, искать твой профайл среди других семи миллиардов землян, переписывать твою судьбу, придется убить на это целый день и кучу космической энергии, но раз уж ты, как танк, прешь к своей цели, наплевав на Мой замысел, то пожалуйста!..»

Понимаешь? Я считаю, что все дело в борьбе. В ней весь смысл и только в ней.

Долорес

Мой болеметр начал вибрировать и подавать сигнал тревоги так часто, что я совсем перестала его носить. Эта штуковина и правда работала, и ей точно не нравилось мое состояние, мой пульс, моя кожа и те звуки, которые я издавала, когда плакала. Уже несколько раз мама звонила мне именно тогда, когда я лежала на больничной кровати, содрогаясь от рыданий...

Из больницы меня забрали домой, в Атлон, где я с трудом, но пережила ноябрь и декабрь. Наступил январь. Зима была темной и ветреной. Мои дни – однообразными, ровными, похожими друг на друга, будто их готовили по одному рецепту и пекли на одной и той же сковороде.

Я просыпалась каждое утро в восемь, Мелисса помогала одеться, мама завтракала со мной, потом я читала, училась, сидела у окна или смотрела телек, или делала что-нибудь еще, помогающее отвлечься.

Мама брала меня в шопинг-центры, покупала платья, водила в кино. Бабушка присылала книги, диски и выпечку. Папа и Сейдж порхали вокруг, как только оказывались рядом.

Я чувствовала себя маленьким ребенком. Особенно когда мама катила меня в кресле-каталке по шопинг-центру, сунув в руки пачку домашнего печенья.

Я и была ребенком. Большим восемнадцатилетним ребенком, который никогда не вырастет. Никогда не обзаведется семьей, всегда будет нуждаться в помощи близких. Всегда будет сидеть в самой высокой башне Стигмалиона и смотреть, как принцы проезжают мимо, торопясь к своим принцессам. А их принцессы не умирают от прикосновений.

Но хватит о грустном.

Мне нравилось, когда в гости приезжала Бекки. У них с Вильямом было сильное сходство: овал лица, форма губ, цвет глаз. Я могла бы смотреть на нее часами, даже если бы она решила просто молчать. Хотя молчать – это не про Бекс. Она докладывала обо всем, что творилось в стенах университета и не только. О том, как из университетской лаборатории сбежала мартышка, после чего эвакуировали пол-универа, а животное три часа ловили спецназовцы в защитных костюмах, потому что мартышка была заражена вирусом иммунодефицита. О том, как в их жилом комплексе прорвало трубу, и на нижнем этаже можно было плавать на надувном матрасе. О том, как от Ричи забеременели две девушки сразу!

Только об одном человеке я никогда не спрашивала, и каждый раз, когда Бекки порывалась начать говорить о нем, я останавливала ее. Не нужно. Стоп. Радиация. Опасная зона. О Вильяме ни слова.

Он засыпал мою электронную почту письмами, но я не отвечала. Он порывался приехать, но я сразу предупредила, что его встретит запертая дверь. Однажды он все-таки явился, но я закрылась в комнате и так и не спустилась к нему – не смогла себя заставить. Он поговорил с отцом и уехал. Стыдно ли мне было? Ужасно. Но лучше уж испытывать стыд, чем кошмарную боль.

Кто-то когда-то сказал, что пережить смерть человека легче, чем его предательство. Поверьте, это звучит странно только до тех пор, пока вас не предадут. Потом все это очень похоже на истину... я собираюсь сделать это: вообразить, что Вильям не отверг меня, а просто умер. Что мы ехали из дайвинг-клуба и попали в аварию. И теперь его больше нет. Он не отказывался от меня, не прогонял меня, не угрожал мне – он просто умер. Погиб. Тот парень, который вез меня домой по ночному Дублину. И обещал мне себя. И обещал, что мне ни с кем не придется его делить...

Ох уж эти обещания – они как пепел, павшая листва, капли дождя или пыль под ногами – ничего не стоят.

Айви поправилась и вернулась в университет, а тот, кто ее изнасиловал, загремел за решетку. Теперь Айви готовила выставку новой серии фотографий о жертвах насилия и искала тех, кто хотел бы рассказать свою историю.

Я искренне желала этой девушке всего самого наилучшего. Я умирала от стыда, вспоминая о том, как пыталась отобрать у нее Вильяма, пока она лежала в палате интенсивной терапии с изуродованным лицом и многочисленными травмами. Как я пыталась бороться с ней, опуская руки на его плечи.

Наивная. Можно бороться с разъяренной львицей, с ревнивой пумой, с взбешенной кошкой, выпустившей когти. Можно бороться, драться и победить. Но тебе никогда не победить раненого олененка, лежащего у него на руках. Достаточно одного взгляда – и все оружие обратится в пыль.

Айви рассказала, что они разошлись с Вильямом. Мы случайно встретились с ней в кафе госпиталя Святого Винсента, когда я приехала туда на очередной осмотр. Я в кресле-каталке – она с тростью. У меня травма позвоночника и сотрясение – у нее переломы ребер и сломанный нос. Красотки...

Мы сели за один стол, и Айви сказала, что уже вовсю планирует закадрить своего доктора и что Вильям и я созданы друг для друга. Как

Ромео и Джульетта, как Тристан и Изольда... Пф-ф...

Я слушала вполуха, не слишком вникая. Не знаю, что там творится у этой парочки, что за рокировки они устраивают, но я помню, что не успели высохнуть наши гидрокостюмы, как Вильям уже выбросил меня из своей жизни. А еще я помню его состояние у дверей ее палаты – он тогда чуть не свихнулся, так переживал... Этого достаточно.

И больше я не хочу обо всем этом думать.

* * *

Операция прошла успешно. Спина и шея потихоньку восстанавливались. Невидимые мастера чинили меня медленно, но верно. Мне с каждым днем становилось лучше. Я выбралась из кресла-каталки и стала ходить с опорной тростью. Гуляла по зимнему саду – мокрому и полному слизняков. Ярko зеленела газонная трава, ветер ворошил пушистые головы пальм, умывались дождями вечнозеленые розмарин, лавр и остролист. В кустах мерзли и ждали весны маленькие птички с алыми грудками...

Здесь, дома, все было спокойно. Здесь никто не выдергивал из тебя сердце, чтобы сначала разбить, а потом растоптать осколки. Никто не ставил на тебя и не охотился за тобой. Никто не посягал на тело и душу.

Но что-то давящее было в стенах родного дома. Что-то очень тоскливое. Возвращаться домой на праздники, чтобы провести время с родителями – это одно. Возвращаться туда, чтобы больше никогда не уезжать, – это другое.

Я чувствовала, что мое место больше не здесь, но не могла найти в себе силы снова вернуться в университет. Снова видеть там его.

Родители подбадривали меня, рассказывали о том, как важно не замыкаться в себе, что бы ни случилось. Сейдж устраивал мне сеансы психотерапии. Бекки подпевала ему. Бабушка – вот кому сопротивляться было сложнее всего. Она начала твердить, что уже совсем старая и что увидеть меня в мантии выпускницы и четырехугольной академической шапке с кисточкой – ее заветная мечта.

Старая, как же. Носится на спортивной машине, устраивает покерные вечеринки со своими друзьями-стариками и кокетничает с молодыми парнями в гольф-клубах. Не знаю, кто у нас старая, но точно не она.

Без понятия, чем бы все закончилось, если бы мне не написал Крейг и не спросил, как дела.

Я рассказала, что дела так себе. Что в универе меня постигло разочарование и тоска, и я туда больше ни ногой. Он написал, что все скучают по мне и требуют продолжение про принцессу Стигмалиона. Я ответила, что продолжения не будет, потому что принцессу снова бросили в заточение. Слово за слово, и я выложила все, что со мной приключилось. Ну, почти все. Мне нужно было кому-то это рассказать.

«Знаешь что? Не все принцессы нуждаются в спасителе в золотых доспехах. Некоторые, я уверен, могут позаботиться о себе сами», – написал Крейг, а потом взял и приехал меня проводить, чем поверг в шок моих родителей.

Они смотрели, как я гуляю по саду, а потом пью на кухне чай с незнакомым двухметровым синеглазым парнем, с которым познакомилась в Интернете, – и страшно нервничали. Можно сказать, молчаливо истерили. Хотя Крейг был само очарование, держал десертную ложку, оттопырив мизинец, цитировал классиков и выглядел приличней некуда.

Потом Крейг сказал, что ему пора, и попросил проводить до машины. И там сказал, что в университет стоит вернуться хотя бы потому, что жизнь коротка.

– Грейс умерла, – добавил он, забираясь в свой «Рейндж Ровер». Потом порылся в бардачке и протянул мне рисунок, сделанный неуверенной, словно детской рукой. На рисунке была изображена фигурка с двумя косичками.

– Твои волосы тогда были заплетены в косы. Грейс запомнила тебя, – заключил Крейг, попрощался и уехал. А я так и осталась стоять посреди двора, под дождем, держа в руках зонтик, содрогаюсь от холода и утирая слезы.

* * *

«Привет всем. Я знаю, что вы ждали меня, но у меня были тяжелые времена. Я влюбилась так отчаянно, как влюблялись только томные барышни из позапрошлого века. Полтора часа неземного счастья, а потом все закончилось.

Как, блин, кино! Побегжали титры, включился свет, и я обнаружила себя в затхлом зале посреди рассыпанного попкорна, пустых стаканов от колы и людей, спешащих опорожнить мочевой пузырь. Я все сидела и сидела, не в силах поверить в конец, пока не подошел работник кинотеатра и не сказал: «Отправляйся-ка домой, деточка, мы

закрываемся».

И я отправилась домой. А что было делать?

Но хорошо, что есть люди, которые появляются в нужный момент и говорят, что надо двигаться вперед. Что фильмы в кинотеатрах крутят круглосуточно. Что билеты всегда в наличии. Что жизнь коротка, как короткометражка, и нужно поторопиться.

Поторопиться жить».

Комментариев почти четыре сотни: все очень рады, что мне лучше. Вот прям очень.

* * *

Я вернулась в университет. Снова сидела в студенческом кафе, едва веря в то, что сделала это. Брианна уминала мясной пирог и без остановки докладывала последние новости. Адель пыталась одновременно красить губы, пить сок из стакана, набивать сообщение бойфренду и о-о-очень громко материлась по-русски, когда помада упала в стакан, а ее эротическая эсэмэска бойфренду почему-то отправилась маме. Даррен в футболке «Бог спортзала» жевал вареную грудку, запивая протеиновым коктейлем, и спорил с Патриком о том, можно ли стерилизовать котов в три месяца (Патрик был за, Даррен – категорически против).

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Патрик, выискивая признаки скрытой депрессии на моем лице.

– Отлично. Разве по мне не видно?

– Ну тушь слегка размазана, как будто ты плакала...

– Я не плакала, – зашпорила я. – Я просто хреново крашусь.

– Ладно-ладно, – рассмеялся он. – Но если что вдруг...

– Если вдруг захочется прекратить свое бессмысленное существование, то сразу звоню тебе!

Патрик подмигнул и отсалютовал бутылкой с колой.

– Лори, – прочистила горло Брианна, – а теперь расскажи-ка нам, почему Вильям Веланд приходил к тебе в палату? Мы с Адель, да будет тебе известно, чуть со стульев не попадали.

– Просто мы подружились с его сестрой, а она попросила его передать мне... одну книжку.

– Ва-а-у-у, кни-и-ижку! – начали дразнить они. – Мы тоже хотим эту книжку. А книжка у него очень большая? Читали бы и читали. Под одеялом. Всю ночь.

– Прекратите, – рассмеялась я, опуская взгляд в тарелку. – Клянусь, просто книга.

– Что-то я не припомню у него никаких книг, – толкнула меня в бок Брианна.

– Он ее в машине забыл.

– А, ну да, – рассмеялись они.

– Кстати, ты слышала, что его судить будут скоро? – спросила Брианна, понижая голос.

– Слышала...

– Надеюсь, оправдают, ведь он всего лишь отомстил за свою девушку.

– Господи, это так романтично, – вздохнула Адель.

– Настоящая любовь, – не сдержалась я, зажмуриваясь. Как же больно. Даже если взять вилку и воткнуть в ладонь, то, наверное, будет не так больно.

– Ходили слухи, что они расстались, но они по-прежнему часто обедают за одним столиком, – сказала Брианна, понижая голос. – Так что думаю, слухи, как обычно, врут.

– Точно врут, как он может оставить ее сейчас, когда она только-только оклемалась?

– Тихо, – скомандовал Даррен, и мы замолкли.

В кафе вошел тот, кого они секунду назад так активно обсуждали, – и мой пульс тут же зачастил так, словно я только что пробежала марафон. Я низко опустила голову: мое лицо практически лежало в тарелке с салатом, еще чуть-чуть и мне бы пришлось снимать с лица листья шпината.

– Нет, ну какие же у него все-таки дельты и широчайшие, я просто отчаялся накачать... – снова завелся Даррен.

– Да-да, мы тоже отчаялись, – хохотнула Брианна, провожая Вильяма взглядом. – И пол-универа отчаялось. Хотя некоторые не теряют надежду. Смотрите, вон та рыжая – как там ее, Дженни? – почти залезла ему на руки. А ведь они с Айви типа подруги.

Я фыркнула. Прямо в салат. Подняла лицо, чтоб посмотреть на весь этот беспредел, и – встретила обращенный на меня взгляд. Северное небо, буря, грозы, затяжная зима – все было в этом взгляде. Дыши, Лори, дыши. Воздух вокруг есть, это только кажется, что его нет...

Вильям не ожидал меня здесь увидеть. Был удивлен и рад. Нет, рад скорее был оттого, что Дженни так щедро выдает ему авансы.

Линию его взгляда пересекла чья-то фигура: в кафе пришла Айви. Как быстро она пошла на поправку. Теперь она уже не была едва выжившей жертвой зомби-атаки, какой я видела ее там, на лестничной площадке,

стоящей за спиной Вильяма. Теперь она снова стала той Айви Эванс, которой все нипочем: ни маньяки, ни завистники, ни обнаглевшие малолетки, увивающиеся за ее парнем.

Айви присела за тот же стол, за которым сидел Вильям, начала со всеми болтать, кивать и ронять тут и там ослепительные улыбки... Это хорошо, что горе не сломило ее. Что она нашла в себе силы снова жить полной жизнью. Наверное, я тоже смогу.

Я наспех доела салат, наврала подругам, что забыла книгу в аудитории, и сбежала из кафе. Если можно было назвать побегом шаткое ковыляние с использованием опорной трости. Потом втащила себя в туалет, забила в кабинку и глубоко вздохнула, вспомнив о воздухе только сейчас.

Ничего, это пройдет. Это просто с непривычки. Потом я научусь смотреть на него спокойно. Научусь смотреть и не истекать внутри кровью. Ради родителей, ради бабушки и всех, кто верит в меня.

* * *

Я сменила жилье. Одно воспоминание о старой квартире вызывало суицидальные мысли. Сейдж помог найти новую и перевезти туда вещи. Правда, она располагалась не слишком далеко от старой – можно сказать, через дорогу – но я была довольна. Университет по-прежнему близко, а Вильям уже далеко.

В этом жилом комплексе тоже было много студентов. Жизнь текла и пульсировала в коридорах. Красивые девушки дарили жаркие поцелуи своим парням на лестничных площадках. Этажом выше кто-то регулярно пересчитывал струны у своей гитары. На подоконниках росла герань и некоторые другие, не слишком одобренные полицией растения. На площадке перед домом располагалась велосипедная парковка, крытая прозрачным поликарбонатом, которая опустевала по утрам и снова заполнялась вечером велосипедами на любой вкус и цвет.

Я решила, что как только спина окончательно восстановится, обязательно пересеяду на велосипед. Потому что его не надо заправлять. Ему не нужно покупать страховку, платить за него дорожный налог и проходить с ним техосмотр. А еще, черт побери, заклеивать ему шины я смогу сама. А не слезно просить укуренного соседа-панка поставить запасное колесо, чтобы я могла доехать до мастерской по ремонту шин. За последнюю неделю колесо спустило уже дважды. То ли дорога до универа была усеяна гвоздями, то ли мне просто не везло.

Я вооружилась тростью и пошла в универ пешком. Погода, как назло, опять подкачала. Но на полпути рядом со мной возникла высокая фигура, и кто-то раскрыл зонт у меня над головой.

Я узнала его по аромату одеколона. Можно было даже не оглядываться, я чувствовала кожей, что это он. Пару минут мы шли молча... Потом Вильям заговорил:

- Только не говори, что у тебя тоже спустило колесо.
- Да. И у тебя? – удивилась я.
- Какое невероятное совпадение.
- Я точно прогневила бога автомобильных шин. Это второй раз за неделю...

И мы пошли дальше, молча. Моя трость стучала о землю.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил Вильям.
- Более-менее.
- Я рад, что ты вернулась в университет.
- А я не очень. Тяжело нагонять упущенное. Сроки поджимают, преподы не церемонятся. Им параллельно, падала ты с лестницы или не падала. Хотелось ли тебе покончить с собой или нет. Сдавай тесты, даже если у тебя полголовы снесло, – кисло улыбнулась я, внезапно осознав, что несу что-то не то... Черт, зачем я все это говорю?

Вильям остановил меня, мягко взяв за руку, и от одного прикосновения к его теплой коже из меня выбило весь воздух.

- Лори, я больше не могу так.
- Как? – отвела глаза я.
- Видеть, что я сделал, и быть не в состоянии все это изменить... Я хочу все исправить.

- Нечего исправлять, Вильям. Ты поступил правильно. Будь я мужчиной, сделала бы так же. Я бы не смогла оставить свою девушку в такую минуту. Просто тогда я не могла мыслить трезво. *Вообще* не могла мыслить. Но сейчас мне стыдно за все, что я говорила тебе там, у дверей ее палаты...

- А я уже не уверен, что поступил правильно. Теперь я думаю, что если тебе по-настоящему нужен кто-то, то не дай ему уйти. Придумай тысячу причин, обрушь небо на землю, но не дай ему уйти... Лори...

Вильям тяжело вздохнул, коснулся моей щеки и вдруг обнял так неожиданно и крепко, что я не стала вырываться. Мимо нас неслись велосипедисты, и ехали машины, расплескивая лужи, и звенел дождь. Я закрыла глаза. В голове было пусто и тихо...

Он еще не знает, что я уже все решила. Что он, отталкивающий меня

от себя и угрожающий мне – «беги!» – врезался в мою память. Что я запретила себе вспоминать о той ночи и о том, что мы делали друг с другом. Что я уже две недели встречаюсь с Крейгом. И что на следующей неделе он придет в гости и останется ночевать. И что перед тем как погасить свет, я проверю, льется ли из крана горячая-горячая вода.

Вильям преследовал меня. Он был повсюду. Я то и дело натыкалась на него в университетском кафе, постоянно обнаруживала в зеркале заднего вида его машину, следующую за мной до университета, мы часто уходили с лекций в одно и то же время. Иногда начинало казаться, что на мне датчик слежения, иначе как бы он мог так часто оказываться рядом?

По спине до сих пор бегали мурашки, когда я видела его. Я часто не могла заставить себя отвести от него взгляд. Мне становилось жарко, когда я слышала его голос.

Реакции моего тела на Вильяма были просто феноменальными: все наркотики мира были просто конфетами в сравнении с одним его присутствием... Но тело – это, черт возьми, всего лишь тело. И я не буду падать к его ногам только потому, что я изголодалась до смерти, а он – такое удобное и безопасное блюдо.

Теперь я была честна с собой: Вильям поселился в моей голове сразу же после того, как я узнала, что мы совместимы. Это не была любовь – это была безнадежность. Это был не танец душ, всего лишь диктатура тела, у которого не было иного способа нормально жить и удовлетворять свои потребности. Я полюбила Вильяма, как полюбила бы любого, окажись он совместимым со мной.

Да, это не было любовью.

А мне нужна была любовь. И я собиралась ее найти. А не найти, так вырастить самостоятельно. Из дружбы, говорят, может вырасти прекрасная любовь.

А из хорошей дружбы и вовсе может получиться нечто чудесное.

Крейг как-то пригласил меня на свидание, и мне оно понравилось. Мы болтали без умолку, бродили по улицам, смеялись над всякой ерундой. Например, над тем, как потрясно он изображал моего бойфренда и бросал к моим ногам розы на парковке универа.

Потом было еще одно свидание и еще одно. И уже на втором я бы поцеловала его, если бы могла целовать. На третьем Крейг взял меня за руку и обнял. На моей руке была варежка, шею закрывал шарф, а к лицу он не прикасался. Он был очень осторожен, и это было здорово.

Крейг знал практически все обо мне. Он с удовольствием читал мой Инстаграм уже несколько лет. А там я много откровенничала. Он знал меня

дольше, чем Вильям, если уж на то пошло. И с каждым днем мое доверие к нему росло, укреплялось и превращалось в нечто большее.

Так что я даже однажды пригласила его в гости. Мы пили вино, я чувствовала себя очень расслабленно и счастливо. И в какой-то момент подумала, что могу позволить себе чуть-чуть больше, чем обычно. Я подошла и обняла его. Не по-дружески. Уткнулась лицом в его облегающий джемпер, провела ладонями по плечам. А он ответил мне. Ладони, облаченные в перчатки, коснулись моего лица, шеи, прошлись по спине.

– О чем ты думаешь? – спросил он.

– О том, что могла бы сделать прямо сейчас, не будь моя кожа такой эгоистичной сволочью...

Он рассмеялся, а потом добавил:

– Я думаю о том же. Если бы существовал хоть какой-то способ вытащить тебя из темницы, я бы вытащил. Я бы сделал тебя счастливой.

Мое горло свело от невыразимого волнения.

– А что, если есть... один способ?

И я рассказала ему обо всем. О горячей воде. О воске, которым можно покрыть ладони. И об окне в тринадцать минут, когда можно успеть делать все. Почти все. А потом мне просто нужно принять душ. Горячий, на пределе терпимости душ.

И Крейг не испугался. Не испугался, как сложно, странно и стремно все может быть.

Он прижал меня к себе и сказал, что сделает все, о чем я попрошу. Тем более что он тоже этого хочет. Только пусть это случится не сегодня, после того, как мы распили бутылку вина, а когда мысли будут ясными, когда мы купим восковой спрей и сможем точно отсчитать тринадцать минут. Раз уж это вопрос жизни и смерти.

* * *

Всю неделю после этого разговора я очень нервничала. Моя фантазия рисовала не слишком приятные последствия того, что мы с Крейгом запланировали. Я представляла себя с ожогами по всему телу. Представляла как Крейг в ужасе кричит, что это был первый и последний раз, когда он тронул меня. Я думала о том, что будет, если, например, порвется презерватив. Горячая вода не сможет спасти – меня обожжет изнутри так, что о сексе можно будет забыть до конца дней.

В конце концов я так себя запугала, что позвонила брату и попросила

быть неподалеку в пятницу вечером.

– А что будет в пятницу вечером?

– Я собираюсь отдаться парню.

– Совместимому с тобой?

– Нет.

– Отличная шутка, – рассмеялся он.

И тогда я сказала, что это не шутка. Сейдж ответил, что не верит. Я заявила, мол, и пусть не верит, но он нужен неподалеку в конце недели.

Тогда Сейдж бросил трубку и примчался ко мне в квартиру через двадцать минут, взведенный, как курок, на грани истерики.

– Скажи, что ты пошутила!

– Сейдж. Я понимаю, что это звучит... пугающе. Но я знаю один способ. Проверенный способ. Вильям когда-то рассказал о нем. Горячая вода разрушает чужеродные молекулы, на которые возникает аллергия. Так что если использовать презерватив, а после прыгнуть под горячую-прегорячую воду, то ничего не случится!

– Вильям, значит, рассказал?! Господи, поверить не могу!

– Пожалуйста, прекрати кричать, – попросила я, забираясь в кресло с ногами и прижимая к щекам ладони. – Давай поговорим спокойно. Я сделаю это в любом случае, и меня ничто не остановит. Но мне очень нужна подстраховка...

Сейдж резко остановился посреди комнаты, возводя к потолку глаза.

– Ты понимаешь, что в пятницу я весь день буду мысленно тебя хоронить? Буду стоять у твоей могилы, бросать розы на твой гроб...

– Да не будете вы меня хоронить. Максимум в реанимации без кожи поваляюсь.

– Это не смешно, Долорес, черт побери! Ни капельки! Кто этот урод?!

– Ну вот, началось...

– Кто он? Имя? Адрес?

– Сейдж, я не могу всю жизнь сидеть в этом долбаном Стигмалионе! Я должна начать копать выход из него. Помогите мне. Я научусь побеждать эту проклятую аллергию, но нужно с чего-то начать.

– С похорон! Как тебе идея начать с похорон?!

– Ох, блин...

– Знаешь, что? Почему бы тебе не проглотить свою дурацкую обиду и не вернуться к Вильяму? Так как вы совместимы, то с этим парнем все будет в сто тысяч раз менее смертельно!

Меня потрянуло, как будто я гвоздь в розетку сунула.

– Чтобы *вернуться* к кому-то, нужно сначала *уйти* от него! А я не

уходила, потому что мы и не встречались. Мы просто бездумно трахнулись. Вот и все.

– Если бы это было так, тебя бы потом не подкосила такая депрессия!

– И это еще одна причина, почему я даже думать о нем не хочу. Я хочу быть с Крейгом. Я хочу быть с тем, кто будет относиться к моей нервной системе не как к рулону туалетной бумаги.

– Оп-па, имя записал. Остался адрес.

С Сейджем я так ни о чем и не договорилась. Наоборот, пожалела, что сказала ему. Он пробыл у меня час и все это время безостановочно орал на меня, пока я не распахнула дверь и не предложила ему уйти.

«Ну и ладно, – подумала я. – Если что, Крейг справится сам. Вызовет скорую, объяснит им, что со мной, и не впадет в истерику, если на моей коже начнут высыпаться волдыри. Он справится».

* * *

В пятницу Крейг заехал за мной, и мы отправились в город погулять по Темпл-бару и посмотреть в кинотеатре какую-нибудь комедию. Я дала себе слово думать только о хорошем, а не воображать рыдающих родственников у свежевырытой могилы. Я дала слово и сдержала его.

Ко мне домой мы вернулись только к восьми. Не спеша поднялись по лестнице, обнявшись. Меня слегка трясло и знобило. Совсем как тогда, когда Вильям снимал с меня промокший гидрокостюм...

Как давно это было, но я могла бы восстановить в памяти все до последней детали. Как его руки гладили мои плечи, как я жалась к нему, целуя неумело и голодно, как капала вода на пол с моего гидрокостюма и как мы потом вытирали ее, смеясь и болтая... Уже после того как обрели друг друга...

Хорошо, что я тогда не знала, что все это закончится истощением, травмой позвоночника и страшной депрессией...

– Лори, – остановил меня Крейг у двери. – Если ты слишком волнуешься, можно отложить. Я буду ждать столько, сколько нужно.

– Почему ты решил, что я слишком волнуюсь? – вымученно улыбнулась я.

– Ты уже две минуты пытаешься открыть ключом не свою дверь.

– Что?! Вот черт! – рассмеялась я, хватая его под руку. – Как будто ты никогда не путался в этажах!

«Уходи из моей головы, Вильям. Господи, ну хотя бы сегодня!»

– А вообще я поражена, как быстро ты запомнил номер моей квартиры, Крейг! – поддразнила я.

– О, это было просто. Номер твоей квартиры – шестнадцать. Он совпадает с двумя последними цифрами на моем медальоне смерти^[23]. Медальон я ношу на груди. В груди – сердце. Мое сердце – у Долорес. Долорес живет в квартире номер шестнадцать. Все просто.

– Ох, Крейг! – воскликнула я, тупо улыбаясь и полностью растаяв от сказанного. Какой же он классный и милый, все должно получиться. Все получится...

Черт!

Я остановилась как вкопанная у дверей своей квартиры. Пусть мне это снится, господи! Какого...

Из-под двери вытекала вода. Целая река горячей, исходящей паром воды! Целая Ниагара, черт побери.

* * *

Я открыла дверь, и мне на туфли тотчас выплеснулась чуть ли не океаническая волна. Я вбежала в квартиру, поднимая тучи брызг.

– Похоже, трубу прорвало, – сказал Крейг, вбегая следом за мной.

Крейг поспешил в ванную, я за ним. Так оно и было: труба полотенцесушителя лопнула, и из нее лила на пол горячая вода. Крейг схватил полотенце и попытался заткнуть им брешь. Я схватила телефон и начала звонить в аварийную службу...

Через несколько часов, когда трое сантехников устранили все неполадки, отсосали воду, а мы с Крейгом кое-как подтерли остальное, о сексе уже никто не думал. Мы устали, как два пса, которых выбросили за борт и которые еле-еле доплыли до берега. Мне было так досадно и так неудобно. Провести вместе такой чудесный день и закончить его по колено в воде, среди плавающих стульев и отсыревших обоев.

Ближе к полуночи мне позвонила Бекки.

– Вижу огромную машину аварийной службы через дорогу у твоего дома! Что там у вас произошло? Надеюсь, все в порядке?

– Бекс, если что-то произошло, то, скорее всего, у меня! – всхлипнула я. – В ванной прорвало трубу и затопило весь этаж...

– О нет! – воскликнула она. – Сейчас буду.

Через десять минут прибежала Бекки с термосом, пледом и во-о-от такими глазами.

– Какой ужас, Лори! Кто бы мог подумать, что в наше время могут делать такие фиговые трубы!

Она с сомнением оглядела Крейга, вымокшего с ног до головы. Меня, испортившую свое лучшее платье. Квартиру, превратившуюся в сырое болото. Мокрые распаренные обои начали источать ужасную химическую вонь. Ковровое покрытие разбухло и надулось пузырями. Электричество отключили, чтобы никого не убило током, так что было еще и темно.

– Ты не можешь здесь оставаться, Лори. Пойдем ко мне, – сказала Бекки, набрасывая плед мне на плечи.

– Не волнуйся, я поеду к брату, – поторопилась успокоить ее я. Я скорее буду ночевать на улице, чем отправлюсь в гости к Вильяму.

– Или ко мне, – сказал Крейг, выливая воду из ботинок.

– Крейг, – возразила Бекки, – будет лучше, если Лори отправится ко мне. Я живу совсем рядом, через дорогу, у меня найдется подходящая одежда. Ремонт, вероятно, займет несколько дней, мне бы не хотелось, чтобы подруга жила у человека, о котором она никогда ничего не рассказывала.

Я и правда никому не рассказывала о Крейге, о чем сейчас пожалела. Из уст Бекки это звучало ужасно...

– Простите, Крейг, но Лори и правда лучше пойти ко мне. Она устала и ничего не соображает. А завтра, когда проснется у вас и не найдет ни латексных перчаток, ни свежей одежды, – вот тогда триста раз пожалеет. А у меня все это есть. – И Бекс высоко вскинула брови, словно напоминая мне о том, что у Вильяма та же болезнь, а значит, все, что мне нужно, уже есть в ее квартире.

Крейг почему-то тут же встал на ее сторону.

– Твоя подруга права, Лори. Наверное, у нее будет лучше.

Бекки тем временем напомнила, как, вероятно, сильно будет завтра болеть моя спина от перегрузки. И если понадобится ехать в госпиталь, то он, кстати, совсем рядом. И что моему брату будет куда спокойней, если я останусь у нее... в общем, Бекс добила своего и выпроводила Крейга на раз-два.

Я тем временем позвонила Сейджу и спросила, нельзя ли перекантоваться у него пару дней, на что он ответил – я ушам своим не поверила! – что не может принять меня. Что у них с девушкой сегодня годовщина, и они будут праздновать ее очень громко.

– Сейдж, – взмолилась я. – Мою квартиру залило! Я без дома осталась, считай! Не ехать же в Атлон!

– Езжай к своей подружке Бекки.

– Я не могу пойти к Бекки!
– Это еще почему? Она вроде приличная девчонка.
– Потому что... там Вильям...
– Что-что? Повтори!
– Я не могу отправиться ночевать в квартиру Вильяма!
– Какие-то неполадки со связью. Ничего не слышу.
– Сейдж! Я не могу пойти к нему, черт побери! Не могу и все! – заорала я в трубку.

Связь оборвалась, и я разревелась. Попробовала набрать номер брата снова, но он, бессовестный, был вне сети. Бекки заглянула мне в лицо, погладила по голове и сказала, что не оставит меня, что бы я ни решила. Даже если я решу спать на мокром ковре и укрываться крышкой от унитаза – она ляжет рядом. Вот это подруга!

* * *

В час ночи, после безуспешных попыток навести порядок, мы пришли в квартиру Бекки. Я была на грани всех граней. Ночь, которая обещала быть лучшей в моей жизни, обернулась катастрофой. Я дрожала от холода и нервного истощения. Промокла до трусов, продрогла до синевы и напоминала только что откачанного утопленника.

Бекки распахнула дверь, пропуская меня вперед, и я вошла.

Над письменным столом горел свет, пахло кофе и чем-то очень приятным, и тишина стояла такая, что хотелось упасть в кровать и сразу же заснуть.

– Бекс, ты не знаешь, где те бумаги, что вчера передал отец Долорес? – послышалось из комнаты Вильяма, и в следующую секунду я увидела его.

Он вошел в гостиную по пояс обнаженный, с тонкой белой футболкой в руках, которую собирался надеть. Его волосы были влажными, как после душа. На бедрах низко сидели штаны, из-под которых виднелся пояс его боксеров (мои глаза, конечно же, не постеснялись заметить и это).

Ну здравствуй, прекрасное видение. Посмотри, кто к тебе приполз из грязного болота...

– Лори? Что случилось? – испугался он, глядя на меня во все глаза.

И этот страх, и изумление на его лице, и обнаженные плечи и грудь, которые я когда-то целовала, и руки, которые бросили футболку и собрались меня обнять, и вся неожиданность, и невыносимость этой ситуации – все это отбросило меня к двери. Я развернулась и быстро

вышла на площадку. Я не могла находиться так близко к нему, слишком больно. Все равно что стоять на руинах большого города, в котором ты когда-то жил и был счастлив.

Я поеду в гостиницу. В моей сумочке немного денег и водительские права, я смогу снять номер...

За спиной послышались быстрые шаги, и в следующий миг Вильям обогнал меня и загородил дорогу.

– Лори. Останься у нас, прошу. Я уйду, если тебе так будет легче. А ты оставайся.

– Н-нет, не беспокойся, я найду, где переноче... – и я закусила губу, чтобы не разрыдаться.

– Господи, я убью их обоих, что же они творят, – едва слышно пробормотал он, хватая меня за плечи и разворачивая на сто восемьдесят градусов. – Пожалуйста, иди к нам. Меня там уже нет...

И он зашагал по лестнице вниз – едва одетый. Только куртку успел набросить на плечи. Ко мне подбежала Бекки и крепко взяла за руку.

– Идем, Лори. – Ее голос дрожал.

* * *

Я лежала в кровати Вильяма и не могла уснуть. Все здесь сводило с ума: запах его одеколона, который витал в воздухе. Его вещи, книги, его ноутбук, записки на норвежском, приколотые к стенке над столом...

Почему я снова здесь? Как это возможно? Какая потусторонняя сила заставила меня снова оказаться в этой постели? Наверное, это какая-то проверка на прочность. Тест на выживание. Сейчас включится свет, заиграет дурацкая музыка, откуда-то выскочит ведущий реалити-шоу в нелепом костюме и скажет: «А здесь у нас Долорес Макбрайд! И сейчас мы проверим, сможет ли она лечь в постель Вильяма Веланда и не сойти с ума от боли! Или все-таки нервишки не выдержат, и она начнет кричать, плакать и обнимать его подушку! Последняя минута теста пошла!»

Я не пройду этот тест...

Я свернулась калачиком и дала волю слезам, впиваясь пальцами в ткань одеяла, в простыни, в подушку. Сжимая вещи, которые обнимали его тело каждую ночь. Как не могла я...

Мой болеметр снова начал вибрировать, после чего, как обычно, позвонила мама:

– Родная, ты в порядке? Мы снова получили сигнал.

– Да, мам, все в порядке. Просто... просто ногу подвернула, – всхлипнула я. – Обезболивающего нет, идти в аптеку не могу... Так что я сниму его на ночь, о'кей? Не волнуйтесь, если штуковина начнет вам кричать, что не чувствует мой пульс.

– О'кей, поспи, милая. Наступит утро, и боль утихнет, вот увидишь.

– Хорошо, мам.

Я сняла болеметр и положила на прикроватную тумбочку. Сегодня и правда лучше его снять. Он сломается от перенапряжения, если я оставлю его на руке...

Бекки заглянула ночью, сказала, что уезжает к своему парню, но утром обязательно вернется, позвенела ключами от машины, пошуршала одеждой и ушла. Сон так и не пришел. Я выбралась из постели, надела пальто Бекки прямо на пижаму и вышла на балкон. Самое сердце ночи. Тишина, от которой можно оглохнуть. И холод, от которого можно растерять все зубы.

Интересно, где он сейчас, куда поехал, где спит. Спит ли...

Я плотнее запахнула пальто, вышла из квартиры и спустилась на подземную парковку. Замерцали люминесцентные лампы, и я медленно пошла вперед, выискивая среди рядов машин «Теслу» Вильяма.

Та стояла в самом конце, отражая лаковой поверхностью свет тусклых ламп. Я подошла ближе, путаясь в ногах, и заглянула в салон. Вильям полулежал на сиденье, уложив согнутые в локтях руки на голову, так что были видны только губы и подбородок. Я открыла двери и тихо позвала:

– Вильям?

Он шевельнулся, уронил руки и сел, глядя на меня, как на привидение.

– Идем. Я так не могу. Спать в твоей кровати, пока ты мерзнешь здесь...

– До-ло-рес Мак-брайд, – произнес он по слогам. – И вот т-ты с-нова мне с-снишься. Снова и снова...

Он был сильно пьян. Не то чтобы в дрова, но с трудом складывал слова в предложения. На соседнем сиденье валялась на треть пустая бутылка джина. Из салона обрушился крепкий запах этанола и можжевельника.

– Серьезно? Джин?

– Самое лучшее обезболивающее, – спотыкаясь на словах, напомнил он.

Я сунулась в салон, нашла его руку и потянула за собой.

– Пошли.

Его рука оказалась влажной, и я замерла, когда обнаружила, что костяшки его пальцев истекают кровью. Теперь понятно, почему он пьет: ему больно.

– Ох... Ты притронулся к кому-то?

– Да. К стене, – кивнул он, указывая на белую гладь опорной стены, где штукатурка местами осыпалась и была запятнана кровью, как будто ее кто-то долго и упорно лупил, не жалея рук.

– Ты с ума сошел?! Зачем?! Идем, нужно перебинтовать!
Вильям рассмеялся, и от этого смеха внутри все сжалось.

– Тебя беспокоят мои руки?

– Да.

– У меня из груди торчит нож, как насчет него?

Я поняла, что это метафора, но на мгновение мне стало жутко.

– Идем. – Я снова потянула его из машины, сжав ладонь. – Прошу тебя.

Вильям выбрался из машины, покачиваясь и глядя на меня с непроницаемым выражением лица. Я обхватила его за талию и повела к лифту. Хотя не думаю, что смогла бы удержать массивное тело, если бы он вдруг решил упасть.

Мы вернулись в квартиру в полном молчании.

– Я принесу бинты, садись...

Когда я вернулась из кухни с аптечкой, Вильям лег на диван и снова принял то же самое положение, что и в машине: руки согнуты в локтях и заброшены на голову, словно свет режет ему глаза. Я подумала бы, что он уснул, если бы грудь не вздымалась так часто.

Я села рядом с ним и взяла за руку. Кожа к коже. Без всяких гребаных перчаток. Наверное, я никогда не смогу привыкнуть к этому ощущению мягкости и теплоты. В жизни много прекрасных вещей, но прикосновение прекрасней всего.

– В этом точно нет необходимости, Долорес, – заговорил Вильям хрипло, еле-еле выговаривая слово «необходимость». – Если тебе это в кайф, то я потерплю. Если нет, то иди спать. Ты ничего мне не должна...

– Зачем ты делал это?

– Делал что?

– Бил стену.

– Чтобы не убить человека.

– Разумно, – машинально пробормотала я, просто чтобы поддержать разговор: Вильям вел себя спокойнее, когда говорил со мной. – И в чем же он так провинился?

– Притронулся к тебе.

Я вскинула глаза, чувствуя, как отливает кровь от лица. Бекки! Какого черта она сказала, что я была не одна?! Он не должен был узнать. Ему не нужно знать об этом...

– Он просто друг, – солгала я, трясущимися руками раскладывая вокруг бинты и вату.

– Друг, в общении с которым скоро понадобятся восковой спрей и

горячая вода?

Я выпустила его ладонь, задыхаясь от возмущения.

– Можешь говорить как есть, Долорес. У меня уже не осталось никаких сил, чтобы продолжать пытаться исправить все это...

– Кто сказал тебе?!

Сейдж. Он узнал все от Сейджа. Откуда же еще...

– Птичка-синичка.

– Птичка-синичка по имени Сейдж? И с каких это пор Веланды на короткой ноге с Макбрайдами?

– О-о-о, с давних, – поморщился он, откидывая назад голову. – С давних-давних пор. Друзья, союзники, заговорщики, а скоро еще и родня...

– Что ты несешь?

Вильям сел прямо, закинул руку на спинку дивана, и наклонился ко мне поближе, глядя прямо в глаза:

– Спущенные колеса, потоп в твоей квартире, Сейдж, отказывающийся в приюте на ночь, Бекки затаскивающая тебя сюда. Ты думаешь, это все случайно?

– До сих пор не понимаю, о чем ты, – застыла я.

– У нас с тобой все зашло в такой тупик, что, думаю, им больше нет смысла продолжать творить все это. Я задолбался клеивать колеса, ты, думаю, тоже... Итак, твой брат встречается с моей сестрой. Уже несколько лет. И у них нет секретов друг от друга. Так что все, что ты рассказываешь ему, рано или поздно узнаю я.

– Я не верю тебе, – одними губами сказала я.

Вильям вынул из кармана телефон и раскрыл какую-то переписку в «WhatsApp»:

– Это сообщение от Сейджа, которое он отправил Бекки, а она просто переслала мне.

«Бекки, – прочитала я, – передай своему тупоголовому братцу, с которым я теперь даже говорить не хочу, огромное спасибо! За то, что подарил Лори ОСОБЫЕ ЗНАНИЯ, черт его дери! Теперь Долорес собирается переспать с несовместимым человеком. Какой частью своего тела он думал, когда посвящал ее в это?!»

Мое горло онемело. Меня охватили такая паника и такой стыд, каких я не испытывала уже давно.

– Не знаешь только ты, – сказал Вильям. – Наши семьи одержимы идеей свести нас вместе. Мои сначала знать вас не хотели после того, как ты натравила на меня собаку. Но потом начались девушки, начались ожоги, начались мои проколы, когда я не успевал смыть с себя их прикосновения и

попадал в больницу. Через несколько лет мои родители сами связались с твоими, умоляя «что-нибудь сделать с этим». Они устроили так, чтобы мы оказались в одном университете. Чтобы наши квартиры оказались в одном доме...

Мои руки начали трястись. Я смотрела на сообщение от Бекки и не верила глазам. Вот почему она никогда не показывала своего парня. Вот почему Сейдж никогда не приводил свою девушку. И все это только для того, чтобы Вильям и я ничего не заподозрили и думали, что все идет своим чередом...

– Читай дальше, там есть... еще кое-что, – сказал Вильям, встал и ушел, пошатываясь, на кухню.

Я промотала переписку ниже.

«А еще передай ему, недоумку, что она все еще сохнет по нему. Его проклятый игрушечный вертолет лежит на ее подушке. На кровати – учебник по норвежскому. А еще она хочет завести кошку! Угадай, какой породы! Норвежскую лесную, блин! Уже нашла заводчика и внесла залог за котенка! И если это не помешательство, то я не знаю что!»

Из глаз закапали горячие слезы. Я и правда говорила Сейджу о котенке, когда он приходил. Чтобы как-то сгладить разговор. А он... а они...

«А еще передай своему бестолковому брату, что она ведет закрытый Инстаграм, в котором изливает душу. И, поверь, там есть что изливать.

*«Принцесса сбежала из Стигмалиона,
Бросив сокровища, трон и корону.
Рыцарь увез ее в сумрак багряный,
В свой плащ завернул, целовал ее раны,
О, больше не будет ни боли, ни шрамов...»*

Она называет его своим рыцарем, хотя, по-моему, ему больше подходит звание «гребаный мудила»! До сих пор не могу поверить, что он так беспечно рассказал ей про горячую воду и проч.!»

Сейдж, как ты мог! Как ты мог так легкомысленно распоряжаться моими секретами?!

«И еще, Бекс! Думаю, Вильяму пора узнать кое-что. Это не сосед наш его спас. А сама Долорес. Она бросилась на него и закрыла собой от собаки. Только старина Робин был подслеповат и увидел не то, что было на самом деле. Долорес не сидела на Вильяме и не лупила его кулаками! Она

лежала на нем, отбиваясь от акиты! Собака порвала ей ногу, когда она отпихивала морду. А потом Лори все спрашивала о «мальчике из Норвегии», обливаясь слезами. Лучшие бы Вильям просто убил ее. Ты представляешь, что теперь может случиться? Если презерватив порвется, ее никакая реанимация не спасет, вот что! Придурок!»

Я зажала рот. Наружу рвались рыдания, тяжелые и истеричные. Набрала Сейджа и звонила, пока он не взял трубку. И плевать мне было, что на часах три утра.

– Это были мои, черт бы тебя побрал, секреты! Моя жизнь! Моя боль! Как ты посмел разбрасывать мои секреты направо и налево?! Без моего разрешения, Сейдж?! Я что, какая-нибудь собака, которую во что бы то ни стало надо свести с кобелем определенной породы? Я человек! Человек, и сама решаю, с кем мне быть и кого любить!

Сейдж что-то лепетал в ответ, но я не слышала, что. Я орала в трубку, пока не охрипла. Потом бросила телефон и сжала голову руками, горько плача.

Вильям сел рядом и прижал меня к груди. И обнимал, пока меня не перестало трясти и слезы не перестали течь ручьями.

– Я не знаю, утешит ли тебя это, – пробормотал он, касаясь губами моих волос, – но... это были самые восхитительные секреты из всех, что я когда-либо узнавал... Господи, тебе нравится Норвегия. Я и вообразить не мог... и теперь я одержим желанием прочесть твой секретный Инстаграм. От корки до корки. И еще ты спасла меня. Это ты спасла меня...

Вильям стер слезы с моего лица и сунул в руки стакан с джином.

– Пей. Будет не так больно. И иди спать. Теперь все прекратится. Теперь они не будут творить черт знает что. Я скажу, что все кончено...

Я взяла стакан и начала пить, задыхаясь от крепости алкоголя.

– Ты знал?

– О том, что они устроят потоп? Господи, нет...

– Обо всем! Обо всем, что они делают! Обо всем, что планируют! Обо всем, чего добиваются!

– Узнал недавно. После того как ты попала в больницу.

– И не сказал мне?

– Трудно говорить о сложных вещах, когда ты не позволяешь обсудить с тобой даже самые простые.

– Самые простые – это какие? – зло бросила я.

– Ну, например, – пожал плечами Вильям, – что мне сделать, чтобы ты снова поверила мне... Как облегчить твою боль... Захочешь ли ты поехать со мной в Норвегию... Познакомиться с моими родителями... Переехать ко

мне, чтобы жить вместе...

Я устала на него в немом изумлении.

Боже, ты же знаешь, что я и так едва дышу, зачем же Ты снова втыкаешь эту стрелу в мое сердце, проворачиваешь, а потом ногой вбиваешь ее глубже? Так глубоко, что острие выскакивает сзади, из-под лопатки.

– О да, это очень простые вещи, – хрипло вымолвила я, качая головой.

– Очень, – кивнул Вильям, касаясь моего подбородка.

– Ты вообще слышишь, что ты говоришь? – пробормотала я.

– Я пьян. Мне все можно.

– Я теперь тоже пьяна. Но это не значит, что можно потешаться над серьезными вещами как ни в чем не бывало! Я влюбилась в тебя, а ты... уничтожил меня.

– Иди ко мне, – сказал Вильям, забирая у меня пустой стакан и протягивая руку. И я замерла, глядя на нее, как на лестницу, ведущую из темного подполья наверх – туда, где небо, свобода и ветер...

– Долорес, – позвал он (у меня всегда перехватывало дыхание, когда он называл мое полное имя). – Иди ко мне. Ты не устала сражаться со мной? Не устала от всех этих ран, выстрелов, крови, боли, пепла на языке? Тебе хочется отомстить за то, что я сделал с тобой? За то, что оставил тебя в трудную минуту? Смотри, я уже добит и распят. Моя война окончена. А тебе пора окончить свою. Тем более что это так просто... Господи, Долорес, это на самом деле так просто... – Вильям коснулся моей щеки, стирая мокрую дорожку, и добавил: – Хочешь, я помогу тебе? Хочешь? Просто кивни и я сделаю это... и об этом никто не узнает. Я никому не скажу, даже под пытками. Унесу в могилу...

Мои слова, которые я когда-то сказала, – этот лепет маленькой девочки, умоляющей о поцелуе, – из его уст звучали иначе. Завораживающе. Страшно. Волшебное. Наверное, так говорят демоны с теми, кто их слышит. Наверное, так затягивают людей под воду глубинные течения. Наверное, так шепчут свои заклинания самые сильные, верховные маги...

А заклинаниям верховных магов невозможно противостоять.

Я потянулась к нему, и он принял меня, голодно целуя. Я забралась ему на руки, сжав ладонями его лицо и скрестив ноги у него за спиной.

Бог наклонился и вдавил обратно в тело выпирающее из-под лопатки острие: «Теперь оно снова у тебя в сердце, девочка, – вот теперь порядок».

* * *

Этой ночью все было иначе. Все было не как в первый, а как в последний раз. Нами двигало не любопытство, а отчаяние. Мы прощались. Быстро и не тратя понапрасну ни секунды. Раздели друг друга быстрее, чем срывали бы горящую одежду.

Я не предполагала, что секс между двумя людьми может так отличаться от раза к разу. То быть нежным, как игра песка и утреннего прибоя, то неистовым, как девятибалльный шторм. То осторожным, словно под нашей кроватью – склад боеприпасов, то стремительным, как падение с высоты.

В прошлый раз он лишил меня девственности, а в этот раз заставил забыть, что она вообще у меня была. Вел за собой в такие заколдованные места, в которых я еще не бывала. Вот розовое небо, седьмое по счету; вот густые заросли тёрна, что обвивают меня и полосуют кожу красным; вот крик невидимой птицы (или мой собственный?); вот бархатные мотыльки, что набиваются в легкие и кружатся в животе; вот волшебник, вкладывающий мне в руку самый прекрасный на свете клинок...

Он хочет проверить, помню ли я, как с ним обращаться. Хочет узнать, буду ли я кричать, если он пронзит меня. А если буду кричать, то что вылетит из моего рта – звуки или ночные бабочки?

Боже, я не хочу уходить из этого заколдованного леса. Хочу сидеть на коленях и играть с опасным оружием. Хочу, чтоб мой рот опух от ядовитых ягод. Хочу собрать всех этих разноцветных саламандр, что бегают по моему телу, и, когда придет время уходить, забрать с собой. С ними мне будет не так тоскливо в темнице Стигмалиона...

* * *

– Лори...

Я открыла глаза и увидела склоненное над собой лицо Вильяма. Волосы растрепались, губы припухли от моих бесконечных поцелуев, глаза скользили по моему лицу.

Комнату заливал голубоватый утренний свет. Я лежала в постели, обнимая подушку. Вильям сидел рядом и держал в руках поднос, на котором исходила паром кружка горячего кофе, лежали два круассана и цветок цикламена – нежно-розовый, ароматный, холодный. Вильям был

уже одет: черные джинсы, белая футболка и спортивная куртка с эмблемой университета.

– Лори, я опаздываю на встречу с твоим отцом, нужно обсудить с ним кое-что по поводу предстоящего суда. Суд уже на следующей неделе, времени в обрез... Оставайся здесь, сколько будет нужно. И... Лори, я догадываюсь, о чем ты сейчас снова начнешь думать, что это не любовь, а безысходность. Что за нас все решила банальная совместимость. Что в людях так много звериного и так мало человеческого. Что Бекки и Сейдж вынудили прийти сюда, а я влил в тебя стакан джина и закончил начатое... Пожалуйста, гони прочь эти мысли и знай: это был не просто секс, как и ты для меня – не просто совместимый со мной человек. Долорес, это было небо. И я хочу, чтобы ты забирала меня туда снова и снова, пока мы не разучимся ходить... я люблю тебя и хочу, чтобы ты была моей. Я сомневаюсь во многих вещах, но только не в том, что ты создана для меня. Знаю, что тебе нужно время, и не буду торопить. Обдумай все, ладно? Но... если ты предпочтешь этого нового парня, то я попрошу обвинительный приговор...

– С ума сошел? Не дури! – подскочила я, привстав на локтях и натягивая на грудь одеяло.

– Твоя реакция обнадеживает, – рассмеялся Вильям.

– Еще могу запустить тебе что-нибудь тяжелое в голову для лучшего эффекта.

– Ты уже снесла мне голову. Ее уже нет, – сказал он, вручая мне чашку, и с надеждой добавил: – Ты останешься?

– Думаю, что мне лучше уехать к родителям, пока квартиру не приведут в порядок, – сказала я. – Там все и обдумаю. Тебе накануне суда нужна холодная голова, а я хочу немного... прийти в себя. Это были... тяжелые дни. Я приеду на судебное заседание.

– Договорились, – кивнул он.

– Пока, Вильям.

– До скорого, Долорес.

Мы распрощались, но он продолжал сидеть на кровати и смотреть на меня. А я смотрела на него, прижимая к груди одеяло. И между нами искрил и мерцал воздух. Мне показалось, что если бы между нами вдруг пролетела пушинка, то она бы вспыхнула и сгорела.

– Не уйду, пока ты не скажешь, что у меня чуть больше шансов вернуть тебя, чем полный ноль.

– Это шантаж, Вильям.

– Нет, это мольба, Долорес.

– Моя голова не слишком варит после всего, что произошло ночью, но, кажется, больше нуля, – сдалась я.

Вильям поцеловал меня в лоб и сказал:

– Вот теперь я смогу отпустить тебя.

Разве я много прошу?

*«Принцесса по-прежнему пленница замка,
Следы от побоев на теле беглянки.
Но солнце садится, темно в зале тронном,
Пора делать ноги из Стигмалиона.
Корону в рюкзак – переплавлю на шпагу,
В плаще-невидимке и с кроличьей лапкой
Иду, не дыша, мимо псов, стражей мимо —
У черного входа меня ждет любимый.
Он руку протянет, обнимет меня,
И так я узнаю, что спасена...»*

Цикламены цвели весь декабрь и весь январь. Ни холод, ни ледяной дождь, ни град, ни заморозки не смогли заставить их увянуть. Они все равно вставали и тянулись из бурой палой листвы к солнцу – яркие, прекрасные, непокорные. А ведь люди тоже как цветы: можно сломать, втоптать в грязь, но разве можно уничтожить внутри ощущение приближающейся весны?

Я жила предвкушением тепла, свободы и решающего побега из стен Стигмалиона. Каждое утро начиналось с сообщения от Вильяма:

«Семь дней до встречи с тобой»,
«Шесть дней до встречи с тобой»,
«Пять...»

Как будто не было никакого суда, как будто намечалась только наша встреча и ничего, кроме нее.

Вильям снился мне каждую ночь, и эти сны были жуткими. В каждом из них он оставлял меня: бросал и возвращался к Айви, умирал от ожогов, погибал от клыков собак. Но потом я просыпалась, читала его сообщения и изо всех сил пыталась верить в лучшее.

Перед отъездом из Дублина я встретила с Крейгом и сказала, что у нас ничего не выйдет. Говорить правду – все равно что вонзать иглу: больно. Поэтому нужно делать это правильно, быстро и быть готовым к тому, что спасибо тебе за это не скажут. Я постаралась, чтобы мы расстались друзьями. А Крейг сказал, что сделает все возможное, чтобы его

имя стояло первым в списке моих запасных вариантов. На том и порешили.

Мама, бабушка и Мелисса (папы не было, он готовился к суду и был в Дублине) устроили мне воистину королевские каникулы: украсили дом, наготовили моих любимых блюд, устроили вечер спа – ванна с пеной, массаж, маникюр, вино и фрукты, Эд Ширан весь вечер из колонок...

Сейдж и Бекки тоже приехали в Атлон, чтобы объясниться со мной, извиниться за выбалтывание моих секретов и потоп, помириться и пригласить на свою свадьбу в качестве подружки невесты. На свадьбу, о которой я слышала впервые! И самой последней. Даже троюродные братья-сестры Вибекке были в курсе. Мне хотелось рвать и метать, но потом я придумала достойное возмездие:

– Я прощаю вам все ваше свинство, даже проколотые колеса. И даже потоп. Но только если ты, Бекки, специально бросишь букет в мою сторону. А ты, Сейдж, отберешь его и отдашь мне, если его поймает кто-то другой.

Они громко смеялись и согласились, что это будет справедливо.

Бекки было очень интересно, на какой стадии находятся наши с Вильямом отношения, и я сказала, что в Ночь Потопа (боюсь, теперь это станет семейной притчей) мы обо всем поговорили, и что, скорее всего, я дам ему второй шанс. Она пришла в восторг и долго меня поздравляла (как будто я с ним не встречаться собиралась, а уже носила первенца, ха-ха).

– Он бывает очень убедительным, правда? – сказала Бекки, используя некие загадочные интонации в голосе.

Я ничего не ответила, но чувствовала, что мое лицо красноречиво пылает.

В ночь перед судом Вильям написал очень нежное письмо, в котором сообщил, что страшно скучает, и что как только все разрешится, он предлагает уехать на пару недель в Норвегию, в горы, где у его семьи есть загородный дом. Лыжи, снегоходы, северное сияние, длинные ночи у камина... «Что скажешь? Не могу думать ни о суде, ни об учебе, ни о работе – ни о чем, пока не услышу от тебя «да».

Вместо ответа я решила нарисовать открытку и вручить ему завтра в конверте. На ней будут сугробы, елки, лось и несколько строк по-норвежски. Надеюсь, напишу все без ошибок.

И смогу нарисовать лося.

* * *

День Икс настал. Мы приехали в суд, который уже оказался набит

битком. Среди присутствующих я узнала родителей Вильяма, его друзей, кое-кого из преподавателей университета, Айви и очень похожую на нее женщину, раздетую в мех и кожу – должно быть, мать.

Перед самым заседанием суда меня нашел отец, вывел в коридор и сказал:

– До меня тут дошли слухи, что у вас с Вильямом наконец завязались отношения?

– Похоже на то, – робко улыбнулась я.

– Тогда тебе может не понравиться то, что ты услышишь на суде.

– Почему?

– Вся моя защита построена на его отношениях с бывшей девушкой и на том, как сильны его чувства к ней. Я буду упираться на то, что именно это ввергло его в состояние аффекта и заставило потерять над собой контроль.

– Л-ладно, – выдохнула я. – Не проблема...

– Я уже говорил на эту тему с Вильямом. Он не в восторге от этой идеи, но деваться некуда. Нужно убедить судью в том, что Айви ему очень дорога. Она будет тоже выступать и, вероятно, будет рассказывать о том, что тебя не слишком обрадует. Любую информацию о ваших с Вильямом отношениях лучше не бросать судье в лицо, чтобы не поставить Вильяма в уязвимое положение...

– Я поняла, пап. Все нормально. Даже если они сольются в показном поцелуе у меня на глазах, я выстою. Ибо это просто представление...

– Именно это я и хотел услышать. Представь, что ты пришла в театр на «Ромео и Джульетту»...

– Ха-ха... Постараюсь изо всех сил.

Отец обнял меня и сказал, что ему пора.

– Передай это Вильяму, хорошо? – Я протянула папе конверт.

– Любовные послания? – закатил глаза он.

– Вроде того.

– Я передам, но после суда, если ты не возражаешь. Сейчас парню нужна холодная голова, а не твои обнаженные фотки.

– Клянусь, там их нет! – рассмеялась я.

– Так я и поверил.

Мы распрощались, и я вошла в зал, выискивая Вильяма глазами. Он не видел меня – сидел в первом ряду в окружении адвокатов и семьи. Как мне хотелось, чтобы он оглянулся: тогда бы он смог прочитать в моих глазах, как сильно мне дорог и как отчаянно я хочу снова принадлежать ему...

– Всем встать.

Мама и бабушка сели рядом. Мама положила руку мне на плечо, бабушка крепко сжала ладонь. Я не волновалась перед судом, отец смог бы добиться оправдательного приговора даже для серийного маньяка, что уж говорить о молодом влюбленном парне, который никогда ни за что не привлекался и действовал на эмоциях.

Но здесь, в здании суда, наполненном кучей народа, в присутствии стражей правопорядка и журналистов, спокойствие начало покидать меня.

А когда я увидела судью – грузного, массивного человека с оплывшим красным лицом, который смотрел на сидящих перед ним людей с нескрываемой скукой, – то и вовсе стало не по себе. Я надеялась, этот человек знает, что такое любовь, помнит, что такое молодость, и в курсе, что такое отчаяние...

Удар молотка, почти как в аукционном доме. Только на этот раз решаться будет судьба человека. Прокурор уже поднялся, поправляя на голове белоснежный парик, – относительно молодой мужчина с ястребиным носом и сошедшимися на переносице бровями. Его постоянно кренило вперед, словно он увидел на полу перед собой монетку и теперь раздумывал, поднять ее или нет.

– Подсудимый, назовите свое имя...

– Вильям Веланд.

– По установленным данным, тринадцатого ноября вы проникли на территорию дома мистера Тренора Фьюри и нанесли ему тяжкие телесные повреждения.

– Это правда.

– Можете ли вы объяснить ваши мотивы?

– Да. Фьюри изнасиловал мою девушку, Айви Эванс.

Я рефлекторно сжала бабушкину ладонь, и она перевела на меня пытливый взгляд. «Мою девушку, Айви Эванс» – мозг отреагировал на эти слова так же, как реагировал бы на вой сирен: паникой.

– Знали ли вы, что в отношении мистера Фьюри будет проведено отдельное расследование и по результатам расследования будут приняты соответствующие меры? – спросил прокурор, опираясь локтями о кафедру.

– Предполагал и надеялся, – ответил Вильям.

– Знали ли вы, что самосуд карается законом?

– Да.

– Но вы все равно решили сделать это. Почему? Вы не верите в

справедливость суда?

– Я верю в справедливость суда, – сказал Вильям. – Просто решил добавить к справедливости небольшой бонус...

В зале кто-то громко хихикнул. Прокурор заложил руки за спину и хорошо поставленным голосом заметил:

– Мистер Фьюри уже признал свою вину, но отдаете ли вы себе отчет в том, что если бы мисс Эванс ошиблась, то вы бы искалечили невинного человека? Ведь ваше решение было основано только на ее показаниях.

– Мне было достаточно ее слова.

– Должно быть, вы испытываете очень сильные чувства к мисс Эванс, если решили отомстить ее обидчику в обход суда?

Я перестала дышать, в горле встал ком. Вильям искал в зале кого-то, и когда его глаза встретились с моими, я поняла, что искал меня...

– Да, нас многое связывает, – туманно ответил Вильям.

– Верите ли вы всему, что она говорит? – коварно улыбнулся прокурор.

– Я ни разу не уличал ее во лжи, – поспешил ответить Вильям.

– Спасибо, теперь я бы хотел услышать ответ на такой вопрос: были ли вы знакомы с мистером Фьюри ранее?

– Нет.

– Однако в наши руки попала ваша переписка. В частности, сообщение от вас, которое было отправлено мистеру Фьюри год назад. Позвольте мне его процитировать: «Если ты еще раз позвонишь ей в полночь, то будешь выковыривать болтики от своего Никона из своей задницы...» – Прокурор откашлялся, по залу покатались смешки. – Вы можете прокомментировать его? Чем был вызван столь резкий тон?

– Тем, что Фьюри преследовал Айви.

– Вы хотите сказать, имел с ней очень большой и важный общий проект? – спросил обвинитель, замерев в театральной позе посреди зала и обводя глазами высокие потолки.

– Нет, именно преследовал. Звонил ей ночью, просил встреч в неурочное время...

– Вас это злило...

– Естественно.

Прокурор торжествующе взмахнул руками: по воздуху полетели его кружевные рукава и костлявые, хищные пальцы.

– То есть вы допускаете, что в процессе расправы над мистером Фьюри вами управляли не эмоции и романтические чувства в отношении мисс Эванс, а давние счеты с мистером Фьюри и личная неприязнь?

Я задержала дыхание от этого нелепого поворота. Бабушка с мамой

задержали дыхание. Весь зал, казалось, перестал дышать в ожидании ответа.

– У меня не было и нет никаких «давних счетов» с Фьюри, – раздраженно сказал Вильям. – Он всего лишь начал увиваться за моей девушкой, а я всего лишь посоветовал ему не делать этого. Банальный обмен любезностями. С тех пор я даже не вспоминал об этом.

Прокурор слегка скис, но тут же вынул из рукава очередной вопрос с подковыркой и запустил его в Вильяма:

– Скажите, мистер Веланд, а если бы мисс Эванс подверглась нападению сегодня, вы бы отправились к мистеру Фьюри, чтобы наказать его?

– Не смог бы отказать себе в удовольствии, – ответил Вильям, глядя на прокурора с нескрываемым раздражением.

В зале снова захихикали. Я тоже улыбнулась, наслаждаясь его уверенностью, и спокойствием, и голосом, который можно было слушать бесконечно.

– То есть вы хотите сказать, – пропел прокурор, постукивая туфлями по паркету, – что расправа над мистером Фьюри принесла вам удовольствие?

– Протестую, – вмешался отец, ставя невидимый щит между Вильямом и стрелами прокурора. – Я думаю, что мой подзащитный просто использовал неудачную метафору.

– Протест принят, – утерся платочком судья; очевидно, в парике ему было жарковато. – Повторите свой предыдущий вопрос, господин прокурор.

– Мистер Веланд, если бы мисс Эванс подверглась нападению сегодня, вы бы отправились к мистеру Фьюри, чтобы наказать его?

– Да, потому что считаю, что заключение в тюрьме – недостаточное наказание для ублюдка вроде него.

– А если бы не мисс Эванс, а какой-нибудь ваш друг подвергся бы нападению, вы бы отправились самолично наказывать виновного?

– Возможно, если бы посчитал, что обвинения справедливы.

– И вас не беспокоит, что вы можете ошибиться, неверно истолковать факты и наказать невиновного человека? Или наказать его несоразмерно вине?

– Я думаю, что смог бы разобраться, виновен человек или нет.

– Осознаете ли вы, что ваши действия могли повлечь за собой смерть мистера Фьюри?

– Да. Как и то, что действия мистера Фьюри могли повлечь за собой

смерть Айви.

А вот здесь мой отец был доволен. Я видела его плечи, которые расслабленно опустились.

– В материалах дела указывается, что это не первое ваше нападение на человека и что вы и раньше принимали участие в драках. Также следствию известно, что в детстве вы отличались задиристостью и не раз вступали в драки...

Я уронила голову в ладонь. Когда же обвинитель прекратит терзать его?

– Протестую, это не имеет отношения к данному делу, – снова взмахнул своим щитом отец. – Все мальчики дерутся.

– Однако не все дерутся жестоко. На вашей руке, мистер Веланд, нет двух пальцев, вы можете объяснить...

– Нет, – отрезал Вильям, сжимая руки в кулаки.

Обвинитель был собой доволен. Не знаю, как, но ему удалось на последних минутах своего допроса окутать Вильяма аурой жестокого бунтаря. Надеюсь, отцу удастся разогнать этот дым и доказать всем, что Вильям не такой, и что такие люди, как он, не должны сидеть в тюрьме...

Бабушка коснулась моего подбородка:

– Как ты, милая? Ты совсем бледная.

– Я в порядке, бабуль...

– Этот кровопийца прокурор всем голову заморочил, но ты-то по-прежнему уверена, что Вильям – хороший мальчик?

– Естественно. – Я перевела на нее глаза. – Просто не ожидала, что его будут так прессовать. Думала, что все плюнут на портрет Фьюри, разотрут и разойдутся по домам...

– Я тоже, если честно, – нахмурилась она.

* * *

После небольшого перерыва в свидетельскую ложу поднялась Айви в качестве свидетеля защиты. Спокойная, как атомный ледокол в водах Арктики.

– Мисс Эванс, как долго вы встречаетесь с мистером Веландом? – обратился к ней мой отец.

– Два года.

– Можете ли вы коротко рассказать о ваших отношениях с мистером Веландом?

Я сжала в руках стакан с кофе, добытый для меня мамой, так сильно, что с него соскочила пластиковая крышка.

– Вильям замечательный парень, – нежно улыбаясь, ответила Айви. – Я всегда была с ним как за каменной стеной. Что бы ни случилось, знала, что всегда смогу положиться на него. Когда мы впервые встретились – это случилось в баре – он обратил внимание на то, что меня хотят увести оттуда какие-то подозрительные парни. Он понял, что эти люди не мои друзья, и воспрепятствовал этому. Позже выяснилось, что мне подсыпали наркотик в стакан... Однажды я слетела с лыжной трассы на горнолыжном курорте в Норвегии и сломала ногу. Меня вынесло за пределы видимости, в глубокие сугробы. Именно Вильям нашел меня, а не спасатели...

Я опустила глаза, пересчитывая дощечки паркета на полу и испытывая страшное волнение. Меня потрясла нежность в ее голосе и та теплота, с которой Айви говорила о Вильяме. Я подняла глаза и увидела, что Айви смотрит на него. Смотрит глазами, полными благодарности, а потом продолжает:

– Год назад я забеременела от Вильяма. И мы решили оставить ребенка. Но на третьем месяце беременность замерла: ребенок умер. Если бы не поддержка Вильяма, то не знаю, как я смогла бы пережить все это. Он тот человек, на которого можно положиться...

Господи, ЧТО?

Я едва не вскочила со своего места, задыхаясь от потрясения. Так, что бабушке пришлось сжать крепче мою руку и спросить, все ли хорошо.

Мой отец продолжал задавать Айви вопросы, а она воодушевленно рассказывала об их с Вильямом отношениях и о том, как сильны они были. Она, как ангел-хранитель, распростерла над ним крылья, разгоняя черный дым, который напустил обвинитель...

После Айви начали выступать друзья Вильяма, Сейдж и Вибекке, но я не стала слушать. Я поднялась со своего места, протолкнулась сквозь толпу к выходу и выбежала вон. Глаза жгло, в груди все горело, слова Айви «решили оставить ребенка» пульсировали в моей измученной голове. Я прислонилась спиной к стене и прижала к лицу ладони.

Мне ли на самом деле он должен принадлежать? Все, что я видела пять минут назад, все, что слышала, – никак не убеждало в том, что мы созданы друг для друга. Совсем никак.

– Лори? – услышала я, открыла глаза и увидела приближающуюся ко мне бабушку. – Милая...

Она обняла меня, и я расплакалась в ее руках, совсем, как ребенок...

– В чем дело? Почему ты здесь? Друзья Вильяма говорят о нем такие

чудесные вещи. Тебе бы понравилось услышать их.

– Кажется, я услышала достаточно, бабушка...

– О чем ты?

– После всего, что сказала о нем Айви, я не могу поверить, что ему нужен кто-то, кроме нее. У них все было так... *серьезно*, черт возьми! И она до сих пор боготворит его! И она была беременна, и они... решили оставить ребенка! – истеричным шепотом добавила я, уткнувшись мокрым носом в дорогой бабушкин жакет.

– Лори... Знаешь, что я думаю? Просто ей очень сильно хочется его спасти. Тем более что она чуть ли не единственная, кто может сделать это. Но все это вовсе не значит, что они созданы друг для друга. Или что они хотя бы любят друг друга. Это ничего не значит. Имеет значение только то, что ты сейчас умираешь от ревности. И то, что Вильям чуть за тобой не рванул, когда увидел, что ты выбегаешь из зала.

– Правда?

– Правда. Возьми себя в руки и возвращайся. Ты нужна ему...

– Не знаю, бабушка, не знаю...

– Боже милосердный, ну сколько это дитя еще будет сомневаться?! – внезапно воскликнула она, поднимая к небу глаза. – Как смог Ты запихнуть столько сомнений в эту маленькую головку?!

Я горько вздохнула. Возможно, так и есть. Но, черт побери, сложно не засомневаться, когда в истории отношений начинает фигурировать пункт «желанный ребенок»!

– Ведь ты по-прежнему намерена дать Вильяму шанс? – хмуро спросила бабушка. – Лори, ответь мне, что будет после того, как мы выйдем из здания суда?

– Боюсь, мне нужно будет еще раз хорошенько все обдумать. И если у Айви есть хоть какие-то чувства к Вильяму, или у него к ней, то я отступлю. Клянусь, я больше и пальцем не притронусь к тому, кто не предназначен мне.

Я достала телефон и написала сообщение отцу: «Папа, не знаю, успеешь ли ты прочитать, но пожалуйста, не передавай Вильяму мое письмо. Боюсь, я поторопилась...»

– Святые угодники, – пробормотала бабушка, и я увидела, что она заглядывает в телефон через мое плечо. – И кто ж тебя воспитал такой правильной? Это точно не моя школа. Моя школа такова: нападай первой, сражайся насмерть и забирай все, что нравится. И не испытывай угрызений совести... Надо было забрать тебя в младенчестве у твоих слишком добреньких родителей, Долорес Макбрайд. А теперь слишком поздно!

Возвращайся в зал, милая, а мне нужно дух перевести...

* * *

«Нападай первой, сражайся насмерть и забирай все, что тебе нравится. И не испытывай угрызений совести». Легко сказать! У меня только одно возражение: как потом спать по ночам? Вот серьезно. Каково это – закрывать глаза и видеть тех, кто несчастен по твоей вине?

Я вернулась в зал суда перед заключительным словом обвинения и села рядом с мамой. Она хмуро оглядела мое зареванное лицо, положила руку на плечо и привлекла к себе.

Прокурор был в ударе. Как и свойственно тем, кто проигрывает.

– Итак, господин судья, я бы хотел подытожить аргументы обвинения. Тринадцатого ноября Вильям Веланд узнал, что на его девушку совершено нападение. Мисс Эванс, пребывая в больнице, сообщила ему, что это сделал мистер Тревор Фьюри, и мистер Веланд отправился к нему домой, чтобы наказать. Действия мистера Веланда носили крайне жестокий характер. Скорая диагностировала у мистера Фьюри множественные травмы, включая сломанную челюсть, сотрясение мозга, повреждение мягких тканей лица, а также сломанную руку. Перелом руки, вероятно, приведет к утрате профессиональной трудоспособности, так как мистер Фьюри в течение долгого времени не сможет держать фотокамеру в руке. У мистера Веланда уже была конфронтация с мистером Фьюри, и, вероятно, вовсе не жажда мести за любимую руководила им, а холодный и трезвый расчет. Мистер Веланд не раскаивается в том, что сделал, и в следующий раз готов сделать то же самое. Он не рассчитывает на справедливый суд и готов вершить его сам. Мистер Веланд должен извлечь урок и понять, что судебная система и только она должна нести правосудие, ибо суд, будь он плохой или хороший, является признаком цивилизованного общества, а самосуд отбрасывает нас к диким первобытным временам. Судебную систему можно реформировать и усовершенствовать, а самосуд как был стихийным проявлением человеческой злобы и ненависти в незапамятные времена, так им и останется.

Зал встретил речь прокурора гробовым молчанием. Вильям обводил глазами зал и, когда увидел меня, выдохнул. Его грудь поднялась и опустилась, плечи расслабились. Он улыбнулся мне, но я не смогла вернуть улыбку.

Я решила, что останусь до окончания судебного заседания, потом

поздравлю его, а после нужно будет незаметно уйти. Вернуться домой в Атлон и еще раз хорошенько обдумать, что делать дальше...

– Ваша честь. – Отец тем временем положил локти на кафедру и раскрыл перед собой кожаную папку. Он не нервничал, выглядел очень сосредоточенным и хмуро сощурился, когда его глаза на мгновение встретились с моими. Словно осуждал за то, что я не присутствовала на половине заседания. А может быть, он успел прочитать мое СМС...

– Этот молодой человек, который сегодня предстал перед судом, обвиняется в нанесении тяжких телесных повреждений мистеру Тревору Фьюри. Как вам уже известно, это произошло сразу же после того, как мистер Фьюри совершил преднамеренное и жестокое нападение на девушку моего подзащитного – мисс Айви Эванс. Многие из вас видели, в каком состоянии оказалась мисс Эванс после нападения. А теперь поставьте себя на место Вильяма и представьте, что подобное совершено в отношении близкого вам человека. Не нужно быть влюбленным по уши, чтобы захотеть справедливого возмездия, не так ли? Но молодость нетерпелива и впечатлительна, поэтому часто не может ждать, пока преступнику будут предъявлены официальные обвинения. Безусловно, любой человек, совершивший покушение, должен быть наказан соразмерно своей вине, но в данной ситуации есть несколько смягчающих обстоятельств. Во-первых, мистер Веланд никогда ранее не был судим и не совершал каких-либо правонарушений. Друзья и его девушка, Айви Эванс, охарактеризовали его как человека уравновешенного и адекватного. Во-вторых, мистер Веланд на момент совершения нападения находился в состоянии аффекта, так как нападению подвергся не просто близкий ему человек, а девушка, с которой мистер Веланд встречается уже два года. И есть множество доказательств того, что отношения между мистером Веландом и мисс Эванс очень романтичны и сильны. В-третьих, по показаниям мисс Эванс отношение мистера Веланда к ней всегда носило яркий покровительственный характер. Ваша честь, за любовь и желание защищать нельзя наказывать по всей строгости. Я считаю, что для торжества справедливости условного срока будет достаточно.

Я зааплодировала отцу, и зал разделил мой восторг его речью. Многие вскочили со своих мест, и стало так шумно, что судье пришлось застучать молотком, призывая всех к порядку.

Рядом со мной села бабушка, от которой сильно пахло сигаретным дымом, и проворчала:

– Что празднуем?

– Папа очень хорошо выступил, – объяснила я.

– Надеюсь, судья тоже так думает, – скептически заметила она.

Судья тем временем объявил итоговый перерыв перед оглашением приговора и удалился. Мой папа и Вильям уже начали принимать поздравления. К отцу подошла Айви и пожала ему руку, потом нежно обняла Вильяма, прижавшись щекой к груди. Я смотрела на них и была готова разрыдаться.

Вскоре судья вернулся и, выдержав эффектную, длинную паузу, объявил:

– Вильям Веланд, вы приговариваетесь к двум годам лишения свободы за нанесение особо тяжких телесных повреждений мистеру Тревору Фьюри. Ваша защита вправе обжаловать приговор в апелляционном суде.

* * *

В тот момент я решила, что я сплю и вижу очередной кошмар, в котором не будет драконов и огненных столбов, но в котором я все равно потеряю его. Я впилась пальцами в собственные колени так сильно, что ногти вонзились глубоко в кожу. Просыпайся же! Проснись!

Зал суда погрузился в шок вместе со мной. Сначала его затопило ледяное молчание, а потом он взорвался недовольным рокотом голосов. Послышались крики протеста.

Судья Маклахлан уgomонил собравшихся, стуча молотком по столу и утирая красное лицо платком:

– Господа, здесь вам не спортивная арена, проявляйте уважение к суду.

Я вскочила со своего места и ноги сами понесли меня вперед. Они не посмеют, я не позволю им!

Вильям искал меня глазами, пока его брали под стражу прямо в здании суда. Я продиралась сквозь толпу к нему, расталкивая локтями людей. Гул и недовольный ропот становились все громче. Там, где раньше сидел Вильям, всхлипывала его мать, стоял хмурый отец и белая-белая Вибеке, крепко сжавшая руку Сейджа.

Я успела добежать до Вильяма, которого уже взяли под руки охранники, и вцепилась в него, обняв сзади и прижавшись к спине. И пока стража соображала, как бы оторвать меня от него, Вильям развернулся и положил руки мне на плечи.

– Прости, – сказал он зачем-то.

Один из конвоиров грубо схватил Вильяма за руку: Вильям даже не дернулся, но я уже знала, что на его запястье скоро проступит ожог.

– Не трогайте его, не прикасайтесь к нему!

– А не то что, мисс? – развернулся конвоир – здоровенный мужик с квадратной челюстью.

– А не то плохо будет! – крикнула я, бесстрашно глядя на него снизу вверх. Он был такой огромный, что смог бы переломить меня двумя пальцами.

– Вы угрожаете? – Конвоир бесцеремонно ухватил меня за плечо.

– Не трогай ее, ублюдок. – Вильям взмахнул кулаком, и конвоир тотчас согнулся пополам, схватившись за лицо.

Я вцепилась в Вильяма, и в следующий момент нас обоих тряхнуло электричеством: второй пристав достал электрошокер и ткнул им Вильяма в шею. Мы не удержались на ногах и рухнули на пол. Вильям прижал меня к себе, смягчая падение. Мама и бабушка закричали так оглушительно, что содрогнулись стены.

Все остальное было как в тумане: нас подняли, разняли, и Вильяма увели, пока я пыталась сражаться с теми, кто не позволял следовать за ним...

* * *

Я пришла в себя только в медпункте: мне уже успели перевязать руку и теперь проверяли давление и сердечный ритм.

– Где Вильям? – спросила я, оглядывая уставленную медицинской аппаратурой комнатушку.

– Мы скоро сможем провести его, – сказал отец. Он выглядел как бывалый полководец, который выиграл тысячи сражений, но только что проиграл одну – и самую важную битву.

– Мы подадим апелляцию. Два года с учетом всех смягчающих обстоятельств – это фарс. Не плачь, это не конец, слышишь?

– Я тоже буду сражаться, – всхлипнула я, утирая распухший нос.

Не собираюсь сидеть еще два года в башне проклятого Стигмалиона. Я хочу разрушить его и построить на его руинах свое королевство! Я хочу рук, хочу объятий, хочу нежности и ласки, хочу жить, как все, хочу целоваться и заниматься любовью, хочу просыпаться и видеть рядом того, кого люблю. Хочу держать его за руку и есть с ним один сэндвич на двоих. Разве я прошу слишком многого?

– И больше никогда не нападай на людей в форме.

– Я не нападала. Просто сказала, чтобы они не трогали его...

– Какого бесстрашного воробья мы с мамой родили, – вздохнул отец. – Но Вильяму могли накинуть срок за сопротивление. Ты должна осознавать свою власть над ним, Лори. Теперь ты его ангел-хранитель, а не он твой...

Отец помог подняться и надеть плащ. Меня шатало, когда я просовывала руки в рукава. А потом папа протянул конверт, который так и не отдал Вильяму. Стоило посмотреть на него, и горло сжала невидимая рука... я предала Вильяма. В самую важную минуту я отказалась от своих слов – от всего того, что написала накануне.

И именно за это меня наказали.

Хочу быть отомщенной

Вильяма определили в тюрьму Кастелри, что в графстве Роскоммон. Как объяснил мне отец, это не самая плохая из тюрем. Куда лучше дублинского Маунтджоя, где процветают беспредел и тяжелые наркотики. Кастелри располагалась на другом конце Ирландии, в трех часах езды от Дублина.

А после перевода в Кастелри мы потеряли с ним связь. Отцу удалось выяснить, что Вильям в тюремном лазарете. По непроверенной информации – с ожогами. И пока он там, провести его никак нельзя.

Плакать к тому моменту я уже не могла. Меня обуревали злость и чувство ужасной несправедливости. Я снова обратилась к Инстаграму и выложила фото Айви, которое сделали в больнице и на котором ее с трудом можно было узнать: не лицо, а кровавое месиво. Под фото я написала большой гневный пост, и чтобы его могло прочитать как можно больше людей, я пожертвовала своей приватностью и открыла аккаунт.

«В тюрьме должны сидеть убийцы, воры, насильники, но не те, кем движет желание защищать, не те, кто жаждет справедливости, и не те, кто проводит дни и ночи у постелей своих любимых, завернутых в гипс.

Да, Тревор Фьюри получил свое и ближайшие десять лет будет смотреть на мир сквозь решетку, а не сквозь объектив, но поднимите руку те, кто не возражал бы, если бы вместе со свободой это чудовище потеряло еще и пару зубов. Поднимите руку те, кто хотел бы быть отомщенным. Поднимите руку те девушки, кто хотел бы такого парня, как Вильям. Поднимите руку те парни, кто поступил бы на месте Вильяма так же. Я уверена, что поднятых рук будет целый лес.

Хочу повторить, Фьюри изнасиловал и нанес Айви Эванс серьезные травмы, среди которых – сломанные кости. Ей потребовалось несколько месяцев, чтобы полностью восстановиться. Свободу Вильяму Веланду! Приговор несправедлив! Четырнадцатого февраля, в День всех влюбленных, приходите к зданию городского суда Дублина, чтобы высказать протест!»

Хэштеги #СвободуВильяму, #МнеБыПарняКакОн и #ХочуБытьОтомщенной начали разлетаться по соцсетям. К концу третьего дня после публикации мое сообщение перепостили сотни людей. А потом

материал об этом деле появился на Ютьюб-канале «Охотники за правдой», после чего о нем узнали тысячи. «Возвращаем тебе долг, Лори. Прости за все, что было. Надеюсь, Вильяма освободят. Аарон, Зак и Дик», – прилетело в мою почту.

Дело Вильяма, о котором до суда слышали немногие, после обвинительного приговора и моих публикаций внезапно вылетело на первые полосы ирландских газет:

«Норвежец мстит за ирландку. Ирландский суд сажает его в тюрьму». «Что бы вы сказали, будь это ваша дочь, господин судья?» «Два года за расправу над насильником» и так далее...

– Есть все шансы, что апелляционный суд вынесет другой приговор, – сказал отец, выкладывая передо мной стопку утренних газет. – Так что продолжай в том же духе. Общественный резонанс нам на руку. И не забивай на университет, о'кей?

– Я не забиваю, – соврала я, сунув лицо в тарелку с хлопьями.

– Почему же ты здесь, а не на лекциях? – заметил отец. – Лори, я возвращаюсь в Атлон сегодня, а ты возвращайся к учебе. И никаких правонарушений на демонстрации, о'кей? Мирно, тихо, спокойно. С полицейскими не драться, плакаты в голову им не бросать, чучело судьи не сжигать...

Я рассмеялась в голос, хотя настроение было на нуле. Это мой отец – заставит улыбаться даже прокисшее молоко.

– От него никаких вестей?

– Я дозвонился до Кастелри сегодня. Вильям в порядке. Обжег запястья во время задержания, но в целом...

– И ты не сказал мне это вместо «доброго утра»?! Господи! Когда его можно проведать?

– Еще не согласовали.

– А с Вильямом ты говорил? Что, если они врут, и он совсем не в порядке?!

– С Вильямом не говорил, но я верю Райли.

– Кто это?

– Начальник тюрьмы.

* * *

Все держались молодцом. Кроме меня. Я расклеилась так, что попросила маму на время переехать ко мне в Дублин. Я не могла бросить

учебу и вернуться в Атлон, но очень хотела, чтобы кто-то близкий был рядом. Тяжелей всего было по ночам, когда со всех сторон наваливалась темнота и вокруг начинали кружиться призраки: воспоминания о нас с Вильямом, мысли о том, где он сейчас и что с ним, мечты о нем...

– Боже, дай нам только пережить все это, и мы больше не упустим свой шанс...

– Лори, что ты там шепчешь, милая? – заглянула в комнату мама.

– Я хочу, чтобы он был в порядке, чтобы с ним ничего не сделали...

Мама села на кровать и взъерошила мои волосы, как будто мне все еще было пять лет и я боялась темноты.

– А что с ним может случиться, Лори? Физиономию ему начистить будет сложно, иначе бы этот Фьюри не упустил свой шанс. Сломать морально – тоже вряд ли. Пока человеку есть, о чем мечтать и чего ждать, – его не сломаешь. Относиться к нему будут хорошо: во-первых, все понимают, что он там незаслуженно, а во-вторых, Ральф знаком с начальником Кастелри и постарается замолвить за него словечко. А что еще может случиться? Ну разве что сокамерник попадется не ахти или еда будет не очень...

– Прости, мам, но это звучит наивно. В тюрьмах убивают, калечат и насилюют...

– Не везде и не всегда, – возразила мама. – Окажись Вильям в тюрьме где-нибудь в Восточной Европе, то, наверное, ему пришлось бы несладко. Но здесь...

Я закатила глаза и нервно рассмеялась. Что моя мать может знать о подобных местах? Да ничего. Но она словно мысли мои прочитала, потому что вдруг замолчала и начала разглядывать потолок, почесывая подбородок аккуратно накрашенным ногтем. А потом выдала нечто, что далеко не каждый однажды услышит от собственной матери:

– Я провела два месяца в тюрьме Уитфилд, когда мне было семнадцать.

– Что?! – моргнула я.

– Глупенькая канарейка из хорошей семьи стала встречаться с человеком, о котором ничего не знала, и даже собралась махнуть с ним на курорт. А этот мерзавец подложил ей в чемодан кое-какие вещества, за попытку провоза которых ее из аэропорта увезли сразу в следственный изолятор.

– Ты шутишь...

– Если бы! Я отделалась легким испугом, потому что никогда не попадала в подобные истории и потому что полиция быстро взяла след

того, кто меня подставил. Но успела... окунуться в среду и могу сказать, что если в тюрьмах все по-старому, то у Вильяма есть отдельная камера с душевой, телевизором и холодильником. И в его распоряжении библиотека, спортзал и настольные игры. Довольные заключенные – тихие заключенные. А начальство просто обожает тихих заключенных.

Я добрых пару минут не могла выдать ни слова. А потом, когда дар речи вернулся, захихикала:

– Моя мать – наркокурьер. С ума сойти!

– Смейся, смейся, – проворчала она. – А представь, что чувствовала семнадцатилетняя дуручка, когда ее с четырех сторон обступил конвой с автоматами и собаками. Видит бог, тогда мне не помешал бы большой толстый памперс... Кстати, тогда-то я и познакомилась с твоим отцом. Он проходил юридическую практику после университета и заявился на экскурсию в тюрьму для несовершеннолетних... Только бабушке не говори. Она до сих пор думает, что мы познакомились в картинной галерее... Ты наконец-то улыбаешься. Тебе лучше?

– Намного.

Мама укрыла меня одеялом и заглянула в глаза:

– Я очень надеюсь, что Вильяма выпустят после апелляционного суда...

– И я тоже.

– Чем вы планируете заняться после того, как его отпустят?

«Три недели будем не вылезать из постели...»

– Я бы хотела... съездить с ним в Норвегию.

– Здорово. Там очень красиво. Мы с папой бывали там. И, кстати, будем только рады, если вы с Вильямом начнете встречаться.

– Я тоже буду рада начать с ним встречаться. Так что если он не найдет там себе горячего любовника, то, скорее всего...

– Лори! – расхохоталась мама. – Не сходи с ума!

Она обняла меня и ушла в свою комнату. После разговора с ней даже темнота показалась не такой темной. Как здорово, когда есть с кем поговорить. Это почти такое же счастье, как прикосновение.

* * *

– Сюда, мисс Макбрайд. – Конвоир, совсем молодой плечистый парень, вел меня в комнату для встреч. Я шла следом, едва касаясь земли. Я не видела Вильяма почти три недели. Отец отправился в кабинет

начальника тюрьмы, чтобы уладить кое-какие формальности, а мне разрешили сразу встретиться с Вильямом.

Я вошла в узкое, словно сдавленное со всех сторон серыми стенами помещение. В одну из стен были врезаны четыре окна с толстенным стеклом. Напротив каждого окна стоял прикрученный к полу стул. Восемь телефонных трубок – четыре с этой стороны и четыре с другой, крепились к стене, на которой большими черным буквами было написано: «Держите ваши руки на видном месте».

На одном из стульев сидела необъятных размеров женщина в розовом спортивном костюме, которая прижимала к уху трубку телефона и громко всхлипывала. А на другом – старик, который то кашлял, то матерился, то снова кашлял.

На ватных ногах я подошла к одному из окон и села на стул. «Ты не будешь плакать, когда увидишь его. Не будешь. Ты нужна ему сильной, и ты будешь сильной. Как Халк. Как Арнольд. Как, блин, Дуэйн Скала Джонсон...»

Но когда в комнату привели Вильяма и наши глаза встретились, я тут же забыла том, что обещала себе не плакать. Его руки были перебинтованы, на щеке и виске виднелись следы недавнего ожога, а под глазами залегли глубокие тени.

Он опустил на стул по ту сторону, глядя на меня с таким лучезарным спокойствием в глазах, как будто мы сидели за столиком кафе и держались за руки.

– Привет, – улыбнулась я, стараясь не подавать виду, что готова свалиться в обморок от шока и отчаяния.

– Привет, – прочла я по его губам.

Мы не услышали друг друга и только тогда вспомнили про телефонные трубки. Я обтерла свою стерилизующей салфеткой, но все равно побоялась прижать ее к уху. А у Вильяма никаких салфеток не было: ему просто пришлось держать ее подальше от своего виска, чтобы не заработать ожог.

– Ты слышишь меня? – спросила я.

Вильям ответил что-то, но его голос словно звучал где-то в соседней галактике.

– Я не слышу тебя, – покачала я головой.

Он снова попытался что-то сказать, но тут женщина, сидящая на соседнем стуле, громко разревелась, не сводя глаз с огромного татуированного мужика, что сидел напротив нее за стеклом. Я бы не услышала от Вильяма ни слова, даже если бы отрастила уши, как у

овчарки.

– Вильям, скажи, как ты. Я попробую прочесть по губам... Только не прижимай к себе эту штуковину... Ты слышишь хоть что-нибудь?

Он не слышал. Старик, сидящий слева от меня, снова начал материться и громко кашлять. Рыдающая женщина вдруг ни с того ни с сего стала хохотать, как ненормальная, посылая своему татуированному бойфренду воздушные поцелуи... Я старалась не показывать своего отчаяния, но в горле встал такой комок, что стало больно. «Боже, я не смогу не то что дотронуться до него, но даже поговорить», – дошло до меня.

И тогда Вильям положил свою ладонь, обтянутую бинтами и синей перчаткой, на стекло. И я сделала то же самое. Так мы и сидели, беспомощно глядя друг на друга. Разделенные толстым холодным стеклом, не пропускающим ни звука.

Я догадалась вырвать из блокнота листок бумаги и успела написать Вильяму пару слов. Приложила листок к стеклу, и он улыбнулся, когда прочел их. И улыбался до самого конца нашего невыносимо горького свидания. И улыбался, когда его уводили...

А я не сразу смогла подняться со стула и выйти из комнаты встреч. Ушел старик, ушла женщина в розовом. А я сидела там еще некоторое время, смяв в кулаке бумажку со словами «Elsker deg^[24]», написанными дрожащей рукой.

* * *

Мы с отцом шли к выходу. Верней, он шел, а я яростно колотила каблуками по паркету, не в силах поверить, что так и не смогла перекинуться с Вильямом даже парой слов. Не говоря уже о прикосновениях! Если бы я только могла обнять его, насколько легче нам стало бы переносить разлуку.

– Мне не удалось поговорить с ним! Ужасная комната для встреч с трубками, которые ни один из нас не может приложить к уху! Я надеялась, что все устроено... по-людски, а не... вот так вот! Папа!

– Я слышу, слышу! Но боюсь, ничего не смогу сделать, – вздохнул он.

– Неужели мы никак не сможем встретиться *по-человечески*? В какой-то другой комнате! Во всем здании тюрьмы нет других комнат?!

– В Кастелри есть еще один зал для встреч, без перегородок, для заключенных с золотым характером, но в нем сейчас ремонт. Мне жаль, дорогая. Боюсь, вам не удастся увидаться в другом месте до самого

апелляционного суда.

– Я поговорю с этим Райли! – выпалила я.

– С начальником тюрьмы? Милая, да он слушать тебя не станет, – оборвал меня отец.

– У меня иногда такое чувство, что ты не на моей стороне, – бросила я отцу, о чем сразу же пожалела.

Он посмотрел с таким укором, что мне стало стыдно. Но эти мысли не покидали меня с того самого дня, когда он проиграл дело. Мой отец – и проиграл дело! Да с ним такого лет десять точно не случалось...

– Я на твоей стороне, Долорес, – ответил он хрипло и не глядя на меня. – И других сторон, кроме твоей, для меня не существует.

В полном молчании мы дошли до машины, отец сел за руль.

– Не могу отделаться от мысли, что все эти испытания даны нам нарочно, чтобы мы потом ценили каждую минуту, проведенную вместе, – покачала головой я.

Папа ничего не ответил. Просто смотрел перед собой с каменным лицом. Потом откашлялся и сказал:

– Я говорил с Райли. Тот разделяет мое мнение, что в тюрьме должны сидеть головорезы, а не, господи боже, влюбленные мальчишки. Райли тоже надеется, что Вильям выйдет после апелляционного. А ты пока займись учебой, хорошо? И не грусти. И одевайся теплее на этих своих демонстрациях.

– Ладно...

– Мама сказала, что ты собираешься завести котенка? – спросил отец после задумчивой паузы.

– Да... Заберу на следующей неделе у заводчика.

– Хорошая идея. Малыш не даст тебе раскиснуть. Сколько ему будет?

– Почти три месяца.

– Такой большой!

– Да, его не отдадут раньше, чем сделают все прививки.

– Молоко он уже пить не будет?

– Нет, – кивнула я, испытывая какое-то странное смущение, обсуждая с отцом «малыша», его прививки и молоко.

– Если нужна будет няня, звони.

– Пап, мы точно обсуждаем котенка?

– Ну да... Вы же с Вильямом предохранялись?

– Пап!

– Нет?!

– Да! Но я не буду обсуждать это с тобой. Боже, от этой семьи реально

хоть что-то сохранить в секрете? – воскликнула я, не в силах поверить, что все семейство в курсе, насколько далеко у нас с Вильямом все зашло...

– Даже не надейся, – рассмеялся отец. – Кстати, чтобы ты знала: бабушка уже придумывает имя для твоего «скандинавского пупсика».

– Она не в себе, честное слово!

– Ты представить себе не можешь, насколько, – заметил папа, пока я сидела и смотрела в окно, едва дыша от смущения.

За окном проносились зеленые рощи и луга с пасущимися овцами, напоминавшими гигантский попкорн, который рассыпал великан.

Великан, который ест попкорн и наблюдает сверху.

Кто знает, может, за мной и в самом деле наблюдают. Приглядывают. Придумывают мне судьбу. Наказывают за сомнения, забирая того, кого я люблю...

* * *

Скептицизм отца не остановил меня. Дома я разыскала сайт тюрьмы Кастелри и на странице «Контакты» обнаружила адрес электронной почты самого начальника. Не знаю, что придало мне смелости – отчаяние, злость или вера в то, что даже у начальников тюрем может быть отзывчивое сердце, – но я не постеснялась написать ему письмо, где попросила о встрече с Вильямом. Я вложила в это письмо всю душу и спросила, не найдется ли у них комнаты, где двум больным людям не пришлось бы рисковать жизнью, прикладывая к ушам тюремные телефонные трубки. Я пообещала, что всегда буду помнить о его доброте и обязательно расскажу о ней в своем блоге. И что если я когда-нибудь напишу о своей жизни роман, то обязательно пришлю ему подписанный экземпляр... Наивно и по-детски эмоционально? Возможно. Но у меня не было ничего, кроме этой наивности и эмоциональности...

Не будучи уверенной в том, что этот мистер Райли вообще проверяет почту, я все-таки нажала «отправить». Надеюсь, когда оно долетит до адресата, тот хотя бы прочитает его дальше слова «Здравствуйте».

Просите – и дано вам будет

Если ты знаешь, за что бороться, то нужное оружие – только вопрос времени. Во вторник, четырнадцатого февраля, у здания суда собралось столько человек, сколько я не ожидала увидеть даже во сне. Друзья Вильяма, мои друзья, какая-то незнакомая молодежь и даже журналисты телеканалов с фотоаппаратами.

Айви привела целую ораву девушек-фотомоделей, одетых в окровавленные майки с надписями «Мне бы парня, как он» и «Хочу быть отомщенной». На их лицах были весьма правдоподобно нарисованы синяки и кровоподтеки.

– Надеюсь, ты не против, подруга, – сказала мне Айви, отхлебывая кофе из большого стакана. – СМИ любят всякие такие штучки.

– Если все эти разукрашенные феи помогут вытащить его, то я только за.

– Помогут, вот увидишь. Правда должна кричать и вопить, тихую никто не услышит, – добавила она, удовлетворенно оглядывая толпу своих девиц.

– Надо было сделать все это перед судом, – вздохнула я, натягивая капюшон на голову.

– Если честно, приговор был очень неожиданным. Я до последнего надеялась, что мы все уйдем оттуда и устроим большую вечеринку.

Я смотрела, как Айви поправляет макияж на лицах девушек и перебрасывается с ними шутками, потом увлекла ее в сторону и, понизив голос, спросила о том, что не давало мне покоя со дня суда:

– Айви, ты была беременна? Я не знала...

– Никто не знал, кроме нас двоих, но в ту минуту я решила, что об этом стоит сказать.

– Мне очень жаль, что так вышло, – сказала я совершенно искренне.

Айви всмотрелась в мое лицо, потом положила руки мне на плечи и ответила:

– Подруга, только не ищи в этом какой-то особенный смысл, его там нет. Это была случайность. Презерватив подвел. И повреждение было таким крохотным, что никто из нас этого даже не заметил. У меня нет другого объяснения, как это могло произойти. Потерю, конечно, тяжело было пережить, но сейчас я знаю, что было бы ошибкой рожать ребенка. Не

то время, не то место, не те родители... Я считаю, что если уж беременеть, то осознанно, в браке, в стабильности, высчитывая циклы в объятиях любимого и вместе мечтая об этом. А не в первых студенческих отношениях, на пьяных вечеринках, посреди хаоса съемной квартиры.

– Может, ты и права, но я считаю, что если двое решают сохранить беременность, тогда у них все... серьезно.

– А у нас и было серьезно. Было. Но теперь прошло, – пожала плечами Айви. – Многие вещи просто проходят, Лори. Причем закончиться могут в любой момент. Любовь, дружба, отношения, семья – все, что угодно, может р-раз – и оборваться. Жизнь ничего не дарит, только одалживает на время. Слышала такую поговорку? Так что сделай выводы и не теряй даром времени.

– Вот вы где! Привет! – подскочила к нам какая-то брюнетка, в которой мы с Айви едва узнали Бекки. Теперь ее волосы были иссиня-черными, с голубоватым отливом, как крылья воронов. Вместе с ее ярко-голубыми глазами смотрелось просто отпадно. Пожалуй, даже круче «розового бунта» и «Матери драконов».

– Смотрите, тут просто прорва операторов и журналистов! – воскликнула она. – Я думаю, что завтра мы будем на всех полосах! Как я выгляжу?

У Вибекке на лбу алой краской было написано слово «Справедливость» и той же краской подрисованы кровавые слезы на щеках. В ее руках шелестел на ветру плакат с надписью «Вильям, женись на мне». Вокруг букв была старательно нарисована целая куча пошлых пухлых сердечек.

– Дико видеть у тебя в руках такой плакат, – заметила я.

– Я сделала его для тебя, держи! – не растерялась Бекс и сунула его мне.

– Больше похоже на плакат фанатки принца Уэльского, чем на требование справедливого суда, – проворчала я. – Да еще и все эти сердечки...

– Что ты имеешь против сердечек? – комично нахмурилась Бекки.

В этот момент к нам подскочил какой-то фотограф и давай щелкать вспышкой.

На следующий день этот снимок попал на обложку «Айриш Индепендент»: грозная Айви в футболке с надписью «Скажи мне в лицо, что он сделал это зря», эффектная Вибекке, изображающая справедливость, плачущую кровавыми слезами, и я – промокшая и продрогшая, с синими губами и потекшей тушью, держащая в руках плакат «Вильям, женись на мне».

В тот день я замерзла так, что уже в среду слегла с лихорадкой. Решила не идти в университет и весь день пролежала в кровати, задыхаясь от отчаяния и боли в груди. И, наверное, выглядела так несчастно и убого, что Бог вздохнул и сжалился: вечером я заглянула в почту и обнаружила там письмо от секретаря начальника тюрьмы, некой мисс Хоуп. Она написала, что мистер Райли с пониманием отнесся к моей просьбе и отдал ей распоряжение организовать нашу с Вильямом встречу.

У вас бывало такое, что все очень-очень плохо, а потом – резко хорошо? Настолько резко, что аж позвонки в шее хрустят. Вот это был как раз такой случай. После этого письма я вскочила с кровати и танцевала в темноте, кружась по комнате и глупо хихикая. Тот, кто сказал: «Просите – и дано вам будет», – знал, о чем говорил.

* * *

Мне пришлось ждать нашей с Вильямом встречи еще три недели. Какая ерунда для того, кто готов ждать хоть целую вечность.

И на этот раз не было никаких перегородок и никаких телефонных трубок. Я оказалась в большой плохо обставленной комнате с обоями мятно-зеленого цвета, посреди которой стоял деревянный стол и пара стульев. На стене висела одинокая картина, изображающая руины какой-то крепости, а с потолка свисала не менее одинокая лампочка. Под ногами скрипел облезший паркет, а решетка на единственном окне была такой плотной, что почти не пропускала свет.

Меня привели туда раньше Вильяма и оставили дожидаться его в полном одиночестве. Я бродила по этой неудобной комнате туда-сюда, не зная, куда себя деть. Втянула голову в плечи и жадно вслушивалась в каждый звук, доносившийся из-за двери.

А потом он пришел...

Знаете, что врезалось в память сильнее всего в тот день? Как судорожно мы снимали перчатки – он свои, я свои, – пока шли друг к другу. Как Вильям уронил их на пол и сжал дрожащими руками мое лицо. Как я заскользила по его спине голыми ладонями. Как соприкоснулась наша кожа – влажная и горячая. Мы словно перестали верить в то, что действительно совместимы, и теперь, переполненные страхом и недоверием, спешили перепроверить это заново.

Его руки сомкнулись на моей талии, и он поцеловал меня так горячо, как будто в комнате не было камер. Как будто вокруг вообще ничего не

было: ни стен, ни решеток на окнах, ни колючей проволоки на высоких заборах – только мы и все это электричество, которое жгло нам губы и кончики пальцев. А потом Вильям зарылся лицом в мои волосы и пробормотал:

– Значит, ты хочешь, чтобы я женился на тебе?

«Ой, нет... Только не это...»

– Только не говори, что видел это фото, – взмолилась я, прижимая пылающее лицо к его груди.

– Это фото и многие другие. Как ты сражаешься за меня. И мокнешь под ледяным дождем. Как ты даешь гневное интервью журналистам «Айриш Таймс» и сердито размахиваешь плакатом с сердечками... А теперь скажи. – Он заглянул мне в глаза. – Ты в порядке? Ты спишь? Ешь?

– Я в порядке. А ты?

– В норме, – заверил он и, видя сомнение, добавил: – Seriously. Даже не на что жаловаться.

– Я вижу новые следы от ожогов на твоих руках...

– Перебои с поставками латексных перчаток, – отшутился Вильям, тихо рассмеявшись.

– Я так боюсь потерять тебя... Что, если на тебя кто-то нападет?

– Полежит неделю в лазарете. Не переживай за него.

– Я не переживаю за него, только за тебя!

– Тогда лучше переживай за него, – улыбнулся он бесстрашно и дерзко, как мальчишка.

– У тебя есть сокамерники? Кто они?

– О-о-о, Найл, – чуть ли не с нежностью в голосе протянул Вильям.

– Мне уже не нравится это твое «о-о-о». – Я шлепнула его по руке, грозно хмурясь.

– Отличный парень, надо обязательно пригласить его в гости. Он выйдет через полгода.

– За что он сел?

– Убил свою девушку. Но она была стервой. Найл объяснил, что она была просто невыносимой...

– Вильям, скажи, что это шутка!

– Конечно, это шутка, – сдался он, притягивая меня к себе. – Найл протестовал против бурения нефтяной компанией скважин на ирландском шельфе. Отказался уходить, когда всех разгоняли, вломил полицейскому, потом еще одному...

– О-о-о...

– Зато мне нравится твое «о-о-о», Долорес Иден Макбрайд. Ты

произносишь его почти так же, как в ту ночь, когда... в Ночь Потопа, короче.

– Я обещаю, ты услышишь его еще не раз. Только береги себя. И передай Найлу, что я буду рада познакомиться с ним. Он герой. И ты, кстати, тоже. Звезда газетных полос. Я удивлюсь, если поклонницы еще не забросали тебя любовными посланиями.

– Я уже начал обклеивать ими стены, – улыбнулся он.

– Ты правда в порядке?

– Правда. Все это как... трехзвездочный отель. Только все выходы замурованы, а горничные носят дубинки вместо кофе...

Я рассмеялась сквозь слезы. Как здорово, что у него есть силы шутить даже в таком месте, как это.

– Долорес, не волнуйся обо мне, хорошо? Если с тобой все будет в порядке, то и со мной тоже. Пообещай мне, что с тобой ничего не случится, пока я здесь.

– Обещаю.

– Через три месяца апелляционный суд, и если повезет, то все лето мы проведем вместе.

– Я хочу в Норвегию.

– Значит, мы поедем в Норвегию, – кивнул Вильям. – Правда, там нечего ловить летом...

– Рыбу, – буркнула я.

– Разве что рыбу.

– И плавать на лодке по фьордам.

– Норвежские слова из твоих уст – это самое сексуальное, что я когда-либо слышал.

– Согне-фьорд, Тронхеймс-фьорд, Хардангер-фьорд, Нур-фьорд, – забормотала я, игриво улыбаясь.

– Ты знаешь, что я сделаю с тобой, когда выберусь отсюда?

– Заставишь говорить по-норвежски день и ночь?

– Говорить? Нет. Кричать, – заверил он, прожигая меня взглядом.

Перед тем, как мы расстались, я вытащила из кармана и вручила Вильяму конверт – тот самый, с открыткой и признаниями, который отец вернул мне после суда. Сомнений больше не было: я хотела быть с ним. Сегодня, завтра, а потом столько дней, сколько мне отмеряно... Надеюсь, Вильям сейчас читает его в своей камере и думает о том же.

Я прочла в соцсетях множество душераздирающих историй с хэштегом #ХочуБытьОтомщенной. Истории об оскорблениях, нападениях, изнасилованиях, травле. Я связывалась с теми, кто их написал, и спрашивала, не хотят ли они поучаствовать в масштабном фотопроекте и рассказать о своей истории во всеуслышание. Кое-кто боялся огласки, но многие соглашались, и я приглашала их в фотостудию Айви. Там мы пили кофе и болтали, а Айви, вооружившись камерой и расставив по периметру вспышки-зонтики, творила свою фотوماгию.

Раньше меня интересовали только истории людей с ограниченными возможностями, но после всего, что произошло, я поняла, что жизнь может искалечить любого, что каждый может потерять физическое или душевное здоровье, что все люди хрупки, как мотыльки, и что любого можно сломать.

Взять хотя бы Айви. Она храбрилась, но нападение Фьюри все же оставило отпечаток: она стала более замкнутой и молчаливой. Часто оглядывалась и пугалась резких звуков. Сколько раз я заставляла ее с заплаканным лицом и искусанными губами. Айви начал сопровождать повсюду телохранитель по имени Оливер – высоченный громила с бритой головой и татуировками на шее.

– Я не думаю, что на меня нападут из-за угла или что-то в этом роде, – сказала Айви, когда мы сидели в ее фотостудии и уминали печенье с йогуртом. – В большинстве случаев жертва знает насильника и сама по глупости отправляется к нему навстречу. Теперь я это знаю, но все равно, с крепким парнем за плечом как-то спокойней...

– Твой доктор не ревнует? – поинтересовалась я, смахивая с юбки крошки.

– Мой доктор сам его и нашел. Заметил, что я пугаюсь каждой тени, и решил, что это не помешает. Терри дружит с парнем, у которого свое охранное агентство в Дублине, и они это устроили на раз-два, – улыбнулась Айви. – Лучше расскажи, как дела у тебя с Вильямом?

– Видимся каждые выходные.

– Как он?

– Правдоподобно делает вид, что его отправили не в тюрьму, а в трехзвездочную гостиницу.

– Это на него похоже, – закивала Айви.

– Он не выглядит затравленным или сломленным, но, знаешь, он похудел. Под глазами тени. И на руках следы от едва заживших ожогов... Отшутился, что у них перебои с поставками латексных перчаток. Но я боюсь, что просто многого не знаю, а он не будет говорить, чтобы не пугать меня...

– Может, так и есть. Сама понимаешь, подруга, тюрьма – не клуб любителей вязания. Но мы на верном пути. Твое интервью газете, где ты сказала, что закон должен служить людям, а не люди закону, – просто конфетка. А после того, как я открою фотовыставку, об этом деле заговорят еще больше. Мы вытащим его, обязательно. За мной долг, который я ему с радостью верну.

* * *

Выставка прошла с большим успехом. О ней много говорили и писали. На фотопортретах были запечатлены люди – красивые, яркие, пронзительно смотрящие прямо в кадр. А под каждой фотографией можно было прочитать их истории – истории, о которых они прежде молчали. Истории, написанные темно-красными чернилами – кое-где смазанными и потекшими, как будто их писали кровью: была изнасилована, потеряла ребенка, удерживался в заложниках, был искалечен за то, что держал за руку другого парня...

«Ты бы заступился за меня? Заступись за тех, кто рядом, не закрывай глаза», – так заканчивалась каждая история.

* * *

На конец весны был назначен апелляционный суд, и до до него надо было как-то дожить. Собрать в кулак волю, беречь нервы, общаться с людьми, чем-то заниматься, чтобы не сойти с ума от волнения. И я отправилась туда, куда давно звало меня сердце. В то место, куда я постоянно возвращалась мыслями.

В один из последних зимних дней я остановила машину на парковке ветеринарного госпиталя. Кровь шумела в ушах, когда я поднималась по ступенькам, а затем шла по коридору к кабинету Андреа. В приемной было полно пациентов. В воздухе витал запах моющих средств, названия которых я все еще помнила наизусть. Плакат с моим изображением до сих пор украшал входную дверь, и я подумала, что это добрый знак.

Андреа говорила по мобильному, хмуро глядя перед собой. На ее столе, заваленном корреспонденцией, звонил второй телефон. А в кресле, что стояло напротив ее стола, сидела какая-то пожилая женщина с заплаканным лицом и судорожно сжимала в руке платок.

Андреа подняла глаза, и ее лицо тут же словно лучом осветили. Я даже поздороваться не успела, как она уже выбралась из-за стола, подошла ко мне и обняла. Просто обняла, без слов. Потом повернулась к заплаканной посетительнице и сказала:

– Миссис Даффи, познакомьтесь, это мисс Макбрайд, мой заместитель-стажер. Она наконец-то вернулась из отпуска, и я сейчас на десять минут оставлю вас с ней, потому что у меня рожают... сенбернар в соседнем кабинете. Приму роды и тут же к вам вернусь!

Я изумленно уставилась на Андреа, прекрасно зная, что никакой сенбернар у нас не рождает, потому что в соседнем кабинете – склад чистящих и моющих средств и ряд веников всех цветов радуги, уж я-то знаю! И, минуточку, что еще за «заместитель-стажер»?

– Долорес, у миссис Даффи сейчас оперируют собаку, и она очень волнуется. Я уже ознакомила миссис Даффи с процентом неблагоприятных исходов при подобных операциях – к слову, он мизерный – но миссис Даффи все равно страшно взволнована...

– Да, – подтвердила женщина, громко сморкаясь в платок.

Андреа посмотрела на меня почти умоляюще. Потом одними губами прошептала мне «Спаси меня!», схватила оба телефона и выбежала из кабинета, повторяя на ходу: «Всего десять минут! Всего десять минут!»

– Миссис Даффи? – откашлялась я, присаживаясь рядом с ней. – Расскажите о своей собаке. Как ее зовут? Какой она породы?

– Это пудель, – вздохнула пожилая женщина, промакивая уголки глаз.

– Пудель! – воскликнула я. – Не поверите, но моя первая собака тоже была... практически пудель.

– И вы тоже вязали ей свитерочки?

– Свитерочки? – кашлянула я. – Нет, свитера я ей не вязала, но любила бесконечно...

– Как же так... Без свитера-то... И она ни разу не простудилась?

Я терпеливо вздохнула и широко улыбнулась во все тридцать два. Боже, надеюсь, сенбернар у Андреа будет рождать не слишком долго...

Час спустя, когда операция закончилась и миссис Даффи забрала своего питомца домой, мы с Андреа говорили по душам в ее кабинете.

– Я знала, что ты вернешься, Долорес. Успокойся и вернешься. Ты нужна этому месту, а это место нужно тебе. Драться на мечах со смертью ты, может быть, пока не готова, но зато ты можешь стоять со мной рядом и... хмуриться на нее.

– Хмуриться на смерть, – улыбнулась я.

– Да. Хмуриться, махать на нее руками и показывать средний палец,

пока мы с Фергусом расчехляем свои катаны, – рассмеялась Андреа.

– Будет сделано, сэнсэй, – кивнула я.

– Я в тебе не сомневалась. Кстати, загляни сегодня в отдел кадров, у них там для тебя кое-что есть.

– Да? А что?

– Я хочу взять тебя на работу, знаю, университет и тэ дэ, но хотя бы на полставки...

– Ты шутишь! У меня же никакой квалификации!

– У тебя высочайшая квалификация по гармонизации климата, Долорес. Я хочу, чтобы ты и дальше его гармонизировала, только уже за деньги, тем более что вакансия моего ассистента свободна. Что ты на это скажешь?

Что я могла на это сказать? Только одно:

– А в каком кабинете у нас отдел кадров?!

Романтическая глава для бабушки

Миновал апрель. Как-то вечером мне позвонили Бекки и Сейдж и пригласили на вечеринку. Развлекаться без Вильяма – хуже я придумать бы не смогла, но Бекки сказала, что Вильяму будет приятно, если я перестану держать на плечах бремя своего горя и немного расслаблюсь.

«Исключено», – сказала тогда я, но в день икс Бекки и Сейдж подкараулили меня вечером на пороге ветгоспиталя и, можно сказать, похитили.

– Я не могу веселиться, пока он там, – запротестовала я, пока они затаскивали меня в машину, как заправские киднэпперы.

– Я тоже, – ответила Бекки. – Поэтому мы с тобой будем грустить! А Сейдж будет нам наливать. А Ричи подыграет нам на гитаре. А кто-нибудь из девочек споет. Грустить тоже надо уметь!

Пожалуй, в этом был свой смысл. Мне нужно было развеяться. Совсем капельку. Пока тоска окончательно не задушила.

– Как дела, кстати? Надеюсь, ты не сильно устала? – спросила Бекки.

– Сегодня с Андреа ездили на ферму Вулли Вардс и провели там весь день...

– Это где?

– У черта на рогах: аж в соседнем графстве... а зачем ездили, я так и не поняла. Андреа словно сбежать из города захотела и придумала для этого предлог. Ну серьезно! Мы пересчитывали поросят, изучали рацион коз, посмотрели на бородавку на носу у лошади Клубнички, фермер посвятил нас в тонкости окольцовки уток. До сих пор солома в волосах, посмотри... и теленок нагадил на кроссовки...

– Вот видишь, самое время снять стресс.

– Ладно-ладно, но не ждите, что я останусь надолго. Я бы хотела поехать домой, смыть с себя слюну ягнят и птичий помет и лечь спать. А где вечеринка будет? – спросила я, выглядывая в окно. Мы ехали совсем не в ту сторону, где жили Сейдж и Бекки.

– О, ты там еще не была. Но тебе понравится, – заверила меня Бекс.

– Надеюсь. А повод-то какой?

– День защиты медуз, – сказала Бекки.

– Наша помолвка, – одновременно с ней объявил Сейдж.

– Так день защиты медуз или помолвка?

– Какая разница, какой повод, если наливают бесплатно? – проворчала Бекки, развеселив меня до хохота.

Через десять минут Сейдж остановил машину у небольшого здания на берегу. Последние лучи солнца золотили большие окна из голубого стекла. У небольшой пристани покачивалось несколько клубных яхт, на которых дайверы выходили в открытое море. Бриз трепал флаги на мачтах, волны лениво накатывали на скалистый берег...

– Та-да-ам! Это дайвинг-клуб Вильяма! – объявила Бекки, широко улыбаясь. – Жаль, что не он покажет тебе это место первым, но мы с Сейджем с радостью возьмем на себя эту почетную роль! Готова к экскурсии?

Я вышла из машины, пряча смущенную улыбку и надеясь, что румянец меня не выдаст. Как же я хотела вернуться сюда снова. С той самой ночи...

– Начнем с прекрасных «Дороти» и «Венди»! – объявила Бекки. – Это я предложила назвать яхты именами сказочных девочек-путешественниц! Скажи, что ты уже догадалась! «Дороти» – в честь героини «Волшебника из страны Оз», а «Венди» – в честь Венди из...

– «Питера Пена», – кивнула я.

– Да! Скажи, круто?!

– Круто, – подтвердила я. – Надеюсь, однажды у вас появится еще и Герда. И Рапунцель. И Джен Эйр. Я просекла твою фишку, Бекс. Все самое интересное начинается в тот момент, когда женщина улепetyвает из дому куда глаза глядят...

– Похоже на то! – рассмеялась Бекки и потащила меня в клуб.

Я переступила порог и огляделась. Место осталось таким же, каким я его запомнила. Ну, не считая двух столов, заставленных бутылками и коробками с пиццей, разноцветных гирлянд и Ричи в полосатых трусах, плавающего по бассейну на огромной надувной утке.

Все в этом месте наполняло меня восторгом и сладкой ностальгией. Ведь это здесь мы с Вильямом впервые обрели друг друга, вот здесь он целовал меня, вот здесь валялись наши гидрокостюмы, вот там мы потом сидели, обнявшись, и я мечтала о том, как он бросит все ради меня – не сможет иначе. А вот здесь, на этой стене, танцевали голубые блики, отражавшиеся от воды бассейна. А потом я сидела на барном стуле, а Вильям смеялся и варил кофе. Гудела кофемашина, и волновалось море, и кровь во мне пела громче любого шторма...

– Привет! А вот и мы! – В клуб вошла Айви, держа за руку симпатичного парня, которого я никогда раньше не видела. Очевидно, тот

самый врач из госпиталя, который поставил ее на ноги.

– Эй, все! Это Терри – мой парень!

– Привет, Терри! – отозвались все.

– Что в программе? – спросила громко Айви, обнимая всех направо и налево.

– Много музыки, выпивки и «правда или действие» по традиции, – объявила Бекс. – И бассейн надо прикрыть, чтоб никто не утонул. Как в прошлый раз.

– Как в прошлый раз?! – ужаснулась я.

– Шучу, шучу, – рассмеялась Бекки. – Никто у нас не тонул. Да у нас же тут одни дайверы. Они не умеют тонуть. Даже после того, как надерутся в щепки.

Вслед за Айви явились Брианна, Адель, Патрик и Даррен, которых Бекки, оказалось, тоже пригласила. Потом в клуб примчалась стая старшекурсников, которых я часто видела на вечеринках Бекки и Вильяма.

Получилось и правда хорошо. Это место было создано для веселья, куража и любви. Сначала Бекки и Сейдж объявили всем, что собираются пожениться. Потом все выпили шампанского. Ричи толкнул речь о том, что пора спасать медуз:

– Нам нужно особенно оберегать тех, кто не выглядит красивым, милым, пушистым и прекрасным. Вымирание не грозит персидским кошкам, или ангорским кроликам, или золотым рыбкам, или фотомоделям. Но тем, кого природа создала скользкими, холодными или с щупальцами, – вот кому нужна настоящая защита!

После кто-то включил музыку, да так громко, что задрожала вода в бассейне. Все танцевали, пока ноги не перестали слушаться, а потом расселись в круг и начали играть в «правду или действие». Я сидела в сторонке, переполненная ностальгией и щемящей сердце грустью. В последний раз я играла в эту игру у Бекки и Вильяма дома. Мы тогда совсем не знали друг друга. И даже предположить не могли, что случится потом... Как мы будем враждовать, как узнаем, что больны одной болезнью, и как все перевернется с ног на голову, когда мы окажемся в этом дайвинг-клубе совсем одни... Боже, из этой истории и впрямь вышел бы целый роман.

– Лори, правда или действие? – обратился ко мне Сейдж, и я, краснея, вскинула голову, словно кто-то мог прочитать мои мысли.

– Действие, – сказала я, наконец уяснив себе, что делать глупости – всегда легче, чем делиться сокровенным.

– Иди-ка на пристань, залезь на «Венди» и громко признайся в любви

к поэту. Так, чтобы все побережье услышало.

– Что-то? К поэту?!

– Именно так.

– Сейджу больше не наливать, – фыркнула я и направилась к дверям.

– Подожди! Я же еще не назвал поэта!

– Так назови!

– Вильям Шекспир!

Меня затопило смущение, и нервный смешок вылетел изо рта. Все остальные явно получали удовольствие: хихикали, как школьники.

– Очень смешно, – буркнула я и зашагала на пристань. Взошла на палубу «Венди», покрутила рулевое колесо и завопила:

– Шекспир, я люблю тебя! Не вынесу с тобой разлуки!

– К любимым не обращаются по фамилии! – гаркнул в распахнутое окно Сейдж.

– Вильям, я люблю тебя! – выкрикнула я прямо в небо и гораздо тише добавила: – И очень жду...

– Я знал это.

Я подскочила от удивления и резко обернулась, вглядываясь в вечерний полумрак. Третий бокал вина точно был лишним. Или я уже слегка тронулась умом, скучая по своему парню. Или меня забодал насмерть бык на ферме Вулли Вардс, и теперь я попала в рай...

На палубе «Дороти» стоял Вильям.

* * *

Я заморгала, но видение не исчезло. Прекрасное видение.

– Так значит, ты любишь меня, – повторил он, перешагивая с «Дороти» на «Венди» и заключая меня в объятия.

– Мне что-то подсыпали в стакан, – решила я, уставившись на него.

– Нет, не посмели бы, – улыбнулся он.

– Ты должен быть в Кастелри, – охрипла я, впиваясь руками в его горячие плечи, словно боясь, что он вот-вот растворится в воздухе.

– Сегодня мне заменили наказание на условный срок. Я свободен.

«Свободен?» – одними губами повторила я, словно слышала это слово впервые и не вполне понимала, что оно значит.

Откуда-то с парковки в воздух взвилась алая комета и рассыпалась в небе снопом искр. А за ней вторая – зеленая. А за ней третья – оранжевая.

– Лучше скажи правду: ты сбежал?! Суд должен был состояться только

на следующей неделе.

– Его перенесли, но я попросил твоего отца не говорить тебе...

– Почему?!

– Не хотел, чтобы ты перебила всех охранников в зале суда, – сказал Вильям, касаясь моего подбородка.

Я нервно рассмеялась, вцепившись в его ладонь, словно она представляла собой самое большое сокровище на свете.

– Но я все равно узнала бы об этом из радио! Или ТВ! Ведь твое дело такое резонансное! – заспорила я, все еще сомневаясь в том, что действительно вижу его перед собой – и без браслетов на запястьях.

– Наверняка узнала бы, если бы начальница не утащила тебя на весь день в самую глухую деревню во всем графстве, – рассмеялся Вильям. – Твоя мама связалась с ней и попросила...

В небе продолжали взрываться фейерверки, но мое сердце грохотало громче.

– Не верю, – выдохнула я и прижала пылающее лицо к его груди. – Не могу поверить...

К грохоту фейерверков вдруг добавился свист, хлопки и радостное улюлюканье. Я обернулась и увидела, что Бекки, Сейдж, Адам, Ричи и мои подружки высыпали на улицу и теперь машут нам.

– Иди к ним, все будут ужасно рады увидеть тебя.

– Только с моим сокровищем, – заявил Вильям и взвалил меня на плечо.

– Видео для потомков! Видео для потомков! – завопила Бекки, снимая нас на телефон. – Улыбаемся.

– Бекс! – рывкнула я, закрывая лицо руками.

Господи, надеюсь, этого никто не слышал.

– Лори, передай привет маме, папе, бабушке и своей будущей норвежской родне! – добавил Сейдж.

– Сейдж, я тебя сейчас утоплю! – пригрозила я.

Вильям поставил меня на землю, обнял за плечи и, ни капельки не смутившись, улыбнулся в камеру:

– Эми, Ральф, Аманда! Мы с Лори передаем вам привет! Мам, пап, и вам тоже!

– Аманда?! – выпучила глаза я. – С каких это пор ты на «ты» с моей бабушкой?

– Неважно, – загадочно увильнул Вильям и снова глянул в камеру: – У нас все отлично!

Бекки обняла нас двоих одновременно и прошептала:

- Ребят, я вас так люблю...
- Вы знали, что Вильям будет здесь! – воскликнула я.
- Не-е-е, – хором затянули они.
- Они знали, – прошептал мне в волосы Вильям и потянул в клуб.

Все были не просто рады увидеть его, все были в эйфории. Шумели и поздравляли Вильяма с возвращением. Айви подбежала к нему и крепко обняла, пока я раздумывала, не потискать ли мне ее доктора в отместку. На счастье, рядом оказался Ричи, сжал меня в медвежьих объятиях и прошептал на ухо:

– Я знаю, что тебя нельзя трогать. Бекки сказала. Но через одежду можно, да? Поздравляю!

- Спасибо, Ричи, – кивнула я.
- А ему за что? – возник рядом Вильям и тут же забрал меня у Ричи.
- Вечно ты в самый неподходящий момент, – проворчал Ричи.
- Сгинь, – хохотнул Вильям.

Кто-то сунул Вильяму бокал в руки, но он не стал пить, отдал бокал кому-то из парней и увлек меня за собой. В воздухе разлилась грустная и нежная мелодия. Вильям остановился посреди зала и обнял меня.

– Потанцуешь со мной, Долорес Иден Макбрайд?

Его руки скользили по моей спине, губы коснулись моего лба. Я опустила руки ему на плечи и поцеловала его. Может, чуть более страстно, чем полагается целоваться на публике, но у меня было веское оправдание: я не целовала никого целую гребаную вечность и теперь собиралась наверстать упущенное.

Как все было на самом деле

«О'кей, френды. Теперь я хочу кое в чем признаться. Бабушка не дает мне покоя с тех пор, как я поделилась с ней идеей написать автобиографический роман. Говорит, что хочет во что бы то ни стало прочесть его. Я пообещала ей, что попробую осилить хотя бы главу – романтическую главу для бабушки – и я ее написала! Это ее вы только что прочли: она полна романтики, нежности и, я уверена, понравится моей бабушке. Пожалуй, я даже скажу ей, что именно так все и было.

Но с вами-то я могу быть честна? Вообще-то наша с Вильямом встреча произошла совершенно иначе. Хотите узнать, как все было на самом деле?»

За неделю до апелляционного суда, вымотанная ожиданием и волнением за исход дела, я снова слезно попросила начальство Кастелри о встрече с Вильямом. Мисс Хоуп, секретарь мистера Райли, ответила в тот же день, но письмо было до того странным, что пришлось перечитать его несколько раз, чтобы вникнуть.

Она написала, что с радостью передала бы просьбу мистеру Райли, но не сделает этого, так как мистера Веланда освободили сегодня днем сразу же после короткого заседания апелляционного суда. Около полудня он покинул Кастелри, и дальнейшее его пребывание ей неизвестно.

Я перевела взгляд за окно, в сгущающиеся вечерние сумерки. От Кастелри до Дублина два часа езды. Вильям уже давно успел бы приехать ко мне, если его действительно выпустили.

Рука сама потянулась к телефону: если суд перенесли на сегодня и Вильяма оправдали, то мой отец узнал бы об этом первым. И тут телефон зазвонил сам. Это был Сейдж, который сообщил, что они с Бекки приглашают меня на вечеринку в честь их помолвки, и он сам заберет меня из ветгоспиталя, если я не возражаю. Часов около шести.

«Вечеринка! – подумала я. – Именно сегодня, когда Вильяма освободили». Наконец-то все фрагменты сложились в картинку, и я с облегчением рассмеялась. Кое-кто решил устроить мне сюрприз! Что ж, тогда, черт побери, я сделаю вид, что не видела никакого письма от мисс Хоуп!

Вечеринка мало отличалась от той, что я описала в «Главе для

бабушки»: были и выпивка, и танцы, и игры, и Ричи, плавающий по бассейну на надувной утке, и Бекки с Сейджем, совсем ошалевшие от любви друг к другу.

Все было практически так же, за исключением нескольких моментов:

1. На вечеринке было куда больше пьяного народу и неприличных игр. Как минимум весь пятый курс и покер на раздевание.

2. На ней не было Айви.

3. Я не предавалась ностальгии и не сидела спокойно в уголке, томно попивая мохито. Я едва дышала от волнения. Я не могла расслабиться, веселиться и играть в игры. Ведь Вильям уже на свободе! И как минимум двое – Сейдж и Бекки – об этом знают (не поверю, что вечеринка и освобождение Вильяма – простое совпадение!)

Я места себе не находила и больше всего хотела наконец получить свой «сюрприз»! Почему мне еще не подали его? Где он? Прячется в подсобке? Сейчас вынырнет из бассейна? Или выскочит из-за барной стойки с красным бантом поперек груди?

– Лори, правда или действие? – обратился ко мне Сейдж.

– Действие, – сказала я.

– Иди-ка на клубную яхту, которая пришвартована у берега, покрути рулевое колесо и крикни: «Я капитан Джек Воробей! Я люблю ром и золото! И я отправляюсь в кругосветное путешествие! Йо-хо-хо!»

Целый полк мурашек замаршировал вверх по моему позвоночнику. Ну наконец-то!

Я вскочила с места и вылетела на улицу. Залезла на палубу «Венди», крутанула рулевое колесо и завопила:

– Я капитан Джек Воробей! Я люблю ром! И золото! И я отчаливаю прямо сейчас! Ты со мной?!

Волнение перекрыло кислород. Даже парус «Венди» перестал качаться на ветру в ожидании того, что должно сейчас произойти. Просто обязано произойти. Вильям ждет меня здесь! Где же еще?! И сейчас он сойдет с палубы «Дороти» и заключит меня в объятия. Ведь ошибки быть не может. Его освобождение и эта вечеринка совершенно точно взаимосвязаны.

– Я капитан Джек Воробей! – прокричала я еще громче и обернулась вокруг своей оси, разглядывая волнующееся море.

Но ко мне никто не вышел. Никто мне не ответил. Бекки, Сейдж и вся остальная компания таращились в окна и смеялись. Там, за окном, как ни в чем не бывало, продолжало литься пиво и продолжалось веселье.

К черту правду! К черту действие! Просто объясните, почему Вильям не здесь. Ведь он покинул Кастелри еще в полдень. Почти девять часов

назад...

Едва переставляя ноги от волнения, я вернулась в клуб, подошла к Бекки и шепнула ей:

– А почему Айви не здесь? Вы ведь пригласили ее тоже? Она же никогда не пропускает твои вечеринки.

Бекки только плечами пожала и предположила, что у той очередная фотосъемка. Или своя вечеринка. Или приятный вечер с другом...

– Вечер с другом? – охрипнув, переспросила я. – Ты имеешь в виду того доктора?..

– Ну кого же еще? – улыбнулась она и побежала спасать подругу, которая свалилась в бассейн.

Больше не в силах все это выдержать, я разыскала Сейджа, сказала ему, что очень устала и попросила вызвать такси.

– Если только в программе не намечается ничего интересного, – многозначительно добавила я.

– Не хочу тебя расстраивать, но стриптизеров не будет. – Сейдж громко расхохотался над собственной шуткой и, убедившись, что я действительно собралась домой, запустил в телефоне приложение по вызову такси.

Я смотрела, как брат заказывает машину, и едва не плакала. А что, если освобождение Вильяма скрыли от меня не для того, чтобы сделать сюрприз? Что, если произошло что-то *плохое*, и все просто боятся моей реакции? Что, если Вильям не вышел из здания суда, а был вынужден отправиться в больницу? Что, если он первым делом предпочел провести кого-то другого? Что, если... Что, если...

Из машины такси я вышла, шатаясь, как пьяная, хотя на вечеринке не выпила ни капли. Я уже успела позвонить отцу (он не взял трубку), Вильяму (его телефон по-прежнему был выключен) и даже зашла в Инстаграм Айви, молясь не увидеть там фото с двумя бокалами вина и припиской «вечер в компании друга».

Никаких подозрительных фотографий я не увидела, но меня все равно захлестнула паника. Я наведальась в тот дом, где Вильям и Бекки снимали квартиру, и убедилась, что квартира пуста. Никого! Спустилась на подземную парковку: его машина находилась на том же самом месте, где стояла уже несколько месяцев, ожидая его возвращения.

Я заглянула в «Теслу», желая удостовериться, что Вильям не лежит внутри, мечась от боли и запивая ее джином. Потом села на капот и разрыдалась.

Кто бы мог подумать, что в день освобождения Вильяма вместо танцев

и фейерверков у меня будет истерика на подземной парковке, слезы, которые я буду размазывать по лицу и одиночество – такое невыносимое, хоть вешайся...

Болеметр стал легонько вибрировать, и меньше, чем через минуту, звонил мой телефон. Я сползла с капота и побрела к своему дому, на ходу вытаскивая мобильный из сумки. Приняла звонок и приложила телефон к мокрой от слез щеке, но так и не смогла выдать ни слова.

– Ты цела? – запаниковала мама. – Где ты? Ты уже приехала домой?

– Где Вильям?! – всхлипнула я, спотыкаясь на ступеньках. – Его уже нет в Кастелри, и я знаю об этом! Он жив?! Он вышел оттуда сам или его увезли в больницу?! Почему он не приехал ко мне?!

Я говорила так громко, что несколько дверей на этаже распахнулись и наружу начали выглядывать встревоженные соседи.

– Разве он не?.. – начала мама и осеклась.

– Ну же! Договаривай!

– Долорес, я все расскажу, только, бога ради, скажи, что ты цела! Твой болеметр как с ума сошел и сигнализирует, что ты как минимум смертельно ранена!

– А я и ранена! Мне только что вырвали сердце!

Я снова споткнулась и упала перед своей дверью, разбивая об пол колени. Телефон выпал из руки. Голова закружилась, и показалось, что я вот-вот потеряю сознание. Меня окутала темнота, и почудилось, что я проваливаюсь куда-то глубоко под землю: сквозь бетон, сквозь перекрытия, сквозь этажи, сквозь чужие квартиры – в самый ад.

Распахнулась еще одна дверь, на этот раз совсем близко – аж волной воздуха обдало. Кто-то поднял меня рывком на ноги и прижал к груди. Чьи-то руки обхватили так крепко, что я едва могла дышать. Чьи-то губы зашептали на ухо: «Долорес-Долорес-Долорес...» – и это было уже не мое имя, а скорее одна длинная молитва... Потом кто-то подобрал мой телефон, из которого продолжали звучать испуганные крики моей матери, и ответил ей:

– Это Вильям. С ней все хорошо, Эми. Она со мной. Я перезвоню.

«Это со мной все хорошо?! Нет, со мной все совсем не хорошо! И это правда он, или у меня галлюцинации? И откуда он знает имя моей матери? И как он понял, что это она, если на экране моего телефона высвечивается надпись «Наркокурьер»?

Но вслух я ничего не смогла выдать. Просто прижалась к груди Вильяма, сомкнула руки на его шее и позволила унести меня в квартиру. Боже правый, пусть дальше будет, что угодно, только не еще один обморок

на ступеньках...

* * *

– Почему? Почему ты не сказал, что сегодня состоялся суд? Почему я узнаю о том, что ты освобожден, от секретаря начальника тюрьмы, а не от тебя? – ревела я ему в шею, пока он переносил меня через порог и ставил на ноги – так аккуратно, будто мне еще никогда не приходилось ходить. – Почему?!

И тогда я увидела почему. На столе стоял подсвечник с наполовину оплавленными свечами, два столовых прибора и бутылка вина. Из колонок, что были подключены к макбуку Вильяма, тихо-тихо звучала какая-то невыразимо красивая песня, и еще я уловила запах свежеприготовленной еды – такой аппетитный, что пришлось сглотнуть слюну.

– Вильям... – только и смогла пробормотать я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Глаза, ослепленные болью и отчаянием, наконец соизволили заметить, что Вильям не только приготовил ужин, но и выглядел так, будто не из-за решетки только что выбрался, а вернулся со съемок. На нем была красивейшая темная рубашка и классные новые джинсы. Он готовился к моему приходу. Он хотел меня впечатлить...

– Предполагалось, что ты ни о чем не будешь подозревать, – пояснил Вильям. – Что вся эта нервотрепка с апелляционным судом пройдет без тебя. К чему нам новая порция покалеченных охранников? – улыбнулся он, стирая влагу с моих щек. – И еще предполагалось, что из ветеринарного госпиталя ты отправишься на пару часов к Бекки и Сейджу, а у меня будет время привести себя в порядок и достойно встретить тебя... Твоя мама дала запасные ключи от твоей квартиры. Клянусь, я воспользовался только твоей кухней, а пускать ли меня дальше – ты решишь сама. Вот такой был план. И если бы я только представить мог, что мисс Хоуп может разрушить его одним пальцем, я бы давно принял в клуб сообщников и ее тоже... Когда ты узнала?

– Сегодня днем. Я попросила о новой встрече, а она написала, что тебя уже освободили... Сначала я предположила, что ты будешь ждать меня в дайвинг-клубе, но когда тебя там не оказалось – я даже не знала, что думать. Я чуть не двинулась, раздумывая, куда ты мог отправиться...

– Куда же я еще мог отправиться, Долорес Иден Макбрайд? – вздохнул Вильям, заключая меня в объятия. – Сначала в свою квартиру поспать хотя бы пару часов... Я не спал всю ночь накануне суда... Потом в душ. Потом

по магазинам, купить стейки, овощи и вино...

Впервые в жизни моя нервная система не могла решить, как именно следует отреагировать на сказанное: горько расплакаться или громко рассмеяться. Боюсь, в результате я одновременно делала и то, и другое, в то время как Вильям, покончив с объяснениями, наконец наклонился и поцеловал меня.

Когда мы наелись и наговорились, и меня наконец перестала колотить нервная дрожь, Вильям взял меня за руку и увлек в спальню. Я следовала за ним, как зачарованная, любуясь его массивным телом – он стал суше, каждая мышца была словно обрисована карандашом. Теперь в нем совсем не осталось мягкости и плавных линий – он растерял их, как бумага, смятая в ком, теряет свою гладкость. Волосы были коротко острижены, что придавало ему какую-то незнакомую брутальность, но все остальное осталось таким, каким я помнила: его глаза, и его руки, и то, как он касался меня. Так касаются только те, кто всю жизнь мечтал об этом, но не мог себе позволить.

На этот раз все будет иначе. Мы не будем спешить, мы будем растягивать каждую минуту, пока пустота внутри не заполнится, пока боль разлуки не утихнет, пока кожа снова не вспомнит, что такое прикосновения. Я буду взбираться по этой лестнице не спеша, пока не доберусь до самой верхней ступеньки. А потом я прыгну вниз и буду лететь – над миром, над небом, выше звезд...

Не понимаю, почему люди так одержимы идеей рая и вечного блаженства. Ведь чтобы попасть в рай, не нужна ни религия, ни священные книги, ни обряды, ни храмы, ни молитвы. Даже умирать не обязательно. Нужен только любимый человек рядом и возможность быть с ним наедине. Очаг и постель, которые я разделю с ним, – вот мой храм. Любовь – вот моя религия. Все, как в той песне, что бабушка часто мурлычет себе под нос: *«Моя церковь не предлагает ничего абсолютно, она утверждает, что поклоняться нужно в постели, а на небо я отправляюсь лишь тогда, когда остаюсь с тобой наедине»* [\[25\]](#).

Вы можете со мной не согласиться, но я – человек, который почти двадцать лет практически ни к кому не прикасался – могу сказать одно: ни небо, ни рай, ни вечная жизнь не сравнятся с блаженством простого прикосновения.

Мы летали всю ночь и вернулись на землю только под утро – вспотевшие, разгоряченные, с крыльями, обгоревшими от сияния самых дальних звезд. Вильям укрыл меня одеялом и прижал к себе. Если и есть вещь более прекрасная, чем встречать рассвет в объятиях любимого человека, то я о ней не знаю.

А потом мы говорили.
А потом мы полетали еще немного...

* * *

Утро почти наступило, почти проникло в комнату. Моя рука лежала на груди Вильяма. Не обжигаясь и не обжигая.

Он коснулся болеметра и спросил, почему я постоянно ношу эти «часы». Я рассказала, что это не часы, а самое настоящее чудо научно-технического прогресса. Что оно реагирует на мою боль и у него только две беды: быстро разряжающиеся батарейки и туго сидящий на руке браслет, который никак нельзя ослабить, иначе он перестанет считывать пульс...

И тогда Вильям сказал, что я могу перестать носить его. Потому что отныне он всегда будет рядом. А если не рядом, то поблизости. И если что-то случится, то он точно доберется до меня быстрее родных.

Я была тронута. Расстегнула ремешок и сняла болеметр, потирая запястье, на котором остался темно-розовый след.

– Как будто кандалы снимаю, – призналась я.

Вильям тронул красную полоску на моем запястье, придирчиво сощурил глаза и сказал:

– Я передумал. Надевай обратно. Мне слишком нравятся потертости на твоей коже.

– Det er for sent. Nå er jeg fri kvinne^[26], – пропела я по-норвежски, давясь смехом.

– Ты говоришь почти без акцента, fri kvinne, – умиленно повторил Вильям. – Кто тебя учит?

– Репетитор. И Бекки. И еще я смотрю норвежские сериалы...

– Норвежские сериалы?! По-моему, кое-кто очень увлекся Норвегией.

– С тех пор как в моей жизни появился один норвежец, только о Норвегии и думаю... Надеюсь, и ты любишь Ирландию так же сильно...

– Эту страну, где меня упрятали за решетку, где вечно дождь и слякоть, где снег только раз в три года и где живет самая кровожадная девочка на свете?

– Вильям! – простонала я и натянула на голову одеяло.

– Шучу. Я очень люблю твою страну. А учитывая, что Дублин основали викинги, можно считать, что я просто вернулся на историческую родину.

Давно я так не хохотала, аж слезы навернулись.

– Да, мой викинг, здесь тебе самое место, – выглянула из-под одеяла я. – В этой стране, в этом городе, в этой кровати. Кстати, нам нужно бы поспать хотя бы пару часов до лекций. Как у тебя дела с учебой? Успеваешь нагнать все, что пропустил?

– Нет.

– Ох, а что делать?

– Кажется, кое-кто останется в универе еще на год. Боюсь, не успею разгрести все, что задолжал, до конца года.

– Подожди-подожди, – ахнула я. – Еще год ездить с тобой на лекции, сидеть за одним столом в кафе и демонстрировать всему универу своего горячего норвежского парня? Дай подумать... Господи, кажется, я в восторге!

* * *

«Привет всем! Смотрю, у меня прибавилось подписчиков, с тех пор как я сделала свой Инстаграм открытым. Это здорово! Потому что сейчас я скажу кое-что по-настоящему важное.

Я всегда думала, что обречена быть одинокой. Шансы на то, что я найду совместимого человека, сводились к одному на миллион, если не на миллиард. Но теперь я знаю: каждому из нас кто-то предназначен. Нужно просто искать этого человека, обойти целый свет, заглянуть в сотни глаз, коснуться сотен рук, услышать сотни слов – и наконец узнать его. Всем управляет статистика, в конце концов. Если вероятность встретить своего человека – один к ста, то это значит, что нужно перезнакомиться с этой сотней. Если один на тысячу – то с тысячей. А кто говорил, что будет легко? Или вы думаете, что ваша судьба сама постучит к вам в дверь, пока вы будете сидеть дома и вышивать носовые платки?

Возможно, слово «статистика» звучит не так романтично, как «судьба», но зато на статистику, в отличие от всего остального, можно положиться. Статистика не подведет. Она в результате обставит всех, кто против вас: звезды, невезуху, закон подлости... Если статистика обещает вам один шанс на тысячу, то вы его получите, черт возьми! Только позвольте ей начать работать. Договорились?

А теперь по традиции немного моих стихов, по которым, я надеюсь, вы соскучились:

*Замок разрушен: ни камня на камне,
Теперь заживут все ожоги и раны.
Мой принц даровал мне и трон, и корону,
Я больше не пленница Стигмалиона!
Мне больше не страшно, мне больше не больно,
Он сделал меня счастливой и вольной,
Свободной, как в небе парящие птицы!
Смотрите, как в воздухе пепел кружится,
Как плавятся цепи, как крошится камень,
Как я в его плечи впиваюсь руками,
Как падают звезды, как двое влюбленных
Стоят на руинах Стигмалиона».*

Комментарии (578):

«Впервые плачу, читая Инстаграм...»

«Огромный бокал за вас двоих!»

«Я тоже теперь хочу норвежца. Но только где же его взять?»

«Будь счастлива, ты заслужила! Крейг»

«Это тот редкий случай, когда я советую послать сон подальше и заниматься кое-чем поинтересней! Обнимаю вас крепко! Мишель».

«Продолжай писать стихи про Стигмалион! Стигмалион форэва!»

«Будущая миссис Вибекке Макбрайд мечтает поскорее встретиться с будущей миссис Долорес Веланд и уже купила для этого особого случая бутылку марочного вина. Люблю тебя, Ло!»

«Пообещай, что это не конец истории и ты продолжишь вести свой дневник».

«Jeg elsker deg så mye^[27]. W».

* * *

Я наспех паркую машину у ресторана. Мы договорились поужинать вчетвером: я, Вильям, Сейдж и Бекки – и я, как всегда, опаздываю. Еле-еле успела разделаться с делами в госпитале, принять душ и надеть что-то «более», как говорит Бекс. Вхожу в ресторан и тут же вижу у дальнего окна Сейджа, лениво листающего меню. Ура, на этот раз не я последняя!

– Как твои дела? – Я тискаю брата, плюхаюсь рядом с ним и стягиваю перчатки.

– Лучше просто некуда, – отвечает Сейдж, откидываясь на спинку стула. – А у вас как?

– Парим в облаках, Сейдж. Разучились ходить, – пою я. – За что надо сказать спасибо не только нашим родителям, но и моему изобретательному брату и его девушке!

Сейдж смотрит на меня с теплой улыбкой. Потом опускает глаза.

– На какой стадии приготовления к свадьбе? – интересуюсь я. – Вчера Бекки показала эскиз платья! Господи, какая красота! Она будет так прекрасна, что ты ослепнешь, мой маленький смертный человечек, которому повезло влюбиться в себя богиню, – веселюсь я.

Меня распирает от эмоций, счастье бурлит внутри, и я говорю, говорю, говорю, пока Сейдж не обрывает на полуслове:

– Свадьбы не будет, Лори.

Окружающие нас звуки вдруг исчезают. Мы с братом сидим посреди ледящей тишины. Люди вокруг продолжают говорить и стучать вилками, но я ничего не слышу. Вообще.

– Что произошло? – одними губами произношу я, боясь нарушать эту тишину, как ядовитую паутину.

– Всего лишь еще одна... шалость судьбы, – поясняет Сейдж надломленным голосом и отводит взгляд. Он так бледен, что жутко смотреть.

– Не тяни! Что ты натворил?! Или она?

– Не она. Она не знает. Но я скажу ей сегодня после ужина.

– Значит, ты! Что ты наделал? Изменил ей?

Вымученная улыбка трогает его губы и тут же угасает. Мои предположения явно кажутся ему полной чушью.

– Р-разлюбил? – шепчу я. – Встретил другую?

Сейдж качает головой, вздыхает и стягивает с шеи шерстяной шарф, который я до настоящей минуты считала просто элементом его нового стиля.

Его шея усыпана бордовыми пятнами, в форме которых я безошибочно узнаю отпечатки кончиков пальцев и оттиски губ. Но это не засосы.

Это ожоги.

– Я не понимаю, – говорю я, нервно сглатывая. Я не понимаю ровным счетом ничего.

– Эта... гребаная аллергия – она есть и у меня тоже. Просто начала проявляться только сейчас. Я не подозревал. Ну а теперь все и так ясно. Последние пару месяцев начал замечать раздражение на коже после секса с Бекс...

– Нет! Нет... – Я пересаживаюсь на другой стул, поближе к нему, и обнимаю одной рукой.

– А потом начало жечь во рту после поцелуев... И еще кое-какие подробности, которые я оставляю при себе.

– Вы справитесь! Если это та же болезнь, что и у меня, то горячая вода... И спреи...

– Даже слышать об этом не хочу.

– Почему?!

– Потому что хочу, чтобы она жила полной жизнью. С кем-то... нормальным. Хочу, чтобы она была с тем, кого не будет бояться ненароком убить... С тем, с кем не нужно обращаться, как с фарфоровой вазой! Я уже все решил, – добавляет он и подает официанту знак.

Я молчу, пока он делает заказ. Пока нам приносят воду и разливают в стаканы. Пока Сейдж снова наматывает на шею шарф, который делает его похожим на парня из модного каталога. Очень бледного парня с очень грустными глазами... Как странно видеть таким потерянным человека, чья мудрость, дерзость и драйв так щедро подпитывали меня всю мою жизнь.

– Жизнь ничего не дарит, только одалживает на время – так говорят? Пришло время возвращать все обратно. Все, что у меня было.

– Замолчи! – вскрикиваю я так громко, что люди вокруг начинают оглядываться. – Сколько раз! Сколько раз ты говорил мне, что нельзя сдаваться! Что выход будет! Что нужно верить! И вот теперь...

– Я неплохой советчик, когда дело не касается меня самого, не так ли? – меланхолично острит он. – Долорес... Давай проведем этот вечер, как будто ничего не случилось. Как будто все это, – он указывает на свою шею, – просто мой страшный сон. Как будто жизнь продолжается.

– А она и продолжается! Просто теперь ты очень полюбишь горячую воду, болван, – говорю я сквозь слезы. Мой подбородок предательски дрожит, руки трясутся, а сердце вообще трепыхается внутри, как подбитое.

Сейдж натянуто улыбается в ответ и наливает мне вина из только что принесенной официантом бутылки.

– Начали без нас? – восклицает Бекки за спиной, да так неожиданно, что мы оба вздрагиваем. – Ах вы, маленькие ирландские алкоголики!

Бекс звонко смеется и садится рядом с Сейджем, обвивая его руками. Она снова перекрасила волосы. На этот раз – самый спокойный и красивый цвет из всех, что были раньше: каштановый с золотистыми всполохами. Он придает ей серьезность и какую-то особенную красоту, взрослую красоту. Надеюсь, она сохранит его до свадьбы и не выкрасит волосы накануне церемонии в голубой или красный!

Вильям опускается рядом и касается губами моего виска. Мой парень выглядит, как бог, улыбается, как король, и, как обычно, излучает невидимые, но ощутимые волны счастья и секса. Обычно я не могу оторвать от него глаз, но сегодня они снова и снова тянутся к брату.

Я украдкой наблюдаю за тем, как Бекки целует Сейджа в губы, и как он торопится запить ее поцелуй вином. Как вздрагивает его рука, когда на нее опускается ладонь Бекс. Как пристально Сейдж смотрит на Бекки, словно не может насмотреться. Как он вполуха слушает ее щебет о предстоящей свадьбе и чертовски умело делает счастливый и беззаботный вид.

И тогда я перевожу взгляд на Вильяма и понимаю, как сильно, безумно, слепо и отчаянно я ценю то, что у нас есть. То, что пока никто не отнял. Но то, что так легко потерять. Я сжимаю его руку под столом, и он сжимает мою в ответ. Мне хочется плакать от боли за брата, но я не позволю себе испортить этот ужин.

И еще я не позволю ему сдаться.

Я буду бороться за него, как он когда-то боролся за меня.

Ведь борьба – это единственное, что может заставить Бога открыть свою базу данных, разыскать наши профайлы среди семи миллиардов и переписать наши судьбы.

Письма, без которых эта книга не была бы полной

Январь, 2008 год.

От кого: Эми Макбрайд

Кому: Ингрид Веланд

Дорогая Ингрид!

Не хватит никаких слов, чтобы описать, как мы сожалеем о случившемся. Пожалуйста, напиши, как там Вильям. Все ли в порядке с рукой? Как его состояние? Мы очень переживаем.

Единственное объяснение, какое я нахожу всему тому, что сделала Долорес, – это ее изолированность от других детей, чувства к брату, которого она боится потерять и которого ревнует ко всем подряд, и еще череда прискорбных случайностей. Мы с Ральфом уверены, что Долорес сама не подозревала, что может произойти, и насколько яростно собака примется исполнять команду. Хэйзел всегда отличалась уравновешенным нравом и никогда ни на кого не нападала, иначе бы мы давно приняли меры.

Долорес очень сожалеет о случившемся. Постоянно спрашивает о *мальчике из Норвегии*, она потрясена, часто вскакивает ночью, рыдает и не может уснуть. В последний раз она проснулась с криками «Прочь, Хэйзел! Отпусти его!»

Ингрид, пожалуйста, не исчезайте, оставайтесь на связи с нами. Я понимаю, что теперь все сложно исправить, но продолжаю надеяться на то, что однажды Вильям и Лори вырастут и найдут общий язык. Ведь у них нет иного пути обрести счастье, кроме как друг с другом. Лори будет очень несчастна, как только осознает, что не может жить полной жизнью, не сможет ни к кому прикоснуться. И Вильям тоже. В наших силах подтолкнуть их друг к другу. В наших силах исправить то, что случилось. Лори совершила ужасный проступок – пожалуй, один из самых страшных, какой только может совершить ребенок. Но она не чудовище. Она просто маленькая несчастная девочка, которой бог не даровал счастье быть такой, как все.

На всякий случай я прикладываю заключение психиатрической экспертизы: Долорес – вменяемый, адекватный ребенок, очень ранимый и

чувствительный. У нее наблюдаются проблемы с социализацией, она с настороженностью относится к незнакомцам и очень ревностно – к членам семьи. Но все эти проблемы, вероятно, уйдут с возрастом. Мы приложим усилия, чтобы к университету она не испытывала сложностей в общении с другими людьми.

Ингрид, обнимаю и очень жду письма от тебя.

Эми Макбрайд

* * *

Февраль, 2008 год.

От кого: Ингрид Веланд

Кому: Эми Макбрайд

Здравствуйте, Эми и Ральф.

Вынуждена признать, что вся эта затея со знакомством Вильяма с Долорес была ошибкой. Я не знаю, есть ли хоть какой-то шанс вернуть все к исходной точке. Подозреваю, что нет. Вильям очень сильно пострадал. Физически и морально. Два пальца на его левой руке пришлось ампутировать, так как мягких тканей на них практически не осталось. Он очень переживает по этому поводу – вернее сказать, пребывает в шоке. У него тяжелое посттравматическое расстройство, высокий уровень тревожности и повторяющиеся кошмарные сны. Плюс тяжелая психогенная амнезия – он не способен воспроизвести в памяти подробности всего того, что случилось. Избегает разговоров о том, что произошло, находится в состоянии постоянного ожидания угрозы.

Все это очень страшно. Сейчас мне кажется, что мы скорее попытаемся найти лекарство от этой чудовищной аллергии, чем снова переступим порог вашего дома. Я верю заключению вашего психиатра, но не готова рискнуть сыном еще раз.

Я узнала, что ваша собака, которую должна была усыпить служба по контролю за животными, таинственным образом исчезла. Что ж, зря вы это затеяли, Эми. Ваша собака – смертельно опасное животное, которому не место рядом с людьми. Надеюсь, вы не пожалеете об этом решении.

Всего наилучшего,

Ингрид

* * *

Февраль 2008

От кого: Сейдж Макбрайд

Кому: Вибекке Веланд

Привет, Бекки!

Наверное, ты отправишь это письмо сразу в мусорку, но я должен был попытаться. Прости за все, что сделала моя сестра твоему брату. Как он? Я надеюсь, в порядке. Не для галочки пишу, а правда надеюсь.

Вокруг творится что-то дикое: врачи, психиатры, без конца рыдающая мать, мрачный отец, перепуганная и заторможенная Долорес. История разлетелась по всему городу: люди чуть ли пальцем не показывают. Уже пару раз пришлось драться в школе: Долорес называют чокнутой и психопаткой. Впервые в жизни рад, что она не ходит в школу, иначе бы ей пришлось несладко.

Бекки, она не такая. Я же знаю. Она очень ласковая и добрая. Только чужих не любит. Понимаю, что звучит, как полный наивняк, но просто поверь мне, прошу. Знаю, что ты вряд ли ответишь, но если вдруг да, то напиши, правда ли, что у твоего брата такая же болезнь, как у Долорес и что у них нет аллергии друг на друга? Я услышал, о чем говорили родители, но до конца не смог поверить. Если это так, то Долорес не просто пожалеет обо всем случившемся. Она с ума сойдет, когда подрастет и поймет.

Если бы я знал, что такая дичь может приключиться, я бы глаз с нее не спускал, я бы запер ее в комнате и съел ключ. Я бы столько всего мог сделать, если бы знал...

Но я не знал.

Прости за это.

Сейдж

* * *

Февраль 2008

От кого: Бекки Веланд

Кому: Сейдж Макбрайд

Привет, Сейдж.

Я не держу ни на кого зла. Мне жаль брата, но чем помогут делу злоба и ненависть? Вот родители злятся: отец рвет и мечет, мама и того хуже. Не знаю, смогут ли они когда-нибудь оправиться. Вильям, я думаю, с катушек бы слетел, если б узнал, что я пишу тебе письмо. Он знать ничего не хочет ни о Долорес, ни о вашей семье, ни об Ирландии. Его аж передергивает, как только кто-то из нас заикается о произошедшем. Бедный, бедный Вильям... Только бы он с ума не сошел! Он стал таким замкнутым, и настороженным, и агрессивным. Психотерапевт посоветовал ему заняться плаванием, чтобы снимать стресс. Надеюсь, это поможет.

Да, Вильям болен той же болезнью, что и твоя сестра. Ты в курсе, что наши родители знают об этом уже много лет? Они даже обменивались по почте игрушками и вещами Вильяма и Долорес, чтобышний раз убедиться, что они совместимы. Родители строили большие планы. А теперь, насколько мне известно, даже не переписываются. Я нашла письмо от твоей мамы в мусорном ведре. Приберегу его для истории и надеюсь, что мы однажды сможем снова встретиться. Ты очень милый, Сейдж. Спасибо, что написал. Жаль, что Ирландия теперь – последняя страна, куда меня отправят на каникулы.

Бекки.

* * *

Январь 2008

От кого: Аманда Стэнфорд

Кому: Эми Макбрайд

Что значит, больше не отвечают на письма? Отправь еще одно! Эти норвежские господа просто так не отберут у нас этого мальчика. Если не ответят, то, клянусь богом, я полечу в этот их Осло и доходчиво объясню, почему на письма надо отвечать.

Знаю, что ты на это скажешь: они в обиде и имеют на это право. Но я скажу вот что: обида обидой, но мы с ними повязаны на веки вечные. По крайней мере, до тех пор, пока врачи не научатся лечить эту проклятую аллергию. И ради счастья наших детей мы обязаны найти выход из сложившейся ситуации, а не сидеть и дуться. Это наша святая обязанность. Пришли мне номер телефона Веландов, я попробую поговорить с ними. Рано или поздно, но этот мальчик будет принадлежать Долорес. А Долорес

найдет способ вымолить у него прощение. Детям бывает сложно договориться, но взрослые парень и девушка сумеют это сделать.

Целую, мама

PS: Хэйзел очень скучает по вам. Не ест, лежит пластом у камина, ничего не хочет. Как будто начинает осознавать, что натворила вместе с Лори. Ветеринар говорит, что ничего сделать нельзя, только ждать. И тогда она либо привыкнет к новому дому, либо... Ладно, ни к чему нагружать вас сейчас еще и этим. У нас у всех все будет хорошо. У меня, Аманды Стэнфорд, нет никаких сомнений.

Целую мою славную дочь в носик,
Мама.

* * *

Октябрь 2010

От кого: Ингрид Веланд

Кому: Эми Макбрайд

Здравствуй, Эми.

Как ты? Как твоя семья? Как Долорес? Прошло два года с тех пор, как я отправила тебе последнее письмо, за резкий тон которого мне до сих пор стыдно. Прости меня за него. За то, как бездумно я пыталась уйти от того, от кого нельзя было уходить.

Многое изменилось. Вернее, изменилось все. Вильяму уже семнадцать. Проявления его аллергии не только не уменьшились, как надеялись доктора, но наоборот – стали сильнее. И это убивает его. Он очень привлекательный парень, душа компании, у него много друзей в школе и в команде. Он серьезно увлекся хоккеем. Этот спорт – один из немногих командных, где его коже не придется контактировать с кожей других игроков. Они играют в такой плотной экипировке! И это здорово. А еще дайвинг – его новая страсть. Костюм для погружения защищает его, как вторая кожа. Мечта, а не спорт...

Но, к сожалению, никакие развлечения, никакой спорт не способны остудить в нем жажду и тоску по прикосновениям. Сначала мне казалось, что инстинкт самосохранения возьмет свое, но нет – ничто не способно остановить того, кто жаждет любви. Девушки, девушки, девушки и – ожоги, ожоги, ожоги. Он заставил нас отправить его в другую школу, где

никто не знает о его болезни, и держит это в строжайшем секрете. Ведет обычную жизнь, постоянно чем-то занят и не приемлет никаких ограничений. Я подозреваю, что он нашел способ уменьшать проявления аллергии, потому что я пару раз видела, как он держался за руки с какой-то девушкой – то ли чем-то покрывает ладони, то ли еще какие-то секреты. Но эти трюки не всегда срабатывают. Он уже трижды за последние полгода лежал в больнице: обожженные ладони, грудь, лицо... Выходил и снова брался за свое. Никакая боль, никакие раны, никакая опасность не могут заставить его отказаться от стремления жить полной жизнью. Одна часть меня понимает и поддерживает его, но другая хочет просто раскидать всех девчонок, что липнут к нему, увезти его на край света и больше никогда не видеть его на больничной койке с кислородной маской на лице!

Эми, вы должны нам помочь! Долорес только двенадцать, я знаю, и, вероятно, вы еще не столкнулись с проблемами переходного возраста, но, поверь мне, они рано или поздно возникнут. Однажды она захочет быть любимой, захочет настоящих отношений, внимания, нежности. Это случается со всеми, это неизбежно. И Вильям смог бы дать ей все это, смог бы спасти ее. А она бы спасла его.

Если к тому времени, когда она подрастет, Вильям не перегнет палку и все еще будет... жив, то, бога ради, помогите нам. Мы с мужем отправим его учиться в Ирландию, если это поможет делу, приложим все силы, чтобы он смог простить Долорес, пойдем на любые условия, чтобы спасти нашего сына...

Очень жду ответа,
Ингрид

* * *

Февраль 2011

От кого: Вибеке Веланд

Кому: Сейдж Макбрайд

Привет, Сейдж!

Во-первых, сегодня ровно три года и три месяца с тех пор, как ты написал мне первое письмо:)

Во-вторых, ты не представляешь, что произошло! Мы с Вильямом будем поступать в Тринити-колледж! Я буду изучать маркетинг и рекламу, а он – инженерии чего-то там! Я на седьмом небе, Сейдж! Ведь мы будем

учиться в одном университете! Вильям, правда, не в восторге. В Ирландии же не бывает снега – никакого тебе скейтборда и лыж, и с хоккеем туго. И воспоминания об Ирландии у него не самые лучшие, ну, сам понимаешь... Но родители настаивают и очень сильно. Нашли миллион причин, почему Тринити – университет номер один в их списке. Пообещали оплачивать Вильяму поездки в Норвегию так часто, как он того захочет. Я подозреваю, в чем причина, но пока тс-с! Держим все в секрете:)

Уже в сентябре мы встретимся! А-а-а! Не верю! Мне еще никогда не хотелось взяться за учебу и экзамены так старательно! Пиши, че да как!

P.S. Понимаю, что это слегка преждевременно, но ты встречаешься сейчас с кем-нибудь? (умирающий от стыда смайл)

Бекс

* * *

Февраль 2011

От кого: Сейдж Макбрайд

Кому: Вибекке Веланд

Ты же не шутила, да?:) Потому что я уже минут десять туплю с улыбкой в монитор. В Тринити-колледж! Этой осенью! С тобой! Похоже на сон!

Я тоже догадываюсь, ради кого все это затеяно, но... Тс-с. Я могила.

Скажи Вильяму, что с хоккеем тут и правда туго, но зато с дайвингом все о'кей. А лучше не говори! Он же все еще не в курсе, что мы переписываемся, да? Наверно, лучше пока держать это в секрете. А то вдруг психанет.

Твой вопрос застал меня врасплох:) Я ни с кем не встречаюсь, Бекс. Как ты относишься к этой новости?:) С.

* * *

Март 2014

От кого: Ингрид Веланд

Кому: Эми Макбрайд

Дорогая Эми!

Я считаю дни до того момента, когда Долорес наконец придет в университет. Как жаль, что нельзя сделать это прямо сейчас... Когда я вижу, как все наши планы рушатся, меня охватывает такое отчаяние! Вильям начал встречаться с какой-то девушкой. Она милая, талантливая, из хорошей семьи, и, если бы не его болезнь, я бы только возрадовалась. Но она опаснее для него, чем бензин и спички! Сегодня он снова попал в больницу. Я приехала к нему, прилетела последним самолетом из Осло, и... Это было ужасно, Эми. Все лицо и вся шея – в ожогах. Что там ниже – даже представить боюсь... Мы ужасно поссорились. Я предупредила его, что если это повторится еще раз, то он возвращается в Норвегию. И больше никаких университетов. Потому что это уже перешло все границы. Эта девушка, оказывается, знает о его аллергии, но, похоже, не осознает всей серьезности ситуации. Для нее это что-то вроде опасной игры. Она не понимает, что может убить его, и это хуже всего. На Вильяма повлиять я уже даже не пытаюсь, поэтому планирую встретиться и поговорить с Айви. Господи, только бы все это было несерьезно и ненадолго. Конечно, они уже успели съездить вместе в Норвегию, а она успела сделать его героем своего фотопроекта, но я не перестаю надеяться, что Долорес придет в университет и – все изменится.

Я остановилась в гостинице в Дублине, могу заехать завтра к вам в гости, если Долорес не будет дома.

Обнимаю,
Ингрид

* * *

Август 2016

От кого: Аманда Стэнфорд

Кому: Эми Макбрайд

Дорогая дочь, возрадуйся, твой сын и мой внук в надежных руках. Сейдж приехал на все выходные и привез свою чудную девушку. Ты знала, что он встречается с дочерью Веландов? Знала?! Признавайся! Потому что узнавать обо всем последней – это обычно не про меня. Не понимаю, как так вышло!

Мальчишка не промах! Как же она хороша и умна. Если ее брат похож на нее хотя бы наполовину, то я буду спокойна за Лори. Осталось придумать, как все устроить. Все – это все: их знакомство, отношения,

свадьбу и кучу правнуков для старой прабабушки. Вы уже жилье для Лори нашли? Она обязана поселиться в том же доме, где живут Бекки с Вильямом. Насколько мне известно, там полдома сдается студентам. Если квартир свободных нет, я просто пройду по этажам и предложу кучу денег тому, кто готов съехать немедленно. Я не шучу, ты же понимаешь. Какие тут могут быть шутки. Все остальное возьмут на себя Сейдж и Бекки. Я верю в этих ребят. Недаром он учится на юридическом, а она изучает рекламу. Я всегда говорила, что юристы и рекламщики – величайшие на свете хитрецы и пройдохи.

Обнимаю крепко-крепко,
Мама.

* * *

Ноябрь 2016

От кого: Долорес Макбрайд

Кому: Мишель Марстерс

Дорогая Мишель, со мной все в порядке. Не выкладываю ничего в Инстаграм, потому что... Ладно, думаю, стоит поговорить с кем-нибудь обо всем, что произошло. А произошло столько безумных вещей!

Я отчаянно влюбилась.

Я впервые провела ночь с парнем.

Меня отвергли на следующий день.

Неделю я не выходила из квартиры и почти не ела.

Я упала на лестнице и повредила позвоночник.

Завтра меня будут оперировать.

Из всего этого никак не складывается «жизнь прекрасна». Но я ни о чем не жалею. Ни о том, что познакомилась с ним. Ни о том, что влюбилась в него. Ни тем более о том, что между нами произошло. Я жалею только о том, что потеряла сознание на лестнице. Вот этого бы я хотела избежать. Я не люблю больницы, не переносу с детства, как же мне здесь тоскливо и плохо...

Врач сказал родителям, что у меня не только травмы, но и истощение. Что у меня дефицит веса и томограмма такая, будто я неделю не спала.

Ну, допустим, так и есть: я неделю не спала, но современные методы диагностики меня, откровенно говоря, пугают. Боюсь, скоро дойдет до того, что взрослые будут в состоянии определить не только, сколько ты не спала,

но и *из-за* кого. А также его имя, адрес и все, что он делал с тобой ночью. Бр-р, представила?

Лежу в постели и думаю, думаю, думаю о том, где мы были, что мы говорили, что делали. И мне хорошо и больно одновременно. Любить – это как сдирать зудящую корочку с заживающей ссадины: и больно, и приятно, и чревато некрасивыми шрамами...

Спасибо, что спросила, как у меня дела. Теперь напиши, как ты.
Лю.

* * *

Январь 2017

От кого: Аманда Стэнфорд

Кому: Ральф Макбрайд

Дорогой Ральф.

Муж моей единственной дочери, отец моих обожаемых внуков и свет очей моих. Нет-нет, я не пьяна. Ну разве что самую малость. Ночь покера удалась на славу, жаль, что у вас с Эми, как обычно, дел невпроворот. Я знаю, ты не любишь, когда я звоню вам под хмельком, поэтому я решила написать. А написать нужно именно сейчас, потому что, боюсь, завтра смелость оставит меня...

Ральф, у меня рак поджелудочной железы. Поздняя стадия. Опухоль уже проросла в желудок, кишечник и печень. Врачи дают максимум полгода. Не говори моей дочери и моим внукам, я должна собраться с силами и сказать им сама. Все жду подходящего момента, если он вообще существует. Как представлю их лица, их слезы... Еще и в клинику уложить захотят, спорь с ними потом, доказывай, что я хочу умереть дома, в постели с любовником, а не в хосписе, провонявшем хлоркой, чужими горшками и отвратительными духами медсестер с плохим вкусом...

Но хватит обо мне. Это не столь важно. Я прожила долгую, полную впечатлений жизнь. У меня было все: любовь, деньги, путешествия, приключения, легальные и не очень радости, добрые друзья, горячие любовники, завистливые враги – все, о чем такая женщина, как я, только мечтать может. Пришло время уйти на покой. Но как же хочется, чтобы у моего хрупкого цветочка, у крошки Долорес, было все, о чем она мечтает. Я завещаю ей и Сейджу большую часть своего состояния, но есть кое-что, чего не купишь за деньги: это любовь и радость прикосновений... и дать ей

их может только этот норвежский мальчишка. Его нельзя упустить, они созданы друг для друга. И это очевидно всякому, кроме них двоих.

Что они творят, эти двое, я все в толк не возьму. Встречаются не с теми, целуют не тех, обжигаются, лежат в больницах... То Вильям бежит за какой-то другой девицей. То Долорес приводит в родительский дом какого-то юношу, а потом и вовсе тащит к себе в квартиру. Дай бог здоровья Бекки и Сейджу, что вовремя устроили потоп! Но одними потопами делу не поможешь. Пришла пора помочь этим детям разобраться, что к чему. Пора устроить им небольшое испытание.

Ральф, дорогой, умоляю тебя, не бросай письмо в мусор, прочти до конца. Мне осталось всего полгода, я имею право на последнее желание. А оно таково: мальчик Веландов должен немного...

Отдохнуть за решеткой.

Погоди закатывать глаза. Этим детям нужны испытания. Им нужны *настоящие* испытания, а не то они, глупые, так и не поймут, что Господь Бог создал их друг для друга.

И одно настоящее испытание будет стоить тысячи наших уловок. Да и времени на уловки больше нет. Больше нет времени брызгать упрямым детишкам холодной водой в лицо, надеясь, что они прекратят играть в опасные игры и обратят друг на друга внимание. Теперь я хочу, чтобы эти двое рухнули в ледяную реку с головой. Чтобы их протащило под толщей льда, пронесло сквозь бурлящие воды и выбросило на берег среди скал и голодных медведей. Чтобы им, наконец, пришлось сражаться друг за друга!

Ральф, я в курсе, что судья Маклахлан, этот красномордый индеек, – твой закадычный дружок. Своими глазами видела, как он отплясывал десять лет назад на вашей с Эми «хрустальной» свадьбе! И помню, что наклюкался так, что хватал за попу подружек Эми, а потом уснул под столом. Только о вашей дружбе мало кто знает, а вы, по долгу службы, ее не афишируете.

Уверена, связей с начальниками тюрем у тебя тоже предостаточно. Так что мальчонке даже можно найти симпатичную камеру с занавесками на окошках и охранниками с манерами ясельных воспитателей...

И вот пусть он там немного посидит!

А Лори пускай слегка понервничает.

И когда мальчик выйдет, то мы все вздохнем свободно, Ральф. Твоя дочь наконец поймет, что к чему, и ей больше не будет грозить смерть от ожогов. Я напишу Веландам и, уверена, они согласятся на что угодно, лишь бы больше не видеть своего сына в объятиях несовместимых с ним девиц. Они согласятся, вот увидишь.

Дело за тобой, Ральф. Одно слово Маклахлану за бокалом «Гиннесса» – и ты спасешь свою дочь.

И меня заодно, дорогой. Аманда Стэнфорд умрет с улыбкой на устах, зная, что ее сладкая куколка Долорес будет любить и будет любима. И скажи Маклахлану, пройдохе, что я замолвлю за него Господу словечко. Уж оно ему не помешает.

* * *

Январь 2017

От кого: Вильям Веланд

Кому: Вибекке Веланд

Бекс, я сяду. Условным не отделаюсь. Подсказывает какое-то шестое чувство. Вчера отправился в клуб понырять. Что-то погнало меня туда, потащило. Как будто какая-то часть меня уже знает, что в следующий раз до моря доберусь не скоро. Вернулся затемно, не мог заставить себя уехать...

Бекс, если это случится, то позаботься о Долорес. Не дай ей увязнуть в тоске, помоги пережить все это. Ты можешь охранять ее даже там, где не сможет никто другой. Увести с сомнительной вечеринки, не дать выпить лишнего, подставить плечо, выслушать, не осуждая, – лучшей подруге по силам то, чего не сможет сделать даже ангел-хранитель. Я не думаю, что Лори может натворить каких-то глупостей, но не хочу, чтобы она снова оставалась одна. Не хочу думать о том, что она будет снова страдать в одиночестве. Бери ее везде с собой, познакомь с нашей тусовкой: эти клоуны не дадут ей заскучать. Сделай все возможное, Бекки. Долорес – все, что у меня есть.

И еще: любые попытки свести нас с Лори вместе должны прекратиться. Она еще не решила, хочет ли быть со мной, но должна принять это решение сама. Отношения – это не новое платье, которое можно приобрести по совету подруг и легко выбросить, если оно не сядет, как надо. Отношения – это скорее вторая кожа, которую к тебе пришьют по живому. И будут отдирать по живому, если они не сложатся. Это серьезно, и я не хочу, чтобы наши сумасшедшие родственники лезли во все это.

Я еще поговорю с нашими родителями об этом, но если до них не дойдет – возьми это на себя, Бекс. Тебя они послушают. Огради Долорес от их намеков и влияния. Я желаю быть с ней больше всего на свете, но хочу,

чтобы ко мне ее привело сердце, а не эксцентричная бабуля, которая считает, что у Долорес нет иных шансов обрести счастье.

Договорились? Ты не брала трубку, так что решил написать тебе в почту. В.

* * *

Июнь 2017

От кого: Вибекке Веланд

Кому: Сейдж Макбрайд

Ну и долго ты еще собираешься избегать меня? Я не оставлю тебя, пока жива. Хочешь избавиться от меня – тебе придется нанять киллера, дурачок. Не сдамся, не сдамся, не сдамся!

Я выросла рядом с парнем, у которого аллергия на прикосновения. Я знаю обо всем этом больше, чем кто-либо. Сама судьба готовила меня к этому. И теперь я хочу использовать свои знания и сделать тебя счастливым, идиот! И сделаю. Можешь бегать от меня сколько угодно, но все закончится свадьбой, хочешь ты того или нет. Ты мой, Сейдж Макбрайд. Ты самый удивительный человек на свете, и ты предназначен мне. Я люблю тебя и надеюсь, ты хорошенько поплачешь над моим письмом (как плачу сейчас я). А потом придешь ко мне и позволишь себя утешить.

* * *

Июль 2017

От кого: Долорес Макбрайд

Кому: Аманда Стэнфорд

Бабушка, привет тебе из самого сердца норвежских гор!

Связь тут не очень, так что я решила написать письмо. Знаешь, я счастлива. Эти два слова так точно передают мое состояние. Я счастлива, как еще никогда!

Вчера мы катались на лодках по Нур-фьорду и жарили рыбу на огне, сегодня взобрались в горы и прошли целых восемь километров. Кажется, я унаследовала родительскую «североманию». Я теперь тоже думаю, что

никакие пляжи с пальмами не сравнятся с отдыхом на севере.

Бабушка, какая же здесь природа! Когда стоишь на вершине Кафедры Проповедника и перед тобой расстилается ущелье, наполненное синей морской водой, а вокруг – солнце и ветер, небо и горы, то хочется кричать от восторга, плакать от счастья.

А эти ночи у костра, когда над тобой – триллионы звезд, а под тобой – камни, которым миллиарды лет, да и сама ты вся состоишь из звездной пыли – из атомов, которые когда-то принадлежали звездам. Ведь это взорвавшиеся светила породили кислород, углерод, азот и железо. Каждый атом в нашем теле – это частица погибшей звезды. Так что, ба, не только твой Иисус – звезды умерли, чтобы мы жили!

Может быть, поэтому космос так манит нас? Может быть, поэтому все проблемы кажутся ничтожными, когда я лежу ночью в палатке и смотрю сквозь окошко на Млечный Путь?

Кстати, я вчера отправила тебе в «WhatsApp» целую кучу фотографий, а ты их до сих пор не посмотрела. Там я и Вильям (вконец ошалевшие от счастья). И наша палатка. И наш огромный костер. И северное сияние! И, господи боже, лоси!

Загляни в приложение. Я хочу привезти тебя сюда и показать тебе все эти горы, и небо, и фьорды. Тебе понравится! А еще ты снилась мне сегодня. Выглядела совсем девчонкой, как на твоих старых фотографиях, улыбалась мне и гуляла вместе с Хэйзел по заросшему одуванчиками полю. И белый пух летал кругом, как волшебная пыль...

Хэйзел здесь тоже понравилось бы. Вчера показалось, что я вижу ее призрак – большая собака стояла на выступе скалы и смотрела на меня. Вильям тоже ее видел и предположил, что это чья-то пастушья овчарка, но, клянусь, силуэт скорее принадлежал аките. Я позвала ее по имени, и мне даже почудилось, что она весело замахала хвостом! А потом она исчезла в сгущающихся сумерках...

Наверно, это все от избытка свежего воздуха. Мои сны, видения, мысли, чувства – все такое особенное. Я словно попала в сказку. И хочу, чтоб эта сказка не заканчивалась.

Метеоры по ночам сыплются с неба дождем – я каждый раз загадываю желание, и каждый раз одно и то же: пусть наша с Вильямом жизнь продлится достаточно долго, чтобы мы успели насладиться тем, что обрели.

Я боюсь, аллергия на прикосновения – это еще не все, что нам уготовано. Кто знает, может, проявления болезни со временем станут тяжелее, и мы совсем не сможем находиться среди людей. Не сможем

учиться, работать и проводить время с близкими. Или окажется, что такие люди, как мы, живут совсем недолго и умирают в тридцать лет от сбоя в иммунитете. Или – самое страшное, даже думать об этом не хочу – мы перестанем быть совместимыми.

Вдруг эта битва еще не закончена.

Вдруг чудовища Стигмалиона снова пустятся по нашим следам.

А раз так, то я буду ценить каждый день как последний. Каждое утро я буду открывать глаза и принимать бесценные дары Вселенной: пространство и время, тепло и свет, землю под ногами и сияние звезд над головой.

Жизнь ничего не дарит, только одалживает на время, поэтому нужно спешить. Я хочу все успеть. Прокатиться на всех каруселях, пока этот парк аттракционов не закрылся. Перепробовать все десерты, пока мне не сказали, что праздник окончен. И наконец то, чего я хочу больше всего: просыпаться каждое утро от того, что меня обнимают. Чувствовать, что моя кожа касается чужой кожи, и знать, что мне ничто не грозит.

Что я спасена и можно ничего не бояться.

Что можно просто закрыть глаза и наслаждаться тем, что ты свободна и любима.

Конец

Благодарности

В первую очередь хочу выразить благодарность всем, кто ждал эту книгу! Ваш интерес, нетерпение и вопросы «ну когда же?» очень сильно мотивировали меня. Я знала, что каков бы ни был результат, вы искупаете меня в своей любви, а такую поддержку сложно переоценить.

Огромное спасибо моим друзьям и любимому человеку, которые терпеливо прочли первый черновик и помогли сделать эту книгу лучше. Вы – мое всё!

От всей души благодарю моего редактора Алёну Щербакову за ее энтузиазм и участие, а также главного редактора АСТ-Mainstream Сергея Тишкова, который год назад в ответ на мои сомнения по поводу продолжения писательской карьеры сказал: «Ничего не знаю, мне нужна еще одна книга!» (ты не представляешь, как много это для меня значило!).

И, конечно же, я в вечном долгу перед всеми читателями, рецензентами и книжными блогерами, чьи отзывы и впечатления – это самая лучшая награда. Я невероятно горжусь тем, что такая потрясающая аудитория читает мои книги. А если вы еще и остаетесь довольны, то мне больше мечтать особо не о чем:)

Вы всегда можете связаться со мной по этому электронному адресу: kristina.stark.author@gmail.com, и я с удовольствием прочту ваше письмо.

Кристина Старк

Декабрь, 2017

notes

Что, если очнусь я в этом жутком склепе взаперти – а Ромео
рядом нет?
Что, если воздух кончится быстрее,
Чем он найдет меня и выведет на свет?
Как страшно задохнуться в этой тьме,
Прежде чем явится спасение ко мне.

– У. Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Hazelnut (англ.) – лесной орех. – *Здесь и далее – примечания автора.*

Графство на севере Ирландии.

Хочу твоей любви. И хочу твоей мести (*фр.*)

Здесь и далее цитируется в переводе автора текст песни «Believe» канадского певца Джастина Бибера.

Цитируется в переводе автора текст песни «As long as you love me» канадского певца Джастина Бибера.

Shamrock Rovers – ирландский футбольный клуб из Дублина. Самый титулованный футбольный клуб Ирландии.

Имя Айви (Ivy) в переводе с английского означает плющ. Сок плюща ядовит.

«Walking On Cars» – ирландская альтернативная рок-группа.

Цитируется в переводе автора текст песни «Don't Mind Me» ирландской группы «Walking On Cars».

Здесь и далее цитируется в переводе автора текст песни «Like It Doesn't Hurt» канадской певицы Charlotte Cardin.

Киш лорен (*фр.* quiche lorraine) – блюдо французской кухни.

13

Ты сводишь меня с ума (*норв.*)

Ты все, что мне нужно (*норв.*)

Я хочу, чтобы ты была моей (*норв.*)

Цитируется в переводе автора текст песни «Way Down We Go» британской блюз-рок-группы Kaleo.

Rage – ярость (*англ.*)

6'2 дюйма – 189 сантиметров.

An Garda Síochána – название ирландской полиции.

Инициалы имени Вильяма: William Veland.

Добро пожаловать (*норв.*)

Тюрьма в Дублине, одна из крупнейших.

Медальон смерти – металлический жетон, позволяющий идентифицировать военнослужащего, в частности, быстро опознавать убитых и раненых в боевых условиях. Обязателен к ношению при себе для всех военнослужащих.

«Люблю тебя» (норв.)

Цитируется в переводе автора текст песни «Take Me To Church» ирландского певца Hozier.

Слишком поздно. Теперь я свободная женщина (норв.)

Я очень сильно люблю тебя (норв.)